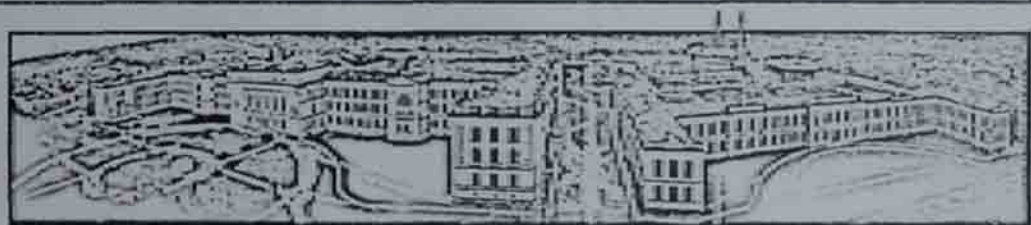

СПб. ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

К 60-летию Великой Победы

Санкт-Петербургский
государственный политехнический
университет в XX-начале XXI века

Исторические очерки
о его руководителях

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2005

Федеральное агенство по образованию
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

К 60-летию Великой Победы

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет в XX—начале XXI века

Исторические очерки
о его руководителях

Под редакцией *Н.П. Гербылевой*

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2005

УДК 378.4 (470.23-25) (09)

ББК 72г

С184

Рецензент — доктор философских наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук, академик Всемирной академии наук, искусства и культуры, лауреат премии имени А.Г. Неболсина *Б.И. Иванов*.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет в XX—начале XXI века. Исторические очерки о его руководителях / Н.П. Гербылева, Л.А. Моторина, И.В. Журавлева, Т.Н. Исьянова, А.Г. Нагибина, К.К. Вишняков-Вишневецкий, В.П. Иванов, А.А. Смирнова; Под ред. *Н.П. Гербылевой*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. 460 с.

ISBN 5-7422-0418-3

Сборник исторических очерков о директорах-ректорах Санкт-Петербургского государственного политехнического университета подготовлен к 100-летию учреждения в Санкт-Петербурге Политехнического института.

В книге, написанной на документальной основе, впервые рассказывается о руководителях Санкт-Петербургского политехнического института — университета, об их работе в различные периоды столетней, сложной, а зачастую и трагической, истории вуза.

Жизнь и деятельность руководителей Политехнического института неразрывно связаны с его историей.

В этой связи, как никогда, актуальны изучение и критический анализ реальной практики вуза, за короткий срок ставшего крупным учебным и научным центром мира.

Книга адресована читателям, которые испытывают духовную потребность в осмыслении и обобщении опыта работы и традиций высшей школы. Она будет интересна также преподавателям, студентам, выпускникам СПбГПУ, учащимся старших классов школ и всем тем, кому небезразлична история Отечества и его судьба.

Материалы книги в сокращенном виде впервые были опубликованы в журнале “Научно-технические ведомости СПбГТУ”, 1999, № 1—4.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Ил. 50

© Гербылева Н.П., 2005

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2005

ISBN 5-7422-0418-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет — ровесник XX века. История вуза, как всякая история, — это история и судьбы людей, и прежде всего это судьбы его руководителей. За прошедшие сто с небольшим лет в Политехническом институте—университете было 29 директоров-ректоров.

Первым, кому выпала честь возглавить Политехнический институт, был князь А.Г. Гагарин. Именно он в 1900 году стал первым директором Санкт-Петербургского политехнического института. Модернизация страны — Российской империи потребовала создания нового типа образования — политехнического. В стране создается сеть политехнических институтов, венцом которой является основание в 1899 году Санкт-Петербургского политехнического института. Первые занятия начались в октябре 1902 года.

Период 1902—1907 годов в жизни института — период его становления: были открыты первые четыре отделения (экономическое, кораблестроительное, электромеханическое, металлургическое). Политические события того времени не могли не сказаться на жизни только что созданного института. Неудачная война с Японией, революция 1905—1907 годов, а затем последовавшие репрессии — отстранение по политическим мотивам от должности директора А.Г. Гагарина и предание его суду, закрытие общежитий нарушили естественный ход в развитии института.

1907—1914 годы (до начала войны) характеризовались довольно быстрым развитием производительных сил России. Промышленный подъем 1909—1913 годов охватил все отрасли и в наибольшей степени сказался на тяжелой промышленности.

В это время в Санкт-Петербургском политехническом институте открыты новые отделения — инженерно-строительное, механическое. Открывается первая в России металлургическая школа, первая высшая школа конструкторов силовых электротехнического оборудования, гражданского кораблестроения. Первая

высшая авиационная школа России (курсы авиации и воздухоплавания при кораблестроительном отделении) открыта в 1909 году, хотя материальная база авиационного строительства в России еще только зарождалась.

Однако начавшаяся вскоре первая мировая война, а затем военные поражения и провалы внесли дезорганизацию в работу института.

С февраля 1907 года и по 13 сентября 1917 года директорами института были: А.С. Посников, И.В. Мещерский, В.В. Скобелыцын.

1917 год. Революция в России. В сентябре того же года в Политехническом институте отделения были переименованы в факультеты, а директор института — в ректора. Первым ректором стал А.А. Раддиг. Ему первому пришлось решать задачи развития института в новых условиях и устанавливать контакты с советской властью. Вслед за революцией началась гражданская война, а затем период новой экономической политики. Санкт-Петербургский политехнический институт был поставлен в труднейшее положение: уменьшилось число студентов, разруха помещений и оборудования, ломка учебных планов. С декабря 1918 года по июнь 1930 года ректорами института были: М.А. Шателен, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, Д.П. Рузский, Л.В. Залуцкий, Б.Е. Воробьев, А.А. Байков, П.А. Кобозев, А.Я. Шумский, Я.Х. Давтян.

Несмотря на сложное время, именно тогда возникли новые факультеты: физико-механический (1919), химический (1919), индустриального земледелия (1922). Потенциал института способствовал появлению целого ряда научных школ, и прежде всего физической. Физико-механический факультет дал мировой науке новую систему подготовки научных кадров, известную как “система физмеха”. Экономическая школа Политехнического института в это время была поглощена разработкой научно-организационной идеологии нэпа и мер по оздоровлению советской денежной системы. К сожалению, со свертыванием нэпа была свернута и деятельность экономического факультета института.

В этот период активизировалась деятельность технических факультетов: электромеханического, инженерно-строительного, металлургического, связанная с необходимостью стремительного роста научно-технического потенциала страны. Политехники разрабатывали знаменитый план ГОЭЛРО и осуществляли его кадровое обеспечение. В 1929 году из кораблестроительного факультета выделяется самостоятельный авиастроительный факультет.

В 1922 году, ровно через 20 лет после открытия Политехнического института, ректором стал его выпускник Б.Е. Воробьев. Всего из 29 руководителей Политехнического 11 были его выпускниками:

Б.Е. Воробьев, Г.Я. Шрейбер, В.Г. Евдокимов, П.Л. Калантаров, К.В. Новиков, В.А. Вайнер, С.А. Сердюков, В.Г. Подпоркин, К.П. Селезнев, Ю.С. Васильев, М.П. Федоров.

В 1930 году Ленинградский политехнический институт был ликвидирован и на его базе создан ряд самостоятельных учебных заведений. Вновь он был возрожден в 1934 году уже как многопрофильный технический вуз под названием Индустриальный институт. Он был символом научно-технической политики советского государства и пользовался огромной популярностью.

В 1940 году институту было возвращено прежнее название — Политехнический. В его состав вошли факультеты: автомеханический, гидротехнический, электромеханический, инженерно-физический, инженерно-экономический, металлургический, механико-машиностроительный, общетехнический, внутризаводского транспорта, вечерний. В 1941 году создан тепломеханический факультет.

Начавшаяся Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для всего советского народа, в том числе и для политехников. Спустя месяц после начала войны институт опустел более чем наполовину. Политехники ушли на фронт, в ополчение, в партизаны, оставшиеся строили оборонительные сооружения, выполняли военные заказы и т. д. Бесспорным и существенным вкладом в общую победу стали: К-34 — лучший в мире средний танк М.И. Кошкина, тяжелые танки КВ и самоходные артиллерийские установки Н.Л. Духова, гаубицы и корпусные танки Ф.Ф. Петрова, морские орудия крупного калибра Е.Г. Рудяка, подводные и надводные корабли, созданные в основном выпускниками кораблестроительного факультета, истребители Н.Н. Поликарпова, гидросамолеты Г.М. Бериева, танковая броня Г.В. Курдюмова

Когда в ходе второй мировой войны возникла угроза атомной войны, именно политехники стали во главе советского атомного проекта. В трудные военные годы Политехнический институт возглавляли: П.А. Тюркин, В.А. Вайнер, С.А. Сердюков, В.Г. Подпоркин, П.Л. Калантаров.

После войны предстояло восстановить пострадавшие в дни блокады учебные и жилые корпуса, снова вдохнуть жизнь в десятки лабораторий и кафедр. Под руководством К.Н. Шмаргунова институт начал быстро залечивать раны. В 1948 году студентами-политехниками были созданы первые строительные отряды. Позднее по примеру Ленинградского политехнического института стали создаваться студенческие строительные отряды и в других вузах Советского Союза. Это движение не только помогало решать проблемы народного хозяйства, но и вырастило новое

поколение руководителей, прошедших на студенческой скамье практику жизни. Деятельность института в послевоенные годы была адресной реализацией государственной научно-технической политики: машиностроение, металлургия, энергетика, космическая техника, кибернетика, охрана окружающей среды и др.

С лета 1951 года директором Политехнического института стал А.Ф. Алабышев. В эти годы развернулось строительство гигантских электростанций: Куйбышевской и Сталинградской на Волге, Каховской ГЭС на Днепре, Волго-Донского канала и Цимлянской ГЭС. Это потребовало от вуза значительно увеличить число специалистов — гидротехников, энергетиков, электриков, турбиностроителей, мелиораторов — людей, непосредственно воплощающих в жизнь планы новостроек. В связи с этим в 1951 году был проведен дополнительный набор по специальности “Гидротехническое строительство”. В 1952 году организован радиотехнический факультет. Все это способствовало решению народнохозяйственных задач.

Развитие СПбГПУ в последние 50 лет XX века связано с активной деятельностью трех руководителей вуза: В.С. Смирнова (1957—1973) — развитие материальной базы ЛПИ, включая крупные объекты социальной сферы, организация новых институтов по космической программе и новейшей военной технике (ОКБ “Импульс”, ЦНИИ РТК); К.П. Селезнева (1973—1983) — интенсивное развитие комплексных научных исследований, в первую очередь по проблемам энергетики, первые шаги факультета технической кибернетики, положившего начало широкому внедрению компьютерной техники и информатики в учебный процесс и научные исследования; Ю.С. Васильева (1983—2003) — развитие инфраструктуры ЛПИ за пределами нашего города путем создания широкой сети филиалов (Череповец, Чебоксары, Анадьрь, Смоленск и др.), беспрецедентное развитие международных связей, создание новых направлений подготовки специалистов и факультетов (ФТФ и ФМедФ, МВШУ), создание в рамках университета институтов (Института международных образовательных программ, Института интеллектуальных систем и технологий и др.). Гуманитаризация технического образования потребовала создания в 1990 году гуманитарного факультета.

В 1985 году в нашей стране началась “перестройка”, которая постепенно вылилась в “реформирование” общества, а после развала СССР в России начался постсоветский период. Это потребовало от ректора Ю.С. Васильева сконцентрировать внимание на острых, ключевых проблемах технического университета: сохранении материальной базы вуза, подготовке молодой смены, поддержании достаточного уровня подготовки специалистов, а то и просто решать вопросы выплаты заработной платы сотрудникам вуза. В последнее

десятилетие XX века в России произошел резкий спад промышленного производства, закрылись многие НИИ, и постепенно был разорван некогда единый цикл: наука — промышленность — образование, что поставило высшие заведения в очень сложную ситуацию, и решать эти проблемы уже XXI веку.

В октябре 2002 года Санкт-Петербургский государственный политехнический университет отметил 100 лет со дня начала первых занятий в Политехническом институте. Все эти годы он был и остается одним из крупнейших в стране и мире центром науки, образования и культуры. С ноября 2003 года ректором СПбГПУ стал М.П. Федоров.

В 1999 году университет отметил 100-летие со дня учреждения Санкт-Петербургского политехнического института. К юбилею был подготовлен ряд трудов, посвященных истории СПбГПУ. Одним из них является книга “Санкт-Петербургский государственный политехнический университет в XX — начале XXI века. Исторические очерки о его руководителях”.

Авторы идеи и создания этой книги — сотрудники Историко-технического музея СПбГПУ Н.П. Гербылева, Л.А. Моторина, А.Г. Нагибина, И.В. Журавлева, Т.Н. Исьянова, В.П. Иванов, А.А. Смирнова и К.К. Вишняков-Вишневецкий. Книга документальна. Она написана на основе изучения архивных документов, мемуаров, публикаций, встреч и бесед с людьми, знавшими героев книги. В ней нет места для “исторических мифов”, на которые так щедро наше удивительное время.

В книге собраны биографии людей, возглавлявших институт — университет на протяжении столетия. Но эта книга не только и не столько биографический справочник. Ее роль значительно шире.

Рассказывая о директорах-ректорах, авторы повествуют о высшем учебном заведении, открывшем новую страницу в истории политехнического образования России. История Политехнического института показана в книге через жизнеописание его первых лиц, биографии которых не оторваны, а как бы продолжают одна другую, создавая целостное представление о цепи и логике исторических событий.

Перед вами судьбы 29 руководителей института—университета. Представители разных социальных слоев, они имели неодинаковое образование, обладали разными уровнями культуры и мировоззрения, но их объединяло одно — любовь к вузу, ради которого они не щадили “живота своего”.

Р.В. Дегтярева, заслуженный работник высшей школы РФ,
доктор исторических наук, профессор

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

- 1899 год** — Санкт-Петербургский политехнический институт
- 1910 год** — Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого
- 1914 год** — Петроградский политехнический институт императора Петра Великого
- 1917 год** — Петроградский политехнический институт
- 1918 год** — I Петроградский политехнический институт
- 1922 год** — I Петроградский политехнический институт имени М.И. Калинина
- 1923 год** — Петроградский политехнический институт имени М.И. Калинина
- 1924 год** — Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина
- 1930 год** — *ЛПИ имени М.И. Калинина расформирован. На базе его факультетов созданы новые вузы*
- 1934 год** — Ленинградский индустриальный институт
- 1940 год** — Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина
- 1990 год** — Ленинградский государственный технический университет
- 1992 год** — Санкт-Петербургский государственный технический университет
- 2002 год** — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

**ДИРЕКТОРА-РЕКТОРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

А.Г. Гагарин	— 07.01.1900—28.02.1907
А.С. Посников	— 28.03.1907—09.10.1907 10.10.1908—01.08.1911
И.В. Мещерский	— 10.10.1907—09.10.1908
В.В. Скобелцын	— 21.09.1911—13.09.1917
А.А. Радциг	— 14.09.1917—27.11.1918
М.А. Шателен	— 01.12.1918—19.03.1919
Ф.Ю. Левинсон-Лессинг	— 20.03.1919—05.11.1919
Д.П. Рузский	— 06.11.1919—11.07.1921
Л.В. Залуцкий	— 20.08.1921—19.07.1922
Б.Е. Воробьев	— 20.07.1922—26.11.1925 06.04.1942—30.05.1942
А.А. Байков	— 27.11.1925—01.11.1928
П.А. Кобозев	— 02.11.1928—29.08.1929
А.Я. Шумский	— 29.08.1929—02.02.1930
Я.Х. Давтян	— 03.02.1930—30.06.1930
<i>1930 – 1934 годы. Институт расформирован на ряд отраслевых вузов</i>	
Г.Я. Шрейбер	— 14.04.1934—28.06.1935
П.А. Тюркин	— 22.06.1935—19.06.1936 27.06.1940—10.09.1941
В.Г. Евдокимов	— 25.06.1936—21.06.1937
П.Л. Калантаров	— 21.06.1937—10.10.1937 17.12.1937—07.06.1938 24.11.1944—10.06.1946
К.В. Новиков	— 10.10.1937—16.12.1937
С.А. Смирнов	— 29.05.1938—01.07.1940
В.А. Вайнер	— 11.09.1941—18.02.1942
С.А. Сердюков	— 19.02.1942—26.08.1944
В.Г. Подпоркин	— 01.06.1942—10.05.1943
К.Н. Шмаргунов	— 25.06.1946—07.05.1951
А.Ф. Алабышев	— 05.06.1951—04.03.1956
В.С. Смирнов	— 05.03.1956—05.03.1973
К.П. Селезнев	— 17.05.1973—22.05.1983
Ю.С. Васильев	— 23.05.1983—31.10.2003
М.П. Федоров	— с 01.11.2003 по настоящее время

ГАГАРИН
АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ,
директор
Политехнического института
(07.01.1900—28.02.1907)

Андрей Григорьевич Гагарин
(22.12.1855–22.12.1920)

Андрей Григорьевич Гагарин родился в Санкт-Петербурге 22 декабря 1855 года (по старому стилю). Его семья принадлежала к старинному роду князей Гагариных, давших своему Отечеству немало военных и государственных деятелей, и он унаследовал от своих родителей природное благородство, высокое чувство чести, творческие способности и трудолюбие. Это был “настоящий” князь, т.е. Рюрикович, его предком был удельный князь Всеволод Большое Гнездо. Дед Андрея Григорьевича долгие годы был представителем России в Ватикане; отец Григорий Григорьевич, известный художник, личный друг Александра II, был вице-президентом Академии художеств; мать София Андреевна, до замужества Дашкова, после окончания Екатерининского института была фрейлиной при дворе императрицы, а позднее статс-дамой при императрице Марии Федоровне. Жена Андрея Григорьевича Мария Дмитриевна принадлежала к роду князей Оболенских, еще ближе Гагариных стоявших к трону (один из ее братьев был начальником кабинета царя, второй — членом Государственного совета, третий — товарищем Министра финансов).

После окончания Петербургской Ларинской гимназии Андрей Григорьевич стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета. В 1879 году, на следующий год после окончания университета, А.Г. Гагарин представил к защите свою работу “Удобнейший способ предварительных вычислений солнечных затмений и подобных явлений с предвычислением полного затмения 1887 г.”, которая принесла ему большую серебряную медаль и ученую степень кандидата наук. Затем началась его длительная военная служба. Вначале это были конно-артиллерийские части, затем, с 1881 года, обучение в Михайловской артиллерийской академии, после окончания которой в 1884 году А.Г. Гагарин по заданию правительства с целью ознакомления с новинками инженерного дела объездил все металлургические и машинные заводы Англии, Франции и Штирии (до 1920 года одна из земель Австрии). После возвращения служил в гвардейской конно-артиллерийской бригаде, а затем в артиллерийском управлении.

Еще в студенческие годы Андрей Григорьевич увлекся механикой. На 3-м курсе университета он совершил путешествие в Северную Америку, где изучал металлургию. Из этой поездки он

привез токарный станок и устроил в своей квартире маленькую мастерскую, где в свободное время работал над изобретением паровой машины. Об этом периоде своей жизни он писал матери, что долго будет помнить это время сознательного счастья. Будучи слушателем академии, А.Г. Гагарин опубликовал статью и две брошюры: “О некоторых сочленениях” и “Круговая линейка кн. Гагарина”. В “Артиллерийском журнале” была напечатана и его работа, посвященная вопросу о наивыгоднейшей нарезке орудий.

В конце 1884 года Андрей Григорьевич был переведен в Петербургский арсенал помощником начальника деревообрабатывающих мастерских оружейного цеха. Но вскоре семейные обстоятельства потребовали его присутствия в Москве. Взяв 11-месячный отпуск, он занялся совершенно новой для него работой: реконструкцией, а фактически постройкой, семейного дома на Кузнецком мосту. Андрей Григорьевич проводил целые дни на строительстве, вникая во все мелочи, и приобрел опыт, который ему еще не раз пригодился.

После возвращения из отпуска А.Г. Гагарин спроектировал и построил ленточную пилу, висячую поперечную пилу и дрово-пильный станок, после чего получил новое назначение — ему поручили устроить в Арсенале механическую мастерскую и заведовать ею. На этой должности ему пришлось заниматься проектированием и сооружением механической лаборатории, работой, которая оказалась “очень полезной в дальнейшем при создании лаборатории сопротивления материалов в Политехническом институте” [1]. Кроме того, А.Г. Гагарину поручили заведовать ремонтом Арсенала, и здесь впервые нашел применение его опыт в строительстве.

К этому времени Андрей Григорьевич был уже женат и его семья увеличилась.

В годы работы в Арсенале особенно ярко проявились его изобретательские наклонности. Он изобрел и сконструировал для разрывной машины Мора и Федергадра электрическое приспособление для автоматического уравнивания усилий. Первый прибор он изготовил собственноручно на своем токарном станке, и позднее эти приборы нашли применение во всех русских арсеналах, оружейных заводах Тулы, Сестрорецка, Ижевска, на Санкт-Петербургском патронном заводе. Тогда же он построил диаграммный прибор для крутильной машины в Риге.

Здесь же он начал работу над крешерным прессом, который впоследствии получил название “пресса Гагарина”. Этот интереснейший прибор для испытания твердости материалов вызвал

большой интерес в кругах специалистов, и благодаря ему имя князя Гагарина стало известно в отечественных и иностранных научных кругах. “Пресс Гагарина” получил широкое распространение и стал неизменной частью оборудования всех лабораторий для испытания механических свойств материалов. Над усовершенствованием своего прессы князь Гагарин работал еще много лет. На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году и в Чикаго в 1906 году он был награжден за него золотыми медалями. “Прессы Гагарина” до сих пор считаются одними из лучших машин для механического испытания материалов и используются во время практических занятий в вузах. В СПбГПУ их два — в Механическом и Химическом корпусах.

К концу 90-х годов XIX века А.Г. Гагарин был уже одним из лучших в России специалистов по артиллерийской части. Его имя, кроме крешерного прессы, носит и другое его изобретение — круговая линейка с нониусом и таблицей, дающая дуги радиусов и радиусы дуг больших кругов, так называемая “круговая линейка Гагарина”. В 1900 году на Всемирной выставке в Париже она также была удостоена золотой медали.

Наряду с изобретательским талантом, у А.Г. Гагарина был большой практический опыт. Он приобрел его на военной службе, за время работы в Арсенале, во время поездок и командировок за границу, и в том числе пребывания в составе русской делегации во французском городке Шательро, на оружейном заводе которого русским правительством были заказаны 500 тысяч магазинных винтовок Мосина. Делегация состояла из четырех человек, Андрей Григорьевич заведовал приемкой материалов. В Шательро А.Г. Гагарин составил иллюстрированный словарь частей ружей и издал таблицу перевода русских линейных мер во французские и наоборот, тотчас же, кстати, раскупленную. “Вообще А.Г. старался как можно выше держать перед французами знамя русской науки и искусства” [2], в частности сам он на музыкальных вечерах играл на корнете, знакомя присутствующих с русской музыкой. Командировка длилась четыре года и немало способствовала укреплению франко-русской дружбы, о чем свидетельствует широкое празднование в 1995 году в Шательро 100-летнего юбилея русской миссии.

По возвращении из Франции Андрей Григорьевич был назначен помощником начальника Орудийного завода в Петербурге и стал непосредственно соприкасаться с вопросами перевооружения. Его возмущала тенденция артиллерийского ведомства к передаче своих заказов частным заводам в ущерб казенным, и он

немало поспособствовал значительному расширению Орудийного завода, объем производства которого возрос при этом в семь раз. Побочным результатом деятельности Андрея Григорьевича на страже интересов государства стало то, что одна из его записок о необходимости регулирования цен на оружие попала на глаза министру финансов. С.Ю. Витте отметил несомненный талант и увлеченность автора работой и обратил на него самое пристальное внимание.

К этому времени вопрос об учреждении в столице Политехнического института был уже решен. Петербургский политехнический институт должен был стать совершенно новым для России высшим учебным заведением типа технического университета. Однако сама идея организации подобного института вызвала множество возражений со стороны министра внутренних дел и Министерства народного просвещения. С одной стороны, были велики опасения, что новая высшая школа станет очередным антиправительственным центром, а с другой — было очевидно, что при организации института на основаниях, отличных от тех, которые существовали в высших технических школах Министерства народного просвещения, новый Политехникум станет предметом повышенного внимания и нападок как полицейских, так и учебных властей.

В этих условиях вопрос выбора кандидатуры на пост директора Петербургского политехнического института, вставший перед министром финансов С.Ю. Витте, в ведении которого находился Политехнический институт, оказался чрезвычайно трудным. Вопрос этот осложнялся тем, что необходимо было назначить человека, который не возбуждал бы в высших сферах каких-либо сомнений и в то же время обладал бы достаточным научным авторитетом, чтобы не оказаться в ложном положении перед профессорами и студентами института.

В результате поисков подходящей кандидатуры выбор пал на А.Г. Гагарина, поскольку его научный и технический стаж был более чем достаточен: он имел большой авторитет в научно-технических кругах, его происхождение и связи не вызывали сомнений в благонадежности и, кроме того, это был “человек идеальной чистоты” [3]. «На вопрос одного из уже назначенных деканов, — вспоминал В.Б. Ельяшевич, один из первых профессоров экономического отделения, — чем объясняется столь странный выбор, Витте ответил: “Это будет для вас самый подходящий человек. Вы будете абсолютно свободны, а связи у него громадные; когда понадобится, он будет вам ими служить”» [4].

Сохранился приказ по Департаменту торговли и мануфактур о назначении князя Гагарина директором Санкт-Петербургского политехнического института от 7 января 1900 г., подписанный статс-секретарем С.Ю. Витте:

”... Ввиду того, что строительные работы должны быть для успеха дела ведены под руководством лица, вполне сведущего в потребностях учреждаемого учебного заведения, я полагал бы необходимым теперь же назначить директора помянутого института. Таковое назначение представлялось бы весьма желательным еще в силу следующих соображений. Учреждаемый политехнический институт по своему составу будет значительно разниться от уже имеющихся высших технических учебных заведений, так что потребуются непосредственное участие директора в выработке положения о сем институте, затем, по новизне дела, разработка постановки преподавания, подыскание и подготовка профессорского персонала возьмут значительно более времени, чем в других Политехнических институтах. При этих условиях заблаговременное назначение директора является необходимым для своевременного и успешного разрешения трудной задачи организовать и поставить высшее техническое учебное заведение, совершенно новое и своеобразное.

Озабочиваясь подысканием соответственного кандидата, я остановил свой выбор на капитане гвардейской пешей артиллерии князе Гагарине, окончившем курс Санкт-Петербургского университета кандидатом математики с серебряной медалью и курс Михайловской артиллерийской академии по 1-му разряду и ныне состоящем исправляющим должность помощника начальника Санкт-Петербургского оружейного завода.

При переводе князя Гагарина из военной службы в гражданскую... переименовать капитана князя Гагарина при его назначении в чин статского советника, со старшинством со дня назначения... с присвоением ему IV класса по должности, права на пенсию по учебной службе...” [5].

Высочайшее соизволение последовало 7 января 1900 года, и Андрей Григорьевич с присущим ему азартом и рвением окунулся в новую работу, мечтая создать из Петербургского политехнического института единственное в своем роде и лучшее в России высшее техническое учебное заведение.

18 января 1900 года А.Г. Гагарин был назначен председателем Особой строительной комиссии. В сфере его деятельности было сооружение всего учебного городка, который строился по типу закрытых учебных заведений Запада, т. е. всех учебных и жилых

корпусов, электростанции, водопровода, канализации и т. п. и их оборудования. Чтобы обустроить институт как можно лучше и современнее, А.Г. Гагарин вместе с главным архитектором Э.Ф. Виррихом был командирован для осмотра 37 вузов Европы, в том числе и строящегося Политехнического института в Варшаве. Эта поездка оказалась очень полезной, так как помогла прояснить ряд вопросов, невольно возникавших при создании нового института.

В отчете А.Г. Гагарина по командировке [6] сравниваются методы преподавания в разных странах. Так, он пишет, что в политехнических институтах Германии преподавание поставлено ближе к условиям современной промышленности. Студенты решают вопросы промышленности.

В последние 20 лет принята полная свобода преподавания:

... В разрешении приват-доцентам читать что им угодно;

... В разрешении студентам слушать кого угодно. Одни только профессора читают определенные основные курсы, остальные преподаватели не стеснены никакими рамками. Там бывшие студенты посвящают себя работе по той отрасли промышленности, к которой чувствуют больше склонности и в которой имеют больше знаний;

... Профессора и преподаватели политехнических институтов имеют связь с преподавателями средней школы и ставят в известность последних о том, как производят учение и какие опросы делают в высшей школе — институте.

Большое внимание уделяется лабораториям. Деканами в Германии избираются высшие люди — выдающиеся.

В Америке профессора сортируют воспитанников института по способностям, умению, ловкости в работе и знаниям. Школы в Америке в большом почете, и окончившим их всегда дается предпочтение. В последнее время многие фирмы предпочитают на ответственные места назначать американцев, а не немцев, считая их более приспособленными к занятию таких должностей.

В Англии публичке, даже детям, дозволено трогать в музеях модели машин, которые сделаны прочно. С 18-летнего возраста дети начинают посещать технические учебные заведения в качестве вольнослушателей. Это дает возможность пополнять знания лицам, не имеющим время учиться в дневную смену. В Лондоне обратили внимание на прекрасные гигиенические приспособления для студентов.

Во Франции химические лаборатории снабжены всеми новейшими усовершенствованиями и необходимыми приспособлениями.

Наиболее ценное из увиденного за границей А.Г. Гагарин использовал при строительстве и оборудовании Политехнического

института. Из журналов Совещаний Особой строительной комиссии видно, что делалось для строительства института. Так, к примеру, на Совещании 22 мая 1901 года рассматривался вопрос об оснащении электрической станции:

“Электрическая станция должна быть оборудована самыми лучшими из существующих машин. Студенты института на станции увидят, что такое хорошие машины, они получают там возможность познакомиться с настоящими образцами хорошей работы, хорошего выполнения, а это чрезвычайно важно для Санкт-Петербургского политехнического института, так как в нем будут готовить инженеров-конструкторов” [7].

А.Г. Гагарин сам входил во все детали строительства, зачастую казавшиеся современникам мелочными. Он вложил в создание института все свои силы, всю присущую ему энергию и знания, всю свою душу. По воспоминаниям профессора М.А. Шателена, об этом периоде деятельности Гагарина слагались легенды, в особенности о его методах борьбы со всякими злоупотреблениями.

Одновременно с решением вопросов, связанных со строительством, А.Г. Гагарин занимался организацией учебного процесса. К моменту его назначения структура института была уже определена и в общих чертах разработан учебный план, который в отличие от других существовавших тогда вузовских учебных планов был рассчитан на четыре года вместо трех. В комиссию по составлению учебных планов под председательством Н.П. Петрова вошли А.С. Попов, Д.И. Менделеев, А.Н. Крылов, Д.К. Чернов, В.Л. Кирпичев и другие выдающиеся ученые России. А.Г. Гагарину предстояло также выбрать деканов и профессорско-преподавательский состав, осуществить детальную проработку учебной программы, учебных планов, организацию и оборудование лабораторий. Успешность этой деятельности во многом была предопределена тем, что Андрей Григорьевич имел тесные связи с научным миром и с университетских времен сам, не прерываясь, занимался научной деятельностью.

Согласно выработанному Уставу институт включал четыре отделения, которые возглавляли деканы. В этом заключалось отличие института от других высших технических учебных заведений и приближало его к университетскому типу. Деканами стали крупные ученые А.С. Посников, М.А. Шателен, К.П. Боклевский и Н.А. Меншуткин.

Деканы вместе с директором организовали Совещание, которое по необходимости, вплоть до организации отделений, Правления и Совета, исполняло роль этих трех учреждений и

до утверждения Положения об институте проводило всю работу по его созданию.

Работа Совещания была очень разнообразна и чрезвычайно ответственна, поскольку зачастую приходилось решать вопросы, от которых зависело будущее института. Главным направлением деятельности Совещания было обеспечение учебного процесса в институте, для чего, прежде всего, надлежало пригласить профессоров и создать им возможно лучшие условия работы. Особое внимание при этом уделялось привлечению к работе ученых-практиков.

Не раз в институт назначались “опальные” профессора, и, хотя эти назначения не одобрялись, с ними мирились, если эти назначения были сделаны самим Витте. Однако вслед за приглашенным Витте А.С. Посниковым последовали новые приглашения, в частности, В.В. Скобельцына, Н.И. Кареева, И.М. Гревса, М.М. Ковалевского и Ю.С. Гамбарова. Такая политика князя Гагарина резко осуждалась в административных и придворных кругах. На него самыми разнообразными путями пытались оказать давление. Но А.Г. Гагарин всегда отстаивал свои взгляды и, не меняя направления своей деятельности, продолжал совместно с профессурой кропотливую и сложную работу по созданию высшей школы нового типа, в которой нуждалась страна, учреждения, в котором не только обучали, но и вели научную работу.

Открывая 29 ноября 1901 года первое заседание Совещания директора и деканов, “кн. Гагарин предложил прежде всего рассмотреть вопрос об обеспечении преподавания на I и II курсах института. Ввиду недостаточности содержания, положенного по штату профессорам, является крайне затруднительным приглашение профессоров по тем наукам, чтение которых связано с заведыванием лабораториями, так как оно требует много времени и потому не допускает совмещения должности профессора в другом учебном заведении” [8]. В итоге профессорам — заведующим лабораториями и деканам было установлено добавочное вознаграждение.

Одновременно с выбором профессоров Совещание занималось выработкой правил приема студентов.

Так, на заседании 18 декабря 1901 года “князь Гагарин сообщил, что им получен из Министерства запрос по поводу правил для приема в студенты высших технических школ лиц, окончивших средние учебные заведения, и что он желал бы знать мнение Совещания по этому вопросу.

Совещание пришло к заключению, что наиболее целесообразным представлялось бы дарование каждому высшему учебному

заведению права устанавливать свои правила приема, причем такие правила могли бы вырабатываться Советом, а затем утверждаться Министерством. Однако, если признано будет необходимым установить общие правила приема для всех высших технических школ, то было бы желательно принимать половину общего числа студентов по конкурсу аттестатов средних учебных заведений, вторую же половину по жребию” [9].

С самого начала своего существования институт пользовался такой свободой в области внутренней жизни и преподавания, какой не имели другие высшие учебные заведения России. Фактическая автономия института была тесно связана с личностью его первого директора. Так, например, были попытки отсрочить открытие института на неопределенное время, его пытались превратить в закрытое полувоенное учебное заведение с военной администрацией, как это было в привилегированных лицеях, принимать одних дворян и т. д. При этом правительственными кругами большие надежды возлагались на А.Г. Гагарина как на офицера гвардии и князя. Однако Андрей Григорьевич занял вполне независимую позицию, считаясь в отношении институтских дел только с мнением профессорской коллегии. Вместе с членами Совещания он возражал против всех подобных попыток и настаивал на предоставлении руководству института прав, которые позволили бы ему выполнять свои обязанности.

А.Г. Гагарину и в этой сложной ситуации удалось отстоять интересы института, его профессуры и студентов. Более того, по представлению Совещания, министр финансов согласился не назначать особого инспектора, а поручить заведование студентами одному из профессоров – В.В. Скобелевцу.

После утверждения деканов Совещание превратилось в Правление – высший распорядительный орган института, в состав которого входили под председательством директора деканы и профессор-заведующий студентами (сегодня эта должность соответствует должности проректора вуза по учебной работе). Особой заботой Правления была организация инспекции, выработка правил для студентов, правил о профессорском суде и устава общежития, утвержденных затем министром финансов.

Ниже приводится выдержка из правил для студентов Политехнического института, представляющая интерес и сегодня:

“1. Зачисленный в число студентов обязуется до начала лекций дать подписку о соблюдении правил, установленных для студентов Политехнического института...”

6. Студенты как в институте, так и вне его должны носить форму...

8. На лекциях не разрешается выражать одобрение или неодобрение профессорам и преподавателям...

10. Курение в особо отведенных местах...

15. Студенты обязаны поддерживать честь и достоинство института безукоризненным поведением как в институте, так и вне его.

16. Несоблюдение этого правила влечет к следующему: а) выговор; б) выговор с предупреждением; в) увольнение на срок; г) исключение.

17. Взыскания накладываются правлением института. Исключение представляется на утверждение Министру финансов.

В особо важных случаях, могущих повлечь за собою взыскание по пунктам в и г, Совет института назначает каждый раз особую комиссию из 3-х профессоров для расследования дела и доклада правлению” [10].

Члены Совещания принимали непосредственное участие в работе Строительной комиссии. Деятельность Совещания была направлена на создание учебно-вспомогательных учреждений: лабораторий, мастерских, музеев и библиотеки. Особое внимание было обращено на устройство Механического павильона с лабораториями. Так, на заседании 13 декабря 1901 года А.Г. Гагарин сообщил, что Строительная комиссия желала бы знать мнение Совещания относительно необходимости устройства при Механическом павильоне специальной аудитории на 80 человек. Проект постройки был представлен комиссии М.А. Шателеном. Совещание, обратив внимание на крайне малое число аудиторий в Главном здании и в Химическом корпусе, нашло постройку такой аудитории необходимой.

Самоотверженный труд основателей и строителей, пристальное внимание ко всем работам по созданию института его директора и председателя Особой строительной комиссии А.Г. Гагарина в значительной степени стали залогом того, что Политехнический институт был построен так удачно и в невероятно короткий даже по сегодняшним меркам срок – менее чем за 2,5 года.

За создание Санкт-Петербургского политехнического института А.Г. Гагарин 6 апреля 1903 года был награжден орденом Святого равноапостольного Князя Владимира 4-й степени.

Политехнический институт стал одним из первых в России и первым в Петербурге институтским городком, построенным по типу Оксфорда и Кембриджа как автономный комплекс, в котором тщательно продуманы и прекрасно выполнены все системы его жизнеобеспечения. При строительстве зданий и оборудовании помещений были применены оригинальные конструкции и

технические новинки того времени, а насыщение зданий института коммуникационными и инженерными сетями велось по разработкам отечественных инженеров, и изготавливались они на санкт-петербургских заводах.

Основная часть институтского комплекса сложилась в 1900–1907 годы, в период, когда его директором был Андрей Григорьевич Гагарин. Из сохранившихся до сегодняшнего дня – Главное здание, Химический корпус, Механический корпус, Гидробашня, общежития (сейчас это I и II учебные корпуса); три жилых дома (I профессорский, в котором в директорской квартире из восьми комнат жил сам Андрей Григорьевич с семьей, II профессорский и жилой дом для служащих); здание амбулатории с аптекой, флигель кухни с прачечной и парк, в зеленом массиве которого находятся все эти здания. Большая часть зданий – это уникальные архитектурные сооружения, построенные по проектам архитектора Э.Ф. Вирриха в 1900–1905 годы. Высший технический надзор за исполнением работ осуществлял в те годы инспектор по художественной части академик архитектуры А.Н. Бенуа. Все здания представляют собой стройный архитектурный ансамбль, один из немногих, дошедших до нас в относительно неизменном виде; все его объекты являются бесценными источниками знаний по истории развития отечественной культуры, искусства, образования, науки и техники.

25 сентября 1902 года было освящено и открыто общежитие студентов. 1 октября состоялось торжественное открытие института, которое прошло чрезвычайно скромно, без всякой помпы. В Актовом зале собрались студенты, директор князь А.Г. Гагарин, деканы, профессора, приглашенные, среди которых были Э.Ф. Виррих, А.Н. Бенуа и Д.И. Менделеев. В нише, в тропической зелени, стоял портрет Николая II кисти И.Е. Репина. Настоятель Новосильцевской церкви в Лесном И.П. Рождественский совершил молебствие. На территории института открылась телеграфная контора, откуда были посланы телеграммы царю и отсутствующим на открытии института С.Ю. Витте и В.И. Ковалевскому. В заключение в студенческой столовой, по отзыву одной из газет поражающей богатством сервировки, студентам был предложен праздничный обед.

Через день в Политехническом институте были прочитаны первые лекции. Перед их началом в актовом зале директор и деканы обратились к студентам с напутственными словами. Речь Андрея Григорьевича была очень короткой, но наполненной живыми, искренними чувствами.

Главное здание

Химический корпус

Механический корпус

Гидробашня

I и II общежития (ныне I и II учебные корпуса)

I профессорский дом

II профессорский дом

Дом для служащих

На всех отделениях института были и выдающиеся педагоги, и крупные ученые-исследователи. Блестящий состав профессоров и преподавателей, “привлекший внимание всей России, отобрал себе контингент первых приемов при помощи конкурса аттестатов среди лучших учеников гимназий, реальных училищ и коммерческих школ” [11]. Список учебных заведений, выпускникам которых разрешалось поступать в институт, был ограничен. Лица женского пола не принимались (такое право, да и то лишь на правах вольнослушательниц, им было предоставлено только в 1906 году). Прием по конкурсу аттестатов, учитывающий оценки, полученные поступающими в последних классах средних школ, давал то преимущество, что будущие студенты, не уставая на очередных вступительных экзаменах, могли с новыми силами приступить к учебе осенью.

В характере преподавания и оценке знаний в Петербургском политехническом институте были заведены иные порядки, чем в других вузах: по всем предметам, по которым не было проектирования или лабораторных работ, была развита система упражнений; отменены все экзамены, знания оценивались на основании результатов повседневной учебы. При малом количестве студентов, принимавшихся в первые годы, и малочисленности групп эта система давала блестящие результаты, хотя и требовала большой настойчивости директора, профессоров и самих студентов.

Высшим органом по научно-учебной части был Совет профессоров (из экстраординарных и ординарных профессоров под председательством директора института), который начал свою работу 16 сентября 1902 года.

Профессора, работавшие в те годы, пишут, что не только в России, но и вне ее не было другого высшего учебного заведения, где в такой степени, как в Совете Политехнического “института, царил бы дух беспартийности при отсутствии разномыслий, кроме как в сфере чисто академических вопросов” [12]. Примером для такой работы служили отношения деканов и директора института, между которыми никогда не замечали никаких трений.

Совет института принимал исключительные меры, чтобы повысить значимость таких предметов, которым студенты обычно уделяли мало внимания. Для этого приглашались высококвалифицированные специалисты: И.И. Яблонский, И.Г. Есьман, А.Н. Андреевский, В.Н. Дитрих, В.Л. Гофман и др. Об их привлечении больше всего хлопотал А.Г. Гагарин. Изучение иностранных языков Андрей Григорьевич выделял особо. Их знание открывало перед студентами широкие возможности познания новейших достижений

в области науки и техники, поэтому, чтобы привлечь внимание студентов к их изучению, князь, специалист в области прикладной механики, сам взялся за преподавание английского языка.

“Чисто научным трудом в большом масштабе А.Г., — вспоминала вдова Андрея Григорьевича Мария Дмитриевна, — не успевал заниматься, но тем не менее каждый свободный час он употреблял на свое любимое дело: проектирование тех или других деталей различных механических приборов, переводы технических статей, занятия в Международном Обществе испытания материалов, участия на конгрессе этого общества в Стокгольме, Будапеште, Брюсселе и т. д.” [13].

“Князь был высокообразованным артиллеристом... - писал в своих воспоминаниях Е.А. Вечорин. - По всему своему складу ума, наклонностям и вкусам это был прирожденный мечтатель-изобретатель. Не будь он назначен директором института, он продолжал бы работать по своей специальности и оставил бы по себе несомненный научный след” [14].

Из журналов заседаний отделений, которые систематически проводились с весны 1902 года, видно, какой широкий спектр вопросов по организации учебного процесса рассматривался на них. В их числе: распределение преподавания разных предметов между предлагаемыми на эту должность профессорами (преподавателями), о приеме студентов и разделении их на группы для упражнений, об участии профессоров, преподавателей, лаборантов в обеспечении учебного процесса, об оплате их работы, о студенческой успеваемости, практике, экскурсиях на заводы, о выписке книг в фундаментальную библиотеку, о сметах и введении новых должностей для обеспечения учебного процесса, о заграничных командировках подходящих лиц для пригласения их к званию профессоров института и многое другое.

Так, к примеру, 7 октября 1902 года профессор Н.С. Курнаков высказал пожелание, чтобы при институте была учреждена самостоятельная фотографическая лаборатория для преподавания фотографии в применении к технике.

19 декабря 1902 года постановлено просить профессоров и преподавателей сообщать деканам факультетов об особенно успевающих студентах для ходатайства о денежной им помощи в случае их бедности.

24 апреля 1903 года князь Гагарин возбудил вопрос об устройстве экскурсий для студентов технических отделений на Орудийный завод.

По предложению профессора И.В. Мещерского, сообщившего о принесении князем А.Г. Гагариным в дар кабинету механики линейки для вычерчивания дуги круга произвольного радиуса, сочленения этой линейки и лекала, с вырезанными на нем дугами круга, постановлено ходатайствовать перед Советом института о выражении благодарности князю А.Г. Гагарину.

24 октября 1903 года рассматривался вопрос об организации летних практических занятий на заводах (практики).

12 ноября 1903 года профессор В.В. Скобелцын сообщил, что группа студентов, человек 40, обратилась к нему с просьбой об организации преподавания фотографии в виде необязательного курса.

Князь Гагарин предложил ассигновать сумму на приобретение зуборезного станка системы Swasey, который очень желательно иметь как поучительный пример, уничтожающий надобность в вычерчивании зубьев при нарезании колес.

7 апреля 1904 года обсуждался вопрос об инструкции для летних практических занятий студентов. Князь Гагарин сообщил Собранию, что им составлена примерная программа по производству бельвилловских котлов. Профессор С.И. Дружинин поставил на обсуждение следующий вопрос: не найдет ли возможным Собрание войти через министра финансов с предложением услуг по испытанию материалов в лабораториях института в Главное управление торгового мореплавания и портов, которое в подобных испытаниях нуждается, но пока своих испытательных станций не имеет.

15 февраля 1906 года профессор М.А. Шателен “запрашивает Собрание, признает ли оно возможным заботиться и теперь, несмотря на ненормальное положение вещей, о подыскании практики для студентов и выдаче пособий на таковую” [15]. Собрание единогласно признало желательной летнюю практику и постановило выдавать недостаточным студентам пособие.

10/13 мая 1906 года князь А.Г. Гагарин ставил вопрос о пересмотре списка учебных заведений, окончание которых дает их воспитанникам право быть допущенными к приему в институт.

В научно-педагогической работе, которая велась в институте, имелось много черт, свойственных и другим высшим учебным заведениям, но были налицо и серьезные отличия. С первого же года в Политехникуме «начала складываться новая обстановка и новая психология: студенты, действительно, представляли собою “студенчество”, работавшее совместно с “профессурой” как составная часть научного “общения”. Она являлась благотворной для обеих сторон – и для профессуры, и для студенчества. Несомненно, ей обязан преподавательский персонал высоким напряжением и своей собственной ученой работой.

...Нельзя не отметить и другой характерной для института черты в постановке преподавания, а именно: возможно большего сближения науки и реальной жизни» [16].

Как в любом учебном заведении, в новом институте складывались свои традиции. В Политехникуме эти традиции сложились под влиянием светлой личности князя Гагарина и при дружественном сотрудничестве профессуры и студенчества.

По воспоминаниям всех знавших А.Г. Гагарина, он был прекрасным директором и пользовался всеобщим уважением и любовью. С.Ю. Витте, назначив князя, “угадал главное — что у него было великое, доброе сердце. Князь весь излучал доброту; от него веяло благожелательностью... В основе управления институтом были эти два чувства, и они были сильнее всякого регламента и, если хотите, всего рационального” [17]. И преподаватели, и студенты понимали, чем был Андрей Григорьевич для института, но главная его забота о студентах «сказалась при политических арестах, когда он пускал в ход свои родственные связи с директором департамента полиции и лично брал арестованных студентов крайне левых партий “на поруки”» [18].

Общее революционное настроение, конечно же, не могло обойти институт стороной, и вскоре после открытия в нем появилось воззвание к студентам. Однако 12 декабря А.Г. Гагарин доложил министру финансов С.Ю. Витте, что “в настоящее время в институте нет достаточной почвы для революционной пропаганды. Гласное расследование признано членами Правления, безусловно, нежелательным и может служить лишь распространению идей, с которыми мы призваны бороться” [19].

23 марта 1903 года А.Г. Гагарин вновь докладывал министру финансов: “течение академической жизни вверенного мне института до настоящего времени ничем и ни в малейшей степени не нарушено” [20].

В этот период в полной мере проявились все высокие качества А.Г. Гагарина и как человека, и как ученого, и как администратора. Ничто не могло заставить его изменить своему институту и своим студентам, о благе которых он неизменно заботился, видя в них будущее России.

С первых шагов своей деятельности и на протяжении всех лет работы в институте А.Г. Гагарин делал все возможное и невозможное, чтобы оградить его от нападков и произвола властей. Вполне естественно, что его постоянная борьба за защиту академической самостоятельности высшей школы не могла не восстановить против него всю реакционную часть правительства, которая к тому

же была недовольна подбором профессуры и преподавателей в Политехническом институте.

В состав профессуры, вспоминали политехники, «входили лица различных политических взглядов, — и это различие, на почве общего культурно-прогрессивного мирозерцания, нисколько не мешало дружной работе. В ней прекрасно сочетались такие “народники”, как покойный А.С. Посников, и непримиримый враг народничества П.Б. Струве. Среда наша требовала лишь одного условия — искренности убеждений. Мы, действительно, представляли собою единый научно-педагогический фронт» [21]. “Институтская администрация, в лице директора и деканов, никогда не ставила нам в вину наши политические убеждения и даже принадлежность к крайним политическим партиям. Полная терпимость к мнениям и убеждениям вошла в традицию института со дня его основания и была введена в принцип нашим первым директором, князем Гагариным, память о котором священна для всех питомцев института моего времени.

Встречаясь и обмениваясь мнениями со студентами других технических отделений, мы видели, что наряду с изучаемыми нами проблемами существуют также и другие, столь же важные и интересные, как и наши, и старались по мере возможности знакомиться с ними...

Экономическое отделение давало нам, техникам, возможность прикоснуться к знаниям совсем другой категории. Беседуя с экономистами и посещая иногда их лекции, мы приходили постепенно к выводу, что одна техника недостаточна для разрешения задач, которые может поставить перед нами жизнь. Мы начинали понимать, что нам также было бы полезно знать хоть немного то, что изучают экономисты, т. е. юридические науки, политическую экономию, социологию и пр.

Такой вывод был большим шагом вперед в развитии нашего политического, общественного и культурного самосознания” [22].

Совместная и, первое время, обязательная жизнь в общежитиях сильно сплотила студенчество. Сословный, общественный и национальный состав студентов был довольно пестрый, но с первых же лет жизни между студентами установились отношения, основанные на взаимном уважении и принципе равенства. Мало-помалу выработался неписанный кодекс поведения и чести студентов-политехников. В студенческом самоуправлении, в Совете старост, в Кассе взаимопомощи, в Столовой комиссии приобретались навыки общественной и политической работы.

В эти бурные для России годы жизнь в институте не могла протекать безмятежно. Общественные и политические условия

волновали и профессоров, и студентов. Студенты выражали свое мнение путем участия в демонстрациях, митингах, сходках; профессора — принятием различных резолюций, печатанием протестов, заявлений и т. п. Ко всем негативным проявлениям общественного мнения правительство применяло всевозможные репрессии и полицейские меры. Особенно это касалось высших школ. Министр финансов В.Н. Коковцев напрямую обвинил А.Г. Гагарина в бездействии. В связи с этим 5 ноября 1904 года он собрал членов Совета в институте. Результат этого совещания был прямо противоположный тому, на что рассчитывал министр. От лица Совета выступил профессор И.И. Иванюков, который сказал: “Князь А.Г. Гагарин пользуется любовью и глубоким уважением как преподавателей, так и студентов... Члены Совета глубоко признательны нашему Председателю за его целесообразный, тактичный образ действий, за то, что он как в данном случае, так и в других никогда не вызывал в массе потери душевного равновесия, не вызывал ее на эксцессы...” [23]. Коковцев был вынужден согласиться с доводами Совета и больше о бездействии Гагарина не говорил. Более того, спустя год он договорился с градоначальником И.А. Фуллоном, чтобы в институте не производили обыски, и разрешил Гагарину, если обыск все же по недоразумению состоится, от его имени объявить полиции, что ей запрещено входить на территорию института.

Первое волнение, действительно испытанное институтом, было 29 ноября 1904 года. «Вспоминаются мне, — писал А.А. Стахович, в прошлом студент экономического отделения, — конец 1904 и начало 1905 гг. Русское студенчество волновалось. Политические события дня обсуждались на бесконечных сходках. На Невском 29 ноября происходили студенческие демонстрации, были раненые, шли разговоры об убитых и арестах. 5 декабря то же было в Москве, на Тверской. Жуткий день 9 января... Выяснилась необходимость производства обысков в высших учебных заведениях. Администрация последних и советы профессоров были в тяжелом положении, будучи вынуждены подчиняться требованиям полиции, что в глазах студентов было действием предосудительным, едва ли не изменническим. Всюду намечался обычный в революционные эпохи раскол между массой и “начальством”. Директора и ректоры высших учебных заведений, потерявшие авторитет в глазах студенчества, всячески избегали появляться перед студентами. Нередки были случаи оскорблений. Было, однако, по всей России одно исключение. Директор С.-Петербургского политехнического института кн. Гагарин, не сделав ни одной существенной уступки студентам, лично

присутствуя при обысках в зданиях института, не потерял ничего из своей поразительной популярности. Этот удивительный человек, со слабым мягким голосом, с такими чудными добрыми глазами и чарующей улыбкой, едва 3-й год стоявший на совершенно новом для него посту, умел делать то с волнующейся молодой стихией, что не давалось ни одному другому из имеющих куда больший педагогический опыт. Каждый раз, когда он выходил к студентам, он умел их уговорить, успокоить, его встречали и провожали сердечными бурными аплодисментами, почти каждый раз на руках выносили в переднюю...

Политехники боготворили “своего князя”, верили и подчинялись только ему одному. Чем же объяснялась популярность и сила этого человека? Честная молодежь инстинктом чувствовала родственное, горячее, правдивое и вечно молодое сердце. Сердце, умевшее любить, верившее в молодежь, в идеалы красоты, добра и правды. Таким именно был князь тогда, таким был, говорят, в молодые годы, таким знали его все до конца его дней. Труженик, любивший науку, сознающий ее значение, верящий в будущее Великой России, призывавший к работе, знанию и любви к родине, этот, по мнению нас — студентов той эпохи, идеальный человек, не произносил демагогических речей; он говорил лишь святую жизненную правду, и сердце молодежи чувствовало эту правду, верило своему князю и подчинялось дорогому начальнику» [24].

«И теперь только, на расстоянии многих лет, — пишет Е.А. Вечорин, — поняли мы поведение князя в волнительные “Гапоновские” дни января 1905 года. 9 января на Полицейском мосту убит был шальной пулей студент института Савинкин... Хоронили его на Охтинском кладбище. И за гробом, покрытым красными венками и красными лентами, при пении “Мы жертвою пали в борьбе роковой”, с поникшей головой шел наш князь, один, отделенный от массы студентов. Тогда мы не отдавали себе отчета всего величия его жертвенного жеста, его, монархиста, следовавшего с революционной толпой за гробом убитого революционера. Только одно объяснение возможно — что он своей грудью хотел защитить “своих” студентов от возможных насилий: нагаек, сабель, а то и пуль полиции» [25].

Похороны Савинкина происходили в дни рождественских каникул, в институте оставалось не более 50 студентов, не имевших возможности куда-либо уехать. Занятия должны были возобновиться 15 января. Совет института, понимавший, что в такое время нельзя собирать вместе большое количество возбужденной революционными событиями молодежи, принял решение продлить

каникулы на месяц. К сожалению, этот дальновидный поступок Совета не был понят властями, и профессура института прослыла за забастовщиков и революционеров. Вместе с тем, в других вузах, где занятия начались вовремя, был настоящий хаос, и сами студенты объявили всеобщую забастовку до осени. Политехнический институт смог избежать студенческих беспорядков за отсутствием студентов в его общежитиях. Совет своим постановлением от 7–8 февраля решил не возобновлять занятий до осени 1905 года. В постановлении, в частности, повторялось то, что было высказано еще 30 ноября 1904 года: “студенческие волнения вызываются причинами, лежащими вне академической жизни, ... в С.-Петербурге безопасность и даже жизнь студентов не может считаться вполне обеспеченной” [26]. Кроме того, Совет постановил выработать временные изменения учебных планов и способы их выполнения, чтобы студенты возможно менее пострадали бы от вынужденной приостановки в занятиях.

Однако и это решение Совета было понято превратно. Повсеместно распространялось мнение, “что профессора бастуют, что им надо прекратить выдачу жалованья...” [27].

Но вернемся на несколько дней назад.

25 января 1905 года генерал-майор Д.Ф. Трепов призвал к себе директоров высших учебных заведений с просьбой указать способ скорейшего возобновления занятий. Так было положено начало Совещаниям директоров вузов. На этом совещании А.Г. Гагарин с достоинством представлял свой институт. Его речь убедила Трепова в необходимости предоставить высшей школе относительную свободу, и осенью 1905 года, перед началом занятий, он исходатайствовал у Государя Императора частичную автономию высшей школе, а именно, автономию на территории высших учебных заведений (которая до этого фактически была только у Политехнического института).

Таким образом, благодаря революции 1905 года и отчасти бесстрашному поведению директора Политехнического института, высшая школа получила так называемую “автономию”, в результате чего был облегчен доступ в высшие школы. Прием студентов в Политехнический был увеличен почти в три раза, что неминуемо должно было сказаться на качестве обучения, вследствие чего под руководством А.Г. Гагарина, единогласно избранного на должность директора, были пересмотрены учебные планы, программы, правила прохождения курсов и т. д. Эта работа закончилась введением в институте “предметной системы”, позволившей студентам заканчивать обучение, несмотря на значительные вынужденные перерывы.

К сожалению, политическая обстановка в стране продолжала накаляться, во всех высших учебных заведениях проходили митинги, и 14 октября институтом было получено приказание о его закрытии. Совет во главе со своим председателем, отказавшись выполнить приказ, послал министру финансов свое постановление с объяснением причин, по которым нельзя было этого делать. Все это привело к тому, что 16 октября институт был окружен войсками и его директору был дан короткий срок, чтобы выселить студентов из общежитий и закрыть институт.

Манифест Николая II от 17 октября помешал закрытию института, и “Советом было положено начать занятия с 1 ноября 1905 года, если будет гарантировано неприменение военной силы против занимающихся” [28]. Однако гарантий и отмены постановления о запрещении учебных занятий не последовало, и студенты стали разъезжаться.

В отсутствие студентов в институте шла напряженная научная и учебно-методическая работа. Был разработан переход курсовой системы к предметной, что помогло студентам наверстать упущенное время и позволило институту произвести первые выпуски в 1907 году. Кроме того, это время оказалось очень плодотворным для научно-исследовательской деятельности, и в “Известиях Политехнического института” было опубликовано много научных трудов. “Даже я, директор, — пишет А.Г. Гагарин, — нашел время сделать небольшое исследование об ударе, которое весной сообщил в техническом кружке института, а осенью на Международном конгрессе в Брюсселе по испытанию материалов” [29].

Занятия в институте возобновились только с осени 1906 года.

В 1906 году А.Г. Гагарин считал для себя необходимым сдать экзамен на получение звания адъюнкта и 21 февраля обратился в соединенное Собрание технических отделений с прошением о назначении ему экзамена на получение звания адъюнкта по механической технологии как главному предмету и математике как второстепенному.

Собрание постановило просить профессоров В.Л. Кирпичева, И.И. Иванова, М.И. Носача и В.И. Станевича рассмотреть представленные труды князя А.Г. Гагарина, а именно 17 наименований работ и четыре изобретения, и дать свой отзыв о них Соединенному собранию технических отделений.

24 апреля 1906 года профессор В.Л. Кирпичев доложил протокол заседания комиссии, которая, рассмотрев печатные труды и другие работы князя Гагарина, пришла к следующим заключениям:

“Труды эти показывают, что несомненно князь Гагарин владеет математическими методами и с успехом применяет их к решению технических вопросов. Поэтому нет никакой надобности подвергать его экзамену из математики.

Работы князя Гагарина из области прикладной механики и механической технологии свидетельствуют не только о его отличных знаниях в этих областях, но также о том, что он искусный конструктор, придумавший и построивший остроумные и оригинальные приборы и машины. Из числа их крешерный пресс получил распространение и применяется в нескольких наших учреждениях, занимающихся испытанием строительных материалов. За этот пресс князь Гагарин на Всероссийской выставке 1896 г. (в Нижнем Новгороде) удостоен золотой медали. Достоинства приборов князя Гагарина оценены не только в России, но и за границей, и ему присуждены награды на международных выставках в Чикаго (1893 г.) и в Париже (1900 г.).

Принимая во внимание все вышеизложенное, комиссия признала, что согласно с пунктом 13-м Положения об институте, надлежит освободить князя Гагарина от испытания, как лицо, приобретшее известность своими практическими работами и научными трудами, и постановила ходатайствовать об этом перед Собранием отделений” [30].

При обсуждении доклада комиссии Ф.Э. Драйвер предлагал освободить князя А.Г. Гагарина как от экзамена, так и от представления диссертации и присудить ему степень адъюнкта *nonoris causa*; А.П. Фан-дер-Флит отметил, что изобретение таких великолепных точных и детально разработанных приборов, как крешерный пресс, может быть поставлено наравне с солидной диссертацией; В.Л. Кирпичев сообщил, что, по имеющимся у него частным сведениям, князь А.Г. Гагарин и наметил в качестве диссертации описание крешерного пресса и рычага на шариках.

При последовавшем затем голосовании Соединенное собрание единогласно постановило освободить князя А.Г. Гагарина от экзамена. По вопросу о диссертации собрание, согласно предложению комиссии, избрало для подготовки вопроса новую комиссию в составе В.Л. Кирпичева, М.И. Носача, С.И. Дружинина, А.П. Фан-дер-Флита, А.Н. Крылова, Н.Н. Саввина и И.Н. Воскресенского. В итоге было решено в следующем собрании провести баллотировку предложения комиссии. М.А. Шателен, напомнив собранию, что по правилам от адъюнктов требуется и прочтение пробной лекции, предложил в следующем собрании решить баллотировкой и этот вопрос.

5 декабря 1906 года председатель профессор Ф.Ю. Левинсон-Лессинг прочел письмо князя А.Г. Гагарина, в котором последний просил, ввиду результатов баллотировки, состоявшейся на заседании 29 ноября, допустить его к публичной защите диссертации на степень адъюнкта по механической технологии. В качестве диссертации к защите представлялась машина для испытания материалов.

К сожалению, при рассмотрении вопроса перевесило мнение, с которым выступили профессора И.В. Мешерский и В.В. Скобелцын. Оно заключалось в том, что прибор сам по себе не может быть представлен в качестве диссертации и что князь Гагарин должен представить печатную или рукописную работу, в которой было бы описание и рассуждение по поводу изобретенной им машины. Поэтому было постановлено отложить этот вопрос до представления князем Гагариным в Соединенное собрание технических отделений печатного или рукописного рассуждения.

К этому времени, осенью 1906 года, А.Г. Гагарин был вторично единогласно избран на пост директора. Для себя же Андрей Григорьевич уже определил, что уйдет с поста директора в июне 1907 года одновременно с первым выпуском экономистов.

Между тем жизнь в первом семестре шла обычным чередом. В студенческих общежитиях устраивались вечеринки с присутствием посторонних, иногда произносились политические речи. Директор разрешал эти вечеринки, считая, “что в студенческой среде, как в паровой машине, необходимо иногда открывать клапаны и выпускать пар, иначе машину взорвет” [31]. При этом все формальности всегда соблюдались. Казалось, что академическая жизнь вошла в свою колею.

Однако полиция была убеждена, что Политехнический — это революционное гнездо, и против института была организована особенно яростная атака. Вначале это были потоки полицейских донесений о “студенческих беспорядках”, но вскоре произошли прямые столкновения с полицией. Все это время А.Г. Гагарин как мог успокаивал, а когда было надо, и защищал своих питомцев, используя свои связи и авторитет. Где только не было, по слухам, обысков. “Только в Технологическом институте ничего не нашли. Говорят, Охранному отделению был сделан выговор с предупреждением, что, если они сделают обыск в другом высшем учебном заведении и ничего не найдут, все будут уволены без прошений. В течение целой зимы производились грандиозные обыски, причем в институтах Путей сообщения и Электротехническом были найдены в большом количестве взрывчатые вещества и арестованы и

привлечены к ответственности студенты этих институтов (Финк и др.). Поэтому по простой теории вероятности у нас обыска ожидали, старые революционные брошюры рвали, новых давно не покупали, надоели. Главное — занимались” [32]. Наконец дошла очередь и до Политехнического, и в феврале 1907 года против него был предпринят настоящий поход, в котором участвовали и пехота, и артиллерия, и кавалерия, и казаки, и городовые.

В ходе обыска из окна общежития было выброшено, как впоследствии выяснилось — провокатором, несколько предметов, названные полицией оболочками от бомб; указанные предметы оказались в комнате, где находился этот человек, не имевший никакого отношения к институту. В I общежитии были найдены несколько бутафорских, как считает А.Г. Гагарин, ружей, подброшенных полицией, а на чердаке несколько новых маузеровских ружей, оболочка от бомбы и ряд предметов, названных полицией взрывчатыми, которые были прикрыты тряпками.

К сожалению, на этот раз заступничество князя не возымело действия, поскольку решение, видимо, было уже принято заранее. Результатом обыска было высочайшее повеление об увольнении А.Г. Гагарина со службы и предании его вместе с деканами суду. Пакет с распоряжением был получен Гагариным во время заседания Совета института.

Ниже приводится часть текста протокола заседания Совета № 3 от 28 февраля 1907 года, последнего, председателем на котором был князь А.Г. Гагарин.

«Рассматривались вопросы: о лаборантах, о приеме вольнослушателей, имеющихся теперь, в число студентов, о необязательности занятий по геодезии, о замене на ряде отделений летней практики на заводах, в связи с отказами от оной на заводах, групповыми экскурсиями под руководством профессора и преподавателя и о невозможности замены такой практики, как плавание, на кораблестроительном отделении.

Председатель князь А.Г. Гагарин ставит на обсуждение вопрос о правилах приема в число студентов института осенью в 1907 году.

Профессор М.А. Шателен просит у Председателя вне очереди слово и, прочитав только что принесенную курьером на имя директора князя А.Г. Гагарина бумагу от министра торговли и промышленности об увольнении по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению князя А.Г. Гагарина от должности директора, сказал:

“Глубокоуважаемый князь А.Г. Гагарин во все время своего пребывания директором был с нами солидарен, всегда выражал наше общее мнение и взгляды и теперь понес незаслуженную и

несправедливую кару. Я думаю, что выражу мнения всех, если скажу, что мы вполне одобряем действия князя А.Г. Гагарина и считаем их правильными”.

Члены Собрания долго не смолкавшими аплодисментами подтвердили только что сказанное.

Заседание закрыто» [33].

А.Г. Гагарин передал председательство старейшему профессору и покинул зал заседаний. Совет тотчас же принял постановление, выражавшее сочувствие Гагарину, протест против его увольнения, и на основании Положения об институте вновь единогласно избрал его директором. Однако протест, адресованный министру, вызвал только выговор с его стороны, и увольнение осталось в силе.

На заседании Совета института 5 марта 1907 года профессором И.И. Иванюковым было выдвинуто предложение об избрании А.Г. Гагарина Почетным членом института. В протоколе заседания записано: “Князь А.Г. Гагарин со времени основания института и по день увольнения его от службы отдавал институту все свои силы, все свои помыслы и всей душой он заботился о его процветании. В этом своем стремлении он всегда являлся истинным представителем коллегиальной автономии, действуя, как исполнитель мысли и воли Совета и Правления. Направленная на благо института неутомимая деятельность князя А.Г. Гагарина, благородство его побуждений и сердечное отношение к учащейся молодежи не могли не вызвать глубокого уважения и признательности к нему как преподавательского персонала, так и студентов. Ввиду заслуг князя А.Г. Гагарина перед институтом, имею честь предложить Совету избрать его Почетным членом С.-Петербургского политехнического института” [34]. На следующем заседании Совета института 21 марта 1907 года А.Г. Гагарин был единогласно избран Почетным членом Санкт-Петербургского политехнического института.

Совещание директоров высших учебных заведений после ознакомления со всеми событиями, произошедшими в Политехническом институте, выразило А.Г. Гагарину свое сочувствие. К заключению Совещания, “что никаких существенных отличий в общих приемах управления между Политехническим институтом и остальными высшими школами не существует, ... происшедшее в С.-Петербургском политехническом институте может случиться и в другом высшем учебном заведении” [35], присоединились и Советы высших учебных заведений России. Они чрезвычайно уважительно относились к всегдашней готовности А.Г. Гагарина “защищать ту микроскопическую долю... автономности, которая завоевана в

последние годы для высших учебных заведений” [36], и считали, что в “увольнении без суда и следствия общество видит... неуважение к самым элементарным требованиям права и справедливости” [37].

Чрезвычайно бурно реагировали на увольнение А.Г. Гагарина студенты. “Характерно, что все имевшиеся в институте партии, как характера революционного, так и чрезвычайно умеренного, сошлись на резолюции не признавать происшедшего увольнения и продолжать считать князя своим единственным законным директором” [38].

Сохранились тексты двух адресов, преподнесенные Андрею Григорьевичу студентами. “Вас, отдавшего все силы на служение институту, — говорилось в первом адресе от 6 марта 1907 года, подписанном более 900 студентами, — правительство передает суду, но кроме этого суда, казенного, есть и другой суд — суд общественного мнения, и этот суд уже вынес свой приговор, но не над обвиняемым, а над обвинителем...” [39].

Суд, состоявшийся спустя два года, вынес решение, по которому А.Г. Гагарин “за бездействие властям” приговаривался к увольнению со службы с запрещением в течение трех лет поступать на государственную и общественную службу. В адресе, переданном А.Г. Гагарину после суда в апреле 1909 года и подписанном 2 тысячами студентов, говорилось, в частности: “По условиям политического момента Вы оказались бы правы в глазах суда лишь в том случае, если бы предпочли в свое время, путем рекомендованных мер, избавиться от тяжелой личной ответственности и подвергнуть роковым последствиям, быть может, целые сотни студентов. Вы избрали иной путь. Вы не уклонились от удара и пострадали сами, загородив собою ВАШИХ студентов. Общественное мнение и будущий историк академической жизни правильно оценят Ваш выбор. Мы же... просим Вас верить, что долго политехники будут Вас вспоминать и любить СВОЕГО князя” [40].

После увольнения А.Г. Гагарина с поста директора власти ликвидировали студенческие общежития, что вызвало полную перемену в жизни института, однако прошедшие со дня основания института годы не прошли бесследно. Результаты трудов А.Г. Гагарина, деканов и профессоров института были совершенно очевидны. “Уже через год или полтора после первого выпуска стали поступать в Политехнический институт с разных сторон запросы с просьбой рекомендовать молодых людей из бывших студентов, ибо окончившие курс наук оказались столь блестящими на работе, что всем хотелось заполучить к себе прошедших ту же школу” [41].

Андрей Григорьевич после отстранения с поста директора целлюлозно-бумажного комбината посвятил свое время научной работе по испытанию материалов. В 1911 году А.Г. Гагарин стал одним из организаторов Русского общества испытания материалов. Он сконструировал ряд приборов, станков и приспособлений, которые применялись в производстве стройматериалов, сделал ряд докладов в русских и иностранных технических обществах и на международных конгрессах.

В 1911 году Андрей Григорьевич откупил у Новосильцева на берегу реки Шелони деревню Холомки (сегодня это Порховский район Псковской области). Проект усадебного дома был заказан архитектору Ивану Фомину, который использовал классические традиции Кваренги, Старова и Львова. В 1912 году проект был исполнен. 29 июня того же года под руководством князя и при участии трех его сыновей с помощью крестьянина-подрядчика приступили к работам, и в октябре следующего года огромный дом был уже готов.

Начавшаяся в 1914 году первая мировая война фактически помешала его владельцам обустроить свою жизнь в этом доме, так как княгиня устроила в части дома лазарет, который содержался на личные средства А.Г. Гагарина. В 1918 году дом был национализирован. В его стенах в разные годы размещались Народный дом искусств, санаторий для больных туберкулезом, дом отдыха. В настоящее время усадьба, построенная Андреем Григорьевичем Гагариным для своей семьи, принадлежит Санкт-Петербургскому государственному политехническому университету. По решению Ученого совета она теперь называется Учебно-историческим заповедником “Холомки”.

В мае 1913 года А.Г. Гагарин представил к защите в Политехнический институт работу “Приборы, дающие зависимость между усилиями и деформациями во время удара”. Темой для нее, как написано в докладе комиссии, назначенной кораблестроительным отделением для рассмотрения диссертации, он выбрал «еще более сложную и трудную задачу, чем та, которая так блестяще разрешена его прессом. Диссертация, вместо вопросов статистического сопротивления, занята задачей о динамическом сопротивлении, о действии удара, об ударной пробе материалов... Мы имеем основания надеяться, что когда князь Гагарин окончательно выработает свой прибор для динамической пробы, то этот прибор — назовем его “Копер князя Гагарина” — получит не только для заводов, но и для научных работ, и для преподавания в высших учебных заведениях такое же значение, как и пресс князя Гагарина» [42].

Блестяще, в торжественной обстановке защитив диссертацию, Андрей Григорьевич Гагарин получил звание адъюнкта

прикладной механики. Это звание, аналогичное степени доктора технических наук, давало ему право на занятие профессорской кафедры, однако А.Г. Гагарин предпочел отказаться от работы в институте, который он сам создал и который, в значительной степени благодаря его усилиям, стал признанным храмом науки.

Политехники первых лет всегда вспоминали о своем институте с теплым чувством. “Всех объединяло служение большому делу и все отдавали ему всю душу свою” [43] и те, «кто имели счастье жить совместно в этот первый “весенний” период нашего института, никогда не забудут его и всю жизнь свою будут вспоминать эти годы как самые яркие, содержательные и ценные» [44].

Первый директор Санкт-Петербургского политехнического института князь Андрей Григорьевич Гагарин до конца своей жизни служил Родине и жил интересами науки. Во время первой мировой войны он вновь был на военной службе и в качестве постоянного члена Технического артиллерийского комитета заведовал отделом оптики; поскольку эта область механики не была ему ранее знакома, он тотчас же принялся за ее изучение и “задался целью поднять в России производство оптических стекол, ввоз которых из-за границы был тогда по случаю войны затруднен, а потребность в них для военных целей все увеличивалась. Для этого ему удалось оборудовать небольшой оптический завод, находившийся на Выборгской стороне, преобразовать для этой цели Императорский хрустальный завод под Петербургом и основать специальный завод оптических стекол в городе Изюме Харьковской губернии, куда он сам неоднократно ездил.

Кроме того, в 1916 году А.Г. был назначен правительственным инспектором деятельности Путиловского завода” [45], снабжавшего артиллерию своими изделиями. Некоторое время вместе с академиком А.Н. Крыловым он был во главе управления заводом и прилагал все силы, чтобы максимально повысить его производительность.

С 1918 года, после создания в Москве Научно-экспериментального института при Комиссариате путей сообщения, А.Г. Гагарин работал в нем старшим конструктором “по проектированию оборудования для лаборатории института и для других надобностей Комиссариата путей сообщения” [46], в том числе делал проекты ротационного копра и других машин. Жизнь Андрея Григорьевича в эти годы была очень тяжелой и “в нравственном и физическом отношениях, главным образом удручала его вынужденная разлука с семьей, которая находилась в деревне” [47] и испытывала все невзгоды, выпавшие на долю людей этого круга. Наконец в

1920 году Андрей Григорьевич решился на крайнее средство — обратился в Совет Народных Комиссаров с ходатайством о разрешении ему проживать вместе с семьей в своем бывшем имении, приезжая в Москву для сдачи проектов. Такое разрешение за подписью В. Ульянова (Ленина) им было получено, и с этим, как Андрей Григорьевич его называл, “талисманом” Гагарин вернулся к семье в Холомки.

Осенью 1920 года в Волышеве, недалеко от Холомков, открылся Псковский сельскохозяйственный техникум, и Андрей Григорьевич получил приглашение читать там лекции по математике и физике. Он и за это дело принялся со свойственным ему азартом и “ввиду отсутствия учебников составил для своих учеников рукописное руководство по физике (о теплоте). Кроме того, он в это же время для коммунального отдела Порховского Исполкома работал над проектом кирпичного формовочного прессы. Это и новое техническое изобретение, основанное на принципе его круговой линейки и долженствовавшее иметь громадное практическое значение, поглощали все последние месяцы его жизни” [48].

Связи с родным институтом А.Г. Гагарин не порывал до конца жизни. В архиве сохранилось письмо, написанное им в Политехнический институт за три месяца до кончины, в котором он просит выслать ему справку о том, что “состоит адъюнктом механики и математики в Петроградском политехникуме” [49].

Андрей Григорьевич Гагарин умер 22 декабря 1920 года в возрасте 65 лет. Его похоронили на старинном погосте Бельское Устье на Псковщине, в 150 метрах от храма Вознесения, недалеко от его усадьбы в Холомках. На надгробной плите была выбита надпись: “Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят”.

В некрологе “Светлой памяти князя А.Г. Гагарина” А.А. Стахович, выражая мнение всех лично знавших А.Г. Гагарина, написал необыкновенные, проникающие прямо в душу слова: “... умер человек исключительный, едва ли не единственный среди мне известных людей.

Не думаю, чтобы пришлось еще когда-либо встретить человека, на него похожего; человека, в котором Божья искра добра чувствовалась бы так сильно, в котором она была бы заложена не как у всех нас глубоко, почти неосязаемо и недостижимо глубоко; нет, в нем она была совсем, совсем близко, у него она светила в глазах, слышалась в голосе, проявлялась в каждом жесте и действии. Человек с редким сердцем; человек удивительной доступности и чарующей простоты; умеющий заставить других, далеких ему по натуре людей задуматься, понять значение этих качеств, зачаровывающий

ими не только своих собеседников, воздействующий ими на человеческие массы.

Горько, невыразимо горько, что не стало этого хорошего, чистого, столь нужного будущей России, человека. Его доброе сердце не выдержало ужаса общего страдания, унижения родины и торжества зла и невежества...” [50].

2 апреля 1921 года Советом Политехнического института было послано письмо вдове Андрея Григорьевича Марии Дмитриевне Гагариной с такими словами: “Андрею Григорьевичу принадлежит первое место среди тех лиц, которые создали институт и в ближайшие годы руководили его жизнью; вся деятельность Андрея Григорьевича за это время была проникнута горячей любовью к институту и беззаветной преданностью его интересам.

Имя Андрея Григорьевича неразрывно связано с Петроградским политехническим институтом, и память о нем будет храниться в институте с уважением и признательностью.

Ввиду заслуг покойного перед институтом, Совет постановил поместить его портрет в Зале заседаний” [51].

Политехнический институт воистину стал подлинным памятником Андрею Григорьевичу.

Не произошли в нашей стране те катаклизмы, которые имели в ней место на протяжении всего XX столетия, “Политехнический институт приобрел бы, — писал бывший студент кораблестроительного отделения М.М. Филоненко (и все мы, политехники разных времен, присоединяемся к его мнению), — в России и в мире не меньшее значение, чем Оксфордский и Кембриджский университеты, дающие не только знания, но и формирующие характеры, навыки будущих политических деятелей, вершащих судьбы Британской империи” [52].

Сегодня Политехническому более 100 лет. И столько же прошло со дня назначения Андрея Григорьевича Гагарина директором создававшегося тогда в Санкт-Петербурге Политехнического института. За эти годы институт подготовил великое множество инженеров, крупных ученых, производственников, деятелей культуры. Он не раз менял свое название, пока не получил своего сегодняшнего, не совсем привычного для политехников всего мира — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. Но память о его основателе и первом директоре Андрее Григорьевиче Гагарине жива и бережно поддерживается, ибо его неутомимая деятельность, направленная на благо института, благородство его побуждений, сердечное отношение к студентам и заслуги перед институтом значительны и неоспоримы.

Основные научные труды

Гагарин А.Г. Удобнейший способ предварительных вычислений солнечных затмений и подобных явлений с предвычислением полного затмения 1887 г.: Дис. канд. наук. СПб.: Петерб. ун-т, 1879.

Гагарин А.Г. Приборы, дающие зависимость между усилиями и деформациями во время удара: Дис. адъюнкта СПб. Политехнического института Императора Петра Великого. СПб., 1912.

Gagarin A. Systemes Articules assurant le mouvement rectiligne ou le curbure circulaire // Comptes Rendus. Paris, [1880].

Гагарин А.Г. О некоторых сочленениях (Первые точные круговые линейки, точное прямолинейное движение, трисектор угла, симметрограф). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 6 с.: черт.

Гагарин А.Г. Наивыгоднейшая нарезка (с политажем) // Арт. журн. 1885. № 2. С. 73–82.

Gagarin A. Etude theorique sur un roulement a billes. Paris, [1889].

Гагарин А.Г. Таблица перевода русских линейных мер во французские и наоборот. Шательро. Франция [1895]. Фр.

Круговая линейка князя Гагарина. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1900. 36 с.: табл.

Гагарин А.Г. О Новый динамометр. Предел упругости как измеритель усилий // Изв. С.-Петербург. политехн. ин-та. 1905. Т. IV, вып. 1-2. С. 3–4.

Гагарин А.Г. Новый прибор, определяющий зависимость между напряжениями и деформациями во время удара // Там же. Вып. 3–4. С. 143–150; 6 рис.

[*Гагарин А.Г.*] История Санкт-Петербургского политехнического института, составленная князем А.Г. Гагариным в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, деканов, профессора – заведующего студентами и его помощника по делам общежития // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1999. № 1–4: ил. (Подлинник): ЦГИА СПб., ф. 25, оп. 1, д. 5864.

Гагарин А.Г. Автографическая запись зависимости между усилиями и деформациями во время удара // Тр. Рус. общ-ва испыт. материалов в Москве. 1912 г. М., 1913. Т. 2.

Основные изобретения

Гагарин А.Г. Крешерный пресс — прибор для механического испытания твердости материалов. (Золотые медали на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. и в Чикаго в 1906 г.)

Гагарин А.Г. Круговая линейка с нониусом и таблицей, дающая дуги радиусов и радиусы дуг больших кругов. (Золотая медаль на Всемирной выставке в Париже. 1900 г.)

Гагарин А.Г. Электрическое приспособление для автоматического уравновешивания усилий для разрывной машины Мора и Федергадра.

Гагарин А.Г. Диаграммный прибор для крутильной машины.

ПОСНИКОВ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ,
директор
Политехнического института
(28.03.1907—09.10.1907)
(10.10.1908—01.08.1911)

Александр Сергеевич Посников
(14.12.1845—22.08.1922)

Осенью 1899 года директор Департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевский пригласил в Санкт-Петербург известного в России специалиста по политической экономии Александра Сергеевича Посникова и предложил ему принять участие в разработке плана высшего коммерческого училища. Через несколько месяцев, в марте 1900 года А.С. Посников получил от В.И. Ковалевского бумагу следующего содержания: “ г. Министр финансов изволил назначить Вас членом Особой строительной комиссии по сооружению зданий Политехнического института в Санкт-Петербурге” [1]. С этого момента жизнь А.С. Посникова навсегда будет связана с этим институтом. “Я работал по составлению программ экономического отделения, проектированного при Санкт-Петербургском политехническом институте, — писал А.С. Посников, — и с этой целью... ездил в 1900 году за границу для ознакомления с постановкой высшего коммерческого образования в Западной Европе” [2].

По возвращении он при участии других московских профессоров в течение нескольких месяцев разрабатывал учебный план экономического отделения и объяснительную записку к нему. С 21 августа 1900 года при Учебном отделе Министерства финансов проходило Совещание, целью которого было выработать Положение о Политехническом институте в Санкт-Петербурге. 23 августа были образованы две комиссии. Комиссия под председательством В.И. Ковалевского занималась коммерческим отделением. К этому времени А.С. Посниковым была завершена работа над проектом организации отделения, и по его предложению отделение решено было именовать экономическим, так как главная роль отводилась изучению экономических наук. В основании плана лежало изучение социальных и юридических наук, товароведения (в широком смысле этого слова) и вспомогательных дисциплин: географии, истории, новых языков. На экономическом отделении планировалось готовить специалистов, знающих политическую экономию, теорию финансов, торговое право. В России подобных факультетов не было не только в технических учебных заведениях, но даже в университетах. На основании материалов, разработанных комиссиями, министр финансов С.Ю. Витте составил докладную записку “Об учреждении Политехнического института в Санкт-Петербурге” от 23 ноября 1900 года,

которая была им внесена в Государственный совет. В записке особо подчеркивалась необходимость создания экономического отделения: “Отсутствие людей с... широко экономическим образованием долго еще будет парализовать заботы правительства к поднятию у нас торговли и промышленности на должную высоту и к проведению в жизнь различных мероприятий в области государственного хозяйства, если не будут приняты ныне же энергичные меры к созданию у нас школы, дающей высшее специальное экономическое образование” [3].

В тот период в России в определенных общественных кругах сознавали всю важность затронутой проблемы. Из журнала Государственного совета от 3 февраля 1900 года: “Учрежденный в Санкт-Петербурге Политехнический институт предположено поставить в такие условия, чтобы он явился средоточием выдающихся исследователей новейших отраслей прикладных знаний” [4]. В соответствии с этим С.Ю. Витте подбирал деканов четырех отделений. Первым по поручению министра финансов взял на себя обязанности декана экономического отделения Александр Сергеевич Посников. Было это 11 июля 1901 года. Окончательно его утверждение ординарным профессором по кафедре* политической экономии и деканом экономического отделения состоялось 11 мая 1902 года.

Много лет спустя профессор Политехнического института академик М.А. Павлов в своих “Воспоминаниях металлурга” передает слова С.Ю. Витте, обращенные к А.С. Посникову: “Я Вас знаю еще по Вашей деятельности в Новороссийском университете... и, если бы Вы и сейчас были таким же, каким я знал Вас тогда, я бы Вас не пригласил. Но Вы уже достаточно пожилой человек, и я рассчитываю, что с годами несколько остепенились и не будете произносить таких горячих речей, как когда-то в Одессе” [5]. Сам же С.Ю. Витте в “Воспоминаниях” отзывался о А.С. Посникове как о “талантливом профессоре”, “очень даровитом человеке” и, что было весьма существенным, “человеке достойном” [6]. Среди преподавателей экономического отделения, приглашенных А.С. Посниковым, были известные ученые: старый либерал, специалист по политической экономии И.И. Иванюков, юрист, специалист по гражданскому праву Ю.С. Гамбаров, юрист В.М. Гессен, экономист и историк П.Б. Струве, историк и философ М.М. Ковалевский. Статистику на отделении читал А.А. Чупров, а историю — Н.И. Кареев и И.М. Гревс. И этот список следовало бы продолжить.

* До середины 1930-х гг. понятие “Кафедра” не совпадает с современным. “Занять кафедру” означало читать определенный курс лекций (быть профессором по данной специальности).

Современники отмечали, что экономическое отделение блистало именами, известными всей России, и среди них одной из самых значительных личностей был сам Александр Сергеевич Посников. Он родился 14 (26) декабря 1845 года в г. Вязьме Смоленской губернии в дворянской семье, имеющей большое родовое имение. В 1862 году Александр Сергеевич окончил смоленскую гимназию и в этом же году поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1869 году. В течение последующих двух лет А.С. Посников оставался на факультете, совершенствуя знания в области политической экономии. В 1869 году в газете “Русские ведомости” началась его журналистская деятельность, к которой он в разные годы неоднократно возвращался. С 1871 по 1876 год А.С. Посников работал в Ярославле, в Демидовском юридическом лицее.

Вся его жизнь ученого-экономиста посвящена изучению одного из основных вопросов экономического устройства российской деревни — вопроса крестьянского общинного землевладения. “Интересы крестьянской России и нужды деревни занимали Вас прежде всего и больше всего” [7], — писали ему коллеги в связи с 70-летием. Первая часть его основного труда “Общинное землевладение” вышла в 1875 году, вторая — в 1878 году. Обе его диссертации, магистерская (1875) и докторская (1878), были посвящены этой проблеме. С тех пор труд А.С. Посникова никогда не переиздавался. В своей работе Посников доказывал преимущества общинного землевладения перед частной собственностью, выступая, таким образом, против аграрной реформы П.А. Столыпина.

В 1877 году А.С. Посников переехал в Одессу. В Новороссийском университете он занимал должность доцента по кафедре политической экономии и статистики, но уже в 1878 году стал ординарным профессором. В этом же году он защитил в Московском университете докторскую диссертацию. С февраля 1879 года А.С. Посников — проректор Новороссийского университета, прекрасный организатор и блестящий лектор. В университете подобрался очень сильный преподавательский состав: И.И. Мечников, И.М. Сеченов, А.О. Ковалевский. Здесь и состоялась та встреча А.С. Посникова с С.Ю. Витте, которая несколько обеспокоила будущего министра финансов. Причина для этого была: Посников являлся одним из лидеров прогрессивной профессуры, которая боролась за университетскую автономию в период надвигающейся реакции. Реакция победила, и в 1883 году А.С. Посников подал в отставку.

На несколько последующих лет его главным делом стала общественная и публицистическая деятельность. Он возвратился на

свою родину и принял участие в деятельности Смоленского земства. В 1879 и 1896–1897 годы его избирали предводителем дворянства Вяземского уезда, главой местного статистического бюро. В 1883 году А.С. Посникова избрали почетным мировым судьей Вяземского уезда Смоленской губернии; переизбрание повторялось каждые три года, даже после того как 11 мая 1902 года его назначили ординарным профессором и деканом Санкт-Петербургского политехнического института.

В 1886 году А.С. Посников переехал в Москву и в течение 10 лет возглавлял газету “Русские ведомости”.

С осени 1899 года интересы А.С. Посникова сосредоточились на столице. С ноября 1901 года все исполняющие обязанности деканов профессора вошли в состав Особой строительной комиссии, а затем образовали во главе с директором князем А.Г. Гагариным утвержденное министром Совещание, на заседаниях которого обсуждались вопросы, касающиеся учебного процесса и всей жизни института.

29 августа 1902 года состоялось первое заседание постоянного органа управления институтом – Правления. В него вместе с директором князем А.Г. Гагариным, профессором – заведующим студентами и другими деканами вошел также и А.С. Посников. В связи с приближающимся открытием института Правлению предстояло проделать огромную работу.

1 октября 1902 года Санкт-Петербургский политехнический институт был открыт, на следующий день перед студентами выступили директор и деканы института. Через много лет один из экономистов первого набора вспоминал выступление своего декана А.С. Посникова, его яркую внешность (“умное, властное лицо, густые седые волосы и очень пронизательные глаза из-под нависших темных бровей” [8]) и фразу, которая характеризовала взгляды широких общественных слоев той эпохи: “Можно удивляться, – сказал А.С. Посников, – что наша страна затрачивает такую огромную сумму, в 5 миллионов золотых рублей, на постройку этого института; но если сопоставить, что затраты на постройку одного броненосца доходят до 7 миллионов, то эта затрата не покажется чрезмерной, но оправдываемой насущной необходимостью” [9].

После общего собрания студенты разошлись по отделениям. Деканы ознакомили их с особенностями учебного плана и задачами, поставленными перед каждым отделением. По воспоминаниям бывших студентов, первая лекция А.С. Посникова была своего рода введением в изучение политической экономии. В заключение

он призвал своих студентов всегда ценить и любить единственного верного и неизменного друга — книгу. Очень скоро будущие экономисты смогли последовать этому совету. На отделении появилась обширная литература по политической экономии, статистике, экономической географии, юриспруденции, истории, философии. Авторами были знаменитые профессора, приглашенные на экономическое отделение Александром Сергеевичем Посниковым. Их труды не потеряли своего значения и в наши дни.

Среди профессуры отделения были люди разных политических убеждений, но благодаря их высочайшей культуре и прогрессивным взглядам это различие не мешало работе. Сам А.С. Посников, по мнению современников, был убежденным сторонником либеральной классической школы, а потому идейным противником марксизма. Несмотря на то, что Александр Сергеевич был властным человеком, “он с уважением относился к мнению своих идейных противников, а благодаря природному такту и доброжелательному отношению к студентам, он завоевал в студенческой среде, его несколько побаивающейся, не только уважение, но и известную любовь” [10].

Отзывы о личности А.С. Посникова, безусловно, неоднозначны, но можно с уверенностью утверждать: даже у идейных противников он вызывал уважение. К последним можно отнести будущего академика, а в то время студента-экономиста, С.Г. Струмилина, который вспоминал: “Строгий в своих требованиях к студентам, которых он заставлял изучать всех классиков из первых рук, а не в чужом пересказе, он беспощадно гонял с экзамена тех, кто пытался обойти эти требования” [11]. Очевидно, у Струмилина, тогда уже члена РСДРП, вызывало несогласие требование изучать в большом объеме Адама Смита, Рикардо и других экономистов вместо Карла Маркса.

Первые два учебных года (1902/03 и 1903/04) прошли в институте относительно спокойно. Третий был прерван событиями 9 января 1905 года. В течение полутора лет, весь 1905 год и первое полугодие 1906 года, занятия проводились лишь один месяц. За эти полтора года институт обрел первые начала автономии — право выбора директора и деканов.

В сентябре 1905 года А.С. Посников был избран деканом экономического отделения на четыре года. В 1906 году экономическое отделение, самое большое в институте, увеличило прием. Если в 1902 году было принято 125 студентов, то в 1906 году их число возросло до 180.

В первые годы работы института А.С. Посникову неоднократно приходилось исполнять обязанности директора во время коротких отлучек А.Г. Гагарина. Официальный пост директора Политехнического института он занял вследствие ряда драматических событий, потрясших институт и закончившихся отстранением князя А.Г. Гагарина от должности директора.

На следующий же день Посников, как старший из деканов, получил предложение от министра, впредь до избрания Советом нового директора, временно исполнять его обязанности.

Одно из первых писем, полученных А.С. Посниковым от министра торговли и промышленности 28 февраля 1907 года, касалось событий 18 февраля: “В результате обыска в общежитиях института было задержано 20 нелегальных лиц. При обыске обнаружено 11 начиненных бомб... несколько пачек динамита, 9 винтовок, 1 пироксилиновая шашка, 2 куса бикфордова шнура, коробка со 100 капсулями для запала” [12]. Надо сказать, что результаты обыска до сих пор подвергаются исследователями этого вопроса сомнению. М.А. Павлов в своих “Воспоминаниях металлурга” писал: “Вероятнее всего, бомбы были подкинута самой полицией” [13]. Эта точка зрения встречается и в некоторых материалах послереволюционных лет.

Совету института срочно пришлось выбирать директора. Вновь обратимся к “Воспоминаниям металлурга” М.А. Павлова: «Было избрано наиболее авторитетное лицо, в котором все предполагали найти отличного директора. Это был профессор Посников... Он вполне удовлетворял требованиям, которые предъявлялись к директору института. Думаю, что он с достоинством держал себя при сношениях с высшей администрацией. Это был человек, который знал себе цену. Как председатель Совета он держался очень хорошо, с большим достоинством, но так, что казался “первым среди равных“» [14].

28 марта 1907 года А.С. Посников был единогласно избран на должность директора Политехнического института. Время было очень сложное, положение усугублялось еще и тем, что в 1906–1907 годы из состава Правления по разным причинам выбыли три человека, которые играли важнейшую роль со времени основания института: А.Г. Гагарин, Н.А. Меншуткин и М.А. Шателен.

30 мая 1907 года произошло знаменательное событие: первые студенты в истории института закончили курс. Это были 11 выпускников экономического отделения, которые получили звание действительного студента. Звание кандидата экономических наук присуждалось позже, для этого выпускник должен был в течение года представить диссертацию.

8 мая 1907 года министр торговли и промышленности (27 октября 1905 года Политехнический институт был выделен из состава Министерства финансов и предоставлен ведению Министерства торговли и промышленности) передал институту постановление Совета министров о введении новых правил, касающихся общежитий при высших учебных заведениях. Для рассмотрения этого вопроса в Политехническом институте была создана комиссия, в которую вошел и А.С. Посников. Комиссия нашла, что новые правила для института недопустимы, так как согласно им общежитие должно подчиняться полицейскому режиму. На предложение Правления института сдать общежитие в арендное содержание министр ответил отказом. Результатом этих переговоров было постановление Совета министров в 1907 году общежитие не открывать. Это постановление создавало большие затруднения для студентов отдаленного от столицы института.

Положение осложнилось тем, что в 1907 году планировалось увеличить прием на все отделения, а на экономическое — до 540 студентов. Правда, число принятых оказалось меньше. Вопрос сообщения с городом был решен позднее. Рельсовый путь до института проложили летом 1908 года, а с 1909 года до самых ворот стали ходить поезда.

11 июня 1907 года Советом министров были выработаны правила учреждения студенческих организаций и устройства собраний в стенах институтов. Отныне на проведение публичных и частных собраний студентов нужно было получить разрешение директора или профессора — заведующего студентами.

1 сентября 1907 года состоялось заседание Совета института, на котором обсуждалось предложение профессора М.А. Шателена об открытии в освободившихся зданиях общежитий трех новых отделений: инженерно-строительного, механического и химического. Директор А.С. Посников выступил в поддержку этого предложения.

4 сентября 1907 года, за полгода до истечения срока избрания, А.С. Посников обратился к министру: “По состоянию моего здоровья и по домашним обстоятельствам, я вынужден просить освободить меня от исполнения обязанностей по должности директора Политехнического института” [15].

В связи с этим 10 октября 1907 года директором института был избран профессор И.В. Мещерский, и В.В. Скобелыцын от имени Совета поблагодарил А.С. Посникова за несение тяжелых обязанностей директора в столь трудное для института время. И.В. Мещерский пробыл на посту директора ровно год, из-за болезни глаз он

подал в отставку, и с 10 октября 1908 года, согласно избранию Совета, в должность директора сроком на три года снова вступил А.С. Посников. Но с должности декана экономического отделения, по его прошению, он был уволен 7 ноября 1908 года. Весь сентябрь и начало октября 1908 года в институте проходила забастовка студентов. Причиной был изданный летом циркуляр министра народного просвещения А.Н. Шварца. По циркуляру студентам запрещалось принадлежать к политическим партиям, отменялся институт студенческих старост. На основании постановления Совета министров Учебный отдел Министерства торговли и промышленности ввел новые правила для студентов, по которым на входные документы надлежало наклеивать фотографии. Только к 10 октября прекратилась забастовка и начались занятия.

Годы правления А.С. Посникова были отмечены рядом событий: 22 июня 1909 года Николай II утвердил закон об учреждении в составе Политехнического института инженерно-строительного и механического отделений; с сентября этого же года начались занятия на курсах воздухоплавания при кораблестроительном отделении для студентов всех технических отделений; летом 1911 года была закончена организация при ППИ Офицерских курсов авиации имени В.В. Захарова. С января 1910 года институт стал называться Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого. Годы 1908–1914-й были в институте периодом наибольшего развития научной деятельности профессоров и преподавателей.

10 марта 1910 года в институте прошло неразрешенное собрание студентов с участием посторонних лиц, которое было разогнано полицией, за ним последовало второе. О случившемся А.С. Посников доложил на Совете, который выразил полную солидарность с деятельностью директора, “проникнутой глубокой любовью к институту и гуманной заботливостью об интересах учащегося юношества” [16]. Неразрешенные сходки студентов состоялись в начале декабря 1910 года, и на них было вынесено постановление о прекращении занятий на три дня. А.С. Посников собрал профессоров и просил их находиться в учебное время в институте, чтобы охранять аудитории и лаборатории от насильственных действий студентов, а также обратился к студентам с воззванием воздержаться от актов насилия. В институт приезжала полиция, свыше 30 студентов были арестованы. Один из студентов-экономистов запомнил свой разговор с А.С. Посниковым во время очередной забастовки, прервавшей занятия: “Вы думаете, мне легко смотреть, как гибнет наш институт? Ведь многие студенты никогда не вернутся сюда, а другие теряют драгоценное время” [17].

В конце 1910 и начале 1911 года министр народного просвещения принял ряд жестких мер против студентов, о которых А.С. Посников сообщил на заседании Совета 19 января 1911 года. Одной из этих мер было временное запрещение любых студенческих собраний в стенах института; нарушивших это постановление надлежало исключить.

Несмотря на все распоряжения Совета министров, в конце января 1911 года возобновились студенческие сходки; 26 января было вынесено постановление о забастовке. На экстренных заседаниях Совета было решено продолжить занятия, несмотря на почти полное отсутствие студентов. И хотя институт весной 1911 года закрыт не был, занятия в нем почти не проходили.

1 августа 1911 года А.С. Посников, по истечении трех лет, согласно прошению, был освобожден от должности директора, оставаясь ординарным профессором. Помимо работы в институте он занимал еще ряд общественных постов. С 1909 по 1911 год он – президент Императорского вольного экономического общества. С 15 ноября 1911 года по 21 декабря 1912 года он занимал пост члена Совета Государственного банка от Министерства финансов.

25 марта 1912 года А.С. Посников был произведен в тайные советники, а в ноябре 1912 года избран членом IV Государственной думы от Петербургской губернии, что лишало его права оставаться на государственной службе, и он вышел из числа профессоров института. По предложению экономического отделения Совет Политехнического института 17 декабря 1912 года избрал А.С. Посникова Почетным членом института. Коллеги высоко оценили его вклад в создание отделения и института: “Крупный ученый авторитет, редкий преподавательский дар и несравнимые организаторские способности Александр Сергеевич всецело отдал на служение институту. Как профессор, как представитель и руководитель сначала экономического отделения, а потом и всего института, Александр Сергеевич бесспорно в высокой степени содействовал росту и развитию института за первые 10 лет его существования. В истории института имя Посникова должно занять одно из самых почетных мест” [18].

В.В. Скобелыцын, занявший пост директора, предложил за заслуги в деле организации института назначить А.С. Посникову пенсию в размере, которая полагалась профессору, проработавшему более 30 лет в этой должности. На основании высочайше утвержденного 3 июня 1913 года Положения Совета министров А.С. Посникову была назначена пенсия в размере 3000 рублей в год.

14 декабря 1915 года А.С. Посникова чествовали в связи с его 70-летием. М.М. Ковалевский на юбилее сказал, что одного из лучших знатоков русской экономической жизни — Посникова — чествуют все оппозиционные партии. В приветствии Совета ППИ говорилось: “Вся деятельность в институте как профессора, декана, члена Совета и директора была проникнута стремлением насадить в новой школе с самого начала ее существования те благородные традиции, которые... сложились в русских университетах под влиянием высоких идеалов 60-х годов” [19].

Являясь членом Государственной думы, А.С. Посников не прервал связи с Политехническим институтом. С 1 января 1913 года по 1918 год экономическое отделение ежегодно переизбирало его преподавателем по курсу политической экономии.

28 марта 1917 года А.С. Посников был назначен Временным правительством управляющим Государственным банком с правами товарища министра финансов; в апреле — председателем Главного земельного комитета, сенатором 2-го департамента правительствующего Сената.

7 (20) февраля 1918 года Совет Политехнического института избрал А.С. Посникова ординарным профессором по кафедре политической экономии. 29 мая он впервые вновь появился на Совете, и все присутствующие встретили его аплодисментами. Александр Сергеевич поблагодарил Совет за избрание, которое дало ему возможность вернуться в состав профессоров института. В это время ему было уже 72 года, а шел 1918 год...

Наступали тяжелые времена, в Петрограде начался голод, о той пенсии, которую выписали Посникову при царском правительстве, уже никто не помнил. Нельзя сказать, что новое правительство не стремилось помочь старому ученому. 5 августа 1919 года Правление объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений довело до сведения ППИ о постановлении предоставить усиленный паек профессору А.С. Посникову. В связи с этим обратимся еще раз к “Воспоминаниям” М.А. Павлова, который в этот период так исхудал от голода, что его с трудом узнавали сослуживцы: “А.С. Посников предложил мне часть своего пайка, который он откуда-то получил в увеличенном количестве... Это было совершенно неожиданное предложение, потому что Посников не отличался мягкосердечием и особого расположения ко мне не обнаруживал” [20].

В декабре 1921 года на президиуме Совета института специально был поднят вопрос о тяжелом положении профессора А.С. Посникова. Его имение в Смоленской губернии отобрали (как у всех); для

того, чтобы содержать двух внуков, он, в свои годы, был вынужден работать в трех учебных заведениях (кроме ППИ, еще в Агрономическом и Лесном институтах). Из-за перегрузок он не имел возможности окончить свой труд — результат экономических исследований за несколько десятков лет. Совет предложил освободить А.С. Посникова на два года от учебных обязанностей с оставлением оклада для окончания труда, хлопотать о возвращении имения. (В это время Совет еще не знал, как наивно звучит его последнее предложение!).

Александр Сергеевичу Посникову еще предстояло увидеть и пережить все нововведения на созданном им отделении (после 1917 года — факультете). В начале 1918 года в институте была образована комиссия по реформе преподавания на экономическом факультете. Комиссия отметила (как недостаток!) многопредметность и большое количество экзаменов, осилить которые средний студент не в состоянии. Усугубил положение декрет Совнаркома от 2 августа 1918 года, подписанный В.И. Лениным, по которому каждое лицо, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого вуза без предоставления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо вообще школы.

В течение 1918/19 учебного года план экономического факультета был подвергнут коренному пересмотру, в нем постепенно вытеснялись юридические дисциплины и усиливались технические и экономические. Перестройка учебного плана проходила под знаком борьбы с буржуазной идеологией. Новым учебным планом предусматривалось преподавание марксизма-ленинизма. Весной 1919 года на экономическом факультете были введены новые предметы: социология, история социалистических учений, современный социализм. В курс государственного права был введен новый раздел, посвященный Конституции РСФСР.

В декабре 1920 года А.С. Посников представил программу, которая содержала большие разделы по истории экономических и социалистических учений, начиная от древнегреческих историков до наших дней. В конце программы был раздел «К. Маркс и Ф. Энгельс. Главные их произведения и специальное объяснение “Капитала” и “Коммунистического манифеста”». Возмущению критиков, прочитавших эту программу, не было предела: “Основоположникам научного социализма в программе отводилось времени не больше, чем Прудону и Лассалю!” [21].

Окончательного результата перестройки своего факультета Александр Сергеевич Посников не увидел. Он умер 22 августа 1922 года на 77-м году жизни в санатории “Узкое” под Москвой. В Москве его и похоронили.

Каким же остался в памяти современников этот талантливый, яркий, противоречивый человек? “Он был раздражительным человеком и нередко покрикивал на подчиненных” [22], — вспоминал профессор М.А. Павлов.

“Темпераментный, вспыльчивый, чрезвычайно острый на язык” [23], — вторит ему профессор экономического отделения В.Б. Ельяшевич, который оставил нам редкий по теплоте рассказ об Александре Сергеевиче Посникове: “Мы пережили 1904—1906 годы, годы войны, Февральскую революцию, большевистский переворот. Нас всех собирали не на официальные заседания, а на частные совещания на квартире у Посникова, собирали всех тех, без различий официального положения и возраста, которые активно принимали участие в жизни института, и здесь в неофициальном порядке разрешались трудные вопросы, с тем чтобы эти решения осуществить потом уже официальным путем. Другая традиция, для нас трогательная, это ежегодные, в день рождения А.С. Посникова 14 декабря, собрания всего педагогического персонала института у него на квартире. Это был наш второй академический праздник, и никакого различия между нами не было. Мы составляли одну семью” [24].

В 1899 году Александр Сергеевич Посников был приглашен для разработки учебного плана первого в России экономического отделения еще не существовавшего тогда Политехнического института. Через 16 лет институт чествовал своего первого декана в день его 70-летия. Что удалось ему сделать за такой небольшой отрезок времени? Архив сохранил ответ на этот вопрос: “Вы сделали из экономического отделения рассадник теоретически подготовленных деятелей, умеющих хорошо разбираться в сложном разнообразии явлений современного хозяйственного быта” [25].

Он по праву мог считать свою задачу выполненной. И это совсем не мало для того, чтобы мы помнили этого человека.

Основные научные труды

Посников А.С. Общинное землевладение. Ч. 1: Магист. дис. 1875.

Посников А.С. Общинное землевладение. Ч. 2: Докт. дис. 1878.

Посников А.С. Общинное землевладение. 2-е изд. Одесса, 1878. Вып. 1—2.

Чупров А.И., Посников А.С. Введение // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства: Сб. статей. СПб., 1897. Т. 1. С. 1–64.

Посников А.С. Памяти А.И. Чупрова // Изв. СПб. Политехн. ин-та. Отд. наук эконом. и юрид. 1908. Т. IX, вып. 1. С. 1–6.

Посников А.С. Политика разрушения в аграрном вопросе (закон 9 ноября 1906 г.) // Вестн. Европы. 1908. № 1. С. 243–267.

Посников А.С. Аграрный вопрос в Третьей Думе (Малоземелье и дополнительное наделение) // Вестн. Европы. 1909. № 1. С. 233–248.

Посников А.С. Земельный надел крестьян (памяти 19 февраля 1861 г.) // Вестн. Европы. 1911. № 2. С. 71–91.

Посников А.С. Памяти И.И. Иванюкова // Изв. СПб. Политехн. ин-та: Отд. наук эконом. и юрид. 1912. Т. XVII. С. 1–3.

Посников А.С. Государственная Дума и ее соперники // Вестн. Европы. 1913. № 6. С. 318.

Посников А.С. Из моих воспоминаний (редактор “Русских ведомостей” Н.С. Сковрцов) // Русские ведомости. 1863–1913: Сб. статей. М., 1913. С. 63–70.

Посников А.С. Граф С.Ю. Витте // Речь. 1915. № 58.

МЕЩЕРСКИЙ
ИВАН ВСЕВОЛОДОВИЧ,
директор
Политехнического института
(10.10.1907—09.10.1908)

Иван Всеволодович Мещерский
(29.07.1859—07.01.1935)

Иван Всеволодович Мещерский, один из крупнейших русских механиков конца XIX — начала XX столетия, всю свою жизнь посвятил созданию основ механики тел переменной массы. Научное предвидение И.В. Мещерского, его целеустремленные творческие искания в области, считавшейся фантастической и малоактуальной, характеризуют его как талантливого, проницательного механика, делают его личность особенно привлекательной и значительной.

До 40-х годов XX века И.В. Мещерский был известен широким кругам русской научно-технической интеллигенции как выдающийся педагог высшей школы, но не как ученый-новатор. Это непонимание коллегами и современниками прогрессивности его научных исследований заставляло Ивана Всеволодовича быть необычайно сдержанным, подчеркнуто бесстрастным. В его работах все — строго от разума, никаких апелляций к чувствам читателя. Сдержанность и математическая строгость — вот основная характеристика его научного, как, впрочем, и педагогического стиля.

Его жизнь условно можно разделить на два периода: университетский — до 1902 года и политехнический — после 1902 года.

И.В. Мещерский родился 29 июля (10 августа) 1859 года в г. Архангельске в семье мещанина. Начальное образование он получил в Соломбальском приходском, затем уездном училищах. В 1871 году поступил в архангельскую гимназию. “Педагогический совет гимназии, учитывая блестящие успехи и “недостаточное состояние юноши”, освобождал его от платы за обучение и поддерживал небольшой стипендией” [1]. Курс гимназии Иван Всеволодович окончил в 1878 году с золотой медалью, причем в аттестате была отмечена “любопытность весьма похвальная, и особенно к древним языкам и математике” [2]. В этом же году он поступил на математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Это было время расцвета петербургской математической школы, созданной П.Л. Чебышевым (1821–1894). Здесь Мещерский с восторгом слушал лекции как самого П.Л. Чебышева, так и известных в то время профессоров А.Н. Коркина, К.А. Поссе и др. С особым интересом он занимался механикой. Не имея возможности получать какую-либо помощь от родных, Иван Всеволодович существовал

на средства, которые давали частные уроки и студенческая стипендия, кроме того, принимал активное участие в качестве делопроизводителя в студенческом физико-математическом кружке.

В 1882 году Мещерский окончил курс со степенью кандидата и вскоре по представлению известного русского профессора теоретической механики Д.К. Бобылева (1842–1918) был оставлен при университете “для приготовления к профессорскому званию” [3]. В этот период он занимался различными вопросами, касающимися дифференциальных уравнений движения материальных систем; опубликовал свою первую научную работу “Давление на клин в потоке неограниченной ширины двух измерений”, которая сразу “выдвинула молодого ученого” [4]. В феврале 1888 года он был назначен хранителем кабинета практической механики с жалованием в 600 рублей в год, через год сдал экзамены на ученую степень магистра прикладной математики и в октябре 1890 года был зачислен в состав приват-доцентов и допущен к чтению лекций по механике.

19 ноября этого же года И.В. Мещерский прочел свою первую вступительную лекцию курса “Интегрирование уравнений механики”. Среди слушателей курса были будущие выдающиеся ученые и профессора: академик А.Н. Крылов, член-корреспондент Г.В. Колосов, профессор Т.Э. Фризендорф и др. О начале своей педагогической деятельности И.В. Мещерский позже вспоминал: “На одном групповом занятии со студентами университета мы решали задачу по механике. В конце занятий ко мне подошел молодой гардемарин, вольнослушатель, и сказал, что, по его мнению, эта задача решена неправильно. Придя домой, я тщательно проанализировал полученное нами решение и, к моему крайнему удивлению, убедился в правоте замечания вольнослушателя” [5]. Этим гардемаринком был А.Н. Крылов (1863–1945), который сохранил тетрадь с записями лекций Мещерского, прочитанных им в 1890/91 учебном году в Петербургском университете.

В последующие годы И.В. Мещерский читал в университете лекции еще и по графостатике и вел практические занятия по общему курсу теоретической механики. Кроме университета он читал курс вариационного исчисления в Институте инженеров путей сообщения и преподавал теоретическую механику на Петербургских высших женских курсах.

В 1893 году И.В. Мещерского командировали за границу на один год для ознакомления с преподаванием механики и механическими кабинетами в Италии, Франции, Швейцарии и Германии.

Результатом поездки явилась работа, которая была напечатана в журналах Министерства народного просвещения (1894). Впоследствии, имея уже значительные средства, он любил ездить на каникулярное время за границу. Часто бывал во Франции, свободно владел французским и даже занимался переводом на французский язык мемуаров академика П.Л. Чебышева.

Спустя 15 лет после окончания университета И.В. Мещерский защитил магистерскую диссертацию. По выдержании установленного испытания и публичной защиты диссертации “Динамика точки переменной массы” Советом университета, согласно представлению физико-математического факультета, И.В. Мещерский утвержден в степени магистра прикладной математики в заседании Совета 1 декабря 1897 года. “Тогда многие присутствовавшие на этой защите недоумевали: какое значение для науки имеет данная тема? Но научное предвидение И.В. Мещерского победило” [6]. По существу, диссертация И.В. Мещерского заложила основы небесной механики тел переменной массы. Позже эта теория получила окончательное выражение в его работе “Уравнение движения точки переменной массы в общем случае”, которая была опубликована в первом номере журнала “Известия Санкт-Петербургского политехнического института” в 1904 году. Эти две работы составили “теоретический фундамент современной ракетодинамики” [7].

И.В. Мещерский являлся членом Русского технического общества. 1 марта 1897 года на его собрании была создана специальная комиссия, в которой должны были рассматриваться вопросы о высших технических учебных заведениях. В эту комиссию вошел и И.В. Мещерский. В 1901 году он, как член этой комиссии, участвовал в разработке планов преподавания и соответствующих программ для строившегося тогда Санкт-Петербургского политехнического института, главным образом по математике и механике для его кораблестроительного отделения.

13 мая 1902 года директор Политехнического института князь А.Г. Гагарин обратился с ходатайством к министру финансов о назначении магистра теоретической механики приват-доцента Санкт-Петербургского университета надворного советника И.В. Мещерского на должность ординарного профессора по кафедре теоретической механики на электромеханическом отделении. Министр финансов С.Ю. Витте “изволил выразить свое согласие” [8]. Таким образом, с мая 1902 года вся последующая научная, педагогическая и общественная деятельность И.В. Мещерского теснейшим образом было связана с Политехническим институтом.

16 сентября 1902 года в Политехническом начал свою деятельность последний орган управления институтом, предусмотренный Положением, — Совет Санкт-Петербургского политехнического института, в состав которого вошел и профессор И.В. Мещерский. В конце первого заседания Совета он произнес такие слова: “Я имею честь выразить глубокую благодарность членам Сопещения и его председателю за их плодотворную работу, которая расчистила путь для деятельности Совета и сделала возможным открытие института через несколько дней” [9].

В стенах только что открывшегося института 3 (16) октября 1902 года И.В. Мещерский прочел первую лекцию по теоретической механике для студентов всех технических отделений. С этого времени более 30 выпусков инженеров прослушали курс теоретической механики у профессора Мещерского. Человек высокой культуры, он был крайне требователен к себе, качеству своей работы, пользовался огромным уважением коллег и учеников.

На протяжении всей своей жизни профессор И.В. Мещерский неоднократно принимал участие в деятельности всевозможных комиссий, комитетов и совещаний, на которых всегда отстаивал свою точку зрения. С 1902 по 1907 год он избирался членом (кандидатом) профессорского суда; входил в состав библиотечной комиссии от электромеханического отделения. Участвовал в первом заседании комиссии кораблестроительного отделения, где обсуждался вопрос об учреждении курса воздухоплавания (1909), и по просьбе декана К.П. Боклевского совместно с А.П. Фан-дер-Флитом разрабатывал программу курса теоретической аэродинамики. Был председателем предметной комиссии по теоретической механике (1923). Принимал самое активное участие в организации на базе Политехнического института отраслевых втузов и в связанном с этим пересмотре программ, системы преподавания механики и т.д.

3 октября 1907 года И.В. Мещерский был утвержден заведующим учебной частью вновь открытого механического отделения. Он тотчас же приступил к составлению учебных планов и программ, но вскоре освободился от этих обязанностей ввиду избрания его директором института.

Произошло это следующим образом. После того как А.С. Посников наотрез отказался от переизбрания в должности директора на второй срок, Совету института предстояло решить нелегкую задачу — выбрать нового директора. На заседании Совета 10 октября большинство голосов собрал И.В. Мещерский, согласившийся на

избрание после долгих колебаний. “Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 10 ноября за № 73 И.В. Мещерский утвержден в должности директора Санкт-Петербургского политехнического института, согласно избранию Советом на один год с 10 октября 1907 года” [10].

В течение этого года под руководством И.В. Мещерского в институте создавались новые отделения: механическое, инженерно-строительное и химическое (вскоре закрытое). 17 октября министр торговли и промышленности удовлетворил его ходатайство о приеме на новые отделения до 400 человек и разрешил начать чтение лекций. В этом же году, вследствие увеличения числа студентов и нормального, без перерывов, проведения учебных занятий, институт впервые был обеспечен в достаточном количестве специальными средствами, что позволило выдать вознаграждения “за особые труды” [11] профессорам и доцентам, а также и дополнительные вознаграждения лаборантам. Несколько расширены были права относительно казенных квартир.

1907/08 учебный год завершился относительно спокойно. Хотя, надо отметить, были и студенческие сходки, и обыски помещений. Администрации института приходилось принимать свои меры, выполняя распоряжения правительства. Например, 29 ноября 1907 года газета “Новое время” извещала читателей “о введении руководством Политехнического института предписания министра торговли и промышленности “О применении по отношению к студентам в случае возникновения беспорядков или волнений дисциплинарных взысканий”. В мае 1908 года в институте произошло ужесточение пропускной системы: отныне во входной билет вклеивалась фотография владельца. Очередной прием студентов провели по несколько измененным правилам, а именно: с этого года вновь лиц женского пола в институт не принимали.

В августе в Петербурге вспыхнула эпидемия холеры, и по этому случаю Правлению пришлось принять ряд экстренных мер.

Новый 1908/09 учебный год начался со студенческих волнений и сходок в знак протеста против циркуляров министра народного просвещения А.Н. Шварца, которыми отменялся институт студенческих старост, студентам запрещалось принадлежать к политическим партиям и т. д. Совет института и директор И.В. Мещерский неоднократно обращались к студентам и призывали “воздержаться от действий, могущих помешать преподавателям вести занятия” [12], но только с октября учебный процесс стал входить в спокойное русло.

Профессор М.А. Павлов (металлург), который в это время исполнял обязанности заведующего студентами, писал: “Мещерский часто выступал в Совете по всем обсуждавшимся вопросам..., часто расходился с теми мнениями, которые высказывались другими профессорами, и всеми силами хотел доказать ошибочность этих мнений и невозможность принимать такие решения, которые не отвечали бы простой формуле – дважды два – четыре. Для Мещерского как математика удовлетворение этой формуле было обязательным, и он не хотел видеть, что жизнь заставляет иногда отступать от нее, идти на компромисс. Он просиживал многие часы в кабинете с кипами бумаг на столе, на которые нужно было отвечать. Конечно, важнейшие дела решались в Совете и Правлении института, оставалось лишь формулировать ответы, но кроме важнейших были и всякие мелкие дела, и всем им И.В. Мещерский придавал важное значение, изнурая себя придумыванием резолюций” [13].

Надо полагать, административная работа была для И.В. Мещерского сущим мучением. Ровно через год после своего назначения, 7 октября 1908 года, он отправил прошение в Министерство торговли и промышленности следующего содержания: “10 сего октября истекает годовой срок, на который я был утвержден, повелением Государя Императора, в должности директора Санкт-Петербургского политехнического института, и, таким образом, от вышеуказанного числа кончается срок моих полномочий. Расстроенное состояние моего здоровья совершенно лишает меня возможности нести дальше связанные с должностью директора обязанности и, вследствие чего, покорнейше прошу разрешения на освобождение меня от исполнения обязанностей директора института” [14]. Согласие было получено.

Об этом периоде своей деятельности Иван Всеволодович писал, что “полулегальное существование новых отделений, так как они пока еще не были утверждены Государственной Думой, студенческие волнения и связанные с ними мероприятия правительства, наконец, финансовые и хозяйственные затруднения – все это создавало довольно тяжелые условия для деятельности директора” [15].

За время работы на посту директора института И.В. Мещерский не оставлял научную и педагогическую деятельность, занимая кафедру теоретической механики. Его педагогическая деятельность была широко известна среди современников. Он превосходно организовал преподавание механики, постоянно

проводя в жизнь идею тесной связи теоретической и прикладной механики путем постановки практических упражнений. Для ведения лабораторных занятий И.В. Мещерский пригласил в институт талантливых молодых инженеров, которые позже заняли кафедры как в Политехническом институте, так и в других технических школах. Это были Б.А. Бахметев, А.А. Горев, И.И. Бентковский, К.М. Дубяга, Г.В. Колосов, В.Ф. Миткевич, Е.Л. Николаи, С.П. Тимошенко, А.П. Фан-дер-Флит, А.К. Федерман, Т.Э. Фризендорф, В.Д. Шатров. Основой преподавания механики являлись оригинальный курс теоретической механики, разработанный Мещерским, а также составленный им сборник задач по теоретической механике. Этот единственный в своем роде задачник был выпущен впервые в литографированном виде в 1908 году и выдержал 37 переизданий только в России. Следует отметить, что в составлении сборника под руководством профессора И.В. Мещерского участвовали такие преподаватели, как Л.В. Ассур, Е.Л. Николаи, С.П. Тимошенко, А.К. Федерман, А.П. Фан-дер-Флит и др. В 1958 году задачник был переведен на английский язык и принят в качестве основного учебного пособия в американских технических учебных заведениях.

При кафедре теоретической механики И.В. Мещерский организовал кабинет механики, в котором тщательно собирались приборы и модели механизмов, относящиеся к статике, кинематике и динамике. В кабинете студенты выполняли экспериментальные работы по механике. Здесь же часто занимались студенты и аспиранты других вузов. Так, например, будущие профессора А.А. Фридман, В.А. Булыгин и Я.Д. Тamarкин, в то время еще аспиранты Петербургского университета, ездили в Политехнический институт на кафедру к профессору Мещерскому заниматься изучением механических и математических приборов. При содействии А.П. Фан-дер-Флита И.В. Мещерский организовал научно-технический кружок преподавателей, который в течение 10 лет собирался в помещении кабинета механики для докладов и бесед по научно-техническим вопросам.

И.В. Мещерский производил впечатление сухого, замкнутого и несколько педантичного человека. “Он был безмерно строг к начинающим, особенно инженерам-преподавателям, которые, за малым исключением, не очень были сильны в высших теориях. Студенты, да и мы — молодежь, его побаивались на адъюнктских экзаменах” [16], — писал в своих воспоминаниях профессор Н.Н. Саввин.

Действительно, студенты считали Ивана Всеволодовича “грозой и непререкаемым авторитетом по механике” [17]. Его отступления от установившегося порядка преподавания имели место только при выдающихся ответах студентов на экзаменах по механике. Он обычно преподносил таким студентам оттиски своих работ по динамике тел переменной массы — лучшее, что имел.

Большой интерес к преподаванию, любовь к молодежи создали И.В. Мещерскому исключительную популярность, о которой можно судить по тому, как в 1929 году проходил юбилей, посвященный 70-летию со дня его рождения. “Весь актовый зал заполнен преподавателями научных и высших учебных заведений страны и студентами. Большинство из присутствующих — ученики профессора Мещерского, которые с благодарностью вспоминали своего учителя” [18]. Выдающийся конструктор отечественных гидросамолетов Г.М. Бериев писал: «Вспоминаю, как на занятиях по механике с нашей группой, когда мы подошли к ознакомлению с уравнениями Лагранжа, он тщательно выписал их на доске, затем отошел на несколько шагов от доски, посмотрел внимательно на формулы и, прослезившись, торжественно произнес: “Это — знаменитые уравнения Лагранжа!”» [19] (Ж.Л. Лагранж, 1736—1813, — творец классических методов небесной механики). Следует отметить, что сами эти уравнения впервые были введены в курс русской технической школы по инициативе И.В. Мещерского.

Иван Всеволодович был человеком, влюбленным в свою научную и педагогическую деятельность. Живой связью со студенчеством была наполнена вся его долгая трудовая жизнь, а созданная им система преподавания механики в Политехническом институте явилась образцом для многих вузов страны. За заслуги в области научной и педагогической деятельности И.В. Мещерскому в 1915 году было присвоено ученое звание “Заслуженный профессор Петроградского политехнического института императора Петра Великого” [20]. Действительный статский советник И.В. Мещерский имел и правительственные награды. “За выслугу лет и безупречную службу” [21] он был пожалован орденами Святого Станислава 3-й степени (1898), Святой Анны 3-й степени (1902), Святой Анны 2-й степени (1906), Святого Владимира 4-й степени (1916) и серебряной медалью в память царствования императора Александра III.

Немаловажное событие произошло в жизни Ивана Всеволодовича накануне Октябрьской революции. 27 августа 1917 года

он оформил свой гражданский брак венчанием в церкви Покрова Божией Матери при Петроградском политехническом институте императора Петра Великого с лекарской помощницей Анной Яковлевной Вавиловой. Поручителями у них были всем известные профессора А.А. Радциг, В.Ф. Миткевич и И.И. Иванов.

После 1917 года научные принципы организации вузов сменил произвол, сопровождавшийся полным непониманием задач образования, приемом в вузы совершенно не подготовленных к учебе лиц, устранением от руководства старой профессуры и т. д. Все это напрямую затронуло и Политехнический институт. 27 ноября 1918 года прекратил свое существование Совет в его прежнем составе. И.В. Мещерский на последнем заседании Совета дал высокую оценку его деятельности.

Несмотря на крайне тяжелую обстановку тех лет, на загруженность преподавательской деятельностью, И.В. Мещерский продолжал активную научную работу. В 1928 году Совет Политехнического института за выдающиеся заслуги И.В. Мещерского в области науки ходатайствовал о присвоении ему звания заслуженного деятеля науки. Кроме Политехнического института Иван Всеволодович работал в Областном научно-техническом комитете, где участвовал в рассмотрении разнообразных задач, связанных с развитием ленинградской промышленности. В последнее время он работал в области стандартизации при Главной палате мер и весов, где заведовал секцией физико-математической терминологии. Здесь, как и всюду, он работал исключительно добросовестно и все, что ему поручалось, доводил до совершенства. 19 ноября 1934 года по состоянию здоровья И.В. Мещерский был переведен на должность консультанта кафедры теоретической механики Ленинградского промышленного института.

Умер Иван Всеволодович Мещерский в Ленинграде 7 января 1935 года от инсульта. Похоронен 10 января на Богословском кладбище.

Его заслуги в области развития механики были настолько неоспоримы, что в 1935 году бывший в то время директором института Г.Я. Шрейбер подписал приказ: «В память исключительной деятельности профессора И.В. Мещерского наименовать кабинет теоретической механики, созданный им, “Кабинетом имени профессора И.В. Мещерского”» [22].

“В блестящих успехах советского ракетостроения, замечательных конструкциях наших спутников нашли материальное воп-

ложение фундаментальные идеи научного наследства” [23] И.В. Мещерского, о которых было сказано выше. “Его основные труды по механике тел переменной массы стали теоретической основой разработок различных проблем, главным образом, реактивной техники, небесной механики, в его работах изложены основные уравнения ракетодинамики” [24]. Прославленные в годы войны гвардейские минометные части, вооруженные специальными минометами, имели таблицы стрельбы, составленные на основе уравнений И.В. Мещерского. Его труды имеют огромное значение для правильного описания движения планет, особенно Луны. По праву именем Ивана Всеволодовича Мещерского назван один из кратеров на Луне. Он исследовал также и некоторые проблемы комет. Многочисленные его работы нашли применение в решении практических вопросов физики и гидравлики. Его работа “Гидродинамическая аналогия прокатки” имела прямое отношение к методам теории пластичности. В других его работах рассматриваются методы расчета движения гироскопического вагона однорельсовой железной дороги, теории манометра и т. д.

Русская наука по праву гордится научным и педагогическим талантами Ивана Всеволодовича Мещерского.

Основные научные труды

Мещерский И.В. Дифференциальные связи в случае одной материальной точки. Харьков: Университ. тип., 1887. 12 с.

Мещерский И.В. Динамика точки переменной массы: Магист. дис. С.-Петербург. ун-т, 1897.

Мещерский И.В. Динамика точки переменной массы (Рассуждение И.В. Мещерского). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. 160 с.

Мещерский И.В. Уравнение движения точки переменной массы в общем случае // Изв. С.-Петербург. политехн. ин-та. 1904. Т. 1/2. С. 77–118.

Мещерский И.В. Теоретическая механика (лекции, читаемые в СПб. Политехническом ин-те проф. И.В. Мещерским в 1906/07 уч. году): В 2 ч. / Изд. студенческой кассы взаимопомощи при СПб. Политехническом ин-те. СПб.: Литогр. Трофимова. 316 с.

Мещерский И.В. Сборник задач, относящихся к курсу теоретической механики / Изд. студ. кассы взаимопомощи при СПб. Политехническом ин-те. СПб.: Литогр. Трофимова. 1909. Ч. 1. 91 с.; 1998. 37-е изд. 448 с.

Мещерский И.В. Кабинет теоретической механики СПб. Политехнического института императора Петра Великого. СПб., 1911. 8 с.

Мещерский И.В. Задача из динамики переменных масс // Изв. Первого Петроградского политехнического ин-та. 1918. Т. 27. С. 101–112.

Мещерский И.В. Гидродинамическая аналогия прокатки // Изв. Первого Петроградского политехнического ин-та. 1918. Т. 28. С. 141–179.

Мещерский И.В. Дифференциальные уравнения движения гироскопического вагона однопорельсовой железной дороги: Отд. отт. П., 1921. С. 133–162.

СКОБЕЛЬЦЫН
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,
директор
Политехнического института
(21.09.1911–13.09.1917)

Владимир Владимирович Скобельцын
(04.03.1863—11.06.1947)

Основной задачей создаваемого в начале века Санкт-Петербургского политехнического института была подготовка инженеров различных специальностей, обладающих глубокими физико-математическими знаниями. Большое внимание в институте уделялось постановке и преподаванию курса физики. Первым профессором физики и первым заведующим физической лабораторией стал Владимир Владимирович Скобельцын, в дальнейшем, с 1911 по 1917 годы, руководивший Политехническим институтом в должности директора.

Владимир Владимирович Скобельцын родился 4 (16) марта 1863 года в г. Курске. С 10-летнего возраста он жил в Санкт-Петербурге, где окончил 1-ю классическую гимназию, затем, в 1887 году, физико-математический факультет университета, получив звание учителя физики и математики. 20 января 1888 года по решению Совета университета В.В. Скобельцыну была присвоена степень кандидата физико-математических наук. Благодаря своим способностям он был оставлен на два года на кафедре физики для подготовки к профессорскому званию и начал свои экспериментальные работы в физической лаборатории университета.

Женился Владимир Владимирович рано, еще будучи студентом. К моменту окончания им университета в семье уже было два сына, и, чтобы материально обеспечить семью, он занялся преподаванием в Гатчинском сиротском институте. Так началась его научно-педагогическая деятельность.

В 1889 году Владимир Владимирович поступил на должность лаборанта в Педагогический музей военно-учебных заведений, помещавшийся в Соляном городке Петербурга. В педагогических кружках при музее рассматривались основные вопросы преподавания, и это было очень полезно для начинающего педагога.

В 1890 году Скобельцын был приглашен в Санкт-Петербургский университет на должность лаборанта при физическом кабинете. Его учителями в то время были опытейшие педагоги: Ф.Ф. Петрушевский, П.П. Фан-дер-Флит, О.Д. Хвольсон, И.И. Боргман и др. Возглавлял физическую лабораторию В.В. Лермантов, специально занимавшийся постановкой практических занятий. Проводя занятия со студентами, ассистируя на лекциях, Владимир Владимирович выработал особую технику

лекционных демонстраций, которую использовал в дальнейшем, уже будучи профессором Политехнического института, что делало его лекции особенно интересными и ценными для слушателей.

В 1894 году он был приглашен на должность преподавателя физики в Электротехнический институт, в 1895 году — в Институт гражданских инженеров, в 1898 году назначен профессором физики Электротехнического института. Его лекции всегда собирали многочисленную аудиторию. Студенты его любили, он в свою очередь любил молодежь и всегда был защитником ее интересов. В.В. Скобелцын был активным членом и некоторое время секретарем Русского физико-химического общества, одним из основателей Русского электротехнического общества при Электротехническом институте.

Его хорошо знали и ценили в высших правительственных кругах. В 1896 году он получил установленную Именным Высочайшим Указом в память царствования императора Александра III серебряную медаль для ношения на груди на ленте Святого Александра Невского; в 1899 году Всемиловейше награжден орденом Святого Станислава 2-й степени, Высочайшим приказом утвержден в чине статского советника со старшинством.

Но в 1901 году произошли события, повлекшие за собой уход В.В. Скобелцына из Электротехнического института. 4 марта студенты института вышли на демонстрацию протеста против подавления академических свобод. Их встретил отряд казаков, в ход были пущены нагайки. Передовые общественные деятели, ученые столицы, глубоко возмущенные полицейской расправой над демонстрантами, написали протест с требованием немедленного наказания виновных. Владимир Владимирович одним из первых поставил свою подпись и в итоге по требованию министра внутренних дел Д.С. Сипягина вынужден был оставить Электротехнический институт, для которого он так много сделал. Уход Скобелцына вызвал негодование среди студентов и прогрессивно настроенных профессоров столицы. Собравшись на сходку, студенты Электротехнического института выразили свои чувства к уважаемому ими профессору такими словами:

“Весной настоящего года, когда почти невероятное по своей обстановке уличное избиение студентов вызвало единодушный взрыв студенческих волнений, лучшая часть русского общества не осталась равнодушной, и симпатии ее были на стороне студентов. К сожалению, однако, эти симпатии в общей массе остались чисто платоническими и не вызвали со стороны общества активного вмешательства между бьющими и избиваемыми. Лишь небольшая

горсть людей отважилась на такое вмешательство и прямым и смелым языком заявила об элементарных требованиях справедливости и необходимости наказания виновных.

С чувством живого удовлетворения мы увидели в числе подписей под этим протестом имена близких нам и уважаемых нами лиц, и с двойным чувством радости мы встретили среди них Ваше имя, имя человека, связанного с нами, кроме того, институтской жизнью.

Подписавшихся было немного. Это дало возможность тем, кого это касалось, так или иначе отомстить людям, нашедшим мужество исполнить свой гражданский долг, и в результате мы перестали видеть Вас в числе наших профессоров. Тем глубже, Владимир Владимирович, чувство искреннего уважения, которое мы к Вам питаем и которое мы считаем прямым долгом выразить Вам, расставаясь с Вами.

Мы не можем не высказать пожелания, чтобы изменившиеся условия русской жизни рано или поздно позволили Вам возвратиться в наш институт, который будет хранить в памяти Ваше имя, как одного из немногих людей, доказавших свое сочувствие студентам не словом только, но и активным поступком” [1].

Вынужденно оставив преподавание в высшей школе, Владимир Владимирович некоторое время преподавал в женской гимназии Э.П. Шаффе. Возвратиться в Электротехнический институт Владимир Владимирович смог только в 1906 году, когда он по совместительству возглавил там кафедру физики, тогда как основное время и силы его были в то время отданы работе в Политехническом институте.

Перерыв в профессорской деятельности не был продолжительным. Осенью 1901 года В.В. Скобелев был приглашен в Санкт-Петербургский политехнический институт. В автобиографии он пишет об этом так: ”... получил от Министра финансов Витте предложение заняться планом создания обширной и рационально оборудованной физической лаборатории в строящемся тогда Политехническом институте. В связи с этим последним поручением зимой 1901–1902 года ездил за границу, где подробно ознакомился с постановкой преподавания курса физики в высших технических школах Германии, Франции и Швейцарии. По возвращении из-за границы был привлечен к деятельному участию в комиссии по созданию Политехнического института” [2]. Владимир Владимирович стал первым заведующим физической лабораторией Политехнического института и занимал эту должность до начала Великой Отечественной войны. Физическая

лаборатория занимала обширную площадь и была оснащена первоклассными приборами, соответствующими уровню науки и техники того времени. Основным новшеством в ней было введение в программу работ студентов обязательной оценки погрешности измерений.

После утверждения Положения о Политехническом институте в мае 1902 года В.В. Скобельцын был назначен исполняющим должность ординарного профессора по кафедре физики. Владимир Владимирович читал физику на 1-м курсе студентам всех отделений. “Читал он живо и увлекательно, сопровождая свои лекции яркими демонстрациями. Высокий и худощавый, он не спеша прохаживался перед аудиторией и говорил ясно, спокойно, иногда с небольшим юмором” [3].

В высших учебных заведениях России надзор за поведением учащихся и за соблюдением студентами порядка в зданиях института обычно проводился инспектором, назначавшимся со стороны. Политехническому институту было разрешено поручить эту работу одному из профессоров. По разрешению министра финансов в институте была введена новая должность, какой не было ни в одном другом высшем учебном заведении, — профессор — заведующий студентами. Это был своего рода посредник между студентами, для которых было обязательным проживание в общежитии, и Правлением института, состоявшим из директора и деканов.

Из доклада директора института князя А.Г. Гагарина министру финансов С.Ю. Витте: “Согласно представленным Вашему Высокопревосходительству правилам для студентов СПбПИ должен быть назначен профессор для заведования студентами. В качестве такового имею честь представить на утверждение Вашего Высокопревосходительства исполняющего должность ординарного профессора Владимира Владимировича Скобельцына. При сем считаю необходимым присовокупить, что выбор мой остановился на профессоре Скобельцыне, как на лице, наиболее подходящем к этой цели” [4]. Ответ был положительным. В начале века, когда студенческие волнения, забастовки, демонстрации были частым явлением, исполнение этой должности требовало много сил и времени. Вниманием и тактом в обращении Владимир Владимирович завоевал любовь и доверие студентов. Студенты обращались к нему по самым разным вопросам. В частности, на одном из соединенных заседаний электромеханического и кораблестроительного отделений, проходившем 12 ноября 1903 года, профессор Скобельцын “сообщил, что группа студентов, человек 40, обратилась к нему с просьбой об организации преподавания фотографии в виде

необязательного курса” [5], а на таком же заседании 3 декабря 1903 года “предложил для организации курсов по фотографии выделить: на первоклассное оборудование — 2500 руб., руководителю — 600 руб., на ведение дела — 400 руб.” [6].

В конце 1904 года он попросил освободить его от этой должности по состоянию здоровья.

С октября 1907 года Скобельцын снова вошел в Правление института, но теперь он выбран деканом электромеханического отделения. По словам М.А. Шателена, “эту важнейшую работу Владимир Владимирович выполнял отлично: без лишнего формализма, без бюрократических форм он завел на факультете порядки, на долгое время оставшиеся образцами” [7].

21 сентября 1911 года в связи с уходом А.С. Посникова с поста директора института Совет избрал на эту должность сроком на три года Владимира Владимировича Скобельцына. В 1914 году его переизбрали повторно на новое трехлетие. Быть директором столь крупного столичного института было не просто. Вот что писал об этом профессор института М.А. Павлов: “Директор должен был представлять институт в сношениях с высшей администрацией и импонировать ей. Вместе с тем директор института являлся председателем Совета, в состав которого входило очень много известных профессоров. Надо было уметь вести заседания, надлежащим образом держать себя в качестве председателя, резюмировать прения и т. п. Сверх того директор являлся и председателем Правления института, то есть органа, который управлял всей хозяйственной и административной жизнью” [8]. Сравнивая нового директора института с его предшественниками, М.А. Павлов писал в своих воспоминаниях: “По моему мнению, Скобельцын был лучшим из избиравшихся директоров Политехнического института. Будучи хорошим профессором физики, он не считал себя светилом науки и поэтому держался просто. Не изнурая себя работой, как Мещерский, он, однако, добросовестно относился к исполнению обязанностей директора. Как старый профессор Скобельцын хорошо разбирался в академических делах и не хуже Посникова вел заседания Совета, а как председатель Правления был гораздо выше. Министерство, по-видимому, относилось к нему внимательно” [9].

Все эти качества позволили Скобельцыну руководить институтом долгих шесть лет — в годы политических волнений и первой мировой войны. В эти трудные годы он не только сумел сохранить институт со всеми его учебными и научными учреждениями, но и приложил все свои силы для дальнейшего его развития. Учебное

дело в институте развивалось, главным образом, путем выделения разных специализаций на существующих в те годы отделениях. Открывались новые кафедры, лаборатории, вводились новые курсы. Были расширены и переустроены механические мастерские. Б.Н. Меншуткин писал об этом периоде: “Наряду с учебным делом непрерывно развивалась и научная работа. Время 1908–1914 годов было периодом наибольшего развития научной деятельности профессоров и преподавателей” [10].

В этот же период к юго-западному крылу студенческого общежития по проекту преподавателя института архитектора И.В. Падлевого была пристроена домовая церковь, площадью 259 кв. м. Церковь была построена в 1913 году и названа именем Покрова Божией Матери (праздник Покрова по старому стилю – 1 октября; в этот день в 1902 году произошло торжественное открытие Политехникума, как тогда называли Политехнический институт).

Храм Покрова Божией Матери

19 июля 1914 года Германия объявила войну России. Часть служащих института была мобилизована. Здания института были предоставлены войсковым частям. К середине августа войска освободили здания института. Учебный год начался 1 сентября, но не все студенты и преподаватели вернулись в институт – многие ушли добровольцами на фронт. Имена всех убитых за Родину предполагалось заносить на мраморные доски, но постановление Совета не было осуществлено. 2 сентября директор института, который к тому времени был переименован в Петроградский политехнический институт, до-

ложил о мерах, осуществленных в институте в связи с нуждами военного времени: 1) устроено убежище для детей и предоставлена работа для жен мобилизованных служителей; 2) предоставлены механические мастерские с техническим персоналом в распоряжение военного ведомства для изготовления запасных частей и починки двигателей для аэропланов; 3) преподавательским персоналом в соответствующих лабораториях будет производиться

испытание рентгеновских аппаратов для лазаретов; 4) создана комиссия для решения проблемы изготовления лекарств в лабораториях института; 5) образованы курсы для подготовки летчиков и мотористов-охотников; 6) все свободные помещения института предоставлены для размещения раненых; 7) преподавательский персонал постановил отчислять 3% жалования на учреждение и содержание лазарета высших учебных заведений Петрограда.

В своих воспоминаниях профессор А.А. Лебедев писал: “По всей России началась организация крупных и мелких производств, и все, кто имел какие-то технические средства, начинали их приспособливать для этой цели. Естественно, что администрация СПбПИ с самого начала войны включилась в эту общую работу, используя свои опытные технические силы и свое, весьма хорошее по тому времени, оборудование лабораторий и мастерских. Конечно, ожидать от этого оборудования какого-либо массового производства было невозможно, но чрезвычайно ценная работа института, начатая в 1914 году, развивалась в области выработки прототипов необходимых по тому времени приборов и технических процессов будущих их производств” [11].

В сентябре 1915 года на Совете Скобелыцын сделал очередной доклад о работах, производимых в связи с нуждами военного времени. В институте в это время изготавливали магнето для двигателей внутреннего сгорания; было налажено изготовление полевых радиотелеграфов; велись исследования по электрическим проволочным заграждениям; изготавливались приборы для метания с аэропланов. Было решено расширить госпиталь.

Еще в конце 1914 года в институте стала ощущаться нехватка топлива. В институтских помещениях была очень низкая температура, но занятия продолжались. Осенью 1915 года В.В. Скобелыцын был назначен помощником уполномоченного по топливу в Петрограде. Институт перешел на дровяное отопление. Освещался институт исключительно собственной электрической энергией, работал газовый завод.

Несмотря на принятое осенью 1916 года Советом института решение об увеличении приема студентов на 1-й курс, общее количество студентов постоянно уменьшалось, каждые два-три месяца проводились призывы в действующую армию, многие студенты сами поступали в школы прапорщиков и в военные училища, старшекурсники устраивались техниками на предприятия оборонного значения. Некоторые преподаватели стали совмещать работу в институте с деятельностью в военно-промышленных комитетах.

В начале 1917 года по крупным городам России прошла волна забастовок. Политические события февраля 1917 года парализовали экономическую жизнь столицы. Транспорт стоял. Институт оказался отрезанным от города. Занятия прекратились. Главное здание заняли временные организации, созданные студентами, комендант Лесного с канцелярией, начальник рабочей милиции, самокатчики. На первом после революции заседании Совета В.В. Скобельцын доложил о состоянии института. Было принято решение начать занятия при первой возможности. Занятия начались 15 марта, но действительно работали лишь дипломанты. В течение первого полугодия 1917 года были выработаны новые условия приема в институт.

Напряженная работа на протяжении всех этих лет сказалась на состоянии здоровья Владимира Владимировича. В мае 1917 года он подал прошение об отпуске “ввиду резкого ослабления сердечной деятельности” [12]. В сентябре 1917 года заканчивался срок работы В.В. Скобельцына в должности директора ППИ. В новых выборах он участия не принимал. В своем докладе от 16 сентября 1917 года министру торговли и промышленности он написал: “Ввиду предстоящего 21 сентября истечения срока, на который я был утвержден в должности директора Петроградского политехнического института императора Петра Великого, и приняв во внимание мое заявление, что я не в состоянии далее исполнять обязанности по этой должности вследствие расстроенного здоровья, Совет института в заседании 13 сего сентября произвел баллотирование кандидатов. Избранным оказался ординарный профессор А.А. Радциг” [13].

Уйдя с поста директора, Владимир Владимирович снова занялся делом, которое и привело его когда-то в Политехнический институт, — он стал заведовать физической лабораторией и читать курс физики. До 1919 года он одновременно возглавлял кафедру физики в Электротехническом институте.

В созданной Скобельцыным физической лаборатории выполнялись не только студенческие лабораторные работы, ее оснащение позволяло проводить серьезные научные исследования. Здесь начинали свою научно-исследовательскую работу в качестве лаборантов А.Ф. Иоффе и А.И. Тудоровский. Под руководством отца начинал свою научную деятельность будущий академик Д.В. Скобельцын, исследовавший свойства космических лучей.

При непосредственном участии Владимира Владимировича в Политехническом институте был открыт физико-механический факультет; он оказал помощь в открытии Физико-технического института, который даже территориально располагался первые несколько

лет в помещениях физической и электротехнической лабораторий; он поддерживал открытие Государственного рентгенологического и радиологического института, физико-технический отдел которого почти пять лет занимал несколько лабораторных комнат ППИ.

Преподавательская и административная деятельность занимала значительное место в жизни В.В. Скобелыцына, но он успевал проводить и научные исследования. В 1886 году на докладе в Электротехническом институте Скобелыцын демонстрировал прибор А.С. Попова для регистрации электромагнитных волн. Он был одним из первых русских физиков, не только понявших и оценивших работы А.С. Попова, но и активно пропагандировавших это замечательное открытие. Много работал Владимир Владимирович и над усовершенствованием способов фотографирования различных тел рентгеновскими лучами. Наиболее известны его работы по исследованию пористости электротехнического фарфора. Они были опубликованы в 1922 году в журнале “Электричество” и доложены на Международной конференции по сетям высокого напряжения в Париже в 1923 году. Значительный интерес представляла работа “Способ определения коэффициента внутренней проводимости дурных проводников при помощи эталонных пластин”, напечатанная в “Журнале прикладной физики”. Наибольший успех имел написанный им курс “Электричество и электромагнетизм”, изданный в последний раз в 1937 году.

За время своей работы в Политехническом институте В.В. Скобелыцын снискал глубокое уважение и любовь тех, кому посчастливилось с ним работать. В связи с 25-летней деятельностью Владимира Владимировича в Политехническом институте факультет индустриального земледелия прислал ему адрес: “Приняв на себя 25 лет тому назад как организационные обязанности по созданию нового института, так и преподавание в нем одного из важнейших предметов, Вы неизменно пользовались глубочайшим уважением со стороны Ваших товарищей и учеников. В числе преподавателей факультета индустриального земледелия состоит 28 Ваших учеников, и они преемственно передают новым поколениям студентов те глубокие чувства, которые они питали к Вам в те времена, когда Вы заведовали студенческими делами, были деканом электромеханического факультета и, наконец, в течение нескольких лет руководили институтом в должности директора. Студенчество знает Вас и высоко ценит как блестящего лектора и выдающегося педагога, так просто и ясно излагающего самые трудные вопросы. Оно знает Вас как превосходного организатора занятий в Вашей лаборатории, где уже в начале своего пребывания в ин-

ституте студенты получают серьезнейшую подготовку для всякой вообще лабораторной работы” [14].

Однако состав студентов Политехнического института был уже далеко не тот, что в первые годы. Весной 1929 года в институт поступила директива о переизбрании профессорско-преподавательского состава. Перевыборам предшествовало освещение в печати “научного значения” профессора или преподавателя. В газете “Товарищ” (1929. № 13) была напечатана статья “О высоких умах и слабоумных студентах”, в которой работа Скобельцына в институте обрисовывалась в довольно черных тонах. Ответом на эту статью стало поступившее в Правление института заявление научных сотрудников кафедры физики в защиту В.В. Скобельцына.

Тем временем заседания комиссий по перевыборам состоялись. Характеристики каждому профессору давал студент, представитель исполбюро профсекции. Характеристики передавались в Народный комиссариат просвещения для решения судьбы преподавателя. В отделе секретных фондов Центрального государственного исторического архива хранится характеристика, данная на том заседании В.В. Скобельцыну: “В научном отношении большой ценности не представляет. Реакционер. Бывший ректор института. Принимал участие в подавлении революционного движения студентов. Пора на пенсию” [15].

История с переизбранием преподавателей, к счастью, не имела продолжения. Не только Владимир Владимирович, но и многие другие профессора, получившие характеристики, не дающие правдивой оценки их деятельности и значимости для института и науки в целом, остались на своих местах.

Во время Великой Отечественной войны Владимир Владимирович работал в Ленинграде. Сохранился приказ по ЛПИ № 3 от 24 марта 1942 года, согласно которому 15 человек были оставлены в составе института в Ленинграде для выполнения работ по особым заданиям. В их числе был и В.В. Скобельцын.

Тяжелая болезнь, усилившаяся в годы войны, не позволяла Владимиру Владимировичу продолжать работу в институте в полном объеме. Но его опыт и знания были нужны институту. В марте 1947 года директор института К.Н. Шмаргунов в докладе министру высшего образования СССР писал: “В штате института состоит профессор по кафедре физики Владимир Владимирович Скобельцын, 1863 года рождения, работающий в ЛПИ со дня основания. В.В. Скобельцын был ректором института и положил немало трудов на организацию учебной и научной работы института и кафедры физики. До эвакуации профессор В.В. Скобель-

цын продолжал работать на кафедре физики в качестве руководителя лаборатории общей физики.

В настоящее время ввиду преклонного возраста он не может уже принимать активного участия в работе кафедры; однако я считаю необходимым сохранить его в штате кафедры физики с оплатой 50 % и прошу на это Вашего утверждения” [16].

До последних дней Владимир Владимирович интересовался жизнью института и по возможности участвовал в ней.

Скончался Владимир Владимирович Скобельцын 11 июня 1947 года.

Основные научные труды

Скобельцын В.В. Физика. СПб., 1896.

Скобельцын В.В. Физика. СПб., 1903.

Лекции по физике, читанные в 1902/03 учебном году на I курсе экономического отделения проф. В.В. Скобельцыным. 2-е изд. / Изд. студ. кассы взаимопомощи при СПб. Политехн. ин-те. СПб., 1904. 131 с.

Курс электричества. Лекции, читанные проф. В.В. Скобельцыным в С.-Петербургском политехнич. ин-те для инженерных отделений в 1904–1905 г. 3-е изд. / Изд. студ. кассы взаимопомощи при СПб. Политехн. ин-те. СПб., 1906. 246 с.

Скобельцын В.В. Магнетизм. Лекции, читанные в 1902/03 учебном году на инженерных отделениях. СПб., 1907. 271 с.

Скобельцын В.В. Курс физики. Ч. I. Вып. 1. Физика частичных сил; Вып. 2. Колебательное движение и оптика // Лекции, читанные на III семестре инженерных отделений СПб. Политехнического института / Изд. студ. кассы взаимопомощи при СПб. Политехн. ин-те. СПб., 1909. 282 с.

Скобельцын В.В. Курс физики. Ч. II. Вып. 2. Магнитное поле и электромагнитная индукция. СПб., 1909. 207 с.

Скобельцын В.В. Курс физики. Ч. II. Вып. 1. Электростатика и электрический ток. СПб., 1913. 252 с.

Скобельцын В.В. Курс физики. Ч. II. Вып. 2. Магнитное поле и электромагнитная индукция. СПб., 1913. 207 с.

Скобельцын В.В. Электричество и магнетизм. Л.: Кубуч, 1927. 192 с.

РАДЦИГ
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
ректор
Политехнического института
(14.09.1917–27.11.1918)

Александр Александрович Радциг
(27.01.1869–30.12.1941)

Александр Александрович Радциг родился 27 января (8 февраля) 1869 года в Тверской губернии в семье служащего путей сообщения, впоследствии известного специалиста по вопросам эксплуатации железной дороги и автора ряда работ в этой области Александра Антоновича Радцига. Среднее образование Александр Александрович получил в кременчугском реальном училище, высшее - на механическом факультете Технологического института в Санкт-Петербурге, который окончил в 1891 году. Здесь он слушал лекции по прикладной механике, гидравлике и теории упругости известного профессора И.А. Евневича, что, несомненно, способствовало развитию у Александра Александровича интереса к теоретическим предметам. В то время в Технологическом институте, как, впрочем, во многих технических институтах, большое внимание уделялось черчению. По собственному выражению самого Александра Александровича, черчение являлось школой, в которой студенты получали главные технические знания и навыки.

Получив солидную инженерную подготовку в Технологическом институте, для углубления технических знаний Александр Александрович поступил в Берлинский университет на математическое отделение, где слушал лекции многих знаменитых ученых: Кропенера, Фукса, Фробениуса, Шварца, Гельмгольца, Планка и др. В 1895 году он успешно защитил диссертацию на тему “Приложение теории Зелова к симметричным группам” на степень доктора философии.

Вернувшись в Россию, Александр Александрович некоторое время работал инженером на Варшавской железной дороге, затем — приемщиком паровозов для Московско-Ярославской железной дороги на бывшем Невском машиностроительном заводе. В 1896 году был приглашен в Петербургский технологический институт и командирован за границу для подготовки к преподавательской деятельности. Во время этой поездки он ознакомился с постановкой занятий в инженерных лабораториях ряда учебных заведений Германии (Дрезден, Мюнхен), Швейцарии (Цюрих) и Бельгии (Льеж) и прослушал ряд лекций: в Париже — у Марселя Депре и Поля Пенлеве, в Дрездене — у профессора Левицкого. В Германии, Швеции, Франции, Бельгии посетил ряд крупнейших заводов.

По возвращении А.А. Радциг был назначен преподавателем черчения Петербургского технологического института.

Весной 1898 года Александра Александровича пригласили для занятия кафедры термодинамики и тепловых двигателей в Киевский политехнический институт. Но поскольку институт находился еще в стадии организации и чтение лекций предполагалось начать только в 1900 году, А.А. Радцига командировали за границу для разработки будущих курсов. На этот раз Александр Александрович занимался изучением теории и практики у известного специалиста по паровым машинам профессора Гутермута в Дармштадском политехникуме. В этом же году он осмотрел ряд машиностроительных заводов Англии, а летом следующего года принял участие в состоявшемся в Париже конгрессе по прикладной механике.

В Киевском политехническом институте Александр Александрович исполнял обязанности экстраординарного профессора. В 1905 году после защиты диссертации на тему “Математическая теория обмена тепла в цилиндрах паровых машин” он получил ученое звание адъюнкта прикладной механики и был избран деканом механического факультета.

В 1909 году А.А. Радцига пригласили в Санкт-Петербургский политехнический институт на кафедру прикладной механики, и вся его последующая деятельность связана с этим институтом.

С 1909 по 1919 и с 1925 по 1930 год он избирался деканом механического факультета.

13 сентября 1917 года Александр Александрович Радциг Советом Политехнического института был избран на должность директора сроком на три года.

В сентябре 1917 года отделения были переименованы в факультеты, а директор института — в ректора. Ректором Радциг пробыл только до декабря 1918 года. Немногим больше года Александр Александрович руководил институтом, но это было время, возможно, самое сложное в истории института и, конечно, самое напряженное в деятельности самого Александра Александровича.

Октябрьская революция 1917 года большинством профессорско-преподавательского состава, да и значительной частью студентов учебных заведений Петрограда была воспринята как политическая катастрофа. Политехнический институт не был исключением. Однако демократические традиции здесь были сильнее, чем в других вузах столицы, что, видимо, и определило в дальнейшем характер принятых решений.

8 ноября 1917 года на заседании Совета А.А. Радциг сообщил, что на прошедшем совещании ректоров высших учебных заведений

Петрограда принято решение: "...не признавать захвативших в свои руки государственную власть народных комиссаров и ни в какие сношения с ними не входить" [1]. Совет института не высказал своего определенного отношения к этой резолюции и занял выжидательную позицию.

На заседании Совета 25 ноября 1917 года слушали предложение Академии наук присоединиться к составленному ею воззванию по случаю Октябрьской революции, которое носило явно антисоветский характер. Однако Совет и на этот раз решил к воззванию не присоединяться.

11 января 1918 года Академия наук провела совещание представителей научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда, где было "единогласно постановлено учредить Российский союз ученых учреждений и высших учебных заведений, в задачи которого входила защита автономии учреждений и принятие мер для обеспечения правильности хода их занятий" [2].

На экстренном заседании 14 января 1918 года Совет института единогласно постановил примкнуть к Союзу. При решении вопроса о вступлении в деловые отношения с советской властью среди членов Совета произошел раскол. Девять членов проголосовали за контакт с Совнаркомом, семь — против. А.А. Радциг и Ф.Ю. Левинсон-Лессинг были делегированы на совещание Союза для сообщения о принятом решении.

В тот же день бюро собрания младших преподавателей 10 голосами при одном против и одном воздержавшемся одобрили решение Совета, мотивируя это тем, что "существование института как учреждения государственного немыслимо вне связи с органами существующей власти" [3]. 21 января 1918 года собрание студентов инженерно-строительного факультета решительно высказалось за установление деловых отношений с существующим правительством.

24 января 1918 года на экстренном заседании большинством в 21 голос против двух Совет уполномочил А.А. Радцига вступить в деловые отношения с советской властью и тем самым обеспечить продолжение деятельности института на автономных началах. Решение Совета было поддержано и общим собранием студентов, состоявшимся 28 января 1918 года. Таким образом, Политехнический институт первым из высших учебных заведений встал на путь сотрудничества с советской властью.

Главный политический вопрос был разрешен, но осталась масса других проблем. Занятия студентов начались в октябре. Положение в институте было крайне тяжелое. Отапливалась только часть

зданий. Из-за недостатка топлива электроэнергия в лаборатории и учебные аудитории подавалась лишь на несколько часов в сутки и не всегда в удобное время. Часть профессоров и преподавателей к началу занятий по разным причинам не явились. К тому же временами проводились аресты профессоров и преподавателей, что также, в свою очередь, не могло не отразиться на учебном процессе. Совет в таких случаях составлял требование об освобождении арестованных, указывая на их заслуги перед страной. Александр Александрович и сам нередко обращался в соответствующие органы с предложением взять арестованных на поруки. Эта тревожная обстановка усугублялась голодом. В Петрограде выдавали по 50 грамм хлеба в день. Обед в институтской столовой состоял из травяного супа и маленькой ржавой селедки.

В январе 1918 года Александр Александрович информировал народного комиссара торговли и промышленности о тяжелом финансовом положении института. Было получено обещание о выделении необходимых средств. Составили смету, но утверждение ее задерживалось в связи с эвакуацией правительства в Москву. Из-за несогласованности между комиссариатами в институт поступали одновременно директивы из учебного отдела Народного комиссариата по торговле и промышленности и Народного комиссариата по делам просвещения, что создавало серьезные неудобства.

Александр Александровичу Радцигу как ректору института приходилось заниматься решением вопросов, какими никто из директоров до него не занимался. Уже в январе 1918 года начались трения с низшими служащими, которые настаивали на участии в управлении институтом. Для решения конфликта Радцигу пришлось обращаться в Народный комиссариат торговли и промышленности.

В феврале вышло постановление об обязательной трудовой повинности. В частности, Советом депутатов Выборгского района 4 марта было предписано всем домохозяевам и квартирантам в возрасте от 17 до 50 лет явиться к восьми часам утра в казармы Московского полка с лопатами и ложками для выполнения общественных работ. К счастью, Александр Александровичу удалось получить от учебного отдела Народного комиссариата торговли и промышленности удостоверение на право освобождения от общественных работ лиц, необходимых для проведения занятий.

Февраль – март были особенно тревожными. Немецкие войска перешли в наступление, и Петрограду угрожала оккупация.

Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский 4 марта дал указание всем учебным заведениям прислать подробную опись особо ценного учебного имущества на предмет вывоза из Петрограда. Это предписание по указанию А.А. Радцига институтом было выполнено к 6 марта, при этом Александр Александрович сообщил в комиссию по разгрузке Петрограда, что вес указанных грузов составляет 30 000 пудов. К счастью, немецкие войска были остановлены, и эвакуация не потребовалась.

Несмотря на все трудности, созданная Наркомпросом комиссия по контролю за ходом учебного дела в институте в своем отчете в марте 1918 года свидетельствовала: "...лекции состоялись по всем курсам кроме общей химии и технологии металлов. По первому вследствие того, что химическая лаборатория не отапливалась, по второму — вследствие отсутствия профессора. Состоялись все практические занятия, упражнения, графические и лабораторные занятия" [4]. Комиссия констатировала, что факультеты приложили все усилия к тому, чтобы заменить отсутствующих, и эта цель была достигнута. Но несомненно, отсутствие профессоров причинило существенный ущерб учебному делу, так как заменить их возможно было только лицами, менее компетентными.

В мае 1918 года Александр Александрович выехал в Москву для рассмотрения сметы. Смета наконец была утверждена в размере 4,5 млн. рублей, причем на первое полугодие выделялось 1,7 млн. рублей, остальное — на второе полугодие. Правда, очень скоро потребовалось составить новую смету на 1918/19 учебный год. Что касается передачи института в ведение Наркомпроса, то вопрос остался нерешенным. Более того, 22 мая на заседании Совета Радциг сообщил, что существует проект о присоединении всех высших технических учебных заведений в виде факультетов к Петроградскому университету. По этой схеме уже была реформирована высшая школа в Нижнем Новгороде. Все это обостряло и так тревожную обстановку. В конце концов 1 июня 1918 года вышло постановление о переходе Петроградского политехнического института в ведение Наркомпроса.

Заседания Совета и Правления института в 1918 году проводились чаще обычного. Ввиду тревожной обстановки экстренные заседания созывались даже в летнее время. Обсуждались самые разнообразные вопросы: об отсутствующих профессорах и преподавателях; об их пустующих квартирах в связи с острой нехваткой квартир для преподавателей, проживающих в Петрограде; о бедственном положении низших преподавателей, что тоже требовало принятия экстренных мер; о постоянном дефиците топлива и многом другом.

Еще весной Советом института было решено осенний семестр начать 1 августа и закончить до 15 ноября, чтобы использовать период времени без отопления. К 1 августа прием по конкурсу аттестатов был проведен. А 8 августа 1918 года в газете “Северная Коммуна” был опубликован декрет о новых правилах приема в вузы, где говорилось, что любое лицо, независимо от гражданства и пола, может вступить в число слушателей любого вуза без предъявления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней школы. Взимание платы за обучение отменялось. Произведенный на основе аттестатов прием в число студентов первого курса на 1918/19 учебный год объявлялся недействительным.

После неоднократных обращений в Наркомпрос было принято решение: студентам, уже зачисленным в институт, подать новые прошения о приеме; занятия на первом курсе не прекращать; за счет временного исключения из программы некоторых разделов и увеличения числа часов дать возможность вновь поступившим за три недели догнать начавших занятия в августе.

Надо сказать, что сделать это было нелегко, так как социальный состав студентов, принятых в этом году, был совсем иной, чем в предшествующие годы. Так, если в 1917 году в институте было: детей дворян и крупных чиновников — 33%, купцов и почетных граждан — 11,8 %, мещан — 24,9 %, крестьян-землевладельцев — 19,3 %, священников — 6,6 %, других — 4,4 %, то в приеме 1918 года большую часть составляли дети рабочих и крестьян, не имевшие достаточной подготовки.

В 1918 году с июля до октября было опубликовано несколько постановлений, касающихся высшей школы. Во исполнение этих постановлений впредь до введения общего положения о высших учебных заведениях были разработаны “Временные правила об управлении Петроградским политехническим институтом”. Согласно новым “Правилам” управление факультетом возлагалось на общее собрание факультета, которое должно было избирать президиум, включавший декана, секретаря, одного представителя от преподавателей и одного от студентов. Совет - высший руководящий орган института должен был состоять из ректора, двух проректоров, секретаря, президиумов всех факультетов и одного представителя от студентов; президиум Совета — исполнительный орган института — из ректора, двух проректоров, двух членов от профессоров и преподавателей и двух членов от студентов. Хозяйственный комитет должен заведовать хозяйством под общим управлением Совета и ректора.

В октябре 1918 года при институте был организован Комитет бедноты, который с самого начала своей деятельности проявил резкую агрессивность. И даже после опубликования в газете “Северная Коммуна” разъяснения комиссара по народному просвещению о том, что декрет о “Комитетах бедноты” не распространяется на здания, занятые учебными заведениями, А.А. Радцигу пришлось потратить для его роспуска немало времени и сил.

Зима 1918/19 года застала институт без запаса дров. Здания не отапливались. Занятия со студентами проводились до 15 ноября.

Новые “Правила” были утверждены на заседании Совета 27 ноября 1918 года. Это заседание стало историческим. В конце заседания попросил слово профессор И.В. Мещерский: “Сейчас окончилось последнее заседание Совета в его старом профессорском составе и таким образом будет закончен первый период истории института. ...В первые годы существования института Совет проявил кипучую деятельность... и молодой институт быстро занял выдающееся положение в учебном и в научном отношении среди своих собратьев. В своих отношениях к власти (до Октябрьской революции) Совет всегда твердо охранял достоинство института, всякий раз, как мероприятия власти, по мнению Совета, противоречили духу высшей школы, ее достоинству, они встречали со стороны Совета прямой и решительный отпор. Сейчас мы разойдемся с сознанием честно выполненного долга” [5].

Это заседание Совета было последним, на котором его председателем и ректором института был А.А. Радциг. Александр Александрович Радциг ушел с поста ректора по “своему желанию”. 1 декабря он передал все дела вновь избранному ректору М.А. Шателену.

С 1918 по 1930 год А.А. Радциг был профессором кафедры “Термические машины”, с 1930 года до конца жизни — заведующим кафедрой “Паровые турбины”.

Некоторое время, в середине 1920-х годов, Александр Александрович работал по совместительству в Главной палате мер и весов, занимаясь вопросами, связанными с тепловыми единицами. В это же время он был представителем института в Центральном совете экспертов, состоявшем в ведении Научно-технического отдела ВСНХ. Как консультант Александр Александрович участвовал в решении важных технических вопросов, касающихся турбин и конденсационных установок на станциях “Ленэнерго”, проекта электростанции “Красный Октябрь”, заказа турбин Техимпортом, был членом жюри конкурса тепловозов при Госплане СССР. В последний период А.А. Радциг занимался вопросами расчета прочности деталей турбин.

Даже далеко не полный перечень вопросов, которыми занимался Александр Александрович, дает возможность оценить его организаторский талант, неиссякаемую энергию и удивительную работоспособность.

Сорок четыре года своей жизни Александр Александрович посвятил преподавательской деятельности в высшей школе, из них 32 года — в Петербургском — Петроградском — Ленинградском политехническом институте. Его лекции всегда были глубоки по содержанию, насыщены новыми мыслями и идеями, причем главное внимание он уделял основам теории, полагая, что с описательной частью курса студенты ознакомятся и самостоятельно. Особое внимание, и это всегда было традиционным для Политехнического института, А.А. Радциг уделял лабораторным занятиям со студентами.

Большое значение он придавал курсовому и дипломному проектированию. Дипломные проекты, выполненные студентами под руководством Александра Александровича, отличались большим разнообразием и отражали новейшие тенденции в разработке паровых двигателей. При дипломном проектировании его студентами было создано немало оригинальных конструкций паровых турбин. Это были первые дипломные проекты, защищенные в Советском Союзе после значительного перерыва, когда выпуск специалистов проходил без защиты дипломных работ.

Велики заслуги Александра Александровича и в деле организации высшей технической школы. Он принимал самое активное участие в создании и организации учебного процесса двух механических отделений — в политехнических институтах Киева и Санкт-Петербурга. В 1930 году при реорганизации ЛПИ имени М.И. Калинина участвовал в создании Всесоюзного котлотурбинного института, а затем в 1934 году при объединении отраслевых институтов в Индустриальный — энергостроительного факультета, который впервые в стране начал выпускать специалистов такого профиля.

В начале 1930-х годов А.А. Радциг создал первую в стране специальную кафедру паровых котлов, по образу и подобию которой был организован ряд кафедр в других институтах. Известно, что подготовка квалифицированных инженеров во многом определяется учебными программами. Все программы, составленные Александром Александровичем по специальности “Паровые машины”, в 1934 году были утверждены в качестве всесоюзных для энергетических вузов.

Александр Александрович немало сделал для организации заочного образования. По этому вопросу им был опубликован ряд статей в сборниках “Народный университет”.

Особого внимания заслуживает научная деятельность А.А. Радцига, начало которой совпало с крупнейшими изобретениями в области паровых турбин. В начале столетия в России появились паровые турбины, привезенные из Англии и Швеции. Александр Александрович одним из первых сразу оценил огромное преимущество нового двигателя и его значение для развития энергетики. Однако в дореволюционной России массовый выпуск паровых турбин налажен не был. Так, с 1907 по 1917 год Петроградским металлическим заводом было выпущено всего 26 маломощных турбин. После революции, особенно в 1920-е годы, в связи с реализацией плана ГОЭЛРО и индустриализацией страны создались благоприятные условия для развития отечественного турбостроения. Стране нужны были мощные турбины и квалифицированные инженеры-турбостроители. Начиная с 1920-х годов появились многочисленные труды А.А. Радцига по паровым турбинам. Среди них учебники, учебные и справочные пособия для студентов высшей школы и инженеров, работающих в области турбостроения. В 1926 году был издан курс “Паровые турбины”, за который Александру Александровичу присуждена премия Народного комиссариата тяжелой промышленности. Многие годы инженеры-теплотехники пользовались справочным материалом “Формулы, таблицы и диаграммы для водяного пара”, который трижды переиздавался. Четыре раза переиздавался курс прикладной механики и дважды — курс конденсационных установок паротурбинных станций.

В результате многолетней деятельности А.А. Радцига в Ленинградском политехническом институте сложилась сильная научная школа по паротурбостроению. Эта школа дала стране хорошо подготовленных специалистов, которые очень скоро заняли ведущие посты в промышленности, составили основное ядро работников конструкторских бюро турбостроительных заводов.

Александр Александрович всегда поддерживал тесную связь со своими учениками. Немало серьезных проблем было решено на кафедре паровых турбин Ленинградского политехнического института. Вот почему в день 35-летия профессорской деятельности А.А. Радциг был признан основоположником отечественного паротурбостроения.

Еще одна сторона многогранного таланта Александра Александровича органически связана со всей его научной и педагогической

деятельностью — это его работы по истории науки и техники. Здесь он раскрывается как ученый и как патриот своей страны.

В 1927 году вышла его крупная научная монография о Джеймсе Уатте и изобретении паровой машины. Однако самой плодотворной его деятельность была в 1930-е годы. Этот творческий подъем, несомненно, был обусловлен решением Ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 года о кадрах народного хозяйства, в котором указывалось на необходимость введения в программы технических учебных заведений специальной дисциплины — истории техники. В стране создавались научно-исследовательские центры по истории науки и техники.

Комиссия по истории знаний в составе АН СССР в 1929 — 1930 годах была реорганизована в Институт истории науки и техники со своим печатным органом “Архив истории науки и техники”. К работе в этом институте в качестве внештатных сотрудников было привлечено большое количество крупнейших ученых, среди них: В.Ф. Миткевич — председатель секции истории техники, А.А. Радциг, А.А. Чернышев, М.А. Шателен и многие другие. Уже через два месяца Александр Александрович на заседании секции сделал доклад “История паровой турбины”, который был опубликован в трудах института “Архив истории науки и техники”. Александр Александрович был автором ряда работ по истории науки и техники. Среди них: “Развитие паровой машины”, изданная АН СССР, “Успехи теплотехники в СССР”, “Сади Карно и его размышления о движущей силе огня”. Последняя работа была напечатана в трудах “Архив истории науки и техники” и посвящалась 100-летию со дня смерти Сади Карно (1832 — 1932). Этот труд Александра Александровича в русской научно-исследовательской литературе был первым научным исследованием, посвященным творцу второго начала термодинамики.

А.А. Радциг участвовал и в составлении синхронистических таблиц по истории науки и техники в СССР в рамках работы, проводимой Международным комитетом по истории науки и техники. Результат этой коллективной работы — представление только в течение года 400 зарегистрированных фактов из истории науки и техники России в XVI столетии. К сожалению, этот материал не был опубликован.

Капитальным трудом Александра Александровича является “История теплотехники”, где на основе сведений и фактов из истории отечественной и зарубежной техники с исследованием влияния социально-экономических факторов освещено развитие теплостергических агрегатов и двигателей примерно до 30-х годов XX столетия. Институтом истории науки и техники “История теплотехники”

расценивается как труд, который закладывал “первые камни нового здания действительно научной истории энергетики” [6].

Александр Александрович в первую очередь интересовался историей отечественной теплотехники, следил за всеми выходящими на эту тему работами, писал рецензии, оказывал помощь авторам, редактировал. Он был неумолимым пропагандистом знаний по истории науки и техники, читал изумительные лекции на самые разные темы: “100-летие со дня открытия Детскосельской железной дороги”, “Политехническая школа в Париже и ее роль в истории высшего образования”, “Новейшие успехи в теплотехнике и теплоспользовании”, “Развитие теории истечения и новые экспериментальные исследования по истечению газов и паров” и многие другие. Он также занимался организацией различного рода циклов лекций по истории техники, посвященных юбилейным датам. В общем, делал все, чтобы историю науки и техники, и в первую очередь отечественную, сделать достоянием инженерно-технической интеллигенции и научной общественности.

Живейшее участие принимал А.А. Радциг в общественной жизни страны. Четыре созыва подряд с 1925 по 1934 год Александр Александрович был членом Ленинградского Совета красноармейских, рабочих и крестьянских депутатов. В Политехническом институте А.А. Радциг неоднократно избирался профоргом факультета, членом месткома и обкома Союза работников высшей школы. В одной из своих статей профессор И.И. Кириллов писал: “До последних дней своей жизни Александр Александрович трудился с энергией, достойной удивления.

За несколько лет до Великой Отечественной войны Александр Александрович почти полностью потерял зрение. Но его кипучая научная деятельность от этого ничуть не ослабла, благодаря самоотверженной работе его жены и друга Евгении Викторовны, дочери знаменитого ученого Виктора Львовича Кирпичева. Пользуясь помощью Евгении Викторовны, Александр Александрович непрерывно пополнял свои совершенно исключительные знания в области отечественной и иностранной литературы и неумоимо вел научные занятия.

Последняя моя встреча с Александром Александровичем произошла в Ленинграде в октябре 1941 года. Воздушные налеты следовали один за другим... Александра Александровича я застал в рабочем кабинете, занятого составлением библиографии для нового учебника по деталям паровых турбин” [7].

В блокадном Ленинграде Александр Александрович продолжал педагогическую деятельность на кафедре “Турбиностроение”, консультировал специалистов оборонной промышленности. Последняя запись в его трудовой книжке от 10 октября 1941 года говорит, что А.А. Радцигу предоставлен длительный отпуск без сохранения содержания в связи с эвакуацией из Ленинграда в Свердловск в распоряжение Академии наук СССР.

В Свердловске с 1938 года проживал его сын Виктор Александрович, доцент кафедры “Промышленное водоснабжение” Уральского политехнического института. В октябре 1941 года с ЦКТИ имени И.И. Ползунова был эвакуирован в Свердловск и младший сын А.А. Радцига Михаил Александрович.

В декабре из блокадного Ленинграда вылетели самолетом профессора Политехнического института М.А. Шателен, Е.Л. Николаи, А.А. Радциг и др. Самолетом ученых, как правило, доставляли до Тихвина. Далее начинался многодневный изнурительный путь по железной дороге. Однако Александру Александровичу было не суждено добраться до Свердловска. В дороге он тяжело заболел и скончался на станции Буй Северной железной дороги 30 декабря 1941 года.

Александр Александрович Радциг, член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки и техники, доктор технических наук, профессор, ректор Петербургского политехнического института в 1917–1918 годы, оставил о себе добрую память как ученый, человек, патриот своей страны. Его научные труды долгие годы использовались специалистами-турбиностроителями, его ученики в 1940-е послевоенные годы разработали серию турбин высокого давления — самых мощных в мире.

Основные научные труды

Радциг А.А. Приложение теории Зелова к симметричным группам: Дис. д-ра философии. 1895.

Радциг А.А. Математическая теория обмена тепла в цилиндрах паровых машин: Дис. адъюнкта прикладной механики. Киев: Политехн. ин-т, 1905.

Радциг А.А. Термодинамика: Курс лекций. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1900. 295 с.

Радциг А.А. Математическая теория обмена тепла паровых машин. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1904. 158 с.

Радциг А.А. Джеймс Уатт и изобретение паровой машины. М.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1924. 99 с.

Радциг А.А. Курс паровых турбин. 3-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1926. 332 с

Радциг А.А. Прикладная механика. 3-е изд. М.; Л.: Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. 224 с.

Радциг А.А. Формулы, таблицы и диаграммы для водяного пара. М.; Л.: Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. 98 с.

Радциг А.А. Сади Карно и его “Размышления о движущей силе огня” // Тр. Ин-та истории науки и техники. 1932. Сер. 1, вып. 3. С. 31–49.

Радциг А.А. Развитие теплотехники в СССР // Тр. Ин-та истории науки и техники. 1934. Сер. 1, вып. 4. С. 1–9.

Радциг А.А. Теория и расчет конденсационных установок. 1934. 163 с.

Радциг А.А. История теплотехники. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 396 с.

ШАТЕЛЕН

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ,

ректор

Политехнического института

(01.12.1918–19.03.1919)

Михаил Андреевич Шателен
(01.01.1866—31.01.1957)

Имя Михаила Андреевича Шателена, первого профессора электротехники, создателя электротехнического образования в России, активного участника электрификации страны, неразрывно связано с историей становления и развития Санкт-Петербургского политехнического института.

Михаил Андреевич Шателен родился (по документальным данным) 1 (13) января 1866 года в крепости Анапа Черноморской области (ныне Краснодарского края), где его отец служил по финансовому ведомству. “Сам Михаил Андреевич рассказывал, что родился он 5 декабря 1865 года, но метрически запись о его рождении была составлена лишь в январе 1866 года” [1]. Вскоре семья переехала в Тифлис (Тбилиси), где Михаил Андреевич в 1884 году окончил с золотой медалью 1-ю Тифлисскую классическую гимназию. В том же году он поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Еще студентом Михаил Андреевич проявил большой интерес к научной работе, много самостоятельно работал в физической лаборатории. Летом 1887 года он принял участие в экспедиции в Красноярск, снаряженной отделением физики Русского физико-химического общества для наблюдения полного солнечного затмения.

Результаты этой работы легли в основу первого научного труда Михаила Андреевича “О методах изучения поляризации солнечной короны”. (Вспомним, что об этом же затмении был первый серьезный научный труд А.Г. Гагарина.) Работа М.А. Шателена была представлена в Совет факультета, по решению которого Михаил Андреевич после окончания в 1888 году университета был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию.

Проявляя уже в те годы большой интерес к практическим применениям учения об электричестве и магнетизме и стремясь получить инженерное образование, М.А. Шателен в 1888 году уехал в Париж, где слушал технические курсы Депре, Гирша, Потье в Высшей электротехнической школе и теоретические курсы по математике и физике Пуанкаре, Липмана, Бореля в Сорбоне. Одновременно Михаил Андреевич изучал практическую электротехнику на заводе Эдисона, где за два года он прошел путь от рабочего до шеф-монтера, участвуя в сооружении первой парижской электростанции

переменного тока и кабельной линии высокого напряжения. Результатом работы в Париже явился ряд его трудов по электротехнике, напечатанных в журнале “Электричество”.

По возвращении в 1890 году в Санкт-Петербург Михаил Андреевич стал работать в университете на кафедре физики в качестве ассистента профессоров И.И. Боргмана и Н. Г. Егорова. В лаборатории университета Михаил Андреевич вел научную работу по исследованию магнитных свойств стали и чугуна при помощи построенного им самим прибора, кроме того, перевел на русский язык ряд классических трудов по электротехнике. В 1891 году он был приглашен ассистентом к профессору А.И. Садовскому в Горный институт, где работал в дальнейшем почти четверть века. После открытия Высших (Бестужевских) женских курсов с 1891 года был ассистентом профессора физики О.Д. Хвольсона. В эти же годы закончилась его подготовка к профессорской деятельности.

В 1893 году Техническое училище Почтово-телеграфного ведомства в Петербурге было преобразовано в Электротехнический институт, где впервые в России была учреждена кафедра электротехники. До этого курс электротехники читался как раздел курса физики. Михаил Андреевич принял участие в конкурсе на должность первого в России профессора электротехники и был утвержден в ней после успешного прочтения в Совете института двух публичных лекций. В лаборатории Электротехнического института Шателеном велись работы по исследованию электрических источников света, по изучению строящейся в Петербурге кабельной сети резонансных перенапряжений.

Одновременно с работой в Электротехническом институте Михаил Андреевич читал лекции по физике и электротехнике в Горном институте. В короткий срок им был подготовлен ряд курсов по различным разделам физики: “Оптика”, “Термодинамика”, “Учение об электрических и магнитных явлениях” и др. В этих институтах им были организованы электротехнические лаборатории, что было особенно трудно и требовало большой самостоятельной работы, так как подобных лабораторий в России не было, а за границей организация их только начиналась.

Во второй половине 1890-х годов, в связи с изобретением Н.Г. Славяновым нового способа сварки металлов, Шателен работал над изучением характера сварочной дуги, над механическими и химическими свойствами сваренного металла. Результаты работ печатались им в журнале “Электричество” и докладывались в соответствующих технических собраниях.

В 1899–1900 годы Михаил Андреевич издал курсы “Электричество”, “Электрические измерения”, “Переменные токи”. Это были первые курсы электротехнической науки как самостоятельной дисциплины в высшей школе России.

Работа в Электротехническом институте продолжалась недолго. Весной 1901 года по распоряжению министра внутренних дел Д.С. Сипягина М.А. Шателен в числе других профессоров был уволен из этого института за сочувствие и поддержку студенческих движений.

К этому времени Михаил Андреевич был уже известен не только как профессор электротехники, автор научных работ, но и как деятель научно-технических обществ, съездов, конференций. В конце 1899 года состоялся Первый Всероссийский электротехнический съезд, прошедший при активном участии Михаила Андреевича. В 1900 году Шателен был избран Почетным членом Французского общества электротехников и Почетным секретарем Американского института инженеров-электриков; на Международном конгрессе электриков в Париже избран вице-президентом секции электрических измерений, членом специальной Международной электротехнической комиссии (МЭК); на Всемирной выставке 1900 года в Париже – членом жюри по электротехнике.

С именем М.А. Шателена связывали не только глубокие знания, но и организаторские способности и инициативу. Вероятно, поэтому в июле 1901 года министр финансов С.Ю. Витте пригласил Михаила Андреевича для работы по организации Санкт-Петербургского политехнического института в качестве его профессора, а в дальнейшем и декана электромеханического отделения. Вся последующая жизнь и деятельность Михаила Андреевича была тесно связана с Политехническим институтом.

В новом институте у Шателена появилась возможность реализовать идею тесной связи теории с практикой в обучении инженеров. Разработка планов преподавания и программ велась при его непосредственном участии. Им была включена в программу летняя практика студентов.

М.А. Шателен провел большую работу по созданию электроизмерительной лаборатории, по оснащению ее оборудованием и организации проведения в ней занятий студентов. Им были созданы группы лабораторий, позволяющие вести научную и учебную работу на должном уровне: гальванометрическая, магнитная, сетевая, фотометрическая и др., а также эталонная лаборатория, которая обслуживала не только Политехнический институт, но и ряд других учреждений, в том числе и Главную

палату мер и весов. В Политехническом институте М.А. Шателем был разработан общий курс электротехники, написаны “Лекции по электротехнике”, выдержавшие до 1916 года пять изданий; впервые написаны на русском языке курсы “Электрические измерения” и “Переменные токи”.

Одновременно с работой в Политехническом институте Михаил Андреевич с 1901 по 1926 год читал лекции в Женском медицинском институте.

Деканом электромеханического отделения Шателен был до 1907 года. Он принимал самое активное участие в организации учебной работы в институте. Из журналов соединенных заседаний электромеханического и кораблестроительного отделений видно, какие вопросы он поднимал. В частности, на заседании 5 июня 1902 года “М.А. Шателен вносит предложение попытаться в виде опыта ввести в ПИ групповую систему прохождения курса взамен курсовой, т. е. не переводить студентов с курса на курс, как это делается в большинстве русских высших уч. заведений, заставляя человека, остающегося на том же курсе, вновь повторять не только то, чего он не успел одолеть в течение года, но и то, с чем он уже справился, а, разбив предметы курса на группы по внутренней связи между ними, допускать, как это делается в Рижском политехническом институте и во всех высших школах Германии, прохождение предметов каждой группы в определенной последовательности независимо от того, как далеко продвинулся студент в прохождении предметов других групп.

При этом М.А. Шателен знакомит собрание с деталями осуществления этой системы в Рижском ПИ и с примерным разделением предметов электромеханического отделения на группы, составленные им с целью выяснить вопрос, насколько затруднительно провести предлагаемую систему, в частности, на этом отделении” [2].

11 сентября 1902 года по “предложению М.А. Шателена обсуждался вопрос о заграничных командировках подходящих лиц для приготовления их к званию профессоров института” [3].

24 апреля 1903 года по его предложению “постановлено ходатайствовать перед Советом о выражении благодарности от Соединенного собрания технических отделений администрации Сормовских заводов за тот радушный прием, который встретили студенты и их руководители во время экскурсии на эти заводы” [4].

17 сентября 1903 года деканом “электромеханического отделения был возбужден вопрос о вознаграждении профессоров за ведение практических занятий со студентами. За получаемое штатное вознаграждение профессора имели семь часов занятий в неделю

по преподаваемому ими предмету, будь то лекции, упражнения или проектирование, если таковое число часов требуется учебным планом факультета” [5].

15 февраля 1906 года профессор М.А. Шателен “запрашивает Собрание, признает ли оно возможным заботиться и теперь, несмотря на ненормальное положение вещей, о подыскании практики для студентов и выдаче пособий на таковую” [6].

12 апреля 1906 года по вопросу о введении предметной системы на предстоящем осеннем полугодии 1906 года профессором М.А. Шателеном было предложено:

а) утвердить для института образец лекционной книжки Варшавского политехнического института;

б) разослать студентам выработанные правила прохождения курса на инженерных отделениях по предметной системе;

в) установить, остаются ли в силе все те исключения из этих правил, которые принимались до сих пор для старых слушателей института, или же требовать применения предметной системы ко всем студентам.

Постановили:

а) образец книжек одобрить с некоторыми изменениями;

б) правила разослать;

в) исключения для старых студентов остаются в силе.

Вспоминая этот период работы Михаила Андреевича, его современник профессор М.А. Павлов в своих воспоминаниях писал: “Деятельный, живой, подвижный, он был душой своего отделения, неутомимым ходатаем за его нужды. Факультет, деканом которого Шателен был долгое время, многим ему обязан” [7].

Учебная работа в Политехническом институте в начале XX века, как и в других вузах, часто останавливалась из-за студенческих волнений, демонстраций, забастовок. Правление института делало все возможное для спокойного течения академической жизни. Но в феврале 1907 года, после повального обыска в зданиях института, М.А. Шателен, как и другие члены Правления, на основании обвинения в “противозаконном бездействии власти” [8] был снят с поста декана и предан суду. Общежития были закрыты. Предварительное следствие длилось более года. По решению суда Сената М.А. Шателену был объявлен выговор.

Несмотря на эти трагические события, научно-преподавательская деятельность Михаила Андреевича в Политехническом институте продолжалась и не ограничивалась интересами только электромеханического отделения. В августе 1907 года Шателен внес в Соединенное собрание технических отделений предложение о

возможности использования зданий закрытых общежитий для открытия новых отделений. Соединенное собрание поддержало эту идею, и в этом же году были открыты механическое и инженерно-строительное отделения.

В 1911 году М.А. Шателеном была организована первая в России лаборатория высоких напряжений и опытная линия электропередачи высокого напряжения. В этой лаборатории под его научным руководством и при личном участии был проведен ряд работ, послуживших основой для развития высоковольтной техники в России (защита от перенапряжений, высоковольтная изоляция, высоковольтные измерения и т. д.). Он первый обратил внимание русских электриков на важность изучения проблемы электротехнических материалов, лично производя изучение уральской меди как проводникового материала и магнитных свойств уральской стали.

“Михаил Андреевич обладал исключительной энергией, инициативой, был выдающимся организатором, а также обладал особым даром отгадывать в молодых силах будущих ученых” [9]. “Он сумел объединить вокруг себя молодых преподавателей из числа окончивших первые выпуски, заинтересовал их новыми специальностями, поручил подготовку специальных курсов по отдельным областям. Тут выдвинулись наши новые первопреемники, электромеханики: А.А. Чернышев, Н.В. Шулейкин, Н.Н. Циклинский, А.А. Горев, Н.Н. Меншуткин и другие” [10].

Во время первой мировой войны, с 1914 по 1917 год, Шателен служил в чине прапорщика. В эти годы он принимал участие в организации госпиталя в институте; сконструировал полевой телефонный аппарат; занимался усовершенствованием ракетного и прожекторного освещения; был начальником отряда особого назначения по устройству электрифицированных заграждений и подвижных электростанций для их питания. “Благодаря опытам М.А. Шателена наши войска с успехом стали пользоваться электризацией заграждений из колючей проволоки, и применение немцами в 1915 году электрифицированных препятствий для русских армий не оказалось неожиданностью” [11].

После Октябрьской революции М.А. Шателен состоял начальником инженерной обороны Приморского сектора Петрограда, председателем электротехнической секции Высшей коллегии по инженерной обороне страны Главного технического управления (в Москве), начальником группы подвижных электрических станций под Псковом.

В конце 1918 года Шателен вернулся в Политехнический институт, который в то время находился в тяжелых условиях. 1 декабря

1918 года после утверждения “Временных правил об управлении Петроградским политехническим институтом” и роспуска старого, “профессорского”, состава Совета института состоялось первое заседание нового состава Совета. На нем ректором института выбрали Михаила Андреевича Шателена.

Деятельность Михаила Андреевича как ректора была направлена не только на восстановление учебной и научной работы, но и на развитие института. Однако в этой должности он был недолго. “На основании постановления Совета института, ввиду отказа профессора М.А. Шателена (вследствие болезни) от должности ректора института, в общем собрании факультетов, состоявшемся 19 сего (1919 года) марта, были произведены выборы нового ректора” [12].

Вряд ли болезнь была истинной причиной ухода М.А. Шателена с поста ректора.

В 1919 году занятия в институте почти совсем не происходили. “Институт был превращен в крепостной район и окружен со всех сторон окопами, проволочными заграждениями” [13]. Голод и холод царили и в городе, и в институте. Несмотря на это, вышла работа Шателена о высоковольтных изоляторах, которая была одной из первых книг по технике, изданных после революции. При активном участии Михаила Андреевича в этом году в Политехническом институте был организован физико-механический факультет, а в 1922 году — факультет индустриального земледелия.

Особое место в жизни и работе Михаила Андреевича всегда занимала деятельность по электрификации страны. В 1903 году он был командирован на Кавказские Минеральные Воды для наблюдения за строительством Центральной гидроэлектростанции. С этого времени и до 1915 года решение вопросов электроснабжения Пятигорска неразрывно связано с постоянным участием Шателена. В 1913 году в Пятигорске вошла в строй дизельная электростанция. Под руководством и при участии Шателена она была включена в параллельную работу с Центральной ГЭС Пятигорска “Белый уголь”. Так была образована первая энергосистема. В январе 1985 года в Пятигорске был установлен памятник в честь первой в России энергосистемы. В 1996 году на этом памятнике установлена доска с надписью: “Первая в России и мире параллельная работа двух электростанций, Пятигорской “Тепловой” и Центральной Пятигорской ГЭС “Белый уголь”, осуществлена профессором М.А. Шателеном в марте 1913 года. Принцип параллельной работы электростанций использован в плане ГОЭЛРО и в Единой энергетической системе СССР” [14].

В 1918 году был организован Центральный электротехнический совет (ЦЭС), в котором Михаил Андреевич стал заместителем председателя и председателем Петроградского отделения. ЦЭС были составлены первые проекты энергоснабжения Петрограда, разработан ряд мероприятий для восстановления электропромышленности. В лаборатории Политехнического института под руководством Шателена был разработан ряд технических норм для промышленности и строительства. Наиболее значительной была работа о высоковольтных изоляторах, об их испытании и применении.

В 1920 году Шателен вошел в состав Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) и был назначен уполномоченным по Петрограду и Северному району страны. План электрификации Северного района, составленный при его участии, был особо отмечен Государственной комиссией и послужил образцом для составления планов по другим районам. С 1921 по 1932 год в рамках работ по плану ГОЭЛРО М.А. Шателен был членом комиссии по электрификации Урала и Донбасса; экспертом проектов Волховстроя, Свирьстроя, Днепростроя; председателем бюро “Волховстрой-Электроток”, которое возглавляло работу по проектированию и строительству Ленинградского 35-километрового кабельного кольца; работал над вопросами электрификации нефтяных промыслов.

С основанием в 1921 году Госплана СССР Шателен был назначен его членом и принимал участие в разработке Генерального плана электрификации страны, уделяя большое внимание электрификации транспорта. Работы по этим вопросам печатались в изданиях Госплана. По докладу М.А. Шателена Госплан СССР поставил вопрос о стандартизации по разным отраслям промышленности. В результате этой идеи был создан Всесоюзный комитет по стандартизации при СТО, членом которого Шателен был со дня его основания.

С 1920 года Михаил Андреевич снова стал работать над вопросами осветительной техники. В 1921 году им была создана специальная Светотехническая комиссия при Центральном электротехническом совете (ЦЭС), из собраний которой развились в дальнейшем светотехнические съезды и светотехнические общества.

В 1922 году по инициативе Шателена возобновился выход журнала “Электричество”. В последующие годы Михаил Андреевич был членом редакционного комитета и редакционной коллегии журнала. Нужно отметить чрезвычайно широкий диапазон вопросов, которые он ставил на обсуждение в своих работах на страницах журнала.

Не имея специального инженерного образования и звания инженера, Михаил Андреевич был создателем многочисленных инженерных проектов. Учтя это, в 1923 году Совет электромеханического факультета Политехнического института в связи с 30-летней профессорской деятельностью Шателена присвоил ему звание “Почетный инженер-электрик”. В этом же году он единогласно был избран Почетным членом Русского технического общества.

В 1924 году М.А. Шателен был приглашен в Главную палату мер и весов в качестве старшего метролога, создал там Эталонную фотометрическую лабораторию и стал ею заведовать. С 1929 по 1932 год он руководил всей деятельностью Главной палаты, занимая пост президента. За это время им проведен ряд работ по измерению абсолютных электрических единиц и созданию их эталонов, организована работа по переходу от международных электрических единиц к абсолютным.

М.А. Шателен принимал активное участие в работе международных съездов, обществ и организаций, связанных с электротехникой и энергетикой. В 1923 году он участвовал в Международной конференции по сетям высокого напряжения, был избран членом совета конференции и вице-президентом. В 1926 году избран членом совета Международной электротехнической комиссии. С 1933 года он заместитель председателя комитета по участию СССР в международных энергетических объединениях.

В период с 1928 по 1934 год Михаил Андреевич совместно с профессорами В.Ф. Миткевичем и В.А. Толвинским выполнил работу по составлению, редактированию и изданию многотомной “Справочной книги для электротехников” (СЭТ).

В 1931 году Михаил Андреевич Шателен был избран членом-корреспондентом АН СССР. В этом же году он участвовал в организации Энергетического института АН СССР и Музея по энергетике при нем. Был заместителем директора, председателем Ученого совета, руководил комиссиями института по светотехнике и единицам мер, возглавлял бригаду института по исследованию молний.

В 1933 году научная общественность Ленинграда отметила 40-летие научной деятельности Михаила Андреевича. В 1934 году ему была присуждена ученая степень доктора технических наук и присвоено звание “Заслуженный деятель науки и техники”.

Все эти годы продолжалась работа Шателена в Политехническом институте. В 1934 году, “учитывая исключительно ценную и плодотворную работу профессора Михаила Андреевича Шателена

в деле создания и развития электроизмерительной лаборатории института, — лаборатории электроизмерений присваивается имя Михаила Андреевича Шателена” (приказ № 60 от 13.02.34) [15]. Профессор П.Л. Калантаров так отзывался о его деятельности: “Исключительные организационные способности Михаила Андреевича Шателена в полной мере проявляются в осуществлении им руководства кафедрой общей электротехники. Этому делу Шателен, несмотря на всю занятость, уделяет большое внимание, благодаря чему он сумел создать около себя крепкий коллектив молодых преподавателей, прекрасно работающих под его руководством” [16].

В период 1932–1941 годов Михаил Андреевич руководил работами по экспертизе проектов электрического освещения Дворца Советов в Москве.

В 1941 году научная общественность Ленинграда отметила 75-летие со дня рождения М.А. Шателена. Была выпущена памятная медаль с его барельефом.

С первых дней Великой Отечественной войны Михаил Андреевич работал в комиссии Научно-технического комитета помощи фронту, он вошел в состав комиссии по рассмотрению и реализации оборонных предложений, организованной в июле 1941 года под руководством академика Н.Н. Семенова, и в состав подкомиссии по оборонным мероприятиям при исполкоме Ленсовета депутатов трудящихся. Шателен, несмотря на свой преклонный возраст, проводил на строительстве оборонительных сооружений целые недели. “Михаилу Андреевичу Шателену шел тогда восьмой десяток, — вспоминал впоследствии один из руководителей по сооружению оборонительных укреплений. — Он поражал всех своей энергией и работоспособностью. М.А. Шателен разработал простые схемы подключения электрического тока к проволочным заграждениям, системы сигнализации, руководил производством полевых телефонных аппаратов, выполнял многие другие важные работы” [17]. В лаборатории Политехнического и Физико-технического институтов он налаживал производство селеновых выпрямителей для военных нужд.

В сентябре 1941 года М.А. Шателен был эвакуирован в Ташкент, где принял участие в налаживании работы оборонных предприятий, научных и учебных учреждений, научно-инженерных обществ и организаций. В эти годы он был профессором Ленинградского политехнического института, находящегося в эвакуации, и Среднеазиатского индустриального института, где

организовал кафедру общей электротехники и электротехническую лабораторию. Участвовал в организации Узбекского филиала АН СССР, был его председателем. Организовал Энергетический институт Узбекского филиала АН СССР и был его первым директором. Участвовал в укреплении энергетической базы Ташкентского района, в создании проекта крупной Фархадской гидроэлектростанции. По его инициативе было организовано Узбекистанское объединение научно-инженерных обществ, в котором он был избран председателем Президиума УзНИТО. За выдающуюся деятельность в области советской науки и плодотворную работу в области культурного и хозяйственного строительства и подготовки научных кадров во время пребывания институтов Академии наук СССР в Узбекистане М.А. Шателену Президиумом Верховного Совета Узбекской ССР было присвоено звание “Заслуженный деятель науки и техники Узбекской ССР”.

В 1944 году Михаил Андреевич вместе с Политехническим институтом возвратился в Ленинград. В этом же году за научные заслуги он был награжден орденом Ленина и медалью “За оборону Ленинграда”, а в 1945 году — медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

В 1945 году М.А. Шателен создал в Ленинграде Энергетическую группу Энергетического института, которая в 1950 году была преобразована в Энергетическую лабораторию, научное руководство которой Михаил Андреевич вел до последних дней своей жизни.

В 1946 году Михаилу Андреевичу исполнилось 80 лет. Много теплых слов было сказано в адрес юбиляра не только друзьями и коллегами, но и студентами Политехнического института: “Когда мы начинаем просматривать газеты, журналы и юбилейные издания, посвященные тому или другому этапу в развитии энергетики, то в них мы всегда встречаем знакомое имя. Это имя мы произносим с особенным уважением и любовью — имя профессора Михаила Андреевича Шателена.

Михаил Андреевич, наш профессор, организатор всего самого живого, увлекательного и всегда актуального в студенческой жизни.

Прекрасный электромеханический музей, многие научно-технические кружки, увлекательные темы работ и еще многое, многое связано с именем сегодняшнего юбиляра, которого мы горячо поздравляем и которому желаем со всей сердечностью, на которую только способны, долгих лет здоровья и плодотворной работы” [18].

В 1946–1947 годы Шателен руководил работой “Направление развития и схема энергоснабжения г. Ленинграда”; в 1947–1950 годы

руководил работой по составлению энергобаланса и схемы энергоснабжения районов Северо-Запада СССР.

Большое внимание М.А. Шателен уделял истории науки и техники. При Политехническом институте он создал специальный музей, отражающий историю электротехники, где собрал образцы свечей Яблочкова, лампу Лодыгина–Дидрихсона, различные виды осветительной аппаратуры, электроизмерительных приборов и пр. Им написан ряд статей и книг по истории развития электротехники. Он был живым свидетелем, а в ряде случаев и сподвижником, крупнейших изобретателей и ученых-электротехников, таких как П.Н. Яблочков, А.Н. Лодыгин, Н. Г. Славянов, А.С. Попов и др. В 1949 году вышел в свет научно-исторический труд М.А. Шателена “Русские электротехники второй половины XIX века”, удостоенный Сталинской премии. В последующие годы Шателен дополнил книгу новыми главами. В 1955 году, ко дню 90-летия Шателена, вышло третье, значительно расширенное издание книги.

В 1956 году М.А. Шателену было присвоено звание Героя Социалистического Труда, с вручением ему ордена Ленина и золотой медали “Серп и Молот”.

Скончался Михаил Андреевич Шателен 31 января 1957 года. Друзья и ученики посвятили его памяти такие строки: “Яркой чертой всей жизни М.А. Шателена была глубокая вера в технический и культурный прогресс, любовь к людям, его способность захватывать всех примером активной борьбы за воплощение инженерных и научных задач” [19].

Основные научные труды

Шателен М.А. Курс молекулярной физики / Горн. ин-т. СПб., 1895. 172 с.

Шателен М.А. Курс термодинамики / Горн. ин-т. СПб., 1897. 152 с.

Шателен М.А. Практическая электротехника. СПб.: Литогр. Трофимова, 1903. 174 с.

Шателен М.А. Электрические счетчики / Изд. студ. кассы взаимопомощи при СПб. Политехн. ин-те. СПб., 1907. 281 с.

Шателен М.А. Магнетизм, электромагнетизм, индукция и переменный ток / Изд. кассы взаимопомощи студентов Горн. ин-та. СПб., 1909. 178 с.

Шателен М.А. Учение об электрических явлениях / Горн. ин-т. СПб., 1912. 123 с.

Шателен М.А. Установление эталона силы света в СССР // Электричество. 1925. № 2. С. 67–68.

Шателен М.А. Электричество (1880–1930). Исторический обзор со времени возникновения // Электричество. 1930. Юбил. номер. С. 1–10.

Шателен М.А. Аккумуляторная тяга / Изд. Госплана. Л., 1932. 170 с.

Шателен М.А. Русские электротехники второй половины XIX в. Л.; М.: Госэнергоиздат, 1949. 380 с.

ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ

ФРАНЦ ЮЛЬЕВИЧ,

ректор

Политехнического института

(20.03.1919—05.11.1919)

Франц Юльевич Левинсон-Лессинг
(25.02.1861–25.10.1939)

31 января 1902 года первый декан металлургического отделения еще строящегося Санкт-Петербургского политехнического института Н.А. Меншуткин пригласил своего бывшего студента по университету Ф.Ю. Левинсона-Лессинга на должность профессора по кафедре геологии. Францу Юльевичу уже исполнился 41 год, он — доктор минералогии и геологии, с большим опытом преподавательской и научной работы. По отзывам современников, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг был исключительно обязательным человеком; высококультурная среда, которая окружала его с детства, выработала у него “характер открытый и твердый, правдивый и мужественный” [1].

Франц Юльевич Левинсон-Лессинг родился 25 февраля (9 марта) 1861 года в Дерптском уезде, где служил после окончания университета его отец, доктор медицины. Через год отец получил место ординатора в Мариинской больнице для бедных в Санкт-Петербурге, и семья переехала в столицу. В дружной семье Левинсон-Лессингов росло четверо детей, которым мать привила трудолюбие и честность.

В 1879 году Франц Юльевич с серебряной медалью окончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию, проявив способность к древним языкам, но более всего — к математике. Он получил блестящую характеристику и рекомендацию для поступления на физико-математический факультет университета. Этот вопрос был положительно решен на семейном совете, и в мае 1879 года юноша собственноручно вручил прошение о зачислении на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета его ректору А.Н. Бекетову. В тот период физико-математический факультет, во главе которого стоял декан Н.А. Меншуткин, блистал именами: Д.И. Менделеев, А.А. Иностранцев, А.М. Бутлеров, Д.П. Коновалов, В.В. Докучаев.

С 1879 по 1881 год в университете существовали “Временные правила”, согласно которым запрещались студенческие организации, но в 1881 году правила были отменены и Франц Юльевич вступил в научно-литературное общество, а через год его и В.И. Вернадского (будущего академика) избрали в научный отдел общества по специальности “Геология и минералогия”.

Увлеченный этими предметами, Франц Юльевич перевелся с математического отделения факультета на естественное. Будучи членом научно-литературного общества, он подготовил несколько рефератов, один из которых был удостоен золотой медали на конкурсе, а магистр В.В. Докучаев отметил у студента стремление к самостоятельности постановки и решения заданной темы.

В университете в это время существовал прекрасный геологический музей, собранный молодым профессором А.А. Иностранцевым. Он допускал к работе в музее только тех студентов, которые сдали экзамен по минералогии и прошли практику количественного химического анализа. Франц Юльевич сдал нужный экзамен магистру Докучаеву, прошел практику в лаборатории под руководством декана Н.А. Меншуткина и был приглашен А.А. Иностранцевым принять участие в геологической экскурсии в Олонецкую губернию.

По возвращении в Санкт-Петербург в августе 1883 года Ф.Ю. Левинсон-Лессинг получил диплом об окончании университета с ученой степенью кандидата и предложение А.А. Иностранцева остаться при физико-математическом факультете на кафедре минералогии и геологии для подготовки к профессорскому званию. С 1886 по 1888 год Левинсон-Лессинг состоял при университете в должности сверхштатного консерватора (хранителя) геологического кабинета без жалования и только в феврале 1888 года был утвержден штатным хранителем с окладом 600 рублей в год. В мае 1888 года Левинсон-Лессинг защитил в Санкт-Петербургском университете диссертацию под заглавием “Олонецкая диабазовая формация” и был удостоен степени магистра минералогии и геогнозии.

С апреля 1889 года приват-доцент Левинсон-Лессинг начал читать в университете лекции по петрографической минералогии. В 90-х годах XIX века петрография и почвоведение только зарождались, и первые учителя и руководители Левинсона-Лессинга — А.А. Иностранцев и В.В. Докучаев стояли у колыбели этих наук. Благодаря Левинсону-Лессингу петрография (наука о строении и происхождении горных пород) из придатка минералогии “постепенно развилась в обширную самостоятельную отрасль знания, в научную дисциплину” [2].

В январе 1892 года по рекомендации А.А. Иностранцева Ф.Ю. Левинсон-Лессинг был назначен экстраординарным профессором по кафедре минералогии Дерптского (с 1893 года — Юрьевского, ныне — Тартуского) университета. В мае 1898 года

в Санкт-Петербургском университете он защитил диссертацию на тему “Исследование по теоретической петрографии в связи с изучением изверженных пород центрального Кавказа” и был удостоен ученой степени доктора минералогии и геогнозии, а с июля 1898 года утвержден ординарным профессором Юрьевского университета, в котором с 1893 по 1899 год исполнял обязанности декана физико-математического факультета.

17 мая 1902 года Ф.Ю. Левинсон-Лессинг был переведен по ведомству Министерства финансов ординарным профессором по кафедре геологии Санкт-Петербургского политехнического института. В первый же год работы в институте Франц Юльевич был избран членом профессорского суда и состоял в нем четыре года, в 1904/05 учебном году занимая пост председателя.

Постоянные студенческие волнения начала века были большой темой для всех, не мог обойти ее и Левинсон-Лессинг, оставивший нам по этому поводу свои “соображения”. “Тайная организация, — считал он, — возникает на почве чисто студенческих интересов и реальных законных потребностей” [3]. Он был убежден, что прекратить волнения невозможно, но их надо удержать и сделать явлением местным и безвредным, в первую очередь надо избегать поводов к неудовольствию среди студентов. Вспоминая свой студенческий опыт, он считал важным дать преподавателям право нравственного общения со студентами через научные, литературные и иные общества. Пользу профессорского суда Левинсон-Лессинг видел в том, что его представитель мог выступать в защиту студентов и их интересов, снимая почву для волнений.

17 июля 1903 года Франц Юльевич был избран членом комиссии для разработки вопроса об издании Ученых Известий Политехнического института, а 1 января 1904 года решением Совета стал их редактором. Первоначально каждый выпуск “Известий Санкт-Петербургского политехнического института” вмещал труды экономического и технических отделений, но с 1907 года произошло разделение, и Ф.Ю. Левинсон-Лессинг стал первым редактором трудов технических отделений.

В начале 1906 года подал в отставку декан металлургического отделения Н.А. Меншуткин, и с 26 апреля, согласно избранию Совета, эта должность на четыре года перешла к Ф.Ю. Левинсону-Лессингу. Сам Франц Юльевич не считал себя вправе занять этот пост, так как не был металлургом. Но он был старшим по возрасту, имел наиболее продолжительный профессорский стаж, а каким стал деканом — можно понять из яркой характеристики,

которую дал своему коллеге профессор, будущий академик М.А. - Павлов: “Левинсон-Лессинг был спокойным тихим человеком, поведение которого хорошо определялось словом “корректный”. Он был одинаково корректен и с высшим педагогическим персоналом, и с низшим, и со студентами, и со служащими института. За много лет совместной работы на одном отделении я никогда не видел его говорящим с кем-нибудь раздраженно или резко. Левинсон-Лессинг был весьма авторитетным представителем своей науки (геологии) и опытным в академических делах профессором. Он навел порядок в делах металлургического отделения и с успехом представлял его в правлении и в Совете института” [4].

По воспоминаниям ученика Франца Юльевича, будущего академика Д.И. Щербакова, “Левинсон-Лессинг был прекрасным преподавателем и выдающимся организатором. Он умел привлекать молодежь, которая начинала делать у него на кафедре специальные работы в области геологических наук параллельно с прохождением обязательного курса” [5].

На металлургическом отделении, а впоследствии и на химическом факультете Левинсон-Лессинг читал лекции, проводил практические занятия и руководил дипломными работами по геологии, петрографии и учению о полезных ископаемых, а на инженерно-строительном отделении преподавал геологию и петрографию. Левинсон-Лессинг организовал геологический кружок, который чаще всего собирался у него на квартире, прививал студентам любовь к научной работе. Его ученики уже с 3-го курса печатали свои статьи в Трудах Политехнического института, принимали участие в геологических экспедициях. Еще в лаборатории Юрьевского университета Левинсон-Лессинг начал проводить наблюдения за поведением расплавленной лавы Везувия; в Петербургском политехническом институте он продолжил свои опыты в созданной им, первой в России, лаборатории экспериментальной петрографии.

До 1919 года на металлургическом отделении был геолого-минералогический музей. В 1919 году был образован химический факультет, к которому и отошел музей, но, так как кафедра геологии и минералогии разделилась на две самостоятельные кафедры и две лаборатории, было образовано и два музея, во главе минералогического встал профессор Д.С. Белянкин, а геологическим стал руководить Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, который из многочисленных экспедиций привозил петрографический материал как для своей научной работы, так и для пополнения учебных коллекций. Франц

Юльевич был небольшого роста и с виду казался довольно тщедушным, но набирал крупные образцы в таком количестве, что его груз значительно превосходил ношу его спутников.

Область полевых геологических исследований Левинсона-Лессинга обширна: Олонецкая, Нижегородская и Полтавская губернии, Северный, Средний и Южный Урал, Мугоджары, киргизские степи, Крым, Кавказ и Закавказье.

Главной своей специальностью Франц Юльевич считал петрографию, но его многочисленные научные работы посвящены разным отделам геологии, почвоведению, минералогии, кристаллографии, палеонтологии и практической геологии.

Уже в самом начале карьеры Левинсон-Лессинг умел организовывать свой рабочий распорядок: зимой – занятия со студентами в аудиториях и лабораториях, научная работа; летом – экспедиции, поездки за рубеж, участие в научных съездах. Большое число публикаций и докладов, личное общение с выдающимися учеными мира сделали его имя широко известным. Он с успехом выступал на международных геологических конгрессах в Вене, Канаде, США и на съездах русских естествоиспытателей.

В 1914 году Франц Юльевич Левинсон-Лессинг был избран членом-корреспондентом Академии наук; в апреле того же года он получил чин действительного статского советника и был утвержден Министерством торговли и промышленности в звании заслуженного профессора Политехнического института. В феврале 1915 года исполнилось 30 лет учебной службы Левинсона-Лессинга, и по ходатайству Совета ППИ он был оставлен в должности на последующие пять лет с пенсией в размере 3000 рублей в год.

В лабораториях Политехнического института Левинсона-Лессинга занимали проблемы, которые могли иметь практический выход: изучение давления в тоннеле, использование горных пород в каменном литье, исследование свойств камня как строительного материала. Он работал в тоннельной комиссии, где выступал с различными докладами и делал компетентные заключения. В октябре 1914 года, во время первой мировой войны, Левинсона-Лессинга назначили членом Инженерного совета Министерства путей сообщения, а в 1916 году его командировали на Урал и в Туркестан для решения вопроса о выборе направления Семиреченской дороги на Верный (Алма-Ату). Он занимался изучением платиновых и золотых месторождений на Урале, проводил почвенные исследования в Нижегородской и

Полтавской губерниях, руководил геологическими работами в районе предполагавшегося строительства моста через Волгу у Саратова и проводил геологические исследования на Свири в связи с проектируемой ГЭС (1920–1923).

Кроме Политехнического института Левинсон-Лессинг преподавал в университете, где с 1902 по 1910 год в должности приват-доцента читал лекции по петрографии, а в 1911 году был назначен ординарным профессором по кафедре геологии. С 1902 по 1920 год Франц Юльевич был профессором Высших женских (Бестужевских) курсов, кроме того, читал лекции на Высших естественно-научных курсах, в Педагогической академии, во 2-м Педагогическом институте, в Лесном институте.

Многие из работ Левинсона-Лессинга посвящены проблемам высшей школы. В 1913 году во время поездки в Канаду и США он познакомился с типом единой высшей школы и пришел к выводу, что путь объединения университетов с техническими высшими учебными заведениями в единую высшую школу ведет к значительному прогрессу в постановке высшего образования. В 1915 году в Известиях Политехнического института были напечатаны его статьи: “Единая высшая школа” и “Дальнейшее развитие Политехнического института”. “Смело можно сказать, — писал Левинсон-Лессинг, — что этому сочетанию и сознанию, что основой всякого технического образования является прочное общее научное образование, обязан Петроградский политехнический институт тем высоким уровнем научности в нем, благодаря которому он вполне заслуживает названия технического университета” [6].

Франц Юльевич предполагал дальнейшее развитие Политехнического института по четырем пунктам:

1. Учреждение новых факультетов.
2. Расширение права присуждения новых степеней и званий.
3. Организация повторительных курсов для инженеров.
4. Популяризация технических знаний [7].

Его работа на Высших женских (Бестужевских) курсах позволила ему как бы “изнутри” взглянуть и на проблемы женского движения. В своих статьях “О занятиях женского населения Санкт-Петербурга по переписям 1881, 1890 и 1900 годов”, “О главных факторах женского движения”, “Женщины-геологи” он сочувственно относится к основным требованиям женского движения: праву на образование, праву на труд и праву на равенство перед законом. Он был убежден, что тот, кому

дорог социальный прогресс, не может не быть сторонником освобождения женщин.

Проблема реорганизации высшей школы, которая так интересовала Франца Юльевича, встала перед правительством вскоре после Февральской революции. В июне 1917 года Левинсон-Лессинг был избран Советом института делегатом для участия в совещании по вопросам высшей школы, которое было создано Министерством народного просвещения Временного правительства, а через год, в июле—сентябре 1918 года, он ездил в Москву для участия в совещаниях деятелей высшей школы и конференции представителей высших технических учебных заведений, которые были созданы уже новым руководством — Народным комиссариатом по просвещению (Наркомпросом).

1918 год стал переломным в жизни института, решалась его судьба. В январе Советом для поддержания жизнедеятельности института было решено вступить в деловые отношения с советской властью. В июне Политехнический институт был передан из ведения Комиссариата торговли и промышленности в Комиссариат народного просвещения. В этот Комиссариат 6 ноября ректором института А.А. Радцигом был передан документ следующего содержания: “Сегодня ночью профессор Петроградского политехнического института Ф.Ю. Левинсон-Лессинг был арестован, и где он находится, институту не известно. Так как присутствие Левинсона-Лессинга крайне необходимо для ведения учебных занятий, а также ввиду его преклонного возраста (57 лет) и плохого состояния здоровья, на котором тяжело отзвучат условия нахождения под арестом, институт убедительно просит освободить Левинсона-Лессинга от ареста и всецело принимает на себя поручительство в том, что он по первому требованию комиссариата явится для дачи надлежащих объяснений” [8].

В те годы обращения в высшие органы аналогичного содержания руководство института отправляло неоднократно, но, конечно, только в первые годы советской власти. Тогда просьбы не оставались без ответа: арестованного обычно выпускали.

Так было и с Левинсоном-Лессингом. 1 декабря 1918 года он уже не только присутствовал на первом собрании Совета нового состава, но даже был избран проректором по научной части. Ректором был избран профессор М.А. Шателен, секретарем — профессор Н.С. Тимашев.

И в эти годы, как обычно, Левинсон-Лессинг был загружен общественно-административной работой: его избирают членом

Совета Публичной библиотеки от Политехнического института, редактором Известий по отделу технических наук, ему поручают создать комиссию для разработки проекта об учреждении в составе института физико-механического факультета; в Совете экспертов, в который входят ведущие профессора института, он возглавляет секцию по горной и металлургической промышленности.

19 марта 1919 года, после отказа М.А. Шателена от должности ректора, на это место единогласно был избран Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. Обстановка в это время была осложнена тем, что еще в октябре 1918 года на территории института из состава низших служащих образовался Комитет бедноты, который не желал подчиняться администрации института.

28 мая 1919 года на заседании Соединенного собрания технических факультетов комиссия по реформе преподавания доложила о крайне слабой работе в средней школе, вследствие чего поступающие в институт не могут заниматься по обычным программам. Для того чтобы восполнить эти пробелы, в институте был организован вводный курс, который должны были пройти все студенты, поступающие на технические факультеты. Такие курсы просуществовали два года, после чего были запрещены распоряжением Наркомпроса.

28 мая 1919 года Ф.Ю. Левинсон-Лессинг отказался от должности ректора. Фактически причина отказа была та же, что и у М.А. Шателена: отсутствие реальной поддержки со стороны власти в борьбе с разрушающими институт силами, которыми являлся Комитет бедноты, избравший комендантом человека некомпетентного и агрессивно настроенного.

11 июня 1919 года для избрания ректора было созвано Соединенное собрание, на котором Ф.Ю. Левинсон-Лессинг вновь единогласно был избран ректором. Пока вопрос о его утверждении решался в Наркомпросе, незаконные действия Комитета бедноты и коменданта продолжались, и Левинсон-Лессинг 30 июля вторично отказался от должности ректора.

С этого времени председательство в Соединенном собрании факультетов, в собрании технических факультетов и в Совете было передано проректору по учебной части профессору М.А. Павлову. Совет принял отставку Левинсона-Лессинга и постановил отложить выборы нового ректора впредь до устранения таких условий жизни в институте, при которых исполнение обязанностей ректора не представлялось возможным. Для этого была избрана

делегация из шести человек, которой поручили передать сведения о положении в институте в Народный комиссариат по просвещению и настаивать на немедленном принятии мер для восстановления правильного хода жизни.

Еще в марте 1919 года в Совет были поданы записки об учреждении в институте двух новых факультетов — химического и физико-механического. Оба представления были утверждены Советом, а затем и Комиссариатом по народному просвещению, и в августе 1919 года в Политехническом институте открылись два факультета. В их работе с самого начала принял живейшее участие Ф.Ю. Левинсон-Лессинг: в 1919—1920 годах он исполнял обязанности декана химического факультета, а в 1921—1922 годы был заместителем декана физико-механического факультета.

Тем временем незаконные действия Комитета рабочих и служащих продолжались: был дан приказ казначею о приостановке уплаты содержания некоторым преподавателям. Но в институте уже работала комиссия, образованная Коллегией народных комиссаров, для расследования конфликта. 10 сентября комиссия вынесла заключение: комендант участвует лишь в деятельности хозяйственного комитета и вмешательство его и Комитета рабочих и служащих в управление институтом недопустимо.

Совет института на своем заседании в этот же день постановил: признать решение комиссии удовлетворительным и конфликт между администрацией, с одной стороны, и комендантом и Комитетом рабочих и служащих, с другой стороны, считать исчерпанным. После этого Совет приступил к выборам ректора, и в третий раз в этом году избранным оказался Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, который в это время находился в командировке.

1 октября он возвратился, о чем сообщил в докладной записке, и сразу же был арестован. На следующий день, 2 октября, в Петроградскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией было отправлено заявление за подписью семи ведущих профессоров Политехнического института (среди них три бывших ректора — И.В. Мещерский, В.В. Скобелцын, М.А. Шателен): “Мы, нижеподписавшиеся, профессора 1-го Петроградского политехнического института, просим освободить из-под стражи профессора того же института Франца Юльевича Левинсона-Лессинга” [9]. Дальше, как обычно, следовало речительство, что он явится в нужное время и в нужное место, если это потребуется ЧК.

Скорее всего, арест Левинсона-Лессинга был связан с общей обстановкой в Петрограде осенью 1919 года. Занятий в институте в октябре — ноябре почти не было, так как на город наступал Юденич. Институт был превращен в крепость, окружен окопами и проволочными заграждениями, в нем разместилась полевая строительная контора. Многие студенты были призваны на военную службу, а население, в том числе профессора института, рыли окопы в районе Путиловского завода. На заседании Совета 8 октября поднимались самые злободневные вопросы: отсрочка преподавателям по воинской повинности, декрет об использовании физического труда советских служащих, обеспечение института освещением и отоплением. Надвигалась очередная зима, и вопрос о том, чем топить помещения и как накормить голодных людей, требовал немедленного решения.

5 ноября было последнее в 1919 году заседание Совета. Ф.Ю. Левинсон-Лессинг все еще был в заключении и, поскольку институт более не мог нормально работать без руководителя, ректором был избран Д.П. Рузский. 15 января 1920 года, уже после отступления Юденича, было созвано первое заседание Соединенных собраний факультетов. Левинсон-Лессинг на нем уже присутствовал.

Январь 1920 года был самым тяжелым месяцем этого периода: большие морозы, почти полное отсутствие топлива, голод (1/4 фунта хлеба на день), люди ослабели и почти все болели цингой. Голод продолжался и в 1921 году. Выход из создавшегося положения — свое посредничество для получения займов за рубежом и закупки продовольствия предложили советскому правительству 140 крупнейших деятелей науки и культуры Петрограда. Среди ученых был и член-корреспондент Академии наук Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. В Управлении делами Совнаркома попросили наркома по просвещению А.В. Луначарского, как наиболее компетентного человека, дать характеристику тем лицам из обращавшихся к правительству, с которыми он имел личные встречи. Луначарский написал: “Профессор Левинсон-Лессинг... замечательный ученый чисто американского типа; в Америке, кажется, главным образом получил и свою высокую квалификацию” [10].

Нарком по просвещению явно недооценивал школу Петербургского университета, откуда вышел замечательный ученый.

В 1925 году Франца Юльевича единогласно избрали действительным членом Академии наук СССР, его труды были высоко оценены академиками В.И. Вернадским, А.П. Карпинским,

А.Е. Ферсманом. С этого времени он уделяет большое внимание деятельности академических учреждений. В разные годы он работает директором Геологического музея и Почвенного института имени В.В. Докучаева АН СССР (1925–1929), руководит академическими экспедициями в Закавказье, в Крыму.

Еще в 1915 году в России была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), в ее состав входили 12 академиков, в числе которых были В.И. Вернадский, А.П. Карпинский, Н.С. Курнаков. В конце 1917 года в комиссию был введен Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. Ему было поручено организовать и возглавить новый отдел – каменных строительных материалов. В июле 1918 года Франц Юльевич предложил долгосрочную программу отдела, которая начиналась со сбора всех сведений о камне: месторождениях, экономике и условиях его добычи. К этой работе Левинсон-Лессинг привлекал своих учеников и коллег – политехников. Для того чтобы изучить сохранность камня в старинных постройках, он поручил Д.С. Белянкину изучить выветривание строительных камней на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. В 1919 году Левинсон-Лессинг выступил на Музейной конференции в Петрограде с проектом музея каменных строительных материалов, который должен был вести популяризацию сведений о камне и, кроме того, готовить к изданию брошюры, монографии, иллюстрированные каталоги камня (в том числе цветные). И это в голодном 1919 году!

Деятельность отдела каменных и строительных материалов, возглавляемого Левинсоном-Лессингом, дала толчок многостороннему исследованию каменных и других строительных материалов во многих районах России.

Одновременно со всей этой огромной нагрузкой Франц Юльевич продолжал работать в Политехническом институте и почти ежегодно ездил в экспедиции. 18 мая 1925 года он сообщал в докладной записке, что на июль и август он едет в Крым изучать изверженные породы, собирать петрографический материал для пополнения учебных коллекций и... лечить грязью сломанную в прошлом году ногу.

В декабре 1926 года ректор А.А. Байков отправил в Главпрофобр записку следующего содержания: “Правление ЛПИ постановило: принимая во внимание заслуги.... перед институтом и учитывая необходимость оставления его в должности профессора института, ходатайствовать.... об оставлении Ф.Ю. Левинсона-Лессинга штатным

профессором на 5 лет” [11]. Несмотря на то, что ученому исполнилось 65 лет, ходатайство было удовлетворено.

В 1928 году положение в вузах резко изменилось. В Главпрофобр пришел новый начальник — А.Я. Вышинский, который буквально засыпал институты своими распоряжениями. Результаты одного из них последовали 20 марта 1929 года: ректор Политехнического института П.А. Кобозев сообщил о предстоящем переизбрании профессорско-преподавательского состава. Руководствоваться при перевыборах надлежало следующими критериями: истечение срока избрания; переизбирать лиц, устаревших для современной науки; изжить “злостное совместительство”; учесть общественно-политическое лицо, т. е. пригодность преподавателя для социалистического строительства. Перевыборам предшествовала своеобразная подготовка — освещение в печати “научного значения” неугодного преподавателя. Когда Левинсон-Лессинг обратился в правление с заявлением о нападках на него в печати, правление постановило: предложить профессору Левинсону-Лессингу самому апеллировать к печати по поводу помещенной в газете статьи.

17 апреля 1929 года состоялись перевыборы на химическом факультете. Согласно циркуляру ГПФ была образована комиссия в составе ректора или проректора по учебным делам, представителей Совнаркома, Исполбюро, предметных комиссий по одному от профессорско-преподавательской части и от студенчества. Профессор Б.Н. Меншуткин присутствовал в качестве председателя предметной комиссии по химии и оставил свои впечатления об услышанном. На каждого преподавателя и даже профессора давал характеристику студент, представитель Исполбюро профсекции. Европейски известные научные работники были обвинены в невежестве, в незнании своего предмета, других преподавателей обвинили в политической неблагонадежности.

Уполномоченному НКП был отправлен список под грифом “Сов. секретно”, в котором значились профессора и преподаватели, подлежащие увольнению и замене. В списке был и Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, профессор геологии, со следующей характеристикой: “Антисоветский элемент. Отрицательно относится к Советской власти и проводимой ею реформе высшей школы. Общественных организаций не признает. В научном отношении величина большая. Для факультета, несомненно, вреден, как тормоз реформе высшей школы” [12]. Далее следовало мнение студенческих организаций: “уволить”.

Впоследствии председатели предметных комиссий представили в ГПФ свое, особое мнение, опровергавшее обвинение, переданное в Главпрофобр. В результате конкурсы не были объявлены, и непереизбранные преподаватели остались на своих местах, “отделавшись переживанием неприятных моментов” [13], как грустно пошутил Б.Н. Меншуткин.

Летом 1930 года Политехнический институт перестал (временно) существовать, и вместе с ним закончилось 28-летнее служение в нем академика Ф.Ю. Левинсона-Лессинга.

В последние девять лет жизни Франц Юльевич не прекращал активно трудиться. Он продолжал работать (с 1930 по 1938 год) в созданном им Петрографическом институте АН СССР, которому в декабре 1934 года, в связи с 50-летним юбилеем научной деятельности его основателя, было присвоено имя академика Ф.Ю. Левинсона-Лессинга; организовал и возглавил сначала Азербайджанский, а затем Армянский филиалы АН СССР, создал вулканологическую станцию на Камчатке, был председателем комиссии по комплексному изучению Каспийского моря и всю жизнь не прерывал связи с родным Ленинградским университетом. После смерти в 1919 году своего учителя А.А. Иностранцева Франц Юльевич заменил его на кафедре петрографии, в 1936 году организовал и возглавил при ЛГУ Институт земной коры, а в 1938–1939 годы преподавал в университете геологию и петрографию.

Франц Юльевич всю жизнь очень много писал. В списке его научных трудов более 200 наименований. Он создал первую в стране школу петрографов, его учебник “Петрография” выдержал несколько изданий. Академик Д.И. Щербаков писал: “Ф.Ю. Левинсон-Лессинг относится к тем выдающимся ученым недавнего прошлого, которых мы называли энциклопедистами”. Круг его интересов обширен. Более полутора десятков книг посвящены истории науки, в их числе “Успехи петрографии в России”, “Введение в историю петрографии” [14].

Многие статьи Левинсона-Лессинга посвящены ученым всего мира, родоначальникам петрографии, а также его учителям и коллегам, о которых он писал с большой теплотой и уважением, В.В. Докучаеву, А.А. Иностранцеву, К.Д. Глинке. Писал Левинсон-Лессинг и популярные книги – “Введение в геологию”, “Землетрясения и меры борьбы с ними”. В 1921 году, работая в Политехническом институте, он написал статью “О роли фантазии в научном творчестве”. “Мы привыкли думать, что научная работа

вся протекает в сфере логики и холодного рассудка, — писал Франц Юльевич, — как глубоко ошибочен такой взгляд! Каким сухим кропателем фактов является ученый, лишенный фантазии” [15].

Профессор С.С. Кузнецов, ученик Левинсона-Лессинга, вспоминал: “Наблюдая его в тиши домашнего кабинета, в учебной, созданной им лаборатории Политехнического института, на склонах высоких гор Кавказа, нередко под дождем и снегом, в равной мере приходилось удивляться ясности его мысли, энергии, огромным знаниям, редкой душевной прямоте, честности и преданности делу” [16].

Заслуги Ф.Ю. Левинсона-Лессинга перед наукой признаны во всем мире. Он был избран членом Международного общества почвоведов, Лондонского и Бельгийского геологических обществ, почетным членом Американского геологического общества.

Умер Франц Юльевич Левинсон-Лессинг в ночь с 24 на 25 октября 1939 года, на 79-м году жизни. Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Основные научные труды

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Олонецкая диабазовая формация: Магист. дис. / Санкт-Петербургский ун-т. 1888.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Исследование по теоретической петрографии в связи с изучением изверженных пород центрального Кавказа: Докт. дис. 1898.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. I. Единая высшая школа. II. Дальнейшее развитие Политехнического института // Изв. Политехн. ин-та. Пг., 1915. Т. XXIII. С. 721—739.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Петрография. 5-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1940. 495 с.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю., Струве Э.А. Петрографический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / ОНТИ НКТП СССР. Л.; М., 1937. 416 с.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю., Белянкин Д.С. Петрографические таблицы. 5-е изд., испр. и доп. / ОНТИ НКТП СССР. Л.; М.; Новосибирск, 1933. 101 с.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Жизнь и деятельность В.В. Докучаева // Тр. Почв. ин-та АН СССР. 1927.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. О занятиях женского населения С.-Петербурга по переписи 1881, 1890 и 1900 гг. // Изв. С.-Петерб. политехн. ин-та. 1904. Т. II, вып. 3–4. С. 109–149.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. О роли фантазии в научном творчестве // Творчество: Сб. 1921.

Академик Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. Избранные труды: В 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1955.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Введение в историю петрографии / ОНТИ ЛГУ. Л., 1936. 138 с.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Проблема генезиса магматических пород и пути к ее разрешению. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 58 с.

РУЗСКИЙ
ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ,
ректор
Политехнического института
(06.11.1919—11.07.1921)

Дмитрий Павлович Рузский
(06.01.1869—1937)

В начале ноября 1919 года декан инженерно-строительного факультета Дмитрий Павлович Рузский получил из администрации I-го Петроградского политехнического института, как назывался Политехнический институт с 05.06.18 по 01.01.23 года, официальную бумагу, еще сохранившую ставший старомодным почтительный тон: “Милостивый Государь Дмитрий Павлович! На основании постановления Президиума Совета института, ввиду отказа профессора Ф.Ю. Левинсона-Лессинга от должности ректора института, в Общем собрании факультетов, состоявшемся 5 сего ноября, были произведены выборы нового ректора, и Вы оказались избранным на эту должность. Сообщая об изложенном, прошу Вас принять уверения в моем совершенном уважении и преданности. Секретарь Совета Н. Тимашев” [1].

Бумага не соответствовала действительности: Левинсон-Лессинг на этот раз не отказывался от должности, он вообще мог не знать, что его выбрали в третий раз, так как во время выборов был в командировке, а по возвращении — сразу же арестован. Но, действительно, дважды в течение одного года он слагал с себя полномочия ректора, выдержав немногим более двух месяцев. До Левинсона-Лессинга после трех месяцев пребывания на посту ректора мотивировал свой отказ болезнью М.А. Шателен. Два опытных администратора, профессора с большим стажем, чья служба в институте началась с его основания, не смогли справиться с возникшей обстановкой. Разрушающие институт действия коменданта и Комитета рабочих и служащих, которые не подчинялись ректору, отсутствие реальной поддержки со стороны власти — такой ситуации до октября 1917 года представить себе было просто невозможно.

Октябрь 1919 года принес городу и институту новые потрясения: армия генерала Юденича вышла на ближние подступы к Петрограду, захват которого становился реальностью. Город принял фронтной вид, баррикады и огневые точки находились даже в центре. Все население было мобилизовано (рыли окопы), преподаватели и профессора Политехнического института были отправлены в район Путиловского завода. Институт, окруженный со всех сторон окопами и проволочными заграждениями, превратился в неприступную крепость. С 21 октября от Пулковских высот началось

отступление Юденича, освобождались Луга, Гатчина, Волосово. Но наступали другие, не менее грозные враги — голод и холод. Преподаватели спешили уехать на юг, в более теплые и сытные края. Многие кафедры оказались свободными, и на вакантные должности был объявлен конкурс.

30 октября исполнилось три месяца после отказа Левинсона-Лесинга от должности, а Политехнический институт все еще оставался без руководителя. В это тяжелое время Д.П. Рузский и получил предложение стать ректором.

Сейчас невозможно точно узнать, были ли у него, человека для института нового, сомнения и колебания. Думается, что не было. К такому заключению приходишь, изучив те немногие доступные нам биографические материалы, которые рассказывают о Рузском — преподавателе, инженере, общественном деятеле, человеке.

Дмитрий Павлович Рузский родился 6 (18) января 1869 года в городе Ветлуге Костромской губернии в семье мелкого чиновника Павла Виттовича Рузского, который впоследствии дослужился до чина действительного статского советника, дающего право на потомственное дворянство. В 1887 году Дмитрий Павлович окончил Нижегородскую гимназию и поступил на физико-математический факультет университета в Киеве, где в это время жила его семья, но через год перешел на физико-математический факультет Московского университета, который окончил в 1891 году по разряду математических наук с дипломом I степени, а в 1895 году — инженерно-механическое отделение Московского технического училища “при отличных успехах в науках” со званием “инженер-механик”.

В этом же году Д.П. Рузский поступил на службу в Общество Северной железной дороги, в 1896 году перешел на Невский завод в Санкт-Петербурге, конструктором в пароходный отдел. В 1897 году он был уже в правлении Общества Китайско-Восточной железной дороги: проектировал буксирные пароходы для реки Сунгари, а затем его отправили в Англию для наблюдения за постройкой этих пароходов.

Здесь же в 1898 году он получил предложение от директора открывавшегося в Киеве Политехнического института В.Л. Кирпичева предпринять командировку для подготовки к профессорскому званию. Рекомендацию молодому инженеру дал его учитель, профессор Московского университета и Технического училища, выдающийся механик и основоположник гидроаэродинамики Н.Е. Жуковский. “Рузский был у нас в университете хороший математик и аккуратный, прилежный студент, — писал Н.Е. Жуковский. — Курс Технического училища прошел он с успехом и оставил у руководителей о себе добрую память ...Этой зимою я получил от Рузского

его научный труд “Опыт теории гребных винтов”... Эта первая работа рекомендует автора с хорошей стороны. Я думаю, что в лице Д.П. Рузского Киевский политехникум может приобрести молодого ученого, из которого может выработаться сильный профессор” [2].

Дмитрий Павлович принял предложение директора Киевского политехнического института и, переехав из Англии в Берлин, посещал лекции в Шарлоттенбургском политехникуме, специализируясь по прикладной кинематике и гидравлике. В 1899 году он приехал в Киев и с 1 сентября начал читать лекции по прикладной механике в качестве исполняющего обязанности экстраординарного профессора. 5 апреля 1901 года Д.П. Рузский успешно защитил диссертацию на звание адъюнкта на тему “Теория гребных винтов”. Оппонентами на этой, первой в институте, защите были Н.Е. Жуковский и А.П. Котельников. В 1902 году Д.П. Рузский был утвержден в звании экстраординарного, а в 1903 году — ординарного профессора.

Во время службы в Киевском политехническом институте Дмитрий Павлович читал лекции по кинематике машин, общей теории машин, гидравлике, гидравлическим двигателям, деталям машин, руководил проектами по гидравлическим двигателям и насосным станциям и, временно, по канализации и водопроводу. Курсы прочитанных Д.П. Рузским лекций были изданы в Киеве, а позднее и в Петрограде. Одновременно с преподавательской деятельностью Рузский заведовал кабинетом кинематических моделей и лабораторией по испытанию смазочных материалов.

Большое место в жизни Д.П. Рузского всегда занимала административная и общественная деятельность. Уже в сентябре 1899 года он был избран на четыре года секретарем механического отделения КПИ, с 1904 по 1906 год занимал пост декана инженерного отделения и, наконец, дважды, в 1907 и 1909 годы его избирали директором Киевского политехнического института — и оба раза не последовало утверждения свыше. Причиной была позиция Д.П. Рузского в период участвовавших студенческих волнений, которые приняли особенно острый характер после того, как в январе 1905 года полицией были разогнаны митингующие студенты. Обращение группы деканов (в их число входил и Рузский) к министру финансов В.Н. Кокцову в защиту студентов никакого результата не дало, и Дмитрий Павлович, в связи с обострением отношений с администрацией, в мае 1906 года отказался от поста декана.

Утверждение Рузского директором КПИ в 1907 году не состоялось. Накануне губернатором было получено донесение начальника Киевского охранного отделения: “Несомненно, что при утверждении профессора Рузского директором КПИ революционная

деятельность его будет проявляться в полной силе... и институт явится очагом революционного и оппозиционного движения” [3].

В 1909 году сам министр внутренних дел П.А. Столыпин отозвался о нескольких профессорах КПИ (среди них был и Рузский) как об имеющих “противоправительственный характер политических взглядов” [4]. Последовало вторичное неутверждение Дмитрия Павловича директором.

10 марта 1911 года Рузский вместе с семью профессорами КПИ подал в отставку “ввиду увольнения трех профессоров и деканов... и полного расстройства учебного дела в институте” [5]. После этого он поступил на службу в Киевскую городскую думу в качестве главного инженера по постройке канализации и исполнял эту обязанность в течение двух лет. В этот же период, по поручению Харьковской городской думы, он руководил проектом переустройства харьковского водопровода и исполнил проект водопровода для города Черкассы.

В 1913 году Д.П. Рузский после приглашения на должность главного инженера по постройке канализации в Санкт-Петербурге переехал в столицу. В этом же году на Совете Института инженеров путей сообщения его избрали по кафедре “Санитарная техника”, но он опять не был утвержден. Можно предположить, что причиной еще раз послужила его общественная деятельность в КПИ. И только после Февральской революции, в марте 1917 года, он был утвержден экстраординарным профессором этого института по кафедре “Гидравлика”. В январе 1916 года Д.П. Рузский был избран товарищем (заместителем) председателя Императорского русского технического общества.

С 1914 года началась служба Дмитрия Павловича в Санкт-Петербургском политехническом институте. 1 января 1914 года инженер-механик Д.П. Рузский по представлению инженерно-строительного отделения был избран (на полгода) преподавателем курса канализации. В это время Дмитрию Павловичу 45 лет, он — статский советник, кавалер двух орденов, его жена — графиня Е.А. Коновницына, дети (двое) еще малолетние, имения семья не имеет.

В течение нескольких лет Д.П. Рузский оставался в Политехническом институте преподавателем по найму. Ежегодно повторялось его переизбрание; только в апреле 1917 года на инженерно-строительном отделении был поднят вопрос об ожидаемом большом спросе в российских городах на инженеров — специалистов по водоснабжению и канализации и о том, что в институте для замещения этой кафедры имеется подходящая кандидатура — Дмитрий Павлович Рузский, “который соединяет в себе выдающегося теоретика и практика в области различных отделов гидравлики и имеет большую педагогическую опытность” [6].

25 апреля 1917 года на заседании инженерно-строительного отделения Д.П. Рузский был единогласно избран ординарным профессором по кафедре “Строительное искусство” отдела водоснабжения и канализации. Ходатайство об избрании было отправлено деканом отделения в Совет института 26 апреля, но лишь 4 октября 1917 года Рузский был избран Советом. Затем его кандидатура подлежала утверждению министром (так было с основания института), но вскоре “произошел октябрьский переворот, и с тех пор утверждение в должности профессоров стало проводиться Советом института” [7].

Д.П. Рузский был утвержден в должности ординарного профессора по кафедре “Строительное искусство” Петроградского политехнического института лишь с 1 мая 1918 года. В декабре этого же года он был избран деканом инженерно-строительного факультета, а 3 сентября 1919 года профессору Рузскому было поручено заведование гидравлической лабораторией.

Вселению Д.П. Рузского в один из профессорских домов на территории института предшествовали события в духе того времени. В мае 1919 года Дмитрий Павлович обратился с письменной жалобой к ректору Ф.Ю. Левинсону-Лессингу: по распоряжению жилищной комиссии Петрограда у него опечатали (или конфисковали?) личные вещи и библиотеку. Ректор в свою очередь обратился к наркому просвещения и обстоятельно объяснил ему, что профессор Рузский, декан инженерно-строительного факультета, в интересах преподавания должен жить на территории института, в предоставляемой ему квартире, но он сможет это сделать, если ему будет дана возможность вывезти свою обстановку со склада. “Считаю долгом присовокупить, - деликатно разъяснял ректор, — что профессор Рузский состоит на действительной технической службе и что согласно декрету Совнаркома от 19 декабря 1918 года аресты, обыски, выселения, конфискации и тому подобные меры по отношению к призванным на действительную техническую службу допускаются не иначе как с ведома... учреждений, в чьем распоряжении находится призванный” [8]. Конец этой истории нам неизвестен.

По воспоминаниям профессора Б.Н. Меншуткина, январь 1920 года был самым трудным месяцем этой тяжелой зимы. Лютые морозы, из-за отсутствия топлива замерзли водопроводы. Для общественных нужд в парке рубили сосны, а сучки от них подбирали преподаватели. Учебных занятий в это время не было, так как и преподаватели и студенты ослабели от голода, многие болели цингой. В феврале наступило небольшое улучшение: по настоянию М. Горького в КУБУ (Комиссия по улучшению быта ученых) начали выдавать академический паек, и это продолжалось до 1922 года.

Присылали подарки иностранные ученые – продукты, теплые вещи, научные книги. Студентам помогала АРА (американская организация Красного Креста), которая присылала учебники, открывала для студентов столовые. Приходили посылки от Нансеновского комитета.

С 1920 года всем профессиональным образованием в стране руководил Главный Комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр, или ГПФ). С марта 1920 года в Петрограде было учреждено его отделение – Петропрофобр.

24 марта 1920 года до сведения института был доведен декрет о срочном выпуске. Страна нуждалась в квалифицированных инженерах, и поэтому Совнарком предложил откомандировать с предприятий, из учреждений, из Красной Армии бывших студентов, которые выразили желание закончить институт к осени 1920 года. Было предложено приравнять студентов, допущенных к усиленным занятиям, в отношении снабжения к учащимся военных училищ и выдавать им стипендии. В Политехническом институте был организован Особый комитет по срочному выпуску во главе с представителем ГПФ и избранным 5 ноября 1919 года ректором Д.П. Рузским. К июлю 1920 года число “срочников” достигло нескольких сотен человек. Первое время учеба их продвигалась успешно, чему способствовали получаемые ими красноармейские пайки, однако летом наступило резкое ухудшение в снабжении города, студенты месяцами не получали продуктов и вынуждены были искать работу на стороне, чтобы прокормиться, вследствие этого понизилась и успеваемость.

4 июня 1920 года был опубликован декрет Совнаркома о высших учебных заведениях. Его пункты (в кратком изложении) требовали:

- преподавание во вузах должно строго соответствовать современным нуждам РСФСР;

- срок прохождения курса во вузах – три года;

- количество принимаемых вузом студентов определяется ГПФ;

- в первую очередь принимаются рабочие, получившие подготовку на рабфаках, которые должны быть открыты при всех вузах;

- принятые студенты зачисляются на государственную службу и обязаны “учебной повинностью” со строжайшим контролем над занятиями. Студенты за прогульные дни, помимо других мер, лишаются пайка.

После опубликования декрета факультеты Политехнического института приступили к разработке новых планов и программ, так как требовалось уложить весь курс в три года. С этой задачей справились на всех факультетах, кроме кораблестроительного,

для которого минимальным сроком обучения было оставлено четыре года.

10 августа 1920 года Совнарком опубликовал новый декрет о порядке приема студентов. Всем бывшим студентам, имевшим зачеты, предоставлялось право вернуться в вузы, для этого их надлежало откомандировать из тех учреждений и воинских частей, в которых они находились. На 1-й курс реформированных вузов должны были приниматься лица обоего пола, обладающие достаточным развитием и знаниями. Условия приема определялись ГПФ. В первую очередь должны были приниматься рабочие и лица с практическим стажем. Кроме студентов к занятиям допускались все желающие, насколько позволяла вместимость аудиторий и лабораторий.

15 октября 1920 года в Политехническом институте был открыт, по декрету Совнаркома, первый среди вузов Петрограда рабочий факультет. Основная задача рабфаков заключалась в привлечении широких пролетарских и крестьянских масс в высшие учебные заведения. Все учащиеся рабфаков пользовались полным социальным обеспечением (стипендия, общежития и др.) и преимущественным правом поступления в вузы.

Летом 1920 года администрацией Политехнического института было получено Положение о домовых комитетах бедноты Петрограда и его пригородов, подписанное Г.Е. Зиновьевым. В обязанность этих комитетов входило наблюдение за “буржуазным” населением домов: надлежало следить за исполнением трудовой повинности, за тем, не собираются ли у них контрреволюционные элементы. В октябре 1920 года Петропрофобр назначил студента Титова уполномоченным по жилищным делам для отыскания помещений для студентов. Его “деятельность” была столь вредна для института, что ректору пришлось через Петропрофобр отменять его нелепые распоряжения.

С декабря 1919 года по февраль 1921 года было прервано трамвайное сообщение с городом. По-прежнему свирепствовали голод и холод. Администрация института делала все возможное, чтобы хоть немного поддержать студентов и преподавателей. На заседаниях президиума института, на совещаниях деканов поднимались злободневные вопросы: об организации курса лекций по огородничеству, о возбуждении ходатайства перед КУБУ о предоставлении керосина профессорам и преподавателям, живущим на территории института. В 1919–1920 годы из-за тяжелого материального положения и отсутствия бумаги не издавались “Известия Политехнического института”. Документы в это время печатались на оборотной стороне бланков, дипломов, грамот в честь 300-летия дома Романовых.

Жизнь института в 1920 году проходила на фоне все ухудшавшегося положения с продовольствием. 4 августа глава партийного руководства и председатель Петросовета Г.Е. Зиновьев отправил в Москву телефонограмму следующего содержания: “В Питере неизбежен кризис ввиду явно неправильной политики Наркомпрода... Питеру не идут на помощь. Снимаю с себя всякую ответственность за последнее” [9]. За два месяца ситуация ухудшилась, и 1 октября из Петрограда в Москву отправилась очередная телефонограмма: “Продовольственное положение в Петрокоммуне небывало катастрофическое... Послезавтра всему городу нельзя будет выдать ничего” [10].

Петроградские ученые решили обратиться к своим коллегам и журналистам из западных стран, правительства которых не хотели помогать большевистскому режиму, с призывом спасти русскую науку и культуру от голода. 27 января 1921 года 140 крупных ученых: 36 академиков, 40 ректоров (можно не сомневаться, что Д.П. Рузский был среди них), директоров и председателей вузов, 40 видных профессоров, 20 инженеров и хозяйственников приняли решение созвать совещание по продовольствию, и уже 19 февраля В.И. Ленину было отправлено письмо, в котором указывалась точная сумма необходимого займа (120 млн. рублей золотом) для закупки продовольствия в США и Аргентине и доставки его в Россию. Советским правительством это предложение поддержано не было. Из письма Л.К. Мартенса, представителя РСФСР в США, управделами Совнаркома Н.П. Горбунову от 4 марта 1921 года: “...если бы даже проектируемый заем и был возможен, то и тогда Советскому правительству следовало бы противодействовать его заключению... Переговоры о таком займе могли бы быть истолкованы как признак слабости Советского правительства, чуть ли не как признание им своего банкротства” [11].

Голод в Москве и Петрограде удалось предотвратить, но из-за неурожая 1920–1921 годов в Поволжье и других районах погибли от голода миллионы людей.

Но даже в эти годы институт продолжал жить. На заседании Совета в марте 1921 года кораблестроительный факультет докладывал об учреждении Музея авиационных и лодочных двигателей. На технических факультетах с 1919 по 1921 год было создано 24 новых кафедры, утверждены избранные профессорами А.А. Фридман, Н.Н. Павловский, А.А. Морозов, М.М. Карнаухов, Г.К. Ризенкамф; преподавателями — П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, Д.В. Скобельцын, М.Д. Чертоусов и многие другие, кем и поныне гордится Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (Политехнический институт).

В Петроградском политехническом институте, как это было и в Киеве, Д.П. Рузский всегда стремился защитить своих коллег, студентов, подчиненных, даже если последствия этого могли отразиться на его карьере. Весной 1921 года по циркуляру Петропрофобра надлежало уволить из вузов всех служителей культа. Военком Березуцкий в письме ректору и председателю Особого комитета I ППИ требовал уволить преподавателя богословия М.В. Троицкого, “снять с денежного и пайкового довольствия” и выселить из занимаемой им квартиры. И это в голодный и холодный 1921 год! Троицкий был преподавателем богословия и членом Совета Политехнического института с 1908 года, и Д.П. Рузский пытался сохранить его, дав новую должность - преподавателя курса истории религии. В связи с этим ректору пришлось пережить немало неприятностей.

Еще одна отличительная черта той эпохи — частые аресты. Человека могли арестовать за принадлежность к какой-либо партии (не большевиков) и просто без видимой причины. Обычно арестованного отпускали через несколько дней или недель. Очевидно, помогало и ходатайство института, инициатором которого всегда выступал ректор Рузский. 11 марта 1921 года на президиуме Совета он доложил об аресте (уже не первом) секретаря Совета профессора Н.С. Тимашева. Президиум постановил: ходатайствовать перед Чрезвычайной Комиссией о скорейшем его освобождении. Через несколько дней Тимашев уже был в институте. В этом же месяце от ректора в ЧК поступил протест в связи с арестом профессора Н.А. Рожкова, преподавателей П.С. Осадчего и Б.И. Карпенко и ходатайство о скорейшем их освобождении.

2 марта 1921 года состоялось заседание Совета в увеличенном составе. Ректор объявил о кончине первого директора Санкт-Петербургского политехнического института А.Г. Гагарина и Почетного члена института Д.К. Чернова. Совет постановил: поместить портрет А.Г. Гагарина в зале заседаний Совета. На этом же заседании Совета был выбран новый президиум. Д.П. Рузский снова стал ректором, профессор Е.Л. Николаи — проректором по учебным делам, профессор Л.В. Залуцкий — проректором по хозяйственным делам, профессор Н.С. Тимашев — секретарем Совета. Выбрали еще трех студентов — так полагалось по новым правилам. В этом же месяце Дмитрий Павлович сложил с себя полномочия декана инженерно-строительного факультета. В этой должности он оставался с декабря 1918 года.

В 1920—1921 годы Положение о высших учебных заведениях еще только разрабатывалось, первая редакция была опубликована только 2 сентября 1921 года. Постановлением от 4 марта 1921 года Союзарком предписывал ввести в учебные планы обязательное пре-

подавание общественных наук, в частности таких предметов, как развитие общественных форм, исторический материализм, пролетарская революция, политический строй РСФСР. Основная особенность учебных планов 1920 и 1921 годов – сокращение срока обучения до трех лет, а для этого необходимо было уменьшить число преподаваемых дисциплин, сделать их доступными для изучения. Отдельные факультеты стали подразделяться на большее число специализаций, так как за три года возможно было подготовить только специалиста узкого профиля.

Несмотря на тяжелейшие условия, ППИ сумел в 1921 году дать стране 213 специалистов. Это был самый большой выпуск после 1917 года. В 1920 году институт окончили 79 человек, а в 1919 году – всего 43. Даже в 1917 году выпускников было 286. Число окончивших институт в 1921 году возросло за счет “срочников”. 29 июня 1921 года Особый комитет по срочному выпуску инженеров-специалистов ППИ сообщал о них в Главпрофобр следующее: “Наступившее ухудшение в снабжении продовольствием чрезвычайно губительным образом отзывается на успеваемости студентов и состоянии их здоровья. Упадок сил, головокружение, обмороки и легочные процессы за последнее время значительно усилились. Существующий порядок получения отпусков через Центральную врачебную комиссию дает возможность студенту получить отпуск лишь тогда, когда в его здоровье происходит резкое ухудшение, между тем как интересы успешной работы и сохранения здоровья диктуют принятие предупредительных мер. Вовремя взятый краткосрочный отпуск в провинцию для студентов, имеющих возможность на родине усилить свое питание и привезти с собой некоторый запас продовольствия, несомненно, явился бы в этом отношении наиболее разумной мерой” [12]. В этом же письме ППИ информирует Главпрофобр (в который раз!) о предстоящей холодной зиме без топлива.

Секретарь Совета Н.С. Тимашев через много лет, находясь в эмиграции, описал свое ощущение того времени: «Назревал кризис. Было ясно, что дела так продолжаться не могут. В начале 1921 года мне с ректором института Д.П. Рузским довелось ехать в город на двуколке, – это была привилегия ректора и других членов президиума, остальным часто приходилось ходить пешком. Мы часто пользовались этим случаем, чтобы поговорить по душам – шум от двуколки был такой, что подслушать нас было невозможно. Мы пришли к выводу, что в ближайшее время разразится революция, и на всякий случай простились друг с другом – от некоторых наших благожелателей из числа коммунистов мы знали, что наши имена стоят в черном списке тех, кого надлежит уничтожить прежде, нежели “крепко хлопнуть дверью”, по выражению Троцкого» [13].

11 июля 1921 года институтом была получена телефонограмма от председателя Петропрофобра А.А. Сотникова: “Довожу до Вашего сведения, что президиум I ППИ утвержден, за исключением профессора Рузского и профессора Тимашева. Временно до перевыборов исполнение обязанностей ректора возлагается на профессора Николаи” [14].

27 июля Совет собрался в расширенном составе. По устному поручению председателя Петропрофобра проректор по хозяйственным делам сообщил, что Рузскому ставится в вину разлаженность хозяйственного аппарата института и недостаток дисциплины среди вспомогательных служащих и рабочих (не по этой ли причине сложили с себя в 1919 году обязанности ректора М.А. Шателен и Ф.Ю. Левинсон-Лессинг?). Причины неутверждения Тимашева – политические. Студент С.Я. Гессен от имени представителей студентов и служащих НИК (Научно-исследовательские курсы для инженеров) зачитал проект резолюции Совета: “Выразить профессорам Д.П. Рузскому и Н.С. Тимашеву глубокую благодарность за их тяжелую и напряженную работу, проходившую в условиях необычайно тяжелого времени и содействовавшую постепенному возрождению института и оживлению его научной и учебной деятельности, и сожаление по поводу факта их неутверждения” [15].

Для вручения председателю Петропрофобра резолюции, единогласно принятой Советом, была избрана делегация, которую 2 августа принял председатель Петропрофобра, а 3-го – заведующий отделом Наробраза. В резолюции подчеркивалось: “Совет признает, что распоряжение председателя Петропрофобра, имея форму неутверждения избранных Советом членов президиума, фактически является устранением профессоров Д.П. Рузского и Н.С. Тимашева от должностей, которые исполняли они с ведома и молчаливого согласия Петропрофобра более четырех месяцев, считая со дня их избрания на основании нового устава, и в которых они состояли непосредственно перед этим избранием в течение более года... Как акт фактического и притом экстренного устранения в административном порядке ректора и секретаря Совета, распоряжение Петропрофобра представляется исключительной мерой, которая применяется к I ППИ впервые за все время его существования” [16].

Совет, как высший руководящий орган института, был готов разделить с ректором ответственность, но за что? Ему были неизвестны фактические данные, послужившие основанием для неутверждения Рузского. Указание Петропрофобра на политические мотивы неутверждения Тимашева вызвало у Совета недоумение, поскольку “институт является по самому своему существу организацией аполитичной” [17].

Приняв делегацию от института и ознакомившись с резолюцией, председатель Петропрофобра своего решения не изменил. Истинная причина неутверждения Д.П. Рузского осталась неизвестной. Возможно, кто-то обратил внимание на его родство с генералом Н.В. Рузским, расстрелянным большевиками в 1918 году на юге России вместе с другими заложниками. Маловероятно, что стала известна его принадлежность к масонской организации, в которой он состоял в годы войны и играл в ней важную роль — был членом местного петербургского Совета и его секретарем. По воспоминаниям одного из участников масонской ложи, на одно из организованных ими собраний Д.П. Рузский привел М. Горького.

После отстранения от должности ректора Д.П. Рузский оставался профессором и заведующим гидравлической лабораторией. Это был период, когда профессора, преподаватели, сотрудники и студенты института принимали участие в осуществлении плана электрификации страны. В 1922 году Д.П. Рузский в докладной на имя декана электромеханического факультета сообщал о том, что в проектировочном бюро Волховской гидроэлектрической установки выявилась необходимость провести ряд исследований для определения наиболее подходящего типа плотины. Руководство волховского строительства намеревалось поручить эти исследования гидравлической лаборатории ППИ, но получило сведения, что лаборатория в последние годы пришла в расстройство и не отапливается. “Недопустимо, — писал Рузский, — чтобы Политехнический институт, имея лучшую лабораторию для производства нужных исследований, остался в стороне” [18]. Сотрудники лаборатории во главе с преподавателем А.А. Сабанеевым выполнили сложный ремонт, причем оплата работ и приобретение материалов были произведены на личные средства Сабанеева, а Волховстрой отпустил средства на приобретение 7 кубометров дров для лаборатории. Исследования для Волховстроя были успешно завершены.

В 1921 году Д.П. Рузский по приглашению профессора ППИ Г.К. Ризенкампа, организатора и директора Научно-мелиорационного института, вступил в должность старшего научного сотрудника, а с марта 1922 года он — член Совета института. Вместе с Г.К. Ризенкампом и Н.Н. Павловским (будущим академиком) Д.П. Рузский вошел в состав редакции “Известий Научно-мелиорационного института”, где в 1922—1923 годах были напечатаны его работы: “Модуль Кеннеди (водомер для ирригационных систем)”, “Водомеры с возрастающими сопротивлениями (Модуль Джибба)” и др. В 1924 году в Государственном издательстве Ленинграда были напечатаны как специальные пособия для высшей школы его лекции, некоторые из которых он читал еще в Киевском

политехническом институте. На учебнике “Кинематика машин” [19], подаренном им Фундаментальной библиотеке, Дмитрий Павлович оставил автограф: “В справочный отдел от автора. 3.V.24”.

Летом этого же года Дмитрий Павлович выехал с больной женой за границу, затем попросил продления отпуска. 1 сентября 1925 года он был отчислен из Ленинградского политехнического института “ввиду невозвращения из отпуска”. В те годы подобная запись в архивном деле не была редкостью.

С 1925 года Дмитрий Павлович Рузский – профессор технического факультета Загребского университета в Югославии, читал лекции по гидравлике, гидравлическим машинам, насосам, проводил научную работу и печатался до последнего года своей жизни. Умер он в Югославии в 1937 году в возрасте 68 лет.

Максим Горький писал: “Я имел высокую честь возвращаться около них в трудные 1919–1920 годы. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стойческим мужеством творцы русской науки переживали голод и холод, видел, как они работали и как умирали... Я думаю, что русскими учеными, их жизнью и работой в годы войны и блокады дан миру великолепный урок стоицизма” [20].

Эти слова с полным правом можно отнести и к Дмитрию Павловичу Рузскому.

Основные научные труды

Рузский Д.П. Теория гребных винтов: Докт. дис. Киев: Тип. Чоколова, 1900. 60 с.

Теория механизмов: Лекции проф. Д.П. Рузского, читанные в Киевском политехн. ин-те / Сост. и изд. Г.К. Таценко. Киев, 1902. 149 с.

Гидравлика: Лекции, читанные проф. Д.П. Рузским в 1907 г. / Изд. М.Я. Апте. Киев, 1907. 160 с.

Рузский Д.П. Кинематика машин: Лекции, читанные в Киевском политехн. ин-те в 1906–1907 г. Киев: Тип. Лубковского, 1908. 204 с.

Гидравлические двигатели: Курс лекций, читанных проф. Д.П. Рузским в Киевском политехн. ин-те / Изд. М.Я. Апте “Прогресс”. Киев, 1908. 88 с.

Рузский Д.П. Гидравлика: Лекции, читанные в Киевском политехн. ин-те в 1908–1909 г. Киев: Тип. Лубковского, 1910. Вып. 1.

Рузский Д.П. Модуль Кеннеди / Науч.-мелиорац. ин-т. Пг., 1922. 13 с.

Рузский Д.П. Водомеры с возрастающими сопротивлениями. Модуль Джибба: Отд. отт. из “Изв. Науч.-мелиорац. ин-та”. Пг., 1923. Вып. 3. 23 с.

Рузский Д.П. Кинематика машин: Спец. пособие для высш. шк. Л.: Госиздат, 1924. 199 с.

Рузский Д.П. Общая теория машин: Лекции (Норм. руков. для высш. шк.). М.; Пг.: Госиздат, 1924. 142 с.

ЗАЛУЦКИЙ
ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ,
ректор
Политехнического института
(20.08.1921—19.07.1922)

Леонид Васильевич Залуцкий
(08.09.1877—25.03.1942)

В течение всего 1921 года Главный комитет профессионально-технического образования (ГПФ) Наркомпроса был занят выработкой Положения о высшей технической школе, намечаемые проекты которого он периодически доводил до сведения Петроградского политехнического института. Положение было опубликовано 2 сентября 1921 года в Собрании узаконений и распоряжений правительства. Согласно Положению ректор вуза назначался Наркомпросом из числа кандидатов от преподавателей, если же они (кандидаты) окажутся непригодными (причина не указывалась), то Наркомпрос назначал ректора по своему выбору. Так, избранный Советом 2 марта 1921 года на основании нового устава ректор Д.П. Рузский спустя четыре месяца не был утвержден Петропрофобром, и даже делегация от Совета института с выражением своего несогласия с действиями Петропрофобра не изменила его решения.

20 августа 1921 года были проведены довыборы членов президиума Совета Политехнического института. Ректором был избран проректор по хозяйственным делам Л.В. Залуцкий, высокообразованный специалист с большим стажем работы в институте, зарекомендовавший себя как организатор и общественный деятель.

Леонид Васильевич Залуцкий родился 8 сентября 1877 года в Иркутске в дворянской семье; его отец был кандидатом богословия (правда, после 1917 года в графе “происхождение” он писал: “разночинец, родители — служащие”). После окончания гимназии в Курске в 1895 году Л.В. Залуцкий поступил на физико-математический факультет Московского университета, который окончил в 1901 году со званием “кандидат физико-математических наук”. Во время учебы он принимал участие в студенческом движении, за что в 1896 году был арестован, а в 1899 году даже выслан из Москвы. Впрочем, это не помешало ему благополучно окончить университет и продолжить образование в Санкт-Петербургском электротехническом институте императора Александра III, по окончании которого в 1904 году он получил звание “инженер-электрик 1-го разряда”.

После недолгой службы в армии его зачислили “для отбывания стипендии” младшим механиком Одесского почтово-телеграфного

округа, но здесь он принял участие в забастовке почтово-телеграфных работников и в организации Почтово-телеграфного союза, за что в 1905 году опять подвергся аресту и с 1 ноября 1905 года был уволен со службы по личному распоряжению министра внутренних дел П.Н. Дурново.

С 1 октября 1906 года приказом министра торговли и промышленности Л.В. Залуцкий по ходатайству декана электромеханического отделения М.А. Шателена был принят в Санкт-Петербургский политехнический институт и определен младшим лаборантом по кафедре электротехники. Но еще два раза служба Л.В. Залуцкого в Одессе напомнила о себе: в качестве обвиняемого его в 1910 году вызвали в Одесскую судебную палату, где он был оправдан, а в 1911 году в Московском военном суде был приговорен к шести месяцам заключения в крепости. Пришлось ему отбывать наказание или нет — документы об этом умалчивают. Во всяком случае, в Санкт-Петербургском политехническом институте все обошлось без последствий.

До 1915 года Л.В. Залуцкий занимал должность лаборанта (с 1910 года — старшего лаборанта). С 1915 года его ежегодно избирали на электромеханическом отделении преподавателем курса электромеханики и рентгенотехники. В 1918 году Л.В. Залуцкий защитил диссертацию на звание адъюнкта электротехники, в 1920 году возглавил лабораторию магнитных измерений и с 15 декабря этого же года занял должность профессора электромеханического факультета по кафедре технологии электротехнических материалов.

С первого года своей работы в Политехническом институте Л.В. Залуцкий занимался вопросами магнитных явлений, исследовал магнитные свойства различных сортов железа, чугуна и стали Уральских заводов, разработал ряд приборов для испытаний. С 1908 по 1914 год Залуцкого, владеющего английским, немецким и французским языками, ежегодно командировали с научной целью на заводы Англии, Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Австрии. Его отчет о проделанной работе был удостоен Русским техническим обществом премии имени Карла Сименса. В 1915—1917 годы Л.В. Залуцкий занимался исследованием условий работы нагревательных приборов, построил опытную хлебопекарную печь на 10 кВт. Ее испытания проводились под руководством М.А. Шателена.

Помимо работы в Политехническом институте, Л.В. Залуцкий с 1912 по 1915 год служил инженером в Повивально-гинекологическом институте, в 1915—1918 годы был консультантом отдела

морских портов, а в 1920—1921 годы руководил научной работой в Государственном рентгенологическом и радиологическом (Рентгенорадиологическом) институте. С 1915 года Л.В. Залуцкий многократно принимал участие в проведении различных экспертиз, в том числе проектов заводов: Карболитного, Центрального изоляционного, Владимирского химкомбината и др. В 1919 году он был избран секретарем электротехнической секции Петроградской научной комиссии. Кроме того, с 1909 по 1920 год он преподавал на вечерних Политехнических курсах Общества народных университетов, на Женских политехнических курсах, в Высшем инженерно-педагогическом и Холодильном институтах.

В 1917 году Л.В. Залуцкий был зачислен научным сотрудником в Главную палату мер и весов, где организовал магнитную лабораторию, которой заведовал до 1922 года. По поручению Главной палаты в 1919 году работал на заводе “Электросталь” над выплавкой инвара — сплава, который использовали для изготовления измерительных и контрольных приборов. До этого инвар приходилось покупать за границей. Л.В. Залуцкий участвовал в составлении проекта декрета о метрической реформе, которая была принята в 1918 году, а в 1920 году принял участие в составлении проекта нового Положения о Главной палате мер и весов. На основании этого Положения в 1921 году он был избран директором Метрологического института и членом Метрологического совета.

Уже находясь на службе в Главной палате мер и весов, Л.В. Залуцкий вел активную деятельность в Политехническом институте. В июле и сентябре 1918 года его избрали делегатом на Собрание деятелей высшей школы и на конференцию представителей высших технических учебных заведений, которые проходили в Москве и где разрабатывалось новое Положение о высших учебных заведениях страны.

Разработка Положения продолжалась в течение нескольких лет. Окончательная редакция была утверждена Совнаркомом 3 июля 1922 года. От проекта, опубликованного 2 сентября 1921 года, она отличалась тем, что была введена плата за обучение. Согласно Положению вузы РСФСР находились в ведении Наркомпроса РСФСР. Органами, ведающими делами всего вуза в целом, являлись Совет и Правление. Новый Совет должен был состоять из членов правления, всех деканов, представителей межсоюзных профобъединений, губисполкома, наркоматов, месткома, по пяти представителей от профессоров, преподавателей и научных сотрудников и от студентов вуза. Заключение Совета должно было направляться в ГПФ. Правление вуза из трех или пяти человек назначалось

Наркомпросом на год, но ГПФ мог продлить полномочия еще на один год.

С 15 декабря 1920 года проректором по хозяйственным делам в ППИ стал Леонид Васильевич Залуцкий, а в апреле 1921 года по рекомендации М.А. Шателена и П.О. Осадчего его предполагали назначить заместителем председателя Главпрофобра, но назначение не состоялось из-за конфликтной ситуации, которая была вызвана вмешательством Главпрофобра в процесс выборов администрации Московского высшего технического училища.

20 августа 1921 года Л.В. Залуцкий был избран ректором Петроградского политехнического института, но уже 27 октября на заседании Совета он просил освободить его от этой должности, так как не мог совмещать ее со службой в Главной палате мер и весов. Развернувшиеся через несколько дней события не позволили ему оставить пост ректора. Избранный проректором по учебным делам и утвержденный Петропрофобром 26 октября профессор Б.Е. Воробьев тем же Петропрофобром 1 ноября был “освобожден от обязанностей”, на месте проректора предлагалось остаться профессору Е.Л. Николаи. Но не только профессор Е.Л. Николаи, но и секретарь Совета Ф.Ф. Чаплицкий отказались от выборных должностей, с которых они в любое время могли быть “освобождены” даже без объяснения причины. Совет не соглашался также с ныне действующим Уставом и просил Петропрофобр отменить постановление от 1 ноября 1921 года, в противном случае конфликт пришлось бы решать в Главпрофобре.

На заседании Совета 9 ноября 1921 года постановили просить ректора Л.В. Залуцкого, а также Е.Л. Николаи и Ф.Ф. Чаплицкого временно взять обратно свои заявления об отказе от должностей, выборы проректора по учебным делам не проводить, а просить Л.В. Залуцкого взять на себя его обязанности при условии, что деканы будут оказывать ему помощь по техническим вопросам.

16 ноября 1921 года ректор Л.В. Залуцкий проинформировал Совет о положении в институте. Уже не первый год оставались все те же трудноразрешимые проблемы: голод и холод. Пайков, которые институту отпускала Москва, не хватало на всех, кроме того, их урезал Петропрофобр, передавая другим, также нуждающимся учреждениям. Топлива должно хватить только до второй половины декабря, после этого занятия неминуемо будут прерваны до конца марта. Уже закрылась химическая лаборатория, в ближайшие дни должна закрыться и физическая, так как в них замерзала вода. Студенты в больших аудиториях от холода лишены возможности не

только записывать лекции, но даже следить за их изложением. С середины декабря придется окончательно прекратить отопление студенческих общежитий. Для студентов старших курсов предполагалось проводить важнейшие занятия в квартирах профессоров.

Несмотря на холод и голод, вузы Петрограда продолжал волновать вопрос реформы высшей школы. Профессора и преподаватели были убеждены, что центральные власти недостаточно осведомлены о несостоятельности нового Положения и тех последствиях, к которым приведет введение его в жизнь. Руководство петроградских вузов решило обратиться непосредственно к В.И. Ленину.

28 ноября 1921 года он принял делегацию из трех ректоров: Горного института — Д.И. Мушкетова, Института гражданских инженеров — Б.К. Правздика и Политехнического — Л.В. Залуцкого. Визит длился всего 30 минут. Ректоры вручили главе советского правительства докладную записку от преподавателей и студентов вузов Петрограда. В записке говорилось о тяжелом финансовом положении вузов, о вмешательстве местных властей в их внутренние дела, выражалось несогласие с “политической фильтрацией” студенчества, с новым Положением о вузах, согласно которому представители администрации устранялись от участия в управлении высшей школой. Для сохранения и развития вузов предлагалось следующее: укрепить их финансовое положение, руководство вузов выбирать из числа их работников и передать высшие технические учебные заведения из-под контроля Наркомпроса в ведение ВСНХ.

На следующий день, 29 ноября, В.И. Ленин передал эту докладную записку Е.А. Преображенскому, председателю Главного Управления профессионально-технических школ и вузов, с просьбой дать на нее отзыв, который последовал в тот же день. Е.А. Преображенский считал обоснованной жалобу на финансовые трудности петроградских вузов, но отвергал претензии профессуры на выборность правления вузов из числа своих научных работников и жалобу на “политическую перерегистрацию” студенчества. Очевидно, вопрос о “политической фильтрации” студенчества возник в связи с первым пунктом Положения о высшей школе, в котором говорилось о том, что “вузы имеют целью создавать кадры специалистов... готовить научных работников, распространять научные знания среди широких пролетарских масс, интересы которых во всей деятельности вуза должны стоять на первом месте” [1].

15 декабря 1921 года ректор Л.В. Залуцкий известил Совет (а ранее Петропрофобр) о необходимости перерыва в занятиях ввиду неудовлетворительного положения с топливом и продовольствием: “нет возможности отопить достаточное количество аудиторий и лабораторных помещений, продовольственные запасы у студентов иссякли, получаемый паек недостаточен, в результате чего наблюдается рост заболеваемости среди студентов” [2]. 26 декабря Петропрофобр постановил: отпустить всех студентов, не получающих пайка, до 1 апреля 1922 года.

Ввиду того что докладная записка трех ректоров была отклонена Наркомпросом, Политехническому институту было предложено немедленно провести в жизнь новое Положение, по которому в марте 1922 года надлежало выбрать Правление. Выборы проходили отдельно по куриям: профессорской, преподавательской и студенческой. Были выбраны профессора: Л.В. Залуцкий — на должность ректора и Б.Е. Воробьев — на должность проректора. Оба от должностей отказались.

Л.В. Залуцкий объяснил, что ему предложили пост заведующего Главпрофобром, и это предложение он принял, выдвинув ряд условий: немедленно урегулировать финансовое положение втузов, разрешить вопрос обеспечения студентов, пересмотреть новое Положение о втузах, урегулировать взаимоотношения втузов с профсоюзами. Сомнительно, чтобы все эти требования возможно было выполнить, но в этом же месяце Л.В. Залуцкий был назначен заместителем заведующего Главпрофобра и исполнял эту должность до ноября 1922 года.

Несмотря на свой отказ, ректором Политехнического института Л.В. Залуцкий все же остался и был им до июля 1922 года, пока на этом посту его не сменил Б.Е. Воробьев.

С 1 января 1923 года Л.В. Залуцкий, как заместитель председателя Наркомпроса по заграничным закупкам, на 16 месяцев был командирован в Берлин. С 1923 года он занимал пост председателя НТС электропромышленности. Вернувшись из Берлина, Л.В. Залуцкий продолжал свою преподавательскую деятельность в Ленинградском политехническом институте. На электромеханическом факультете он вел курс “Технология электротехнических материалов”, на физико-механическом — курсы “Метрология” и “Технология электроизолирующих материалов”, на механическом — курс допусков для пригонки в машиностроении.

В 1924–1927 годы он с научной целью выезжал за границу “без расходов для казны”; в 1925 году в Лондоне посещал Всебританскую

выставку; в 1927 году в Германии принимал участие в съезде по материаловедению, осматривал заводы, изготавливающие кабели, изолирующие материалы и магнитное железо.

С 1 октября 1929 года по 1 февраля 1930 года Л.В. Залуцкий занимал пост декана электромеханического факультета, а после раздела Политехнического института на отраслевые вузы был профессором Электромеханического (ЛЭМИ) и Машиностроительного (ЛМСИ) институтов. В ЛЭМИ с 9 июля 1930 года он был штатным профессором по кафедре “Изолирующие материалы”, а с 25 декабря – по кафедре “Электрокабели”. По совместительству Л.В. Залуцкий работал в Холодильном институте, где занимал пост профессора по кафедре электротехники, а в 1930–1932 годы был главным инженером Уралэлмашстроя (Ленинград).

1 июня 1934 года во вновь образованном Ленинградском индустриальном институте профессор Л.В. Залуцкий приказом по ГУУЗ НКТП был утвержден заведующим кафедрой “Электроизоляционная техника”. И наконец, постановлением ВАК от 17 ноября 1935 года он был удостоен ученой степени доктора технических наук по разделу “Метрология” без защиты диссертации.

Находясь с 1921 года на посту директора Метрологического института, Л.В. Залуцкий в 1928 году был назначен помощником президента Главной палаты мер и весов, после преобразования которой во Всесоюзный институт метрологии и стандартизации (ВИМС) в 1932 году был назначен первым заместителем директора по научной части. 16 декабря 1935 года Л.В. Залуцкий был утвержден ВАК в ученом звании действительного члена ВНИИМ (Всесоюзный научно-исследовательский институт метрологии – с 1934 года). По его инициативе в Главной палате мер и весов были организованы лаборатории: рентгенометрическая, фотометрическая, аэрометрическая и поверки машин для испытания материалов.

Являясь членом Ленсовета трех созывов (1927–1931) от Главной палаты мер и весов, Залуцкий проводил обследования ленинградских промышленных предприятий. С 1929 года он – заместитель председателя постоянного бюро по изолирующим материалам; 11 июня 1930 года постановлением Совнаркома СССР назначен членом Совета по стандартизации, в 1934 году избран председателем Ленинградского бюро по изолирующим материалам, руководителем Научно-технического совета слаботочной

промышленности. Л.В. Залуцкий был организатором целого ряда конференций и совещаний по электроизолирующим материалам. В 1936 году его избрали постоянным членом Международной комиссии по физико-химическим константам при Международном союзе химии.

До 1938 года Л.В. Залуцкий оставался профессором Индустриального института. Сохранились два документа, характеризующие его деятельность и обстановку в институте. Первый – это характеристика (без подписи и даты, примерно 1936 года): “Профессор Залуцкий является основателем специализации электроизолирующей техники и как руководитель кафедры является ценным работником, но, к сожалению, недостаточно твердым. ...Научную работу в институте начал вести последнее время после организации кабельной лаборатории и кабинета изолирующих материалов” [3]. Второй документ – приказ по ЛИИ от 4 июня 1936 года за подписью директора Тюркина: “Объявить благодарность за внимательную работу и заботливое отношение к обеспечению высокого качества подготовки и выполнению проектов студентами группы 542 – руководителю специализации профессору Л.В. Залуцкому” [4]. Группа 542 энергетического факультета с успехом защитила дипломные проекты и на соцсоревновании вузов была признана лучшей группой ЛИИ.

В декабре 1936 года должно было исполниться 35 лет научной и технической деятельности Леонида Васильевича Залуцкого и 30 лет его работы в институте. Ленинградские Индустриальный, Холодильный институты и Всесоюзный научно-исследовательский институт метрологии обратились в Москву с ходатайством о присвоении Л.В. Залуцкому звания “Заслуженный деятель науки”, а Главное Управление мер и весов – о награждении персональным автомобилем. Результаты этих ходатайств нам неизвестны. Однако в рукописи Б.Н. Меншуткина приведена выписка из приказа по ЛИИ от 22 марта 1938 года, из которого мы узнаем, как закончилась более чем 30-летняя служба Леонида Васильевича Залуцкого – профессора, заведующего кафедрой, бывшего декана и бывшего ректора Политехнического института:

«В связи с введением 1 февраля 1938 года штатно-окладной системы, отчислить по электромеханическому факультету кафедры “Электроизоляционная техника” Л.В. Залуцкого» [5].

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте метрологии Леонид Васильевич Залуцкий работал до конца своих дней. Умер он 25 марта 1942 года в дороге во время эвакуации из блокадного Ленинграда, похоронен в Борисово-Судском районе Вологодской области.

Основные научные труды

Залуцкий Л.В. Технология динамного и трансформаторного железа: Докт. дис. 1918.

Залуцкий Л.В. Динамное и трансформаторное железо // Электричество. 1915.

Залуцкий Л.В. Магнитные измерения: Моногр. / Изд. студенческой кассы взаимопомощи при Петроград. политехн. ин-те. Пг., 1918. Вып. 1. 112 с.

Залуцкий Л.В. О величине дюйма // Журн. Рус. металлург. общ-ва. 1928.

Залуцкий Л.В. Калибры: Техн. энцикл.

Залуцкий Л.В. О поверке электрических счетчиков // Поверочное дело. 1928.

Залуцкий Л.В. Развитие промышленности электроизолирующих материалов на второе пятилетие // Вопр. изоляции в электротехнике. 1932.

Залуцкий Л.В. Изоляционная промышленность и ее сырьевая база // Вопр. изоляции в электротехнике. 1932.

Залуцкий Л.В. Производство электроизолирующих материалов в разрезе генерального плана и второй пятилетки // Генеральный план электрификации СССР. Т. 6.

Залуцкий Л.В. Введение в теорию ампер-весов. Л.: Лениздат, 1945. 102 с.

ВОРОБЬЕВ

БОРИС ЕВДОКИМОВИЧ,

ректор

Политехнического института

(20.07.1922–26.11.1925)

(06.04.1942–30.05.1942)

Борис Евдокимович Воробьев
(31.03.1887—18.08.1942)

В 1922 году, через 20 лет после открытия в Санкт-Петербурге Политехнического института ректором стал его выпускник. В дальнейшем этот пост много раз будут занимать бывшие политехники, но Борис Евдокимович Воробьев был первым. Его судьба, как и многих его сверстников и соотечественников, была непростой, хотя начало жизни складывалось удачно и можно было ожидать, что так будет всегда.

Родился **Борис Евдокимович Воробьев** в Москве 31 марта (12 апреля) 1887 года в семье выходца из крестьян, который рано переехал в Москву и непрерывно в течение 48 лет прослужил в конторе Русского страхового общества, сначала конторщиком, затем инспектором. За безупречную службу он получил звание потомственного почетного гражданина и возможность безбедного существования. Окончив только сельскую школу, Воробьев-старший считал нужным дать хорошее образование своим шестерым детям: трое (в том числе Борис) получили высшее образование, трое — среднее.

Борис Евдокимович окончил в 1905 году с золотой медалью московскую гимназию и в этом же году по конкурсу аттестатов был принят на электромеханическое отделение Петербургского политехнического института. В 1911 году он закончил курс, получил тему дипломного проекта, но был вынужден на один год прервать занятия для отбывания воинской повинности. В 1913 году он защитил дипломный проект на тему “2-я Центральная электрическая станция для снабжения электрической энергией г. Москвы.”

Студенческая жизнь Б.Е. Воробьева, судя по его воспоминаниям, протекала спокойно: “В политических партиях я никогда не состоял. До февральской революции мое участие в общественной жизни выражалось только работой в научных кружках и обществах” [1]. Позднее в отзыве о Воробьеве его учителей, профессоров электромеханического факультета, было написано: “Еще в бытность студентом Воробьев выделялся своим глубоким интересом к области научно-технических знаний, связанных с производством электрической энергии. Тогда же он показал свои недюжинные педагогические способности” [2].

В 1913 году по представлению профессоров М.А. Шателена и В.Ф. Миткевича инженер-электрик Воробьев был избран лаборантом (сначала сверхштатным младшим) электротехнической лаборатории, где он семь лет руководил занятиями студентов всех отделений, ассистируя профессорам М.А. Шателену и В.Ф. Миткевичу. В 1915 году Б.Е. Воробьева избрали преподавателем электротехники электромеханического, кораблестроительного и инженерно-строительного отделений. В этом же году он был привлечен председателем Государственной тепловой комиссии профессором А.С. Ломшаковым к работе по сокращению расхода топлива и в качестве инженера теплового надзора обследовал в течение 1915—1916 годов целый ряд тепловых установок Петрограда, в том числе все крупные электрические станции. В 1916 году Воробьев вместе с преподавателем А.А. Горевым организовал при институте мастерские по изготовлению омметров для подрывных работ — шла первая мировая война.

Формулярный список о службе (таковой был у всех государственных служащих) инженера-электрика Б.Е. Воробьева подводит итог: к 1917 году он был уже преподавателем, титулярным советником. С наступлением новых времен в 1918 и 1920 годы неоднократно избирался представителем Политехнического института в Москву на съезды по реформе высшей школы. В июле 1918 года на электромеханическом факультете он был избран преподавателем для руководства учебными проектами, а в сентябре 1919 года — дипломными проектами по электрическим станциям. Летом 1920 года был объявлен Всероссийский конкурс на замещение кафедры электротехники по специальности “Электрические станции”. Кандидатура Б.Е. Воробьева была выдвинута А.В. Вульфom, М.А. Шателеном и В.Ф. Миткевичем, он был избран электромеханическим факультетом, утвержден Советом института в должности профессора и в дальнейшем читал лекции по электротехнике, электрическим установкам, электрическим сооружениям, электрическим станциям.

Так же успешно продвигался Б.Е. Воробьев и по административной лестнице. В августе 1919 года он становится проректором по хозяйственным делам, 19 октября 1921 года его избрали проректором по учебным делам, и он уже был утвержден Петропрофобром в этой должности, но спустя пять дней институт получил отношение следующего содержания: “Согласно дополнительным материалам политического характера, профессор Воробьев освобождается от обязанностей проректора по учебным делам”. Тогда, в 1921 году, такое “освобождение” для института было еще

непривычным и вызвало волну возмущений в Совете, тем не менее никаких разъяснений из Петропрофобра не последовало.

Архивные документы позволяют нам сегодня предположить, какова была причина освобождения уже утвержденного проректора. В личном деле Б.Е. Воробьева находится заявление в президиум Совета I ППИ (так назывался Политехнический институт с 30 октября 1918 по 7 января 1923 года) от 22 сентября 1919 года, в котором он подробно объясняет причины своего вынужденного 22-дневного отсутствия на работе. 30 августа 1919 года он зашел к своей троюродной сестре за посылкой, которую из Москвы прислала ему мать. В квартире сестры, служащей книгоиздательства “Задруга”, в это время сотрудники ЧК производили обыск. Воробьев вместе со служащими “Задруги” был отправлен на Гороховую, 2 (Петроградская ЧК), затем на Шпалерную в Дом предварительного заключения, и лишь 19 сентября его впервые допросили, а 21 сентября освободили.

Еще более интересные сведения содержатся в 52-м томе Полного собрания сочинений В.И. Ленина, в его телефонограмме заместителю председателя ВЧК И.С. Уншлихту от 2 июня 1921 года: “Срочно, секретно. Наведите справки и сообщите мне не позднее завтрашнего дня точные и исчерпывающие ответы на следующие вопросы: Верно ли, что в Петрограде 27 мая сего года арестованы [фамилии нескольких профессоров разных вузов]... профессор Б.Е. Воробьев (I Политехнический институт)” [3]. Далее В.И. Ленин спрашивает, действительно ли Борис Евдокимович Воробьев арестовывается уже в третий раз?

Предполагается, что публикуемый документ написан в связи с сообщением П.С. Осадчего (с 1921 года председателя Госплана РСФСР) Ленину 3 июня 1921 года. Председатель Петроградской ГубЧК сообщил Уншлихту, что все лица, указанные в телефонограмме Ленина, освобождены; аресты в Петрограде были произведены среди бывших членов партии кадетов. Лица, не имеющие компрометирующих материалов, освобождались. О принадлежности Воробьева к какой-либо партии мы сведений не имеем.

Воробьев, очевидно, был известен Ленину в связи с работами в Государственной комиссии по электрификации России; им был сделан доклад на VIII Всероссийском съезде по вопросам о снабжении сельскохозяйственных районов электрической энергией от местных станций малой мощности.

Административная деятельность Воробьева, несмотря на происшедшие неприятности, продолжалась; с ноября 1920 по январь

1921 года он — декан электромеханического факультета ППИ, в марте 1922 года его избрали, а 20 апреля утвердили проректором по учебным делам и, наконец, 19 июля 1922 года его избрали ректором, но утвердили только 21 ноября 1922 года, поскольку это право принадлежало Наркомпросу.

“Годы руководства жизнью института у Б.Е. Воробьева совпали с годами наиболее тяжелыми для всей высшей школы и напряженными для Союза” [4] — так впоследствии оценивали этот период профессора института. 3 июля 1922 года получила утверждение Совнаркома окончательная редакция Положения о вузах РСФСР. Образование стало платным.

28 сентября 1922 года в самом начале первого учебного года на посту ректора Б.Е. Воробьев докладывал о трудном финансовом положении института. Кредитов, которые отпускал Главпрофобр, было недостаточно. Институт нуждался в поддержке государства: 16 июня 1922 года в Фундаментальной библиотеке произошел пожар, и стоимость ремонта по предварительным подсчетам должна была обойтись в 15–20 млрд. рублей. Нужны были средства для открывавшегося 1 октября 1922 года нового факультета — индустриального земледелия.

В институте были и другие перемены: с 25 октября 1922 года к его названию “Петроградский политехнический” добавилось “имени М.И. Калинина”, а с января 1924 года он становится “Ленинградским”. В мае 1923 года был поднят вопрос о сокращении факультетов экономических наук в вузах Петрограда. Ректор был уполномочен Советом довести до сведения Главпрофобра, что экономический факультет — органическая составная часть ППИ, и его закрытие — непоправимый удар для института.

Но самой главной проблемой в тот период, после продовольственной, было отсутствие топлива, и 1 ноября 1923 года в связи с приближением зимы Совет просил ректора поставить об этом в известность Главпрофобр. С 1917 года помещения института не отапливались, и, хотя здания были выстроены на совесть, за прошедшие годы они начали разрушаться. Зимой в лабораториях температура опускалась до минус восьми градусов, а там, где стояли печки-временки, едва поднималась выше нуля. Отопительная система вышла из строя, не действовал водопровод. Все деревянное разбухало, а железное ржавело, даже приборы невозможно было предохранить от ржавчины. Тяжелее всего приходилось людям, которые мерзли, голодали, болели цингой.

Еще одна проблема того времени — транспорт. На заседании Правления в апреле 1922 года говорили, что в связи с постоянным

и значительным повышением трамвайных тарифов становится тяжелым и зачастую невозможным посещение института. По мнению Б.Е. Воробьева, необходимо было через Петропрофобр или даже Петросовет добиться льготного проезда профессорам и преподавателям, которые живут в городе.

Собравшийся 10 марта 1924 года Совет в очередной раз объявил о катастрофическом положении с финансами в институте. На ректорском совещании ректору предложили доказать необходимость сокращения нормы приема в институт на одну треть, так как нет отапливаемых помещений. Намеченный на строительный сезон 1923 года план работ не был выполнен, так как кредиты отпускались частями, а отпускаемые суммы обесценивались из-за падения курса рубля. Постановили: обратиться через Главпрофобр с просьбой о назначении субсидий на ремонт зданий института в президиум ВСНХ, в Промбюро и в губисполком. 23 апреля 1924 года поступило сообщение от Главпрофобра, что в текущем году средств на ремонт института отпущено не будет. Это означало, что и следующий учебный год не будет проведен нормально, предстояло заниматься летом, с небольшим отпуском в зимние холода. 2 мая институт посетил заместитель Наркомпроса В. Покровский, который, осмотрев здания, констатировал тяжелое положение. Самое большее, что он обещал от имени Главпрофобра, это 5000 рублей — сумму, которая не могла помочь институту.

12 июня 1924 года комиссия по восстановлению института выступила перед собранием рабфаковцев и студентов всех факультетов. Говорили о том, что не приходится рассчитывать на средства от НКП, а надо брать дело восстановления института в руки студенчества. Подсчитали, что весь ремонт обойдется в 120 000 рублей, 30 000 рублей надеялись получить от НКП и других центральных организаций, по 10 000 рублей должно было поступить от профессуры и из тех денег, которые были заплачены за право обучения. Недостающие 70 000 рублей планировали собрать со студентов, среди которых объявлялся долгосрочный заем. Предполагалось, что впоследствии он будет погашен государством.

До 1 августа студенты должны были внести: стипендиаты — двухмесячную стипендию (за июль и август); освобожденные от платы — по 20 рублей; те, кто не получал стипендии и платил за обучение — по 30 или 50 рублей (в зависимости от материального положения). Это были немалые для студентов суммы, но они шли на это самопожертвование для восстановления института. Тот, кто не мог заплатить, должен был отработать бесплатно свой долг на стройке. В итоге студентами было собрано около 60 000 рублей.

Работы по восстановлению института начались 1 июля 1924 года, в них принимала участие большая часть студентов. Студенты зарабатывали деньги на ремонт своего института и в других городах, читая лекции и давая концерты. Работы по ремонту института были закончены почти в срок, учебный 1924/25 год начался только на три недели позже. Это был первый после революции нормальный учебный год, когда зимой учились, а летом отдыхали. С отоплением вопрос также был решен: Донуголь по договору поставил 3000 тонн угля.

27 ноября 1925 года Б.Е. Воробьев ушел с поста ректора: “Должность ректора ежегодно переизбиралась, я занимал ее в течение трех с половиной лет, отказался вследствие перехода на научно-инженерную работу” [5].

Оценивая работу Воробьева на посту ректора ЛПИ, заместитель Наркомпроса и заведующий Главпрофобром И.И. Ходоровский писал ему: “Вступив на этот ответственный пост в очень тяжелое время при почти полном отсутствии средств, Вы сумели добиться восстановления разрушающихся зданий института и обеспечить нормальную работу вверенного Вам вуза. Все это было достигнуто исключительно благодаря Вашей энергии, настойчивости и горячей любви к делу” [6].

Уйдя с поста ректора, Б.Е. Воробьев продолжает работать профессором по кафедре “Электротехника”. После ликвидации Политехнического института, с 1930 по 1934 год, он — профессор и заведующий лабораторией “Тепловые электростанции” в Ленинградском электромеханическом институте; с 1934 года, уже в Индустриальном институте, он — профессор по кафедре “Электроэнергетика и распределительные устройства”.

В 1936 году кандидатура Б.Е. Воробьева была представлена институтом для присуждения ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации. Отзыв о его научной, педагогической и инженерной деятельности был подписан академиками А.А. Чернышевым и В.Ф. Миткевичем, членом-корреспондентом АН профессором М.А. Шателеном, докторами технических наук профессорами А.А. Радцигом и П.Л. Калантаровым. В отзыве говорилось, что, когда в 1920 году Воробьев избирался по Всесоюзному конкурсу профессором по электрическим станциям, официальной профессуры в этой области во вузах России не существовало. Б.Е. Воробьев являлся одним из первых профессоров по электрическим станциям в стране и за 15 прошедших лет вырастил крупных специалистов-станционеров, занимающих кафедры в институтах Союза. Профессор Воробьев создал ряд курсов (которые он

читал в различных вузах), законченных по содержанию, оригинальных по построению и наполненных опытом нашего строительства. Много энергии он затрачивал на организацию дипломного проектирования и подготовку научных работников.

Подчинение всех своих интересов делу развития инженерного образования в стране Воробьев доказал многолетним трудом в роли декана, проректора института, члена различных комиссий и завершил ее почти четырехлетней работой в должности ректора ЛПИ. “Нормальное функционирование института в 1922–1925 годах было обеспечено почти исключительно любовью к втузу со стороны Воробьева” [7].

К большим заслугам Б.Е. Воробьева авторы отзыва относили его 10-летнюю научно-техническую работу в объединении электрических станций Ленинграда. С 1926 года он занимал в “Ленэнерго” пост заместителя начальника эксплуатации. С 1927 года, в качестве эксперта и председателя экспертных комиссий, Воробьев провел 40 экспертиз различных проектов по производству и распределению электрической и тепловой энергии. Через технический и научный советы с участием Воробьева прошел первенец советской электрификации – Волховстрой, а также Свирская станция, Красный Октябрь и др. Система “Ленэнерго” являлась лучшей энергосистемой Союза, устроенной строго научно и по-современному. “До сегодняшнего дня Воробьев является одним из лучших знатоков станционного дела среди всех многочисленных работников Главэнерго; сила его заключается в научности его руководства, редкой эрудиции и большой последовательности действий” [8].

Советом был сделан вывод: Б.Е. Воробьев – крупный специалист Союза по электрическим станциям и может быть удостоен ученой степени доктора технических наук. На представление института пришла выписка из протокола ВАК от 5 июня 1937 года: “Признать невозможным утвердить Воробьева Б.Е. в ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации Утвердить Воробьева Б.Е. в ученой степени кандидата технических наук” [9]. Этим же протоколом ВАК вторично утверждал Воробьева в звании профессора по кафедре “Электроэнергетика и распределительные устройства”.

Еще дважды, в 1939 и 1940 годы институт обращался в ВАК с ходатайством о присуждении Б.Е. Воробьеву степени доктора технических наук, и оба раза просьба была отклонена, так как ВАК без получения научных трудов Воробьева дело его рассматривать отказался.

Кроме Ленинградского политехнического института, который был основным местом работы Воробьева, его педагогическая и научная деятельность проходила в разные годы в нескольких учебных заведениях города: Народном университете (1914–1917), Агрономическом институте (1922), Военно-электротехнической и Военно-инженерной академии (1923–1925), университете (1924–1925), Промакадемии НКТП, Энергетическом институте повышения квалификации ИТР (1934–1937).

Об исключительной энергии и активности Воробьева красноречиво говорит список занимаемых им общественных постов. В ЛПИ он был членом Совета института и электромеханического факультета, членом Государственной квалификационной комиссии, председателем правления Клуба ученых; в городе – членом Ленсовета VIII и IX созывов (1922–1925). Невозможно перечислить все комиссии, общества, секции, в которых он состоял или был председателем.

Скупые строки архивной справки отражают деятельность последних лет его жизни:

01.04.1937–23.01.1941 – профессор и заведующий кафедрой “Теплоэлектростанции”;

23.01.1941–23.02.1942 – декан электромеханического факультета (идут тяжелейшие дни блокады города);

23.02.1942–6.04.1942 – исполняющий обязанности заместителя директора ЛПИ по учебно-научной части;

06.04.1942–1.06.1942 – исполняющий обязанности директора ЛПИ, эвакуированного из Ленинграда в Тбилиси.

Б.Е. Воробьев прекратил свою работу в ЛПИ с 1 июня 1942 года. Почему прекратил? Как прошли последние дни ректора, старого политехника, отдавшего институту 37 лет жизни?

12 марта 1942 года первый основной эшелон с политехниками выехал из блокадного Ленинграда и 5 апреля прибыл в Пятигорск. На следующий день, 6 апреля, Б.Е. Воробьев объявил приказом № 1-П о своем вступлении в исполнение обязанностей директора. В Пятигорске решили задержаться, чтобы измученные блокадной зимой люди могли хоть немного отдохнуть и окрепнуть.

Сохранился последний подписанный им приказ по ЛПИ от 13 мая 1942 года: “Отправляясь сего числа в командировку в г. Тбилиси, по предписанию Уполномоченного СНК и ВКВШ тов. Вайсера В.Л., на время моего отсутствия возлагаю обязанности директора института на моего заместителя Дмитренко А.И.” [10]. Больше в институт Воробьев не вернулся. 30 мая 1942 года последовал приказ заместителя председателя ВКВШ А.Я. Синецкого

об отстранении Б.Е. Воробьева от работы и назначении временно исполняющим обязанности директора ЛПИ т. Подпоркина.

В 1997 году из Управления федеральной службы безопасности России по Ставропольскому краю была получена архивная справка:

“Воробьев Борис Евдокимович, 1887 г. рождения, уроженец г. Москвы, профессор Ленинградского политехнического института. Арестован 25 мая 1942 г. по ст. 58-10-11, 58-3 и 58-2 УК РСФСР в г. Пятигорске Ставропольского края, якобы по обвинению в принадлежности к антисоветской организации и пособничестве немецким захватчикам. В связи с военной обстановкой Воробьев вместе с другими заключенными был этапирован из края и в пути следования умер 18 августа 1942 г.

6 марта 1957 г. постановлением начальника УКГБ СССР по Ставропольскому краю в порядке ст. 4, п. 1 и п. 55 УПК РСФСР дело в отношении Воробьева Бориса Евдокимовича производством прекращено” [11].

Основные научные труды

Воробьев Б.Е., Шателен М.А. Снабжение сельскохозяйственных районов электрической энергией от местных станций малой мощности // Техн.-экон. вестн. 1922. № 1.

Воробьев Б.Е. Снабжение сельскохозяйственных районов электрической энергией от местных станций малой мощности // Техн.-экон. вестн. 1923. Т. II, № 1.

Воробьев Б.Е. Транспорт топлива и транспорт тока // Электрификация. 1923.

Воробьев Б.Е. Современные паровые электрические станции // Электрификация. 1923.

Воробьев Б.Е. Проектирование и эксплуатация тепловых электрических станций // СЭТ, 1930. Т. II, отд. 13.

Воробьев Б.Е. Электрические распределительные устройства // СЭТ. Т. II, отд. 9.

Воробьев Б.Е. Справочная книга для электротехника // СЭТ КУБУЧ, 1931.

Воробьев Б.Е., Сапелкин М.А. Диспетчерское управление крупными энергетическими системами // Генеральный план электрификации СССР. 1932. Т. 7.

Воробьев Б.Е. За стахановские методы работы электростанций и электросетей / Ленэнерго – ОНТИ. Л., 1936. Гл. II.

БАЙКОВ
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
ректор
Политехнического института
(27.11.1925—01.11.1928)

Александр Александрович Байков
(25.07.1870—06.04.1946)

Александр Александрович Байков, химик и металлург, в течение почти сорока лет профессор Санкт-Петербургского (Ленинградского) политехнического института, принадлежит к плеяде известнейших деятелей отечественной науки. Труд ученого отмечен множеством самых высоких почетных званий и наград. Он член-корреспондент, а затем действительный член АН СССР, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда. Он награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, несколькими медалями, среди которых и медаль “За оборону Ленинграда”. Его научной, педагогической и общественной деятельности посвящены многочисленные статьи учеников, соратников, историков науки, но даже в них период пребывания Александра Александровича на посту ректора Политехнического института (1925–1928) остается белым пятном. В лучшем случае его биографы ограничиваются одной-двумя скупыми фразами.

Этот большой ученый и незаурядный человек родился в глубокой провинции в г. Фатеж Курской губернии 25 июля (6 августа) 1870 года. Вскоре после рождения Александра семья переехала в Курск. Отец А.А. Байкова, сын литератора и артиста Оперного театра в Санкт-Петербурге, окончил университет. В Курске был присяжным поверенным (адвокатом), дослужился до чина надворного советника. В семье любили театр, музыку, устраивались вокальные и музыкальные вечера. Своим пятерым детям родители стремились дать музыкальное образование, старший сын закончил Санкт-Петербургскую консерваторию, а Александр в детстве учился играть на скрипке. Любовь к музыке осталась у А.А. Байкова на всю жизнь, но уже в гимназические годы все увлечения вытеснила химия. Сначала в руки юноши попал учебник химии для реальных училищ, а затем гимназический товарищ принес Александру учебник, принадлежавший его старшему брату, “Основы химии” Д.И. Менделеева. Этого имени Александр никогда до этого не слышал. «Я не мог оторваться от чтения до поздней ночи, я был потрясен, я был взволнован, я был подавлен величием и грандиозностью той науки – настоящей, полной и глубокой науки, которая открывалась предо мной. “Основы химии” сделались моей настольной книгой. Я ее постоянно читал,

ее систематически изучал и углублялся в нее все более и более, и тогда-то у меня окончательно созрела мысль сделаться химиком. Я принял твердое решение - по окончании гимназии поступить в Петербургский университет, чтобы слушать лекции самого Менделеева и учиться у него» [1], — писал А.А. Байков в конце своей жизни.

Весь последний гимназический год Александр Александрович посвятил изучению “Основ химии” и чтению лекций, которые проходили каждую субботу. Слушателями были его сестры и гимназические товарищи. К лекциям юноша тщательно готовился и сопровождал их опытами, которые позволяла продемонстрировать его скромная домашняя лаборатория.

В 1889 году А.А. Байков окончил гимназию и поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В выборе отделения уже сказался характер большого ученого: “Я хорошо понимал, что для серьезного изучения химии необходимо близкое знакомство с физикой и высшей математикой... Я решил, что на Математическом отделении мне по необходимости придется заниматься математическими и физическими предметами, а химические предметы я буду по собственному желанию основательно проходить параллельно на Естественном отделении” [2].

На 1-м курсе студентам физико-математического факультета неорганическую химию читал Д.И. Менделеев, и А.А. Байков целый год пять раз в неделю посещал его лекции. В 1890 году Менделеев по политическим мотивам оставил университет, но преемником его стал Д.П. Коновалов — талантливый ученый, друг и соратник своего великого учителя. В 1893 году А.А. Байков окончил университет с дипломом I степени. Как и предполагалось при поступлении, он прослушал все курсы химии естественного отделения, а также кристаллографию и минералогию. Дипломную работу А.А. Байков готовил в лаборатории профессора Д.П. Коновалова по физической химии и по окончании университета был оставлен по кафедре “Физическая химия”, а в 1894 году назначен лаборантом по химии. С этого же года Александр Александрович становится активным участником заседаний Малого химического общества Русского физико-химического общества при университете.

В 1897 году по предложению Коновалова, который был профессором химии в Институте инженеров путей сообщения, А.А. Байков перешел в этот институт на должность заведующего химической лабораторией. Ведомство путей сообщения ставило перед химической лабораторией практические задачи, его интересовало

качество материала, применявшегося для строительства железных дорог и подвижного состава: металлов, вяжущих веществ и сплавов. Химический анализ этих материалов и проводился в лаборатории института. Для более глубокого изучения свойств сплавов и цементов А.А. Байков был в 1899 году командирован Советом Института инженеров путей сообщения за рубеж. В лаборатории профессора Ле-Шателье в Париже он углублял свои знания по химии и металлографии, а у профессора Г.Н. Вырубова — по кристаллографии.

По возвращении в Санкт-Петербург А.А. Байков продолжил свою работу в химической лаборатории путейского института над темой “Исследование сплавов меди и сурьмы”. Его работы по изучению сплавов заинтересовали многих химиков, и Д.И. Менделеев обратился к нему с предложением составить заметки по этому вопросу для нового издания “Основ химии”. Сотрудничество с Д.И. Менделеевым Александр Александрович поддерживал до самой смерти своего великого учителя, последовавшей в 1907 году.

В 1902 году в Лесном шла подготовка к открытию Политехнического института. Н.А. Меншуткин, первый декан металлургического отделения, предложил занять кафедру металлургии главному металлургу Обуховского завода А.А. Ржешотарскому, который сразу же занялся разработкой плана лекций и практических занятий и подбором специалистов. 25 марта 1902 года он отправил декану докладную записку: “Имею честь предложить... лаборанта лаборатории Института инженеров путей сообщения А.А. Байкова кандидатом на кафедру технологии топлива и общей металлургии в металлургическом отделении СПбПИ, причем осмеливаюсь добавить, что для научной и практической подготовки по этим предметам желательно было бы назначить г-ну Байкову стипендию и командировать его на русские и заграничные металлургические заводы” [3].

Через три дня решение по этому вопросу было принято: “Для подготовки преподавателя по общей металлургии, необходимо командировать за границу А.А. Байкова, которого Н.А. Меншуткин предполагает по рекомендации А.А. Ржешотарского пригласить для чтения курса” [4].

А.А. Байков получил официальное предложение занять кафедру общей металлургии и технической химии, и с 1 ноября 1902 года его командировали на один год за границу для подготовки к профессорскому званию. А.А. Байков снова едет в Париж в лабораторию профессора Ле-Шателье, где занимается металлургией и

технической химией. Вернувшись в Политехнический институт, А.А. Байков блестяще сдал экзамены на звание адъюнкта по металлургии (А.А. Ржешотарскому и Н.С. Курнакову) и по химии (Н.А. Меншуткину и Н.С. Курнакову).

В конце 1903 года в Петербургском политехническом институте состоялась первая в его стенах публичная защита диссертации А.А. Байковым на тему “Исследование сплавов меди и сурьмы и явлений закалки, в них наблюдаемых”. Диссертация была высоко оценена присутствующими. После прочтения двух пробных лекций Александр Александрович был избран Советом института адъюнктом, а 1 ноября 1903 года экстраординарным профессором по кафедре металлургии. Представляя Байкова к профессорскому званию, А.А. Ржешотарский, который был его официальным оппонентом на защите, писал: “Для молодого химика является высокой честью тот факт, что его мысли и результаты его работ приветствуются всемирно известным авторитетом и укрепляются на страницах книги, имеющей распространение во всех образованных государствах” [5]. Ржешотарский имел в виду участие Байкова в последнем издании “Основ химии” Д.И. Менделеева.

С 1904 года начался новый, полностью “политехнический”, период в жизни А.А. Байкова. Из центра он переехал в Лесной, в одну из дач, принадлежащих Политехническому институту. Вскоре произошло еще одно знаменательное событие в жизни Александра Александровича. 26 апреля 1905 года он обратился с письменной просьбой к директору института князю А.Г. Гагарину выдать ему разрешение на вступление в брак с девицей Анной Дмитриевной Полковниковой. Жениху уже почти 35 лет, невесте 19. Князь Гагарин (также письменно) ответил, что со стороны института никаких препятствий не имеется.

В январе 1904 года скончался А.А. Ржешотарский и продолжать его работу поручили А.А. Байкову. Лекции по общей металлургии и металлографии, которые ему предстояло читать, впервые вводились в учебный план института. Позже ему был поручен курс металлургии цветных металлов, на инженерно-строительном отделении он читал технологию вяжущих веществ и технологию строительного искусства, а на экономическом отделении – неорганическую химию.

За короткое время А.А. Байков организовал в Химическом павильоне металлургическую и металлографическую лаборатории, а также лабораторию технического и горнозаводского анализа. Предполагалось, что лаборатории будут использоваться не только

для практических занятий студентов, но и для научных исследований. Лаборатория металлографии была первой институтской учебной лабораторией не только в России, но и за границей. В металлографической лаборатории все студенты металлургического отделения должны были пройти занятия по микроскопическому изучению металлов и сплавов. В деле распространения металлографических методов работы металлографической лаборатории Политехнического института принадлежит громадная заслуга.

8 апреля 1909 года А.А. Байков был избран ординарным профессором по кафедре металлургии. К этому времени за ним уже утвердилась слава одного из лучших лекторов Политехнического института. Первое место, по общему мнению, принадлежало профессору В.Л. Кирпичеву, но “другим, почти таким же хорошим лектором был профессор металлографии и общей металлургии А.А. Байков — тогда еще только начинающий ученый. У него часто бывало сто процентов посещаемости — по тем временам большая редкость. Все студенты считали нужным ходить на его лекции” [6].

Этот отзыв принадлежал его коллеге, профессору металлургического отделения академику М.А. Павлову. Не менее восторженно вспоминает лекции своего учителя его бывший студент, будущий академик Д.И. Щербаков: «На следующих курсах большое впечатление оказали на студентов нашего отделения блестящие лекции профессора А.А. Байкова, который читал “Общую металлургию”. Он строил свой курс на новейших данных физической химии, убедительно показывая, как строго научные представления способствуют прогрессу металлургии» [7].

Одновременно с Политехническим А.А. Байков (как и большинство преподавателей высших учебных заведений того времени) читал лекции в других учебных заведениях столицы. Он занимал должность профессора в Институте инженеров путей сообщения (1906–1908) и на Высших женских (Бестужевских) курсах (1909–1917).

Кроме научной и педагогической деятельности А.А. Байков занимался различными техническими вопросами, главным образом в области металлургии и технологии цементов. С 1899 по 1905 год он состоял членом и секретарем рельсовой комиссии при Инженерном совете Министерства путей сообщения. С 1903 по 1910 год он — член Бюро русских цементных техников и заводчиков и редактор журнала “Цемент”. В 1905 году по поручению Министерства торговли и промышленности А.А. Байков изучал действие морской воды на цементные сооружения портов Черного и Каспийского морей. Результаты этих исследований были им

доложены на Международном конгрессе испытания материалов в Брюсселе в 1906 году. В 1909 году он был приглашен Министерством путей сообщения как консультант по вопросам железнодорожных принадлежностей, а в 1913 году назначен членом Инженерного совета этого же министерства. С 1909 года Байкова интересовал вопрос о наличии в России пуццолан и трассов (гидравлические добавки при производстве портланд-цементов); трассы он обнаружил в районе Карадага в Крыму, а многолетние исследования подтвердили их высокое качество. В 1910 году А.А. Байков был инициатором образования Русского металлургического общества и состоял его ученым секретарем с 1910 по 1919 год.

К 1917 году ординарный профессор по кафедре металлургии А.А. Байков имел чин статского советника и ордена Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 2-й и 3-й степени.

В апреле 1918 года А.А. Байков получил свидетельство, подписанное директором института А.А. Радцигом, в котором говорилось, что ему разрешен отпуск во все районы России, причем он обязан был вернуться в Петроград как только это будет возможным. Но такая возможность представилась только через пять лет — в стране шла гражданская война. Лето 1918 года Александр Александрович провел в Крыму, где занимался исследованием карадагских трассов, проводил физико-химические исследования вод озер Крыма, а затем на несколько лет задержался в Симферополе, где читал лекции по ряду химических дисциплин в Крымском (Таврическом) университете, а с приходом в Крым Советской власти был назначен ректором Крымского университета. “В революционном движении активного участия не принимал и никогда не состоял членом политических партий” [8], — писал Байков. И все это время он рвался домой, в Петроград, в родной институт.

Только в 1923 году ему удалось вернуться в Политехнический институт, который за пять прошедших лет претерпел огромные изменения, как и вся жизнь в стране. Александр Александрович занял в институте свою прежнюю кафедру и возобновил чтение лекций по общей металлургии и металлургии меди, а с 1925 года и по металлографии. В 1923 году Байков был избран профессором по кафедре химии при Петроградском университете, которую ранее занимали его учителя Д.И. Менделеев и Д.П. Коновалов.

А.А. Байков был выдающимся ученым не только в металлургии, но и в науке о вяжущих веществах (цементах). Его работы в области технологии и изучения свойств цемента, растворов и бетона сыграли огромную роль в развитии отечественной цементной промышленности и строительстве.

В 1925 году было обнаружено разрушение бетонных стенок Шолларского водовода, который имел длину свыше 100 км и снабжал пресной водой Баку. Причины разрушений были неясны. За помощью обратились к А.А. Байкову. Чтобы установить характер разрушений, ученому пришлось пройти внутри бетонных труб десятки километров по колено в воде. Многочисленные пробы цемента и воды он привез в лабораторию Политехнического института и подверг химическому анализу. А.А. Байков установил, что причиной разрушения обыкновенного портландцемента оказалось наличие минерализованных вод. Это открытие стало толчком для проведения работ по изысканию более стойких вяжущих веществ.

Помимо научной и преподавательской деятельности А.А. Байков на протяжении всей жизни занимался административной работой.

В январе 1925 года на Правлении делал доклад ректор Б.Е. Воробьев. Правление отметило большую работу института по восстановлению зданий, но признало, что руководство учебной жизнью было недостаточным. Предлагалось обратить внимание на введение новых методов преподавания и на установление связей института с производством. Однако эти проблемы предстояло решать уже новому ректору.

25 февраля 1925 года А.А. Байков приступил к исполнению обязанностей декана химического факультета. Борьба за создание химического отделения при Политехническом институте шла много лет; еще в 1907 году, согласно избранию Совета, А.А. Байков был утвержден заведующим учебной частью химического отделения, но правительство не отпустило средств, отделение было закрыто и открылось как факультет (с сентября 1917 года отделения стали именовать факультетами) только в 1919 году.

17 июня 1925 года в Политехническом институте было избрано новое правление и новый ректор — Александр Александрович Байков. Спустя два дня было опубликовано новое Положение о высшей школе. От Положения 1922 года оно мало отличалось, ректор также назначался Наркомпросом из числа кандидатов, выдвинутых преподавателями. Институту оставалось ждать решения Главпрофобра.

Лето 1925 года было первым после революции, когда студенты имели нормальные каникулы после нормального зимнего учебного года; это стало возможным благодаря фундаментальному ремонту, произведенному летом 1924 года. Вследствие этого период, в течение которого А.А. Байков исполнял обязанности ректора,

по сравнению с предыдущими (после 1917 года), можно считать относительно благополучным. В июне на заседании Правления было предложено возбудить ходатайство о закреплении за институтом свободного участка к югу от него, чтобы в ближайшее время возвести здесь учебные корпуса, общежития, разбить стадион, а со стороны улицы на пустырях, образовавшихся после вырубki соснового леса в 1920 году, посадить деревья.

25 ноября 1925 года Александр Александрович Байков оставил должность декана химического факультета, а 27 ноября 1925 года был утвержден Главпрофобром в должности ректора Ленинградского политехнического института.

Через два месяца после утверждения А.А. Байкова в должности ректора Правление института докладывало, что не считает возможным не только увеличить норму приема студентов, но даже сохранить прежнюю (1200 человек). Причина в полном отсутствии мест в общежитиях. Нужно строить новое здание, но отпускаемых правительством средств для этого недостаточно.

Период с 1925 по 1927 год в институте прошел в условиях постоянного пересмотра учебных планов. Согласно циркуляру ГПФ от 26 июня 1925 года предлагалось ликвидировать многопредметность путем сокращения количества предметов, слияния их, устранения параллелизма и т.д., строить учебный план таким образом, чтобы студентов уже со 2-го курса можно было бы использовать на производственной практике.

В феврале 1926 года было предложено ввести в учебные планы предметы политминимума (историю ВКП(б), ленинизм, политэкономия, исторический материализм и др.). Факультетам опять пришлось перерабатывать учебные планы, а Правлению пересылать их в ГПФ. Казалось, летом 1926 года пересмотр учебных планов был закончен, но потребовалось дополнительное число часов на преподавание иностранных языков и на только что введенную всеобщую допризывную военную подготовку. Все это сделало невозможным уложить весь курс вузов в три года, поэтому ГПФ не возражал против четырех, четырех с половиной и даже пяти лет, которые требовали некоторые факультеты. Учебные планы были утверждены только в июне 1927 года.

13 апреля 1926 года ГПФ предложил всем вузам выработать индивидуальные уставы (положения), руководствуясь общим Положением о высшей школе. Такое Положение было выработано Правлением ЛПИ и утверждено ГПФ в марте 1927 года. По новому положению расширялись функции Совета, в него должны были входить компетентные представители всех девяти факультетов института.

В этот период очень много времени уделялось вопросу о повышении квалификации выпускников. В циркуляре ГПФ от 31 марта 1926 года указывалось, что нужно втузу для подготовки советского специалиста-общественника: а) поднять оборудование втуза до уровня современной науки и техники; б) повысить уровень поступающих в 1926 году (но при этом правительство требовало придерживаться классового подхода); в) укреплять связь института с производством и т. д. Циркуляр ГУСа, который учреждал институт студентов-выдвиженцев, также имел в виду повышение квалификации выпускников. Выдвиженцы должны были вербоваться из “марксистски подготовленных” студентов старших курсов, им давалась возможность готовиться к научной работе. В 1927–1928 годы выдвиженцев было много, но постепенно их число уменьшилось, так как для большинства это был непосильный труд.

22 апреля 1926 года вышел первый печатный номер газеты Политехнического института “Товарищ”, а уже в третьем номере главный редактор В. Евдокимов (будущий директор института) дал свое определение выпускника ЛПИ: “Ценность будущего специалиста будет измеряться не только количеством и качеством сданных зачетов, но и, в главной степени, его общественно-политической физиономией” [9].

Правила приема во втузы в этот период были следующие: в первую очередь зачислялись окончившие рабфаки (в Политехническом — с октября 1920 года), затем — командированные центральными и губернскими профессиональными и партийными организациями, вернувшиеся с фронтов гражданской войны; оставшиеся места распределялись между всеми подавшими заявления.

Уровень подготовки поступающих в институт не мог не вызывать беспокойства. По этому поводу ректор писал уполномоченному Наркомпроса в Ленинграде: “Подготовленность учащихся к прохождению курса в вузе крайне мала. Это одинаково относится почти ко всем видам среднего образования. Нет хороших знаний по специальным предметам (физика, математика), но особенно чувствуется отсутствие общего образования и умения излагать свои мысли. В связи с этим возникает сомнение в возможности выпуска большого числа инженеров и экономистов с широким кругозором” [10].

Трудно перечислить все должности, которые занимал А.А. Байков, оставаясь профессором и ректором Политехнического института. С 1923 года он занимал пост старшего метролога Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии (тогда Главной палаты мер и весов), а с 1925 года — заведующего

химической лабораторией, которая под его руководством развернула научно-исследовательские работы, имевшие важное промышленное значение. В качестве председателя Комитета эталонов и стандартов Байков явился одним из создателей работ по стандартизации в области химической и металлургической промышленности.

В 1926 году его привлекли к работе в ГИПРОМЕЗ (Государственный институт по проектированию металлургических заводов) сначала как консультанта, а затем — председателя технического совета. Особенно велика была его роль при проектировании гиганта керченской металлургии завода “Азовсталь”. Одновременно А.А. Байков состоял председателем Ассоциации научно-исследовательских учреждений черной металлургии. В состав ассоциации входили все научно-исследовательские институты металлов страны, некоторые вузы и наиболее крупные лаборатории металлургических заводов.

Эта огромная работа требовала нередких отлучек Байкова из Ленинграда, что однажды привело его к конфликту со студентами ЛПИ, получившему отражение в протоколе Правления. Наркомпрос считал необходимым непосредственное участие студентов в организации новой школы, но, как было в случае с Байковым, это участие не всегда приносило пользу из-за некомпетентности студентов. В июне 1926 года общестуденческая сходка вынесла резолюцию: “Несмотря на официальное приглашение ректора Байкова сделать отчетный доклад правления, Байков, уехав в Москву, не счел даже нужным поручить отчетный доклад одному из своих заместителей. Общестуденческая сходка протестует против такого неуважения к студенчеству со стороны ректора” [11]. Недоразумение легко разрешилось: А.А. Байков должен был ехать в Москву с докладом, проректор по студенческим делам студент Г.Я. Шрейбер сообщил об этом Исполбюро (студенческий орган), но последнее, очевидно, посчитало причину неуважительной. В результате ректору пришлось как бы оправдываться, а Правлению объяснять Исполбюро, что оно “поступило совершенно некорректно и недобросовестно по отношению к ректору института” [12].

В 1927 году А.А. Байкова избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР и в этом же году назначили директором Института металлов.

В начале 1927 года было опубликовано постановление Совнаркома и ВЦИКа о взимании платы за обучение во всех вузах и техникумах. В этом году от поступающих в ЛПИ было подано рекордное число заявлений: 5700, но лишь 1277 выдержало экзамены. Это составило лишь 30 % от сдававших экзамены (4200). Экзаме-

национной комиссией опять была отмечена слабая подготовка выпускников школ. Лучше других выдержали экзамены выпускники довоенных учебных заведений и рабфаков. В институт было принято 1000 человек (в 1926 году — 1200, из них 670 — рабфаковцы). Семьдесят пять процентов принятых — рабочие, крестьяне и их дети, 10,5 % — женщины. Больше всего поступающих было на электромеханический и механический факультеты, наименьшим успехом пользовался экономический факультет.

Госстипендии, согласно инструкции, распределялись между студентами в следующем порядке: бывшим рабфаковцам, крестьянской бедноте и воспитанникам детских домов, студентам, имеющим красноармейский стаж или стаж общественно-политической работы; оставшиеся после этого стипендии распределяются по классовому признаку. Положение с общежитиями оставалось в институте критическим. На 1-м этаже общежития в спортивном зале в ужасных санитарных условиях одновременно располагалось более 100 студентов. Кредит на дооборудование общежитий был сокращен еще в 1926 году.

В октябре 1927 года исполнилось 25 лет со дня открытия института. Еще в самом конце 1926 года Правление образовало юбилейную комиссию во главе с ректором А.А. Байковым. В комиссию вошли профессора и преподаватели, работавшие в институте с его основания. Комиссия предполагала широко отметить юбилей, оповестить всех, окончивших институт и работавших в нем. Было предложено издать исторический очерк института, а также очерки отдельных факультетов. Правление ходатайствовало перед ГПФ о предоставлении институту 25 000 рублей, из которых 5000 рублей предполагалось израсходовать на празднование, а 20 000 рублей — на подготовку материала (сбор архивных сведений) и печатание юбилейного сборника.

Под председательством И.В. Мещерского был образован редакционный комитет, и было решено просить В.В. Скобелыца написать историю института за период с 1902 по 1906 год, Б.Н. Меншуткина — с 1906 по 1918 год, Б.Е. Воробьева — с 1918 по 1927 год. В мае 1927 года ГПФ сообщил, что ассигнование будет выделено ЛПИ в I квартале бюджетного года, но размер его неизвестен. Этот ответ остановил работу над сборником. Только Б.Н. Меншуткин написал историю института со дня его основания до 1918 года (впоследствии и до 1930 года) и рукопись передал в Фундаментальную библиотеку института.

В день юбилея 15 октября 1927 года были отменены все учебные занятия и в Актовом зале состоялось торжественное заседание

Совета, на котором выступил ректор А.А. Байков. Все учебно-вспомогательные отделы в этот день были открыты с 12 до 18 часов для их осмотра гостями. Со всей страны пришли поздравления от бывших студентов и преподавателей института. По распоряжению председателя ЦИК СССР М.И. Калинина институту было выделено 5000 рублей, которые были истрачены на премии, адреса и т. д. Из-за недостатка средств не состоялся праздничный съезд окончивших институт, предполагавшийся ранее.

В юбилейном номере газеты “Товарищ” от 15 октября 1927 года, в статье “25 лет Политехническому институту им. М.И. Калинина” ректор А.А. Байков осветил его современное состояние: в ЛПИ было девять факультетов, 79 лабораторий и кабинетов, в Фундаментальной библиотеке свыше 200 000 томов; в студенческих общежитиях около — 2500 мест. Общее количество студентов — 7192, профессоров и преподавателей — 502, административно-технического персонала — 388. За все время своего существования институт выпустил 4071 специалиста, причем, в 1926 году — 235 человек, в 1927 году — 214 человек — это были самые большие послереволюционные выпуски.

В 1927—1928 годы вышестоящими организациями был поднят вопрос о выводе экономического факультета из состава Политехнического института. В январе 1928 года А.А. Байков отправил в Главпрофобр письмо, в котором подробно разъяснял ту роль, которую играет факультет. Байков писал: “Такое сочетание, при котором с техническими дисциплинами имеются экономические дисциплины, является не случайным... отделение экономического факультета крайне отрицательно отразится на жизни института” [13]. Экономический факультет не тронули.

9 июня 1928 года на Правлении был принят перспективный план нового строительства в ЛПИ. Для организации лабораторий новых факультетов (химического, физико-механического и индустриализации сельского хозяйства), а также для расширения существующих учебно-вспомогательных учреждений старых факультетов необходимо было увеличить объем некоторых зданий: сделать пристройки к Механическому павильону (в два этажа), к Химическому павильону (в два этажа), к гидравлической лаборатории и построить новое здание (№ 1). Кроме того, для освобождения в здании студенческого общежития всех помещений, занятых под учебные нужды, и для расширения помещения Фундаментальной библиотеки необходимо построить здание (№ 2). Для строительства была составлена смета, требуемую сумму разбили на две очереди: 1929—1930 годы и 1931—1932 годы.

15 октября 1928 года А.А. Байков подал в ГПФ заявление об отказе от исполнения обязанностей ректора, не указывая причины, и 2 ноября к исполнению обязанностей ректора приступил П.А. Кобозев — первый назначенный Наркомпросом ректор. Благодарности за работу на посту ректора от ГПФ или Наркомпроса Байков не получил, но через 10 лет, в 1938 году, на заседании Совета именно его коллеги отмечали как ректора, который успешно управлял институтом.

В 1930 году Политехнический институт разделился на несколько отраслевых вузов. Metallургический факультет вошел в состав Metallургического института, и А.А. Байков читал в нем курс общей металлургии. В Военно-технической академии он читал “Основы металлургии”, “Технологию нежелезных металлов”, “Технологию металлов” (1926—1930), в Артиллерийской академии — “Металловедение” (1930). С 1932 по 1934 год Байков был профессором металлографии в Электросварочном институте. С 1934 года и до 1941 года А.А. Байков — заведующий кафедрой “Неорганическая химия” и декан химического факультета Ленинградского университета; здесь под его руководством была создана первая в стране рентгенографическая лаборатория.

В 1932 году А.А. Байкова избрали действительным членом Академии наук СССР по отделению физико-математических и естественных наук, в 1934 году ему было присвоено звание “Заслуженный деятель науки и техники”; 5 февраля 1937 года он был утвержден ВАКом в ученом звании профессора по кафедре “Общая металлургия”. В 1930-е годы А.А. Байков сотрудничал с Институтом сооружений и строительных материалов, Институтом огнеупоров, а также со Всесоюзным алюминиевым и магниевым институтом.

В 1930-е годы А.А. Байков занимался государственной деятельностью: в 1934 году его избрали депутатом Ленинградского городского совета депутатов трудящихся, делегатом на VII и VIII съезды Советов; в 1937 году — депутатом от Ленинграда в Верховный Совет СССР. В 1940 году ему исполнилось 70 лет, и А.А. Байков был награжден орденом Ленина.

В последние годы Александр Александрович Байков перешел к более глубокому теоретическому и экспериментальному изучению основных вопросов, составляющих сущность металлургических процессов. Лабораторные работы он проводил в Ленинградском политехническом (с 1934 года — Индустриальном) институте. Его ближайшими помощниками были студенты и выпускники института, его ученики. Многие из них стали крупными специалистами.

Работая в институте, А.А. Байков поддерживал самую тесную связь с заводами.

Таким застала его Великая Отечественная война. Из Ленинграда А.А. Байков не уехал, 9 сентября 1941 года, в день начала блокады, он выступил по ленинградскому радио. С первых дней войны А.А. Байков стал председателем Комиссии помощи фронту. Он давал консультации заводам, принимал участие в полигонных испытаниях, направлял работу научно-технических организаций. Под его руководством химики готовили зажигательные смеси для противотанковой обороны, препараты для очистки воды, разработали комплекс противопожарных средств.

А.А. Байков отказывался эвакуироваться из Ленинграда, не хотел бросать своих избирателей и только 1 декабря 1941 года по настоятельной рекомендации Москвы вылетел самолетом из блокадного Ленинграда. В Свердловске в это время было сосредоточено большинство учреждений Академии наук, здесь Байкова, прекрасного специалиста и организатора, избрали вице-президентом Академии наук. Он работал над мобилизацией внутренних ресурсов восточных районов страны (Урала, Казахстана, Сибири), посещал заводы, изыскивал новые источники сырья, горючего, энергии, организовывал выпуск огнеупорных материалов.

В 1943 году А.А. Байкову за выдающиеся научно-технические работы была присуждена Сталинская премия 1-й степени, которую он отдал в фонд обороны. В этом же году вместе с учреждениями Академии наук Александр Александрович переехал в Москву. До конца своих дней он работал председателем Совета научно-технической экспертизы Госплана СССР.

10 июня 1945 года Байков был удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением ему второго ордена Ленина, третий орден Ленина он получил в этом же году в день своего 75-летия. В 1946 году он был избран депутатом Верховного Совета СССР II созыва.

До последних дней Александр Александрович Байков трудился в лаборатории Института металлургии АН СССР. Умер он 6 апреля 1946 года, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Основные научные труды

Байков А.А. Исследование сплавов меди и сурьмы и явлений закалки, в них наблюдаемых: Докт. дис. // Зап. Рус. техн. общ-ва. 1903. № 10. С. 645–704.

Байков А.А. О продуктах разрушения портландцемента в морской воде // Цемент. 1905. № 11–12. С. 349–354.

Байков А.А. Введение в металлографию железа, стали и чугуна // Изв. С.-Петербург. политехн. ин-та. 1911. Вып. XV. С. 527–558.

Байков А.А. Портландцемент и теория твердения гидравлических цементов // Техн.-экон. вестн. 1923. Т. 3. № 6–7. С. 206–215.

Байков А.А. Программа курса общей металлургии и курса огнеупорных материалов. Программа курса металлографии. Программа занятий по горнозаводскому анализу. Программа курса металлургии меди // Программы металлургического факультета (ЛПИ им. М.И. Калинина) / ЛПИ. Л., 1929. С. 63–69; 69–72; 95–96; 159–160.

Байков А.А. Теория металлургических процессов: Уч. прогр. / Металлург. ин-т. Л., 1934. 7 с.

Байков А.А. Политехнический — Индустриальный институт за двадцать лет советской власти // Науч.-информ. бюл. ЛИИ. 1937. № 10-11. С. 5–9.

Байков А.А. Д.К. Чернов и его научные труды // Сталь. 1939. № 10-11. С. IX–XIII.

Байков А.А. Академия наук СССР за 25 лет // Вестн. АН СССР. 1942. № 11-12. С. 105–130.

Байков А.А. Успехи советской металлургии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 16 с.

Байков А.А. Собрание трудов: В 5 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1952.

КОБОЗЕВ

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ,

ректор

Политехнического института

(02.11.1928—29.08.1929)

Петр Алексеевич Кобозев
(13.08.1878—04.01.1941)

30 марта 1928 года Главный комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр) продлил полномочия Правления Ленинградского политехнического института на один год, но прошло всего семь месяцев, и 2 ноября новый ректор (председатель Правления) Петр Алексеевич Кобозев, назначенный Наркомпросом, сменил А.А. Байкова. Согласно Положению о высшей школе от 1925 года ректор назначался из числа кандидатов, выдвигаемых преподавателями; если кандидаты вуза казались Наркомпросу непригодными, он назначал ректора по своему выбору. Очень скоро к такому положению в институте привыкли.

П.А. Кобозев – профессиональный революционер, член РСДРП(б) с 1898 года, человек с такой бурной биографией, которая удивительна даже для периода революций и гражданской войны. Только перечисление его передвижений по стране, должностей и постов, которые он занимал, особенно после 1917 года, заняло бы много страниц.

Родился **Петр Алексеевич Кобозев** 13 (25) августа 1878 года в селе Песочни Рязанской губернии в крестьянской семье. Образование получил сначала в духовном училище, а затем в Московской духовной семинарии. В этот период он посещал социал-демократический кружок. После участия в семинарском бунте 1895 года он ушел из семинарии и зарабатывал на жизнь уроками, чертежами, а летом на железной дороге получил специальности слесаря, помощника машиниста, машиниста. В 1898 году он окончил реальное училище при реформаторской церкви в Москве и поступил в Московское высшее техническое училище. За революционную работу в 1899 году его арестовали и выслали в Ригу, где он с 1900 года по 1904 год учился в Политехническом институте. В Рижском политехническом институте Кобозев принимал участие в оборудовании электротехнической лаборатории, руководил студенческими практическими занятиями, ассистировал профессорам. В Риге П.А. Кобозев возглавил студенческое музыкальное общество, которое просуществовало с 1902 по 1904 год, всячески помогая организуемому комитету РСДРП.

Один из его биографов писал: “Кобозев получил в Риге две специальности: инженера-технолога и другую, более важную специальность – революционера-большевика, этой второй специальности он посвятил всю свою жизнь” [1].

После окончания Политехнического института в Риге он работал там же на Русско-Балтийском вагонном заводе, где его и застала революция 1905 года. Уволенный из-за политической неблагонадежности, он уехал на Кавказ, где работал на нефтепромыслах, организовывал забастовки и демонстрации, после чего переехал в Москву. В Москве Кобозев осуществлял надзор за установкой парового отопления в Политехническом музее, проводил работу среди железнодорожников, и вновь последовали арест и высылка... снова в Ригу. Здесь он занялся педагогической деятельностью в частных учебных заведениях, но в 1915 году его, как неблагонадежного, опять выслали, теперь в Оренбург, где он работал на постройке Оренбург-Орской железной дороги. В 1916 году его выслали на Север, на строительство Мурманской железной дороги, но за агитацию военнопленных возвратили в Оренбург, где его и застала Февральская революция 1917 года.

На съезде представителей дороги Оренбург—Ташкент Кобозев был выбран начальником и комиссаром дороги. В мае 1917 года по вызову ЦК РСДРП(б) Кобозев выехал в Петроград, был включен в список кандидатов от большевиков и избран в Городскую думу, в состав членов городской управы. С согласия ЦК он принял от Временного правительства пост главного инспектора учебных заведений Министерства путей сообщения. Кобозев принимал самое активное участие в подготовке октябрьского переворота и был делегатом II Всероссийского съезда Советов от большевистской фракции, он был даже введен в президиум съезда. Кобозев стал героем одного из эпизодов книги Джона Рида “10 дней, которые потрясли мир”. 30 октября (12 ноября) 1917 года на заседании Петроградской городской думы произошло столкновение городского головы кадета Шрейдера с большевиком Кобозевым. Голова протестовал против превращения Думы в политическое собрание. Надо полагать, что победа осталась за Кобозевым.

В ноябре 1917 года Кобозев получил новое назначение. Теперь он, чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР по Западной Сибири и Средней Азии, возглавил борьбу с войсками атамана Дутова, который занял Оренбург. В феврале 1918 года Кобозев опять был в Петрограде, его принял В.И. Ленин, и Кобозев был назначен наркомом путей сообщения РСФСР, членом Реввоенсовета Восточного фронта, членом Реввоенсовета Республики. На этом посту Кобозев спас жизнь командующему Оренбургской группой войск Г.Е. Зиновьеву, впоследствии главе ленинградских большевиков, который принял решение оставить Оренбург. Это так разозлило главнокомандующего Муравьева, что он грозился расстрелять Зиновьева, но Кобозев взял на себя ответственность за операцию.

В 1918 году П.А. Кобозев получил от Ленина еще одно, казалось бы, невыполнимое в условиях гражданской войны задание: проехать через Ташкент в Баку (иные пути были перерезаны фронтами), обсудить с бакинскими большевиками вопрос о национализации нефтяных промыслов и обеспечить затем через Туркестан доставку нефти в центр России. Кроме того, Кобозев должен был доставить Советам Оренбурга, Ташкента и Баку около 200 млн. рублей. При этом широко оповещалось, что Кобозев совершает инспекционную поездку. На руках же у него был только мандат за подписью председателя Совнаркома Ленина. В мандате было сказано, что П.А. Кобозев — чрезвычайный комиссар правительства в Средней Азии и Баку и ему даны широкие полномочия, вплоть до руководства боевыми действиями. Вопрос о национализации нефти в Баку был решен положительно. Нефть пошла в Туркестан. Кобозев вернулся в Ташкент.

П.А. Кобозев уделял большое внимание культурному развитию края, заботился об организации начальных школ, школ ликвидации неграмотности (особенно на узбекском языке), об издании газет, о сохранении драматического театра. По его инициативе бывший дворец был превращен в Музей искусств. Кобозев способствовал организации в Ташкенте Туркестанского народного университета (февраль — май 1918 года) — в будущем Ташкентского государственного университета. В 1919 году в Народном университете он некоторое время читал курс энергетики на техническом факультете.

Кобозев многие месяцы гражданской войны провел на колесах в салон-вагоне, а вместе с ним часто ездила и его семья — жена и маленькие сын и дочь. Сын вспоминал, как отец руководил строительством ледовой переправы через Волгу у Сызрани. Мост был взорван, и пришлось шпалы и рельсы укладывать по льду. Первый пробный поезд вели всего два человека — машинист и Кобозев. О личном мужестве П.А. Кобозева писали все хорошо знавшие его люди.

В фондах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС были сохранены воспоминания Кобозева. К концу гражданской войны Петр Алексеевич был тяжело больным человеком. 1 сентября 1922 года ЦК партии принял постановление о назначении Кобозева председателем Совета министров Дальневосточной республики. Ленин сказал: «А у нас, Петр Алексеевич, большая к Вам просьба... несмотря на Вашу болезнь, мы решили просить Вас еще раз помочь партии... изгнать интервентов с Дальнего Востока и установить там Советскую власть» [2].

22 октября 1922 года войска народно-революционной армии вступили во Владивосток. 15 ноября 1922 года ВЦИК объявил ДВР составной частью РСФСР. От имени советского правительства

Кобозев подписал мирный договор Дальневосточной республики с Японией.

Осенью 1923 года П.А. Кобозев вернулся в Москву тяжело больным и просил перевести его на научную работу. Просьбу удовлетворили. Он стал профессором и ректором Московского межевого института, откуда в ноябре 1928 года был переведен в Ленинградский политехнический институт.

ЛПИ встретил нового ректора учебной реформой. Наркомпрос, изыскивающий способы укрепления связи вузов с производством, остановился на предложении Главпрофобра и Главвузса сделать это посредством непрерывной производственной практики (НПП). Для этого в продолжение учебного года следовало производить чередование теоретических и производственных дней — в неделю, месяцев — в году. Таким образом, по мнению ГПФ, должна была установиться связь, которая даст возможность осуществлять контроль со стороны руководителей промышленности за работой по подготовке специалистов. Всем вузам было предложено заняться разработкой основных направлений НПП применительно к себе.

Идея НПП возникла в Москве раньше, до 1926 года, но ректор А.А. Байков не спешил претворять ее в жизнь. П.А. Кобозев же воспринял новую реформу Наркомпроса как немедленное руководство к действию.

Правление ЛПИ образовало Центральную комиссию по НПП под председательством нового ректора. Было решено ввести НПП на первых курсах трех факультетов (механического, электромеханического и индустриализации сельского хозяйства) уже с января 1929 года. Для других факультетов и курсов введение НПП откладывалось: комиссии нужно было заняться разработкой вопроса.

И тут начались многочисленные сложности. Институт выработал число необходимых для НПП мест на заводах, но те не могли принять такого количества студентов, пришлось часть НПП перенести в учебные мастерские института. По новым программам предполагалось месячное чередование работы студента в ЛПИ и по НПП, но это не всех устраивало. На металлургическом факультете были годичные лабораторные занятия, поэтому НПП можно было проводить только летом. В результате подробного обсуждения в учебных советах факультетов был сделан вывод: непрерывная производственная практика на первых двух курсах не может быть введена, так как будущий инженер должен иметь солидную теоретическую подготовку.

В течение всего 1929 года в Главпрофобре велась разработка вопросов, связанных с НПП, в институты рассылали циркуляры, требовали выработки новых планов на 1929/30 учебный год, в основе

которых лежало бы сокращение сроков обучения. Институты высылали свои планы в ГПФ, в ответ шли новые циркуляры. И так было весь период пребывания П.А. Кобозева на посту ректора.

В этот же период заметно ухудшилось общее положение в стране: в январе 1929 года в Ленинграде были введены хлебные и продуктовые карточки, а в феврале постановлением коллегии Наркомпроса РКИ было предписано сократить расход бумаги на 30 % по сравнению с прошлым годом.

В институте было беспокойно, напряженная атмосфера отражалась и в заголовках статей в газете “Товарищ” за 1928–1929 годы: “Хамелеоны”, “Готовимся к генеральной самопроверке”, “Где проходить чистку” и т. п. Авторы статьи “За классовую чистоту и четкость”, отмечая, что в институтах растет пролетарское ядро, обеспокоены проникновением “чуждого элемента”: детей попов, кулаков, помещиков, жандармов и др., которые в анкетах пишут: рабочий, батрак. “В ответ на контрреволюционную работу шахтинских вредителей, наша партия послала во ВТУЗы 1000 лучших коммунистов-рабочих” [3]. Грядет генеральная чистка, и не только в студенческой среде. «Скоро станет не менее жгучий вопрос о разгрузке института от засидевшегося в нем “академического балласта”» [4], — грозит в феврале автор статьи “Об управлении ЛПИ”, спрятавшийся за инициалами П.К.

20 марта 1929 года ректор П.А. Кобозев выступил на общем собрании деканатов факультетов и сообщил о предстоящем смотре ЛПИ, на который его вызвал Одесский политехнический институт (была такая форма работы в те годы). “Смотр должен пройти таким образом, — сказал ректор, — чтобы превратиться во всестороннюю самокритику нашей работы и личного состава института”. На этом же собрании ректор доложил о переизбрании профессорско-преподавательского состава института и предложил руководствоваться следующими критериями: истечение срока избрания; переизбрать лиц, устаревших для современной науки; изжить злостное совместительство; определять пригодность научного работника для социалистического строительства в соответствии с его общественно-политическими взглядами.

Порядок производства перевыборов был определен циркуляром Главпрофобра. При Правлении была образована комиссия в составе ректора или проректора по учебным делам, председателем СНР, Исполбюро, предметных комиссий — по одному от профессорско-преподавательской части и от студенчества. Перевыборы были назначены по трем факультетам: химическому, механическому и электромеханическому — и состоялись в апреле 1929 года. На каждого преподавателя или даже профессора зачитывал характеристику студент, представитель Исполбюро

профсекции. Не говоря об этической стороне вопроса, характеристики были составлены в недопустимой форме. “Делались обвинения европейски известных научных сотрудников в невежестве, в незнании своего предмета... по отношению к другим выставлялись обвинения в политической неблагонадежности, невоздержанности суждений” [5].

Присутствующие профессора опровергали студентов, но председательствующий ни разу не поставил противоположную точку зрения на голосование. В результате перевыборов были составлены списки профессоров и преподавателей трех факультетов, подлежащих увольнению и замене, и под грифом “совершенно секретно” за подписью ректора Кобозева отправлены уполномоченному Наркомпроса. В “черные списки” попали три бывших ректора Политехнического института: Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, В.В. Скобелцын и И.В. Мещерский. В графе “Мнение студенческих организаций” у каждого из вышеперечисленных заслуженных профессоров стояло: “Уволить”, “Стар. Пора на пенсию”. Впоследствии многие председатели предметных комиссий опровергали обвинения студентов, и это было доведено до сведения Главпрофобра. Возможно, поэтому конкурс на должности, признанные вакантными, объявлен не был, и преподаватели (кроме нескольких доцентов, ассистентов и аспирантов) остались на своих местах. На остальных факультетах перевыборов не было.

К июню чистка коснулась студентов-выдвиженцев. Председатель Исполбюро профсекции предложил пересмотреть состав выдвиженцев на научно-исследовательскую работу и отчислить не только неспособных, но и идеологически чуждых рабочему классу. В будущем Исполбюро предложило состав студентов-выдвиженцев и аспирантов подбирать преимущественно из пролетарской среды.

3 июля на Правлении ректор огласил постановление коллегии Наркомпроса о чистке на рабфаке. Кроме тех, кто не выполнил учебные требования, чистке подлежали: лица, лишённые избирательных прав; намеренно скрывшие свое происхождение при поступлении; лица антисоветского поведения, в том числе активные антисемиты; осуждённые за уголовные преступления.

Новый прием в институт в 1929 году носил откровенно классовый характер: “Аудитории пролетарского вуза широко открыты для рабочей и крестьянской молодежи”, — гласил заголовок в газете “Товарищ”. “Рабоче-крестьянская часть нового приема, согласно постановлению Главпрофобра, стипендиями будет обеспечена” [6]. В связи с новым приемом (1350 студентов) снова встал вопрос о сложности с размещением: более 750 человек не могли быть обеспечены общежитиями.

Было бы неправильным утверждать, что в институте в этот период совсем не было радостных событий. Одним из них стало разрешение правительства открыть с начала 1929/30 учебного года авиационный факультет. В 1929 году в Академию наук СССР было избрано несколько профессоров Политехнического института, в том числе в действительные члены – В.Ф. Миткевич, В.А. Кистяковский, И.М. Виноградов, в члены-корреспонденты – Н.Н. Семенов, Я.И. Френкель и А.А. Чернышев. Среди избранных были не только преподаватели, но и выпускники Ленинградского политехнического института, и это было лучшей оценкой деятельности ученых-политехников.

Уход П.А. Кобозева с поста ректора через 10 месяцев был столь же внезапным, как и его появление. Последнее упоминание о нем мы находим в статье газеты “Товарищ” под заголовком “Чистка партийных рядов института начинается сегодня”: «Оживленно заполняется зал, сегодня “чистим” товарищей, являющихся членами областных и районных организаций. В течение 30 минут зал заполнен до отказа. На трибуне член райкома ВКП(б), бывший ректор института, отозванный в распоряжение ЦК ВКП(б) для работы по специальности...» [7].

В архиве на папке с личным делом П.А. Кобозева надпись: “1-IX-1929 г. Уволен за назначением Шумского” [8]. После недолгого пребывания в ЛПИ Кобозев вернулся в Межевой институт. Здесь он организовал кафедру аэросъемки, в связи с чем институт в 1936 году стал называться Московским институтом инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии; П.А. Кобозев заведовал в нем кафедрой “Фотограмметрия”.

В литературе имеются сведения, что П.А. Кобозев был членом научно-технического комитета НКПС, руководителем НИИ локомотивостроения, принимал участие в разработке проблемы освоения нефелино-апатитовых руд, давал заключение по проекту строительства Днепрогэс, участвовал в разработке проекта строительства канала Волга–Москва.

Скончался Петр Алексеевич Кобозев в Москве 4 января 1941 года на 63-м году жизни. В Оренбурге ему поставлен памятник. В Оренбурге, Баку, Самаре, Ульяновске, Донецке, Екатеринбурге и Владивостоке его именем названы улицы.

Основные научные труды

Кобозев П.А. Фотограмметрия: Конспект. курс проект. геометрии. М., 1940. Ч. I.

ШУМСКИЙ
АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ,
ректор
Политехнического института
(29.08.1929—02.02.1930)

Александр Яковлевич Шумский
(1890–18.09.1946)

29 августа 1929 года последовало распоряжение по НКП (Наркомпросу), из которого следовало, что ввиду освобождения П.А. Кобозева от несения обязанностей ректора ЛПИ (газета “Товарищ” писала, что он был отозван в распоряжение ЦК ВКП(б) для работы по специальности) ректором назначен, впредь до перевыборов, А.Я. Шумский. Газета “Товарищ” познакомила политехников с биографией никому не известного нового ректора.

Александр Яковлевич Шумский родился в 1890 году в деревне Боровой Рудне Волынской губернии в семье рабочего-батрака. Низкий заработок отца вынудил мальчика еще в школьные годы помогать семье: он был пастухом, служил на лесных разработках. Окончив сельскую двухклассную школу, поступил на лесопильный завод, где проработал четыре зимы, а летом отправлялся на мелиоративные работы и через несколько лет получил должность техника-мелиоратора. По этой специальности Шумский работал до Февральской революции в разных районах России.

Революционная деятельность А.Я. Шумского началась с 1909 года, когда он был активным участником забастовки на лесопильном заводе. С этого времени он вступил в тесную связь с украинскими социалистическими кружками Житомира, а затем Москвы. При содействии партийных товарищей Шумский в 1911 году приехал в Москву, где продолжал работать по своей специальности и готовился сдать экстерном экзамены за среднюю школу.

Однако и получив аттестат зрелости, Шумский не мог поступить в казенное высшее учебное заведение. Он объяснял это отсутствием справки о политической благонадежности, но, возможно, причина была в том, что он не сдавал экзамены за дополнительный класс реального училища, который давал право поступления в вуз. Именно поэтому А.Я. Шумский обратился в Московский вольный (народный) университет имени Шанявского. Золотопромышленник и меценат Шанявский передал в дар Москве дом и земельный участок, и на доходы от них был

открыт Народный университет для лиц обоего пола, для всех желающих получить высшее образование, независимо от окончания средней школы, наличия аттестата и знания классических языков. На историческом факультете этого университета Шумский получил высшее образование.

В период первой мировой войны А.Я. Шумский активно работал в украинских социалистических организациях, но, преследуемый охранным отделением, вынужден был в 1916 году уехать на гидротехнические работы в Закаспийский край, и все же по возвращении в Москву ему не удалось избежать ареста и заключения, а впоследствии и отправки на фронт.

После Февральской революции А.Я. Шумский избирался членом корпусного, армейского, а затем фронтового комитета солдатских депутатов. С образованием земельных комитетов его избрали членом Киевского губернского земельного комитета, а затем председателем Волынского земельного комитета. В октябре 1917 года во время боев на Украине Шумский был приговорен Центральной Украинской Радой к расстрелу, но, благодаря взятию Киева Красной гвардией и бегству Рады, приговор не был приведен в исполнение. В период немецкой оккупации Украины, гетманщины и директории он был одним из руководителей красного партизанского движения.

С момента образования Украинской Коммунистической партии (боротьбистов) и до слияния ее с Коммунистической партией (большевиков) Украины А.Я. Шумский состоял членом ЦК боротьбистов, а после слияния — членом ЦК КП(б)У. Во время второго прихода советской власти на Украину в 1919 году он занимал пост народного комиссара просвещения Украины. После того как Украина была занята Деникиным, Шумский продолжал борьбу, находясь в партизанском подполье.

В 1920 году, после окончательного установления на Украине советской власти, А.Я. Шумский состоял членом президиума ЦИК Украины и членом политбюро ЦК РКП(б). В период наступления Врангеля и Пилсудского Шумский был назначен президиумом ЦИК Украины председателем Полтавского, а в дальнейшем Одесского губернского исполкома и состоял членом реввоенсовета 12-й армии.

После заключения перемирия с Польшей А.Я. Шумского направили на работу в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) в качестве члена советской делегации по заключению Рижского договора, а затем полпреда УССР в Польше (1921—1923).

В 1923 году Шумский заведовал АППО ЦК(б)У, в 1924 году был назначен народным комиссаром просвещения Украины и проработал на этом посту до 1927 года. Будучи редактором ряда общественно-политических и научных изданий на украинском языке, он печатал свои работы по истории и публицистике и состоял научным сотрудником Института марксизма в Харькове.

А.Я. Шумский был членом Исполкома Коминтерна, членом президиума ЦИК СССР.

В 1927 году, в связи с дискуссией по национальному вопросу, позиция Шумского (нам неизвестно, в чем она состояла) была осуждена партией и Коминтерном, и он был откомандирован с Украины на работу в Ленинград, где сначала был ректором Института народного хозяйства имени Энгельса, а в августе 1929 года был назначен ректором Политехнического института. На посту ректора А.Я. Шумский находился до января этого же года, т. е. в течение четырех месяцев последнего учебного года (1929/30) старого Политехнического. За месяц до назначения Шумского ректором в институте закончила работу правительственная комиссия, возглавляемая членом коллегии наркомата РКИ Н.И. Подвойским. Из отчета комиссии следовал вывод о недостаточной эффективности работы вузов и о том, что для увеличения числа выпускаемых инженеров необходимо провести слияние одноименных факультетов разных вузов.

Перед Ленинградским политехническим институтом встала проблема реорганизации. Новому ректору оставалось лишь выполнять распоряжения, поступающие сверху. Заведующий Главпрофобром А.Я. Вышинский направил директиву: перейти на новый учебный план (сократить срок обучения в институте до четырех лет) без снижения квалификации специалистов. В декабре поступил очередной циркуляр Главпрофобра, по которому упразднялись государственные квалификационные комиссии, отменялись дипломные работы и дипломные проекты. Теперь для окончания вуза достаточно было выполнить учебный план, включая производственную практику.

В этом же месяце ректоры всех вузов получили распоряжение А.Я. Вышинского за грифом “секретно”, которое затрагивало судьбы как студентов, так и преподавателей. “Об очищении учебных заведений от враждебных элементов путем самого тщательного и систематического изучения и проверки состава учащихся” [1], — гласило распоряжение. Для профессорско-преподавательского

состава на 1929/30 учебный год объявлялись новые перевыборы. Предыдущие, 1928/29 учебного года, Главпрофобр не удовлетворяли.

В конце октября 1929 года ректор Политехнического А.Я. Шумский выступил на общеинститутской студенческой конференции. Его позиция не вызывала сомнения: и ситуация в стране, и циркуляры Главпрофобра были приняты им так, как и положено. Он с возмущением говорил о той части технической интеллигенции, которая была связана в прошлом с буржуазией, а ныне перешла к прямому вредительству, поэтому перед партией поставлена задача — подготовка пролетарских специалистов. Для рационализации учебы ректор предлагал: упразднить максимум лекционных часов, сократить графические работы (“Мы слишком много чертим!”), обратиться к групповому семинарскому методу, дававшему благоприятные результаты, и, не снижая квалификации инженера, ускорить выпуск. В своем докладе А.Я. Шумский говорил и о тех важнейших изменениях, которые должны были произойти в системе руководства вузами: “До революции высшая школа в лице профессоров требовала автономии. После революции ею управляли до последнего времени автономно студенты. Теперь партия хочет парализовать автономию. Студенты должны учиться, а профессора — учить. Управлять же вузами будут специально выделенные для этой цели люди” [2].

Самому Шумскому управлять институтом больше не пришлось. На основании приказа от 31 декабря 1929 года с 1 января по 1 марта 1930 года он числился в отпуске по болезни (суставной ревматизм). В институт он не вернулся.

13 мая 1933 года А.Я. Шумский был арестован по обвинению в принадлежности к “Украинской военной организации” и 5 сентября приговорен Коллегией ОГПУ к 10 годам содержания в Соловецком лагере. 10 декабря 1935 года он был сослан в Красноярск. Добиваясь полной реабилитации, А.Я. Шумский неоднократно объявлял голодовку, снова был арестован и помещен в тюремную больницу, где находился до ноября 1939 года. После неоднократных голодовок и в результате болезни суставов Шумский полностью утратил возможность передвигаться, но продолжал добиваться реабилитации. В сентябре 1946 года сотрудниками НКВД он был вывезен из Красноярска и 18 сентября в Саратове (по дороге в Киев) убит.

Реабилитирован А.Я. Шумский 11 сентября 1958 года [3].

Основные научные труды

На общеинститутской студенческой конференции. Речь тов. Шумского // Товарищ. 1929. 24 окт.

Шумский А.Я. Опыт интернациональной работы (Кременчугский комсомол). М.: Мол. гвардия, 1932. 48 с.

ДАВТЯН
ЯКОВ ХРИСТОФОРОВИЧ,
директор
Политехнического института
(03.02.1930—30.06.1930)

Яков Христофорович Давтян
(10.10.1888–28.07.1938)

С 1 января по 1 марта 1930 года ректор Ленинградского политехнического института А.Я. Шумский числился в отпуске по болезни, и обязанности ректора исполнял проректор по административно-хозяйственным делам С.А. Тункин.

Семен Андреевич Тункин, молодой человек 1898 года рождения, из крестьян, окончил лишь два класса учительской школы, но был членом партии с 1919 года. Служил в царской, а затем в Красной Армии в должности комиссара бригады. С 1924 года находился на хозяйственной работе в Управлении Ленинградского военного округа. В Политехнический институт пришел с поста проректора по административно-хозяйственной работе Ленинградского ветеринарного института. По воспоминаниям профессора Б.Н. Меншуткина, “ВРиО ректора С.А. Тункин очень ревностно выполнял свои обязанности и не скупился на приказы, вводящие реформы в установившуюся жизнь института” [1].

17 января 1930 года он издал приказ, в котором, на основании циркуляра ГПФ от 9 декабря 1929 года об единоначалии, предлагал упразднить должность ректора, всех проректоров и впредь эти должности именовать: директор и помощники директора. Этим приказом Правление института ликвидировалось, советы факультетов распускались, вся ответственность за деятельность факультетов возлагалась на деканов, которые находились в подчинении директора. В соответствии с приказом декан становился заведующим факультетом.

31 января 1930 года ЛПИ перешел из ведения Наркомпроса в другое подчинение — ВСНХ. Результатом было назначение нового директора — Якова Христофоровича Давтяна. 3 февраля 1930 года он издал свой первый приказ: “На основании приказа президиума ВСНХ и Главвузта вступил в исполнение обязанностей директора ЛПИ. Постоянным своим заместителем по всем делам назначаю помощника моего по административно-хозяйственным делам Тункина С.А. Директор Я. Давтян” [2].

6 февраля 1930 года газета “Товарищ” сообщила своим читателям, что ректор А.Я. Шумский, ввиду сильно обострившейся болезни, освобожден от работы, а новым директором утвержден Яков Христофорович Давтян, бывший до этого полпредом СССР в Персии. Эта же газета опубликовала биографию нового директора.

Яков Христофорович Давтян родился 10 октября 1888 года в Армении, в селении Акулисы, близ Нахичевани. Его отец, коммерсант, умер, когда сыну было всего два года. Мать Давтяна осталась с двумя детьми без средств к существованию. Брат матери, служивший в Тифлисе, взял племянника к себе и дал ему возможность учиться. По окончании средней школы Я.Х. Давтян поехал в Санкт-Петербург, надеясь поступить в университет, но этому помешал арест и вынужденная эмиграция.

В 1905 году, 17 лет, он вступил в партию, всегда был только большевиком. До мая 1907 года работал в тифлисской организации, сначала в ученических кружках, затем в рабочих, а последний год в военной организации: вел агитацию среди солдат, работал в редакции нелегальной газеты “Голос казармы”. С июня 1907 года работал в петербургской партийной организации, был членом бюро райкома Петербургской стороны, представителем райкома на общегородской (постоянной) конференции, а с сентября 1907 года — членом петербургского комитета. В конце 1907 года, возвращаясь с заседания комитета, он был арестован на Финляндском вокзале. Выпущенный под залог в мае 1908 года, он эмигрировал за границу, где принимал участие в деятельности русских рабочих эмигрантских организаций, состоял членом местной социалистической партии, работал по связи с Россией и изредка — корреспондентом различных заграничных партийных органов.

В Бельгии Яков Христофорович продолжил свое образование — стал инженером.

Первая мировая война застала Я.Х. Давтяна в Брюсселе. В начале 1915 года он был арестован германскими оккупационными властями, свыше семи месяцев провел в одиночном заключении Аахенской тюрьмы, после чего его переводили в различные концентрационные лагеря, где он провел еще свыше трех лет. За неоднократные побеги его отправили в штрафной лагерь. После долгих хлопот нашего полпредства в Берлине в сентябре 1918 года Давтян вернулся в Россию.

С сентября 1918 по февраль 1919 года он был членом президиума Московского губернского совета народного хозяйства и фактически председателем, занимаясь одновременно партийной работой в Замоскворецком райкоме, затем — в Московской окружной организации. Сотрудничал в “Правде”, писал статьи на экономические и политические темы.

В феврале 1919 года Я.Х. Давтян вместе с Инессой Арманд был назначен членом миссии Красного Креста во Франции. Все лето 1919 года в качестве особоуполномоченного Совета обороны

Украины для прифронтовой полосы объезжал фронт, занимаясь инспекцией, чисткой местных военных учреждений, продолжая партийную работу. В сентябре 1919 года был переброшен на де-никинский фронт, где провел в качестве начальника политотдела 1-й Кавказской кавалерийской дикой дивизии все наступление от севера Царицына до Кавказа.

В марте 1920 года он был отозван с фронта и назначен первым секретарем советской миссии в Ревеле, далее секретарем советской делегации в Лондоне, где в общей сложности пробыл до октября 1920 года. После этого работал в Наркоминделе, заведую прибалтийскими странами и Польшей на правах члена коллегии.

В ноябре 1920 года Я.Х. Давтян был назначен исполняющим обязанности начальника иностранного отдела ВЧК. Рекомендовал Давтяна сам Ф.Э. Дзержинский. В 1920 году найти подходящего человека на пост первого руководителя иностранного отдела было непросто. Помог лестный отзыв Инессы Арманд. В Париже, где они вместе работали, Я.Х. Давтян расширил свой политический кругозор и знание мировой культуры, блестяще овладел тремя европейскими языками и, что было важно для работы за рубежом, приобрел прекрасные манеры. На посту исполняющего обязанности начальника иностранного отдела Давтян находился до середины 1921 года, затем опять перешел на дипломатическую работу, но должен был выполнять поручения Дзержинского.

В феврале 1922 года Я.Х. Давтян был назначен полномочным представителем в Литву, где пробыл до сентября 1922 года; в октябре 1922 года — советником полномочного представительства и поверенным в делах в Китай, где пробыл до апреля 1924 года. Летом 1924 года был послан в Танну-Тувинскую республику (Западная Монголия) в качестве полпреда и председателя полномочной комиссии ЦИК СССР для урегулирования отношений и инспектирования советских учреждений. По возвращении был назначен полпредом в Венгрию, но не поехал ввиду нератификации Венгрией подписанного с СССР договора.

Зиму 1924/25 года Давтян провел в Москве: два месяца работал в тресте “Чаеуправление” в качестве заместителя председателя, занимался партийной работой на фабрике “Большевичка”, к ячейке которой был прикреплен. В мае 1925 года был назначен советником полпредства в Париж, где провел два года. Неоднократно бывал поверенным в делах и принимал участие в работе советско-французской конференции, а также других международных конференций, принимал участие в работах ячейки — делал доклады и т. д. Осенью 1927 года был назначен полпредом

в Персию, где и находился до своего назначения в Ленинградский политехнический институт.

Директором ЛПИ Я.Х. Давтян стал в то время, когда судьба института была уже окончательно решена. Приезжавший в ЛПИ в 1929 году член коллегии Наркомата РКИ, заведующий культурной инспекцией Н.И. Подвойский, подробно ознакомившийся с жизнью института, по результатам своей ревизии 30 июля 1929 года сделал доклад, в котором говорилось, что для повышения эффективности работы вузов необходимо провести слияние одноименных факультетов разных вузов. Политехническому институту оставалось существовать меньше года.

6 апреля 1930 года директор Давтян выступил на страницах газеты “Товарищ” со статьей “Как будет реорганизован ЛПИ”. Он писал, что вопрос о реорганизации ленинградских вузов, в том числе ЛПИ, получил разрешение на заседании правительственной комиссии о вузах. Это решение вытекает из постановления ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) и дальнейших решений партии и правительства, имеющих целью улучшить и усовершенствовать систему подготовки наших технических кадров. Никаких возражений против уничтожения Политехнического института со стороны директора не было, да и быть не могло. И дело не только в том, что директор знал свой институт всего два месяца.

Я.Х. Давтян объявил, что на базе ЛПИ будет организовано пять вузов: машиностроительный, теплосиловой (энергомашиностроительный), металлургический, физико-технический и гидротехнический. Судьба остальных факультетов следующая: авиастроительный будет переведен в Москву; индустриализации сельского хозяйства — передан в ведение Наркомзема СССР; электромеханический сольется с ЛЭТИ, и на базе обоих будет создан единый Электротехнический институт; инженерно-строительный факультет вольется в единый строительный институт; кораблестроительный факультет будет преобразован в самостоятельный вуз; химический факультет сольется с химфаком ЛТИ; экономический факультет будет разделен на ряд частей для передачи их в соответствующие вузы.

1 июня 1930 года распоряжением Начглавпрокадра Я.Х. Давтян был назначен директором отраслевого Машиностроительного института, на него же возлагалось общее наблюдение за ликвидационной комиссией, а постоянный заместитель Давтяна по всем делам С.А. Тункин был назначен председателем ликвидационной комиссии. 30 июня 1930 года Политехнический институт перестал существовать. На данном этапе Я.Х. Давтян был его последним директором.

Пребывание Якова Христофоровича Давтяна на посту директора Машиностроительного института было недолгим. Уже 23 января 1931 года он был освобожден от этой должности в связи с переходом в ВСНХ СССР. Несколько лет он был на дипломатической работе: в 1932–1934 годы – полпредом СССР в Греции, в 1934–1937 годы – в Польше.

За 15 лет зарубежной службы Я.Х. Давтян занимал высокие должности в восьми дипломатических представительствах РСФСР, а затем СССР. Именно он заложил основы создания профессионального аппарата внешней разведки. О нем писали как о человеке “большого темперамента, работоспособности и неуживчивости” [3].

21 ноября 1937 года Я.Х. Давтян был арестован по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьей 58 УК РСФСР. 28 июля 1938 года приговорен военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение в тот же день в г. Москве.

Реабилитирован военной коллегией Верховного Суда СССР 25 апреля 1957 года.

Основные научные труды

Давтян Я.Х. Как будет реорганизован ЛПИ // Газета Электромех. ин-та. 1930. 6 апр.

ШРЕЙБЕР

ГЕОРГИЙ ЯКОВЛЕВИЧ,

директор

Индустриального института

(14.04.1934 – 28.06.1935)

Георгий Яковлевич Шрейбер
(09.11.1896 – ?)

В феврале 1930 года в Москве Высшим советом народного хозяйства была образована Комиссия для подготовки реформы вузов. В приказе ВСНХ от 25 апреля 1930 года сообщалось о ликвидации Ленинградского политехнического института и о создании на его базе отраслевых институтов. Официально Политехнический институт перестал существовать 30 июня 1930 года, когда ВСНХ объявил прекращенными полномочия его дирекции. Казалось бы, на этом история прославленного Петербургского — Петроградского — Ленинградского института завершилась...

Но прошло всего четыре года, и на основании постановления Совета Народных комиссаров СССР от 11 января 1934 года и приказа ГУУЗ НКТП (Главного управления учебными заведениями Народного Комиссариата тяжелой промышленности) от 26 апреля 1934 года отраслевые институты с 1 июня 1934 года объединялись в Индустриальный институт — такое название должен был теперь носить бывший Политехнический. Корреспондент газеты “Индустриальный” (которая пришла на смену прежнему “Товарищу”) пытался объяснить своим читателям причину столь быстрой смены позиции московского руководства относительно высшего технического образования: закончена первая пятилетка, завершено строительство промышленных гигантов, стране требуются уже не кадры вообще, а специалисты, всесторонне вооруженные общенаучными, техническими и специальными знаниями, поэтому и возникла идея о новых индустриальных политехнических институтах.

Под крышей старого, но с новым названием, института собралось 11 факультетов — те, что никогда не покидали территории своей alma mater. Директором Индустриального института был назначен хорошо известный еще по Политехническому институту Г.Я. Шрейбер.

Георгий Яковлевич Шрейбер родился 9 ноября 1896 года в Елизаветграде Херсонской губернии в семье крестьян-поселян (в 1910 году его отец был сторожем). В 1914 году Шрейбер, окончив в Мариуполе реальное училище, поступил на металлургическое отделение Петроградского политехнического института, где с перерывами учился в течение 15 лет. В 1915 году он начал службу в студенческом кооперативе в скромной должности конторщика-счетовода, затем — заведующего отделением ссуд, в 1916 году его избрали членом правления этого кооператива, а в марте 1917 года он был уже председателем правления студенческого кооператива “Касса взаимопомощи студентов ППИ”.

В декабре 1917 года Г.Я. Шрейбер перешел на службу в Ярославскую губернию заместителем уполномоченного по закупкам. В октябре 1918 года он был избран секретарем Ростовского уездисполкома Ярославской губернии, в феврале 1919 года назначен членом коллегии Уездпродкома. В 1919 году Г.Я. Шрейбер стал членом РКП(б), и по партийной мобилизации в апреле 1919 года его отправили на фронт инспектором дивизии опродпомармии, но уже в августе этого же года, по болезни, вернули. В 1920–1921 годы он снова находился в Ярославской губернии, где занимал посты исполняющего обязанности горuezдпродкомиссара Ростовского уезда, заместителя Ярославского губпродкомиссара, заведующего губернским посевкомом.

В мае 1921 года Г.Я. Шрейбер был отправлен в Петроградский политехнический институт для продолжения образования на металлургическом факультете. Это был период, когда Наркомпрос считал необходимым участие студентов в организации новой школы, и Шрейбер активно включился в общественную работу, растянув пребывание в студентах еще почти на десять лет.

В декабре 1921 года его назначили представителем Петрограда в президиуме ППИ, в 1922–1923 годы он был членом Правления ППИ, в 1923–1924 годы — председателем кооператива “Политехник”. Одна общественная должность сменялась другой; в 1924–1925 годах он — секретарь металлургического факультета, заместитель заведующего учебной частью рабфака ЛПИ, в январе 1926 года его избирают членом Правления ЛПИ, проректором по студенческим делам. Одновременно Г.Я. Шрейбер вел и партийную работу: сначала он занимал пост партуполномоченного на факультете, затем члена бюро коллектива партии. Его продвижению по служебной лестнице не помешало даже партийное взыскание.

За несколько лет до окончания института Г.Я. Шрейбер начал заниматься педагогической деятельностью. В 1925 и 1928 годах его приглашали преподавателем химии на рабфак. Последние два года обучения в институте он много времени посвящал экспериментальной деятельности в металлургической лаборатории, где работал под руководством профессора, члена-корреспондента АН СССР А.А. Байкова над темой “Образование цементита при действии окиси углерода на железо”. “При выполнении... работы Шрейбер обнаружил большую настойчивость, тщательное выполнение экспериментов, приобрел большую опытность и близкое знакомство с литературой предмета” [1], — так писал А.А. Байков о своем студенте.

3 января 1930 года, после отмены дипломного проектирования в высшей школе, Г.Я. Шрейбер получил удостоверение об окончании металлургического факультета ЛПИ по специальности “Металлургия чугуна, железа и стали и их тепловая обработка”, но уже с 1929 года в должности исполняющего обязанности доцента

он вел курсы производства металлов на электромеханическом факультете, технологии металлов — на экономическом факультете и общей металлургии — на химическом факультете.

6 марта 1930 года Шрейбера назначили заведующим металлургическим факультетом ЛПИ, а 9 июня 1930 года, при реорганизации ЛПИ — директором Металлургического института Всесоюзного объединения “Сталь”. Сначала директор занимал скромный пост ассистента по кафедре теории металлургических процессов, но уже с января 1931 года он — доцент по кафедре общей металлургии, чему, возможно, помог доброжелательный отзыв профессора А.А. Байкова. В 1932 году Г.Я. Шрейбер ненадолго становится заведующим кафедрой металлургических печей. Одновременно Шрейбер продолжал вести партийную работу и работу в органах советской власти. В Металлургическом институте он был членом бюро и членом парткома, а с 1931 года — членом Ленсовета XIII и XIV созывов.

14 апреля 1934 года Г.Я. Шрейбера назначили врид (временно исполняющим должность) директора Ленинградского индустриального института и командировали в Москву в ЦК ВКП(б) для решения вопросов, связанных с реорганизацией бывшего Политехнического института имени М.И. Калинина.

1 июля 1934 года Георгий Яковлевич Шрейбер был утвержден директором Ленинградского индустриального института. Постановлением Совнаркома СССР была образована структура института: 11 000 студентов, 1300 профессоров и преподавателей и 52 специальности. Было и нововведение. Первые два курса всех технических специальностей были выделены в общетехнический факультет с единым учебным планом. Предполагалось, что это позволит все внимание остальных факультетов сконцентрировать на постановке специальных предметов, производственной практике и дипломном проектировании.

На территории института было запланировано огромное строительство. Были заложены и уже строились лабораторные корпуса высоковольтной техники и новейших машиностроительных специальностей, учебные здания гидротехнических специальностей, новые общежития и др. Но для завершения строительства нужно было время и, главное, средства.

А пока положение директора было очень непростым, что ощущалось по его докладу на I партийной конференции в ноябре 1934 года. Он видел причину отставания некоторых факультетов, в частности электросварочного и производственного машиностроения, в отсутствии лабораторно-материальной базы. Местами в чертежных были обеспечены лишь 25 % дипломников. Нередко срывалась преддипломная практика. Опоздали с ремонтом общежитий (да и возможно ли было успеть за такой короткий срок?), пища в столовых

была плохой. Но самое большое беспокойство дирекции вызывали новые учебные программы, утвержденные в Москве ГУУЗом. Институт имел свои, хорошо проработанные программы, подготовка специалистов по ним, без сомнения, являлась более результативной, но как было убедить в этом ГУУЗ и было ли это вообще возможно?

После 1 декабря 1934 года обстановка в стране резко изменилась. В этот день в Смольном был убит С.М. Киров. На траурном митинге в ЛИИ выступил директор Г.Я. Шрейбер. Газета “Индустриальный” в начале 1935 года пестрила заголовками: “Выше революционную бдительность”, “Никакой пощады врагам”, “Очистить Ленинградский индустриальный институт от последней контрреволюционной зиновьевщины”. 22 и 23 марта по всем факультетам ЛИИ прошли многочисленные собрания студентов, профессоров и преподавателей, на которых было заслушано сообщение НКВД о высылении из Ленинграда группы “бывших”. Об этом говорилось в статье “Очистим город Ленина от остатков царской челяди, от охвостья помещиков и капиталистов”. Статья заканчивалась словами: “Да здравствует НКВД – верный страж диктатуры пролетариата!” [2].

На фоне всех этих событий в институте проходила своя жизнь, отмечались свои даты. В январе проводили в последний путь профессора И.В. Мещерского, который более тридцати лет назад прочитал первую лекцию в только что открывшемся в столице Политехническом институте; отметили 40-летие научной деятельности еще одного старейшего профессора – А.А. Радцига. Оба были директорами Политехнического...

Очевидно, для многих неожиданным был приказ наркома тяжелой промышленности от 28 июня 1935 года, на основании которого Г.Я. Шрейбер освобождался от занимаемой должности директора Ленинградского индустриального института ввиду перевода на работу директором Индустриального института в г. Свердловск. Последняя запись в трудовом списке (трудовой книжке) Г.Я. Шрейбера в Ленинградском индустриальном институте об освобождении от должности директора сделана 25 июля 1935 года, через год после назначения. На этом заканчивается “Личное дело” Г.Я. Шрейбера в Политехническом – Индустриальном институте, но в его папку вложено письмо пенсионера В.Н. Фролова из г. Свердловска от 25 марта 1965 года следующего содержания: “т. Шрейбер Г.Я. в 1937 г. (октябрь – ноябрь месяц) явился на прием в заводоуправление Алапаевского металлургического завода, где я тогда работал техническим директором завода, с просьбой ко мне предоставить ему возможность работать на заводе по его специальности инженера-металлурга. По согласованию с директором завода, Т. Шрейбер был направлен в мартеновский цех на должность мастера газогенераторного хозяйства. То было очень трудное

время: завод не имел достаточного количества топлива для нормальной его работы, а самые перерывы в его подвозе, большей или меньшей продолжительности, и, что самое трудное в том — абсолютная неизвестность в сроках поставки топлива требовало от каждого из нас тогда, в том числе и от Г.Я. Шрейбера, ответственного за работу газогенераторов, беспримерной бдительности, приложения всех сил к обеспечению непрерывности получения газа и работы мартеновских печей. Т. Шрейбер с безаветной преданностью к общему делу в любое время дня и ночи отдавал себя на благо цеха и его коллектива, среди которого он занимал достойное место и как инженер-металлург. Однако совершенно неожиданно — то было время лютого культа личности Сталина — он был арестован и мы потеряли его из вида. И даже тогда, когда я через некоторое время был тоже арестован и находился в тюрьме, я не находил его следов. Мое пребывание в тюрьме продолжалось 1,5 года. Моя попытка найти Г.Я. Шрейбера через адресный стол Ленинграда не увенчалась успехом” [3]. Автор письма просил сообщить ему, что известно в институте о дальнейшей судьбе Г.Я. Шрейбера. Ему написали все то, что изложено в данной статье.

Наиболее точные сведения об этом периоде жизни Г.Я. Шрейбера дает архивная справка от 28 марта 1998 года, полученная из Государственного архива административных органов Свердловской области. В ней говорится, что Георгий Яковлевич Шрейбер, 1896 года рождения, немец, инженер-металлург, в мае 1937 года был исключен из членов ВКП(б). До ареста работал мастером мартеновского цеха Алапаевского завода. Был арестован органами УНКВД Алапаевского района Свердловской области 12 февраля 1938 года по обвинению в государственном преступлении (ст. 58, п. 6 УК РСФР). Произведенным по делу дополнительным расследованием виновность Шрейбера не подтвердилась. Шрейбер виновным себя также не признал. Постановлением Тагильского ГО УНКВД по Свердловской области от 15 августа 1938 года дело по обвинению Шрейбера было прекращено за отсутствием состава преступления, и он был освобожден из-под стражи.

Из материалов Ленинградского партийного архива известно, что после освобождения Г.Я. Шрейбер вернулся в Ленинград и поступил на станкостроительный завод имени Ильича. Последние сведения о нем — заполненная им 27 февраля 1940 года анкета на этом заводе.

Основные научные труды

Шрейбер Г.Я. Явление цементации железа окисью углерода // А.А. Байков. К 70-летию со дня рождения. М.; Л.: Metallurgizdat, 1940. 24 с.

ТЮРКИН

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ,

директор

**Индустриального—Политехнического
института**

(22.06.1935 — 19.06.1936)

(27.06.1940 — 10.09.1941)

Петр Андреевич Тюркин
(06.1897—02.05.1950)

В декабре 1934 года секретарем Ленинградского обкома и горкома партии вместо С.М. Кирова стал А.А. Жданов, до этого занимавший пост секретаря Горьковского крайкома ВКП(б). В этом же городе (Нижнем Новгороде) работал с 1929 года и новый директор Ленинградского индустриального института Петр Андреевич Тюркин. Выходец из малообеспеченной крестьянской семьи, так и не получивший высшего образования, он смог достичь высокого положения на государственной службе благодаря природному уму, энергии и организаторским способностям.

Родился **Петр Андреевич Тюркин** в июне 1897 года в г. Николаевске (с 1918 года — г. Пугачев) Самарской губернии. Связи с сельским хозяйством, с деревней семья не прерывала, но отцу часто приходилось работать по найму — чернорабочим, возчиком. И хотя родители были неграмотные, сыну дали возможность учиться. Окончив начальную школу, Петр Андреевич по конкурсу поступил в пугачевскую (бывшую николаевскую) гимназию. В эти годы его отец потерял зрение, семья испытывала серьезные материальные трудности, поэтому с шестого класса ему пришлось помогать семье, подрабатывая репетиторством.

По воспоминаниям Петра Андреевича, во время Февральской революции он был организатором забастовки гимназистов, сочувствовал социал-демократической партии большевиков и поэтому, окончив в 1918 году гимназию, вступил в ее ряды и включился в работу пугачевской социал-демократической организации большевиков, принимал участие в защите г. Пугачева от бандитов и белоказаков, был одним из организаторов и секретарем пугачевского Комиссариата труда.

В конце 1918 года он переселился в Саратов, где в Союзе работников коммунальных предприятий был членом революционной комиссии Областного совета профсоюзов Поволжья. В это же время он поступил в Саратовский промышленный экономический институт, но уже в 1919 году, по болезни, был вынужден его оставить.

С 1920 по 1926 год П.А. Тюркин работал в Самаре, в отделе народного образования, сначала инструктором, заведующим отделом

единой школы, а затем — заведующим губернским отделом народного образования. “В годы страшного голода, — вспоминал Петр Андреевич, — я принимал участие в организациях, ведущих борьбу с ним: председатель губ. комиссии по улучшению быта детей, член губ. комиссии по борьбе с голодом” [1]. В Самаре он был членом президиума губисполкома и горсовета. В 1922 году его избрали председателем делегации по заготовке продовольствия для Поволжья, и он успешно провел эту работу в Семипалатинской и Акмолинской областях. В это же время Петр Андреевич исполнял и свои партийные обязанности: был членом совещания по работе в деревне при губкоме.

Очевидно, работа П.А. Тюркина не осталась незамеченной, и в 1926 году по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) его пригласили в Москву, в Наркомпрос РСФСР, где он занял пост заместителя начальника Главного управления по соц. воспитанию, был членом правления издательства “Работник просвещения”, редактором ряда книг, руководителем политшкол и кружков.

В 1929 году ЦК, по просьбе П.А. Тюркина, перевел его в Нижний Новгород на должность заведующего губоно (заведующего крайоно) и уполномоченного Наркомпроса по организации Нижегородского края. В этот период Петр Андреевич был председателем краевой комиссии по раскулачиванию, много работал на ниве культуры и просвещения как председатель краевого отделения Всесоюзного общества воинствующих диалектиков-марксистов, председатель оргбюро Союза советских писателей, член краевой редакционно-издательской коллегии ОГИЗа, редактор бюллетеня крайисполкома, а с ноября 1931 года по февраль 1933 года и как ответственный редактор краевой партийной газеты “Горьковская коммуна”.

В Горьком П.А. Тюркин занимал ответственные посты: был членом Горьковского крайкома и членом бюро крайкома, членом ВЦИК РСФСР. В феврале 1933 года, по болезни, он был освобожден от работы в газете, а в марте 1933 года приказом по НКТП назначен директором Горьковского механико-машиностроительного института, который в 1934 году был реорганизован в Индустриальный институт. Со свойственной ему энергией Тюркин начал заниматься наиболее важной в тот момент для института проблемой — судьбой долгостроя учебного здания. Однако последовал новый приказ по НКТП от 22 июня 1935 года: “Товарищ Тюркин П.А. назначается директором Ленинградского индустриального института, с освобождением от

обязанностей директора Горьковского индустриального института” [2].

Пребывание П.А.Тюркина на новом посту (в тот период) было недолгим, всего один год. По прошествии этого срока на Совете института о нем говорили как о директоре, который хорошо управлял институтом. И если он не смог за один год реорганизовать разрушенный в 1930 году Политехнический, он все же сумел довести до сведения правительства, в чем состоят проблемы института, без разрешения которых он не сможет нормально существовать, т. е. готовить квалифицированных специалистов и проводить научную работу.

3 ноября 1935 года в ЛИИ прошло заседание, созданное государственным инспектором по ВТУЗам при ЦИКЕ СССР Н.И. Подвойским. На повестке дня стоял важнейший вопрос “О технической реконструкции института”. По распоряжению директора каждый факультет представил сведения о состоянии своей лабораторной базы и внес предложения о том, как можно изменить создавшуюся ситуацию. Эти представления были подписаны ведущими профессорами института, некоторые из них служили в нем со дня основания и помнили его как “едва ли не единственное по своему научному комфорту и богатству оборудования учебное заведение” [3] — так писала о Политехническом в 1902 году одна из петербургских газет. Материалы по факультетам были собраны в течение ноября — декабря 1935 года, и все они легли в основу “Докладной записки директора Ленинградского индустриального института о материально-технической базе института и мероприятиям по улучшению подготовки инженерных кадров”.

Докладная была послана в Москву лично Н.И. Подвойскому. В записке было четко обозначено место ЛИИ в системе ленинградских вузов: из 12 вузов 42,5 % студентов приходится на долю ЛИИ. На 1 ноября 1935 года в Ленинградском индустриальном институте было 9905 студентов, 216 аспирантов, 940 профессоров и преподавателей, из них восемь действительных членов АН СССР, 2598 рабочих и служащих.

Институтом выпущено: с 1907 по 1929 год — 4327 инженеров; с 1930 по 1935 год — 6260 инженеров.

Институт крайне переуплотнен. Общий фонд зданий возрос только на 17 %, тогда как число учащихся увеличилось на 230 %. В ЛИИ 59 лабораторий и 64 учебных кабинета, некоторые расположены в подвалах, где раньше размещались отопительные и

вентиляционные устройства. С 1902 года не было построено ни одного здания для лабораторий. В 1933 году был заложен машиностроительный корпус, а в 1934 году он был законсервирован из-за отсутствия средств. Лабораторное оборудование устарело, оно представляет собой музейную ценность, так как закуплено в первом десятилетии XX века. “Лабораторная база машиностроительных специальностей стоит на таком низком уровне, который не может идти ни в какое сравнение с состоянием оборудования на советских машиностроительных заводах. ...Институт рискует потерять ценные молодые кадры, которые уйдут в промышленность” [4].

“Научно-исследовательская работа, проводимая составом ЛИИ в стенах института, близка к нулю. Все сколько-нибудь заметные работники института занимаются исследованиями на стороне” [5].

Положение с учебными помещениями также неблагополучно, говорилось в записке: многие переделанные из бывших нормальных аудиторий тесны, неудобны и не отвечают элементарным санитарным требованиям. Занятия идут в две смены. На общетехническом факультете (первые два курса) на одно место в чертежной приходится до 15 кандидатов.

Уже два года институт зимой “планирует” работу лабораторий: научные работы, связанные со значительным потреблением электроэнергии, проводятся только в ночное время.

Помещения плохо отапливаются, что мешает нормальной работе института.

Техническое состояние 16 котельных плачевно, оборудование изношено. Институт не присоединен к городской канализационной сети. Слаб напор воды, которая часто не подается ни для бытовых, ни для учебных нужд. Жильем обеспечено только 42 % студентов и менее 10 % преподавателей.

Из докладной записки следует: для подготовки высококвалифицированных инженеров необходима материальная поддержка правительства, для чего директор излагает план реконструкции и развития ЛИИ и просит вынести его на рассмотрение Совнаркома СССР.

В конце марта 1936 года П.А. Тюркин выступил перед профессорско-преподавательским составом института, где изложил свою программу подготовки кадров, особо отмечая недостатки, которые необходимо изжить: при достаточных теоретических знаниях студентам не хватает творческой инициативы, мал их производственный опыт, они являются специалистами в очень узкой об-

ласти, необходимо укрупнять специальности. Первоочередной задачей директор считал пересмотр учебных программ, создание новых, современных учебников. Призывая проявлять больше заботы о преподавателях, он считал неправильным, что оплата труда заслуженного профессора и молодого научного сотрудника имеют очень малую разницу. П.А. Тюркин не забыл упомянуть и о недавно открывшемся на территории института “Клубе ученых” (сегодня – Дом ученых в Лесном).

В заключение директор затронул чрезвычайно большой вопрос: о необходимости поднять культуру студенчества. Некоторые студенты, заметил он, не имеют элементарных знаний, у них плохой язык, они неграмотны, не умеют выражать свои мысли.

Возможно, пребывание П.А. Тюркина на посту директора ЛИИ и принесло бы ощутимые результаты, но уже 19 июня 1936 года он был освобожден от этой должности на основании приказа по НКТП в связи с переходом на другую работу. Распоряжением по ГУУЗ НКТП отмечалась плодотворная трехлетняя работа Тюркина на посту директора двух институтов, Горьковского и Ленинградского: “Сочетая строгую требовательность к организации учебного процесса и к успеваемости с внимательным отношением к нуждам профессорско-преподавательского состава и студенчества, Тюркин добился ощутимых результатов в качестве директора самого крупного вуза тяжелой промышленности – Ленинградского индустриального института” [6].

Работа Тюркина была отмечена в декабре 1936 года приказом Наркома по просвещению, он был награжден персональной автомашиной “М-1”. Оставив пост директора ЛИИ, Петр Андреевич стал работать в Ленинградском областном отделе народного образования, в 1937 году он – заместитель председателя Ленинградского областного исполкома, депутат Верховного Совета СССР от Ленинградской области, член пленума Выборгского РК ВКП(б) и Ленинградского обкома ВКП(б).

12 октября 1937 года П.А. Тюркин был назначен народным комиссаром просвещения РСФСР и занимал этот пост до 1 марта 1940 года. От этой должности он был освобожден по личной просьбе и в марте этого же года был назначен директором Московского инженерно-экономического института имени Серго Орджоникидзе. Но уже через три месяца, 27 июня 1940 года, в порядке перевода вернулся на пост директора Ленинградского индустриального института, где за время его четырехлетнего отсутствия сменилось три директора.

При П.А. Тюркине дирекция Ленинградского индустриального института и Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР вошли с ходатайством в руководящие органы СССР о восстановлении прежнего названия института, и с 10 ноября 1940 года институту было возвращено его имя — Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина.

19 декабря 1940 года в институте вышел первый номер газеты “Политехник”. Политехнический институт торжественно отметил юбилеи своих всемирно известных академиков — 70-летие А.А. Байкова и 60-летие А.Ф. Иоффе. Завершалось строительство высоковольтного корпуса, лаборатории гидромашин, ряда хозяйственных помещений. В июне 1941 года институт начал готовиться к приему абитуриентов, но 22 июня все изменилось.

В этот день директор Тюркин приступил к исполнению обязанностей начальника МПВО объекта (объект — Политехнический институт), а в 21 ч 55 мин он уже подписывал сводку о результатах оборонных работ — вырытых щелях. 7 июля приказом Тюркина были созданы Объединенные мастерские ЛПИ (ОМПИ) для выполнения срочных боевых заказов оборонной промышленности. 16 июля в Томск был отправлен эшелон из восьми вагонов с ценным оборудованием и редкими книгами. 26 июля П.А. Тюркин был назначен руководителем штаба партизанской борьбы и передал управление институтом своему заместителю по административно-хозяйственной части М.Ф. Жаровскому. 31 августа П.А. Тюркин вернулся на один день в институт и снова отправился в служебную командировку. 10 сентября 1941 года он подписал свой последний приказ: “В связи с назначением в действующую армию дела по институту сдал временно исполняющему обязанность директора т. Вайнеру В.А.” [7].

Во время блокады Ленинграда генерал-майор П.А. Тюркин был членом военного совета 67-й армии, начальником политического управления Ленинградского фронта. За образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Ленинграда и Ленинградского фронта по “Дороге жизни” он был награжден орденом Красного Знамени.

После войны П.А. Тюркин занимал пост заместителя председателя Ленгорисполкома, директора Института истории партии. В связи с “Ленинградским делом” он был исключен из партии, а 19 ноября 1949 года арестован по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьей 58 УК РСФСР.

Умер Петр Андреевич Тюркин 2 мая 1950 года в больнице Бутырской тюрьмы. По постановлению Следственного управления КГБ при СМ СССР от 25 июня 1954 года его дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Основные научные труды

Тюркин П.А. Готовить квалифицированные и культурные кадры // Индустриальный. 1936. 31 марта.

ЕВДОКИМОВ
ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ,
директор
Индустриального института
(25.06.1936 – 21.06.1937)

Василий Григорьевич Евдокимов
(01.08.1903—24.07.1942)

Свое распоряжение о переходе П.А. Тюркина на другую работу начальник ГУУЗ НКТП Д.А. Петровский закончил так: “В целях обеспечения организованного окончания нынешнего учебного года, предлагаю тов. Евдокимову Василию Григорьевичу немедленно вступить в исполнение обязанностей директора Ленинградского индустриального института. 21 июня 1936 г.” [1].

С этого дня В.Г. Евдокимов вступил на тот путь, который через год закончился для него трагически. Хочется разобраться, была ли в этом его личная вина и в чем она состояла, мог ли он избежать своей участи? Обратимся к сохранившимся документам той непростой эпохи.

Василий Григорьевич Евдокимов родился 1 августа 1903 года в г. Уральске в мещанской семье; отец и дед плотничали на стройках в Уральске и Уральской губернии. После смерти отца в 1912 году Василий вместе с дедом работал на стройках Уральска младшим плотником, выполнял подсобные работы. Во время первой мировой войны работал по найму в нескольких частных мастерских. С 1911 по 1914 год Евдокимов учился в начальной школе, а с 1914 по 1918 год — в духовном училище.

В 1918 — 1920 годы Уральск находился в зоне гражданской войны. Евдокимов в начале 1919 года вступил в комсомол, в ноябре 1919 года стал кандидатом в члены РКП(б). В период осады Уральска белоказаками в 1919 году и отрядом Сапожкова в 1920 году Евдокимов в течение нескольких месяцев воевал в Красной Армии в сборных частях. Когда наступало затишье, по распоряжению партийно-комсомольских организаций Уральска работал в пригородных совхозах заведующим домом просвещения, ответственным секретарем Управления совхозами, секретарем ячейки комсомола и партии.

В конце 1920 года уральский губком комсомола направил Евдокимова на учебу в Саратов, где он был принят на общеобразовательное двухгодичное отделение Инженерно-практического института, но учиться ему не пришлось, так как с момента поступления в институт он все время отдавал партийно-общественной работе: занимал посты председателя студкома, помощника комиссара института, секретаря ячейки РКП(б) и др. В Саратовском райкоме он стал ответственным секретарем райполитпросвета.

Гражданская война не утихала, и в 1921 году Евдокимов принимал участие в боевых действиях в составе коммунистического отряда ЧОНа, а в январе 1922 года был направлен в Нижнее Поволжье в район озер Эльтон и Баскунчак на борьбу с отрядом Серова. Позднее здесь же, в Поволжье, он работал ответственным секретарем комиссии помощи голодающим.

В июле 1922 года в Саратове В.Г. Евдокимов из кандидатов был переведен в члены РКП(б), а в августе саратовский губком РКП(б) командировал его в Москву на рабфак им. Артема при Горной академии, который он окончил в 1923 году и поступил в Горную академию. В 1924 году отдел рабфаков Главпрофобра счел необходимым направить Евдокимова на экономический факультет Ленинградского политехнического института. В октябре 1924 года Евдокимова назначили редактором стенной газеты ЛПИ “Товарищ”, очевидно приняв во внимание его опыт: за свое недолгое пребывание в Горной академии он был редактором не только газеты, но и журнала “Красный горняк”, органа пролетарского студенчества академии и рабфака им. Артема. 22 апреля 1926 года в ЛПИ произошло знаменательное событие - вышел первый печатный номер газеты “Товарищ”, организатором и первым редактором которой был Василий Григорьевич Евдокимов. Несомненно, “Мысли вслух”, которые он изложил в “Товарище”, стали его жизненной позицией: “Ценность будущего специалиста будет измеряться не только количеством и качеством сданных зачетов, но и в главной степени его общественно-политической физиономией” [2].

“Со времени вступления в партию непрерывно работаю в выборных органах” [3], — писал Евдокимов в автобиографии. Так было в Уральске, Саратове, Москве, так продолжалось и в Политехническом институте: председатель правления клуба, агитпроп коллектива ВКП(б), председатель бюро пролетсуда, член бюро ячейки ВКП(б), член бюро коллектива ВКП(б). С 1928 по 1930 год Евдокимов одновременно с учебой преподавал экономику промышленности в Выborgском рабочем университете.

Складывается впечатление, что учеба давалась ему легко: через шесть лет после поступления в институт, в апреле 1930 года, он окончил промышленное отделение экономического факультета, получив квалификацию “инженер-экономист металлопромышленности”. А еще раньше, в январе этого же года, его фамилию поставили первой в списке кандидатов в аспирантуру, предложенном бюро промышленного отделения. Но перегрузки все же давали о себе знать: в мае 1930 года амбулатория ЛПИ выдала удостоверение в том, что Евдокимов страдает неврастенией в выраженной форме и нуждается в

отпуске на два-три месяца. Такие отпуска для лечения в Крыму с бесплатным проездом ему предоставляли ежегодно, начиная с 1925 года.

Очевидно, в 1930 году В.Г. Евдокимову не удалось поехать на лечение, так как он принимал самое активное участие в реорганизации Ленинградского политехнического института, а в августе был назначен заведующим инженерно-экономическим факультетом Ленинградского машиностроительного института, образованного на базе ЛПИ. В апреле 1931 года аспирант Евдокимов уже занимал пост заместителя директора Машиностроительного института, одновременно продолжая преподавать на кафедре “Экономика машиностроительной промышленности”. В институте ему дали следующую характеристику: “По социальному положению и происхождению рабочий. Член ВКП(б) с 1922 года. ...Дисциплинирован. Политически сильный. ...т. Евдокимов был первым застрельщиком экономического образования вообще и в частности в ЛПИ” [4].

19 августа 1931 года приказом ВСНХ СССР В.Г. Евдокимов был назначен директором Машиностроительного института. Этот период был для него особенно благополучным: он был награжден двумя грамотами и благодарностью Наркомтяжпрома, получил звание доцента.

1 сентября 1934 года уже в Ленинградском индустриальном институте Евдокимова назначили деканом инженерно-экономического факультета и заведующим кафедрой “Экономика металлопромышленности”. Через полгода, в феврале 1935 года, В.Г. Евдокимов был назначен уполномоченным, а затем начальником ленинградского Управления учебными заведениями НКТП (ЛУУЗ НКТП).

На этом посту его застал юбилей газеты “Товарищ”. Много теплых слов услышал он в свой адрес в связи с этим событием, но, наверное, самым драгоценным было распоряжение из Москвы: «В связи с исполнившимся 10-летием старейшей втузовской газеты-многотиражки “Товарищ”, ныне “Индустриальный” — органа Ленинградского индустриального института — отмечаю исключительную большую роль газеты в деле борьбы за реформы высшей школы, за повышение качества выпускаемых институтом специалистов, за большевистское воспитание студенческой молодежи. Поздравляя редакцию и студкоргов газеты со славным юбилеем, приказываю: Объявить благодарность первому редактору и активному организатору газеты тов. Евдокимову В.Г. Начальник ГУУЗ НКТП Д.А. Петровский. 7 мая 1936 года» [5].

Не прошло и двух месяцев после этого приказа, как последовал очередной, по Наркомтяжпрому: В.Г. Евдокимов назначался

директором Ленинградского индустриального института с 25 июня 1936 года. Удивить это назначение никого не могло: свой, политехник, человек с огромным опытом партийно-общественной работы. Кто лучше него мог знать жизнь института?

Начало 1936/37 учебного года ознаменовалось выступлением нового директора в полупустом зале, хотя он говорил о годовщине стахановского движения в стране, о борьбе за отличную учебу, об историческом постановлении ЦК ВКП(б) и СНК о высшей школе, которое открыло перед институтами новые, совершенно необъятные горизонты.

Документы очень неоднозначно освещают обстановку в институте в 1936/37 учебном году. Газета “Индустриальный” с восторгом писала: “Старого Лесного больше нет. Есть новый Лесной, элегантный, подобранный центр ленинградской научной мысли — советский Кембридж” [6].

Действительно, перечисление сделанного за последнее время впечатляет: выстроены Гидротехнический корпус, дом аспирантов на Прибытковском, заканчивалось строительство корпуса Высоковольтной техники; организовано несколько новых лабораторий, расширена сеть кабинетов, чертежных, читальных залов, институтский парк приведен в образцовое состояние. В 1937 году должны были развернуться работы по строительству стадиона, гаража, предполагалось полностью реконструировать электросеть, водопровод, канализацию. На этом перечисление достижений и проектов не заканчивалось.

Высоковольтный корпус

Однако через несколько дней та же газета сообщала о бедственном положении дома аспирантов на Прибытковской, который утопал в грязи, в то время как уборщицы и дворник не выполняли своей работы, мебель ломалась и расхищалась, в дом подсадили посторонних людей, на верхние этажи не подавалась вода. Не лучше обстояли дела и в студенческих общежитиях, но тут жилищно-бытовое управление (ЖБУ) часть вины возлагало на студентов и призывало их вести борьбу за состояние общежития “достойное нашей цветущей радостной жизни” [7]. А что касалось бедственного положения с водоснабжением, то ЖБУ неоднократно обращалось в трест “Водоканализация” и смогло лишь добиться обещания начать нормальную подачу воды в институт с 1 января 1937 года.

О положении профессорско-преподавательского состава и состоянии научной работы в этот период можно судить на основании материалов заседания одной из кафедр — “Утилизация водных сил” гидротехнического факультета: “Отсутствие материальной помощи со стороны института сильно препятствует самостоятельной научно-технической работе сотрудников кафедры. Не говоря уж о том, что размер прямого преподавательского заработка не обеспечивает необходимого прожиточного минимума, в силу чего преподаватели вынуждены служить еще в других учреждениях” [8].

Руководство института пыталось найти выход из создавшегося положения. На заседании Совета в январе 1937 года директор Евдокимов выступил с докладом “О перспективном плане развития Ленинградского индустриального института”. Он наметил основные задачи, стоявшие перед руководством: реконструировать учебно-материальную базу, в первую очередь лаборатории, доведя их оборудование до уровня современной техники; удовлетворить все нужды института в учебной и бытовой площади для контингента в 7000 студентов.

В конце января в Москву отправилась делегация от ЛИИ, в ее состав вошли все академики и несколько старейших профессоров. Возглавлял делегацию директор Евдокимов. Целью поездки была встреча с председателем Совнаркома СССР, бывшим политехником В.М. Молотовым и наркомом тяжелой промышленности СССР Серго Орджоникидзе, на которой предполагалось решить вопросы о праздновании 35-летнего юбилея института и о генеральном плане его развития в части реконструкции материально-технической базы. Ленинградцы были

встречены тепло, им обещали всяческую поддержку, но 18 февраля 1937 года Орджоникидзе не стало, и обстановка в стране вновь начала накаляться.

Еще во второй половине 1936 года газета “Индустриальный” пестрила заголовками: “Повседневная революционная бдительность — задача каждого комсомольца”, “Бдительность — залог успеха в нашей борьбе”, “Выше революционную бдительность”, а в газете от 28 марта 1937 года было напечатано решение пленума ЦК об исключении из рядов партии “правых отщепенцев” Бухарина и Рыкова, и в этом же номере газеты заметка, которую можно было бы принять за совпадение, пусть даже и очень странное: “Как на совершенно недопустимое явление пленум депутатской группы обратил внимание на бездеятельность депутата Выборгского райсовета директора института тов. В.Г. Евдокимова” [9]. “Бездеятельность” Евдокимова выражалась в том, что он не присутствовал ни на одном пленуме и не выполнял никаких поручений.

Через три месяца приказом по ЛИИ 22 июня 1937 года директор В.Г. Евдокимов был отстранен от работы на основании приказа по ГУУЗ НКТП от 21 июня 1937 года. Временно исполняющим обязанности директора был назначен профессор П.Л. Калантаров, которому предлагалось к 15 июля представить на утверждение согласованный с общественными организациями план мероприятий по ликвидации последствий вредительства в институте. Так было определено в верхах отношение к Евдокимову. Подписал приказ по ГУУЗ уже не Д.А. Петровский, а исполняющий обязанности начальника М. Каплун. А где же был Д.А. Петровский, который совсем недавно объявлял благодарность Евдокимову? Теперь они оба оказались в одном лагере — “врагов народа”.

Москва требовала представить материалы по ликвидации вредительства к середине июля, поэтому в июне — июле срочно собирались советы факультетов, собрания кафедр, отделов. В протоколы заносились все многолетние недостатки, нехватки, недоделки, и счет за них предъявлялся “врагам народа”. 19 сентября 1937 года по ЛИИ был издан приказ об отчислении из списка преподавателей доцента В.Г. Евдокимова, кафедры “Экономика промышленности”, с 17 июля, — как не приступившего к занятиям в связи с привлечением к судебной ответственности. Одновременно с Евдокимовым отчислялись несколько

преподавателей, от ассистента до профессора. Причина указывалась та же.

На этом точка в деле Евдокимова не была поставлена. В сентябре было собрано общеинститутское партийное собрание: надо было проводить в жизнь постановление горкома ВКП(б) по данному вопросу. И снова в “Индустриальном” появляются заголовки типа “Покончим с гнилым либерализмом”, “Смелее ликвидировать последствия вредительства в институте”. Как могло случиться, что Евдокимов и иже с ним безнаказанно работали? Как могло случиться, что эти троцкистско-бухаринские бандиты так долго оставались неразоблаченными? Как случилось, что вредительски разрушались лаборатории и расходовались огромные средства? Эти и подобные им вопросы задавал докладчик партийному собранию.

Институт обвинял своего директора: “Враги народа, фашистские наймиты, орудовавшие в нашем институте во главе с Евдокимовым, пытались пойти на все, лишь бы подорвать повседневные заботы партии и правительства о подготовке высококвалифицированных советских специалистов. Они насаждали в аппарат дирекции, на некоторые факультеты, лаборатории и кафедры угодных им лиц, классово чуждых, враждебных элементов” [10]. Одна из этих “враждебных элементов” — жена Евдокимова Е.С. Ромм, доцент кафедры “Экономическая политика”. Ее обвинили в том, что она в 1927 году (10 лет назад!) выступала в газете “Товарищ” с антисоветскими высказываниями, а ей после ареста мужа всего-навсего объявили выговор!

Секретарь парткома ЛИИ М.Ф. Жаровский, как не оправдавший политического доверия, был отстранен от руководства. Полную бездоказательность вины Евдокимова, невозможность привести хоть сколько-нибудь серьезное обвинение подтверждает статья “Индустриального”: “В прошлом году враг народа Петровский, руководивший ГУУЗом НКТП, дал директиву-указание о прекращении обслуживания студентов, проживающих в общежитии, постельным бельем. По Ленинградскому индустриальному институту подлый приспешник Петровского Евдокимов пытался провести эту линию, и по его указанию пополнение бельевых запасов было прекращено” [11].

17 июля 1937 года — в день своего ареста — В.Г. Евдокимов решением бюро Выборгского райкома ВКП(б) был исключен из партии со следующей мотивировкой: “За тесную и близкую

связь с врагом народа Петровским и за право-оппортунистические колебания в период 1928 – 1929 гг.” [12].

Но Евдокимов виновным себя не признал. Следствие по его делу продолжалось с 17 июля 1937 года по 2 сентября 1938 года. После этого решением Особого совещания при НКВД СССР он был приговорен за контрреволюционную деятельность к пяти годам исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Молотовскую область на стройки Соликамска. Оттуда его жена и маленькие дочки, высланные из Ленинграда в Среднюю Азию, получали письма, проникнутые любовью, заботой и надеждой: “Я полон решимости бороться до конца за свою реабилитацию и верю, что недалек тот день, когда мы вместе будем вспоминать о днях нашей разлуки” [13]. В последней открытке от 15 мая 1942 года Василий Григорьевич писал: “Чувствую себя в основном бодро и с возрастающим волнением жду нашей встречи. Когда она сбудется, твердо не знаю, но думаю, что в этом году” [14].

Очевидно, он не хотел волновать жену: в это время он уже умирал от туберкулеза. В свидетельстве о смерти, высланном его жене в 1957 году, указана иная причина смерти: паралич сердца. Василий Григорьевич Евдокимов, если верить свидетельству, умер 24 июля 1942 года, не дожив нескольких дней до 39 лет и до окончания срока приговора.

В заявлении, посланном на имя И.В. Сталина 27 февраля 1939 года, В.Г. Евдокимов писал: “...где бы я ни был и в каких бы условиях ни находился — везде и всегда я был и буду верным сыном своей партии и социалистической Родины. Сознание же своей невинности и убеждение, что рано или поздно, но все же я буду реабилитирован, придает мне силы” [15].

Постановлением Ленинградского городского суда от 2 июня 1956 года постановление Особого совещания при НКВД СССР от 2 сентября 1938 года в отношении В.Г. Евдокимова было отменено и дело производством прекращено за недоказанностью его виновности. В.Г. Евдокимов по настоящему делу реабилитирован.

Основные научные труды

За марксистско-ленинскую методологию в подготовке специалистов / Сост. и ред. В.Г. Евдокимов.

Евдокимов В.Г. Мысли вслух // Товарищ. 1926. 23 мая.

Профили специалистов социалистического машиностроения: В 23 бр. / Сост. и ред. В.Г. Евдокимов; НКТП СССР. 1931–1934.

КАЛАНТАРОВ

ПАВЕЛ ЛАЗАРЕВИЧ,

директор

**Индустриального—Политехнического
института**

(21.06.1937 — 10.10.1937)

(17.12.1937 — 07.06.1938)

(24.11.1944 — 10.06.1946)

Павел Лазаревич Калантаров
(25.06.1892–02.12.1951)

Павел Лазаревич Калантаров родился 25 июня (7 июля) 1892 года в Санкт-Петербурге в семье железнодорожного служащего. Отец происходил из дворян, мать — из крестьян. Среднее образование Калантаров получил в 3-м реальном училище Санкт-Петербурга, окончив его курс в 1909 году. В этом же году он поступил на электромеханическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. После смерти отца в 1912 году до середины 1918 года проживал преимущественно на средства брата, московского присяжного поверенного. Временами зарабатывал сам уроками и работая во время летней практики на центральных электрических станциях Петербурга и Москвы. В 1916 году служил инженером по вентиляции строившихся военных судов в военно-морском отделе Всеобщей компании электричества. В 1918 году поступил в электротехническую секцию Петроградского совета народного хозяйства, проработав там инженером для поручений до окончания института в 1920 году, после чего был оставлен в лаборатории переменных токов института лаборантом для ведения занятий и специальных упражнений.

В 1923 году на электромеханическом факультете П.Л. Калантаров организовал и возглавил первый семинар по теоретической электротехнике. «Относясь весьма внимательно к чисто научным запросам студенчества, Павел Лазаревич сумел превратить семинар в центр научной мысли студенчества и проработки различных специальных вопросов, относящихся к теоретической электротехнике. Не будь этого семинара, нельзя было бы говорить о достаточно серьезной постановке преподавания по теоретической электротехнике» [1].

«В 1925 году П.Л. Калантаров стал доцентом кафедры «Теоретические основы электротехники» (ТОЭ), а с 1926 года началась его преподавательская деятельность» [2]. На химическом факультете ему было поручено чтение «Специального курса электротехники», на электромеханическом факультете с 1926 по 1929 год — курса «Ртутные выпрямители», на факультете индустриализации

сельского хозяйства с 1927 года – курса “Магнитные и электрические явления”. В 1928 году П.Л. Калантаров читал курс “Теория переменных токов”. Лекции Калантарова отличались выразительностью, сжатостью и точностью изложения. Павел Лазаревич готовился к лекциям с исключительной тщательностью, всегда был требователен к выполнению студентами заданий и упражнений.

С 1930 года П.Л. Калантаров стал профессором по кафедре ТОЭ. В ученом звании профессора он был утвержден постановлением Комиссии по утверждению профессорского состава при президиуме Государственного ученого совета в феврале 1932 года, а в мае 1935 года Высшая аттестационная комиссия присвоила ему ученую степень доктора технических наук без защиты диссертации.

Параллельно с работой в Политехническом институте с конца 1923 до середины 1935 года П.Л. Калантаров состоял научным сотрудником электромеханического отдела Государственной физико-технической лаборатории, Ленинградского электрофизического института; с 1930 года преподавал в Ленинградском институте механизации и электрификации сельского хозяйства.

Наиболее длительной, с 1923 по 1930 год, была работа в Особом техническом бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро). В Остехбюро П.Л. Калантаров организовал отдел, занимающийся вопросами теоретического характера. С 1928 года он передал заведование отделом подготовленному им инженеру, а сам продолжал работать консультантом.

Когда по решению правительства в 1922 году было возобновлено издание журнала “Электричество”, П.Л. Калантаров был приглашен М.А. Шателеном в редакционную группу журнала, где ему поручили ответственную работу по редактированию всех поступающих для печатания материалов, имеющих теоретический характер.

Руководство кафедрой теоретических основ электротехники П.Л. Калантаров принял в 1931 году “из рук” своего учителя академика В.Ф. Миткевича. Преданный и убежденный сторонник методики преподавания теоретической электротехники, созданной в Политехническом институте В.Ф. Миткевичем, Павел Лазаревич продолжал развивать его традиции. Всегда пунктуальный в выполнении установленного распорядка кафедры, он был требователен к ее сотрудникам, а находящаяся в

его ведении лаборатория переменных токов и физических основ электротехники отличалась образцовой постановкой учебных занятий и в полном объеме использовалась для научных работ аспирантов и сотрудников кафедры.

Научная деятельность П.Л. Калантарова началась еще в студенческие годы, когда он заинтересовался в 1917 году малоизученными явлениями в цепях переменного тока, содержащих емкость и самоиндукцию с железом. Тема эта явилась содержанием весьма обстоятельного теоретического и экспериментального исследования, представленного П.Л. Калантаровым в 1920 году в качестве дипломной работы. Это исследование было опубликовано в 1923 году в журнале “Электричество” под заглавием “Установившийся режим переменного тока в цепях, содержащих железо и емкость”. Полученные П.Л. Калантаровым результаты были настолько интересны и настолько не утратили характера новизны в области теории переменных токов, что в 1929 году его работа на эту тему была опубликована в главном французском электрическом журнале “Revue Generale de L'Electricite”.

Среди научных трудов П.Л. Калантарова особую известность не только в СССР, но и за границей приобрели его работы, касающиеся наиболее рационального выбора системы электрических и магнитных единиц. В этих работах он указал совершенно новый и оригинальный путь построения системы физических величин и их размерностей, избрав за основные величины длину, время, количество электричества и магнитный поток. “Предложения П.Л. Калантарова, опубликованные в иностранной литературе в 1929–1930 годах, заслужили одобрение со стороны такого мирового авторитета, как Блондель” [3]. На собраниях Международной электрической комиссии, Международного комитета мер и весов и Ассоциации чистой и прикладной физики летом и осенью 1935 года в Гааге, Париже и Лондоне обсуждался вопрос о рационализации системы физических единиц. При этом обсуждении идеи П.Л. Калантарова нашли достойную оценку.

Под его руководством в Политехническом институте была создана комиссия, разработавшая проект обозначений, который почти полностью был принят в новом стандарте обозначений в области электротехники, утвержденном в 1942 году Комитетом по стандартизации при Совете Народных Комиссаров СССР.

Целая серия научных работ П.Л. Калантарова посвящена важному для практики вопросу о расчете коэффициентов самоиндукции сложных контуров. В них им предложены оригинальные методы, устанавливающие некоторые общие свойства для контуров различной конфигурации и дающие возможность решить сложную математическую задачу расчета индуктивности этих контуров.

В результате проведения ряда новых экспериментов П.Л. Калантаров заново переработал “Пособие к лабораторным занятиям по теории переменных токов”, которое издавалось в 1931, 1934 и 1944 годы. Принимая активное участие в работе по улучшению методов преподавания на кафедре “ТОЭ”, Павел Лазаревич стал редактором “Задачника по теории переменных токов”, составленного преподавателями кафедры “ТОЭ” и изданного в 1937 году. Исключительное трудолюбие и большая эрудиция позволили П.Л. Калантарову уже в 1934 году выпустить первое издание курса “Теория переменных токов”, а в 1940 году за ним последовало второе издание. Отличавшийся легкостью и четкостью изложения, этот курс оказал большое влияние на построение ряда специальных дисциплин и сыграл важную роль в деле подготовки высококвалифицированных специалистов. В дальнейшем “Теория цепей переменного тока” вошла второй частью в общий курс “Теоретические основы электротехники”, который издавался в 1948 и 1951 годы совместно с Л.Р. Нейманом, написавшим первую и третью часть курса.

Касаясь деятельности П.Л. Калантарова в отношении подготовки научных кадров, нельзя обойти его заслуги в деле организации учебной и научной работы Ленинградского промышленного — политехнического института.

С 1934 года, находясь на посту декана общетехнического факультета, организатором которого он был, Павел Лазаревич провел большую работу по укомплектованию общенаучных кафедр и взаимному координированию их работы. Программы этого факультета предусматривали усиленное физико-математическое образование, что улучшало общетехническую подготовку студентов.

В 1936 году П.Л. Калантаров возглавил научно-учебную работу института в должности заместителя директора. На этом посту он проявил себя прекрасным администратором, умело руководил всей учебно-организационной и научной работой крупнейшего в стране высшего технического учебного заведения. При его участии на всех

факультетах была проведена организационная и методическая работа по укрупнению специальностей, созданию новых учебных планов, разработке учебных программ, изданию новых учебников, развитию лабораторной базы, укреплению научных связей с промышленностью. В 1937 году под его руководством впервые в стране была введена система штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного состава института (до этого существовала почасовая оплата труда).

Дважды при смене руководства института П.Л. Калантаров исполнял обязанности директора: с июня по октябрь 1937 года и с декабря 1937 года по июнь 1938 года.

С началом Великой Отечественной войны было решено в июле 1941 года эвакуировать наиболее ценное оборудование лабораторий в г. Томск. К эвакуации были также подготовлены измерительные приборы, только что полученные из Германии, и около трех тысяч книг из фундаментальной библиотеки — наиболее редкие экземпляры. Сопровождающим был назначен П.Л. Калантаров. По распоряжению Всесоюзного комитета по делам высшей школы он был оставлен в г. Томске профессором Индустриального института и заведующим кафедрой Томского электротехнического транспортного института.

В октябре 1942 года П.Л. Калантаров переехал в г. Ташкент, куда его назначили заместителем директора Среднеазиатского индустриального института (САИИ). Совместно с коллективом САИИ и при участии некоторых профессоров Политехнического института он провел серьезную работу по организации научных исследований в лабораториях института, организовал на факультетах ученые советы и советы по соисканию ученых степеней кандидата и доктора технических наук. В этой должности П.Л. Калантаров состоял до 1943 года.

К концу 1942 года значительная часть профессоров, преподавателей и студентов Политехнического института прибыла с Кавказа в г. Ташкент. Совместно с ранее эвакуированными в Ташкент профессорами и преподавателями института они составили коллектив, способный продолжить прерванную учебную работу в Ленинграде. Этот коллектив возглавил П.Л. Калантаров.

В январе 1943 года Правительством СССР было принято решение о возобновлении деятельности Политехнического института, и в середине января 1943 года начались учебные занятия.

Весь состав студентов и преподавателей был размещен в учебном здании Индустриального техникума. Впоследствии под общежитие был предоставлен Дворец культуры железнодорожников. Его необходимо было приспособить под общежитие. В результате в комнатах появились скамейки и столы из садов и парков Ташкента. В ряде комнат садовые скамейки использовались вместо кроватей. Площадь Дворца культуры была недостаточной, и приходилось часть студентов расселять по частным квартирам, а некоторых — в комнаты, выделенные из коридоров, вестибюлей. После освобождения учебных помещений от общежитий фонд аудиторий увеличился, но учебные занятия все еще проводились в две смены. Несмотря на ряд значительных трудностей, возникших при организации учебного процесса, в Ташкенте было выпущено 63 инженера.

Одновременно с учебной работой профессорско-преподавательский состав института выполнял ряд важных для промышленности Узбекистана и СССР научных и экспериментальных работ, связанных с гидротехническим строительством Узбекистана, в частности строительством крупнейшей Фархадской гидроэлектростанции; с дальнейшим увеличением отдаваемой мощности генераторов и трансформаторов, установленных на электростанциях системы “Узбекэнерго”; с изысканиями в области пищевой химии в целях получения дополнительных пищевых продуктов из отходов пищевого и других производств. Ценность и актуальность этих работ была такова, что они немедленно использовались предприятиями.

В сентябре 1943 года большим событием в жизни института была первая научно-техническая конференция ученых, прошедшая с большим успехом и вызвавшая живой интерес широких кругов научной и инженерно-технической общественности г. Ташкента. В июле 1944 года была проведена вторая научно-техническая конференция. Она подвела итоги большой и плодотворной творческой работы ученых института в период их пребывания в Средней Азии. Эти конференции были организованы под руководством П.Л. Калантарова, однако вследствие болезни и других обстоятельств он не смог на них выступить с подготовленными докладами.

В 1944 году Указом Президиума Верховного Совета СССР группа ученых ЛПИ была удостоена высоких правительственных наград. В числе других получил орден Ленина и П.Л. Калантаров. В этом же году Павел Лазаревич за содействие развитию научной

работы в Узбекистане был награжден грамотой Верховного совета УзССР. В 1945 году за вклад, внесенный в оборону страны, П.Л. Калантаров был награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.”

После разгрома вражеских войск под Ленинградом и полного снятия блокады в январе 1944 года появилась возможность для возвращения ЛПИ в Ленинград. 24 мая 1944 года Совнаркомом СССР и ГКО было принято решение о реэвакуации ЛПИ из Ташкента. В июне 1944 года П.Л. Калантаров вернулся в Ленинград, а в ноябре был назначен директором института.

Возобновление занятий хотя бы в части учебных помещений института стало возможным лишь после восстановления отопительной системы, водопровода, канализации, энергетического хозяйства и проведения общего капитального ремонта. В работу включился весь коллектив института – профессора, преподаватели, аспиранты, студенты, служащие и рабочие. Были организованы школы по основным строительным специальностям: водопроводчиков, кровельщиков, штукатуров, слесарей, плотников и т. п. Благодаря исключительно напряженной работе всего коллектива под руководством П.Л. Калантарова в течение 1944 – 1945 годов были созданы все необходимые условия для нового подъема деятельности института, что позволило институту в короткий срок вновь занять одно из ведущих мест среди технических вузов страны.

«Среди студентов ЭлМФ распространялось немало легенд о профессоре П.Л. Калантарове, о его суровой требовательности и крутом нраве. Рассказывали о том, как в бытность его директором института он однажды увидел студента, курившего в неразрешенном месте. Заметив директора, “злоумышленник” поспешно спрятал в карман недокурную папиросу. Павел Лазаревич подошел к нему, поздоровался и, не выпуская его руки из своей, стал подробно расспрашивать об успехах в учебных делах... Студент был отпущен, когда из его кармана повалил дымок...» [4].

В 1946 году Павел Лазаревич Калантаров по личной просьбе был освобожден от должности директора и с этого времени занимался только учебной и научной работой. Из записок третькурсника ЛПИ 1940-х годов, в дальнейшем профессора СПбГПУ В.С. Тарасова: «1 сентября 1947 года. Следующая лекция – по теории переменного тока читается нам профессором Павлом Лазаревичем Калантаровым.

Он нетороплив в движениях, медленно ходит по аудитории, часто обращается к слушателям. Материал излагает с железной логикой

и последовательностью. Лекцию он начал словами: “Когда я начну свой мрачный рассказ, то прошу в аудиторию никого не входить”. 9 января 1948 года. Экзамен по теории переменного тока... Накануне у П.Л. Калантарова спросили, кто будет ассистентом на экзамене. С улыбкой удава, глотающего кролика, он кротко ответил: “Звери”. На следующий день мы увидели его помощников — доцента Зайцева и ассистента Голубинскую...» [5].

В 1947 году за выдающиеся заслуги в области науки и техники П.Л. Калантарову было присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники РСФСР”.

До конца своих дней Павел Лазаревич работал в ЛПИ заведующим кафедрой “Теоретические основы электротехники”. Умер он после тяжелой непродолжительной болезни 2 декабря 1951 года.

Основные научные труды

Калантаров П.Л. Графический метод определения полного сопротивления цепи, состоящей из 2-х параллельно включенных приемников // Электричество. 1922. № 3. С. 36–37.

Калантаров П.Л. Установившийся режим переменного тока в цепях, содержащих железо и емкость // Электричество. 1923. № 7-8. С. 339–345.

Калантаров П.Л. В.Ф. Миткевич как деятель высшей школы // Электричество. 1926. № 10. С. 417–418.

Калантаров П.Л. Пособие к лабораторным занятиям по теории переменных токов. М.; Л.: Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. 180 с.

Калантаров П.Л. Теория переменных токов. Л.: КУБУЧ, 1934. 388 с.

Калантаров П.Л., Цейтлин Л.А. Расчет индуктивностей. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1935. 368 с.

Калантаров П.Л. О фильтрах для выделения симметричных составляющих несимметричных трехфазных систем // Тр. ЛИИ. 1937. Т. 1., № 2. С. 73–88.

Калантаров П.Л. К теории пассивного шестиполюсника // Тр. ЛПИ. 1947. Т. 2. С. 133–138.

Нейман Л.Р., Калантаров П.Л. Теоретические основы электротехники: В 3 ч. Л.; М.: Госэнергоиздат, 1948. Ч. 1. 335 с.; Ч. 2. 411 с.; Ч. 3. 343 с.

Калантаров П.Л. Единицы измерения электрических и магнитных величин. Л.; М.: ГЭИ, 1948. 62 с.

НОВИКОВ
КИРИЛЛ ВАСИЛЬЕВИЧ,
директор
Индустриального института
(10.10.1937 – 16.12.1937)

На заседании Совета Индустриального института 13 октября 1937 года председатель, исполняющий обязанности директора П.Л. Калантаров сообщил присутствующим, что 10 октября приступил к работе новый исполняющий обязанности директора **Кирилл Васильевич Новиков**. Новый директор был из рабочих, член партии с 1925 года, к тому же свой, политехник. Родился он в марте 1905 года в Шахтинском (Новочеркасском) округе Северо-Кавказского края. Его отец работал столяром на пороховом заводе И.И. Попова и К°. В семье было четверо детей, и, когда отец в 1910 году умер во время эпидемии холеры, матери пришлось идти работать на этот же завод. В 1915 году, окончив церковно-приходскую школу, 10-летний Кирилл тоже начал работать на пороховом заводе мальчиком в жестяной мастерской, затем рассыльным в заводской химической лаборатории. В октябре 1917 года завод был взорван и семья переехала в г. Шостка, где Кирилл работал также на пороховом заводе сначала рассыльным в чертежной, затем — в медницкой мастерской. Весной 1920 года выделка пороха прекратилась, медницкая мастерская закрылась, Кирилла перевели в отдел главного механика подвозчиком топлива, но вскоре он освоил специальность слесаря по водопроводу, паропроводу и ремонту котлов. В 1922 году он работал помощником машиниста на двигателях Дизеля, а в августе 1924 года был командирован на рабфак г. Шостка.

В этот период К.В. Новиков активно занимался общественной работой: с 1923 по 1925 год был секретарем заводского комитета Коммунистического союза молодежи (КСМ), в 1925 году, после вступления в партию, постановлением райкома ВКП(б) был переведен секретарем вузовской ячейки Шосткинского химико-технологического института. В 1926–1927 годы Новиков был агитпропом ячейки втуза, затем райкома ВКП(б) г. Шостка, руководителем партийной школы. В 1927 году он окончил рабфак и получил направление на механический факультет Ленинградского политехнического института.

Здесь блестяще начавшаяся карьера Новикова едва не оборвалась, об этом он откровенно написал в своей автобиографии:

“Первые два года в институте общественной работой не занимался, с одной стороны, мне хотелось отдохнуть от прежней общественной работы, а с другой стороны, чрезвычайно увлекся академикой. Кроме того, неудачная выпивка под 1-е мая (с крупным скандалом) повлекла за собой то, что комиссия по чистке, за отрыв от общественной работы и за пьянку, вынесла мне выговор” [1]. В этой ситуации Новикову, безусловно, помогло его социальное происхождение: другого наверняка бы “вычистили”.

В 1931 году К.В. Новиков благополучно окончил Всесоюзный котлотурбинный институт (ВКТИ), который образовался из реорганизованного Политехнического, по специальности “Теплосиловые установки”. По окончании института К.В. Новиков получил прекрасную характеристику: “Новиков К.В. крайне не вдумчивый и внимательный работник с большой инициативой и начитанностью. Хорошая общая подготовка. Крайне серьезное отношение к работе. С успехом может использоваться в любой работе. Наиболее целесообразно развить наблюдающуюся склонность к научно-исследовательской работе” [2].

После окончания ВКТИ Новикова назначили в нем директором вечернего отделения и ассистентом кафедры “Соппротивление материалов”, а с мая 1933 года по апрель 1934 года, после присоединения ВКТИ к ЛЭМИ, он занимал те же должности в ЛЭМИ (Ленинградский электромеханический институт).

С апреля 1934 года К.В. Новиков работал в Центральном котельно-конструкторском бюро заведующим отделом и начальником сектора изучения и исследования котельного оборудования. В декабре 1936 года он назначен начальником бюро мощных котлов высокого давления, а 21 сентября 1937 года — исполняющим обязанности заместителя директора по технической части и председателем НТС Центрального котлотурбинного института (ЦКТИ — научно-исследовательский, а ВКТИ — учебный институты). На этом посту К.В. Новиков находился всего полмесяца. 7 октября 1937 года последовал приказ по Наркомтяжпрому, согласно которому он с 10 октября назначался исполняющим обязанности директора Ленинградского индустриального института.

С очень недолгим пребыванием К.В. Новикова на посту и.о. директора совпал 35-летний юбилей института. В газете “Индустриальный” — юбилейные поздравления выпускников и коллег и неожиданная телеграмма из Нью-Йорка от академика Э.Ф. Вирриха,

главного архитектора ансамбля Политехнического института, с самыми лучшими пожеланиями студентам и преподавателям института. Газета, как всегда бывало в праздничные дни, писала только о достижениях, о том, что за последние три года (1935–1937) вновь оборудовано 11 лабораторий: подъемно-транспортных машин, текстильных, бумагоделательных, электромашин, электротехнических сплавов и т. д.

Еще несколько месяцев назад В.Г. Евдокимова обвиняли в том, что при нем “вредительски разрушались лаборатории” [3], но время его пребывания на посту директора приходилось как раз на эти упомянутые три года...

Новому директору К.В. Новикову также пришлось включиться в поиски последствий “вредительства” — ведь с момента “разоблачения” Евдокимова не прошло еще и четырех месяцев. Под обстрел попала автотракторная специальность, на которой якобы действовала “вредительская рука врага народа” [4]. Эта специальность не имела лабораторной базы. Автор статьи в “Индустриальном” “Ликвидировать последствия вредительства на автотракторной специальности” отмечал, что этот вопрос поднимался при директоре П.А. Тюркине, исполняющем обязанности директора П.Л. Калантарове, при председателе Комитета по делам высшей школы при СНК СССР И.И. Межлауке, и всегда результат был неутешителен: у института нет денег, нет хороших машин, нет помещения для гаража. 4 ноября 1937 года К.В. Новиков собрал совещание и отстранил от работы заведующего кафедрой автотракторной специальности, а деньги для ремонта помещения, бензин и машины откуда-то нашлись. Досталось и электромеханическому факультету, который “не извлек необходимых уроков из фактов вредительства на факультете” [5].

13 декабря 1937 года на заседании Совета ЛИИ комиссия по обследованию энергомашиностроительного и электромеханического факультетов сделала доклад. Вывод исполняющего обязанности директора К.В. Новикова был таков: “работа факультетов и кафедр на 95 % зависит от нас самих, в частности от деканов и заведующих кафедрами. Почему такое положение с академической задолженностью? Неразбериха с учебными планами? Плохой учет в деканатах? Плохо с исследовательской работой? Почему за 1936 год кафедры не представили отчетов? Все дело только в людях, но и здесь есть еще одно извиняющее обстоятельство, которому надо положить конец: вся система

ответственности на наших факультетах ненадежна потому, что полгода был один декан, полгода другой. Зам. деканов меняются как перчатки, ответственности не найдешь” [6].

Через четыре дня исполняющий обязанности директора К.В. Новиков, согласно приказу НКТП от 17 декабря 1937 года, был освобожден от занимаемой должности в связи с переходом на работу в НКТП. Пребывание его на посту исполняющего обязанности директора ЛИИ продолжалось два месяца.

В 1947 году инженер К.В. Новиков был заведующим 2-м Европейским отделом Министерства иностранных дел СССР. Дальнейшую его судьбу проследить не удалось.

СМИРНОВ
СЕРГЕЙ АНТОНОВИЧ,
директор
Индустриального института
(29.05.1938 — 01.07.1940)

Сергей Антонович Смирнов
(10.1896–1970)

После перевода К.В. Новикова на работу в НКТП исполняющим обязанности директора ЛИИ опять стал П.Л. Калантаров. 7 июня 1938 года он доложил Совету, что к исполнению обязанностей с сего дня приступил новый директор Сергей Антонович Смирнов. Через два дня в газете “Индустриальный” уже была напечатана боевая биография нового директора – комиссара времен гражданской войны и орденоносца.

Сергей Антонович Смирнов родился в октябре 1896 года в деревне Степанищево Смоленской губернии Юхновского уезда в крестьянской семье. В 1898 году семья переехала в Санкт-Петербург, отец служил на заводе Розенкранца, мать – на текстильной фабрике. В 1906 году отец за участие в забастовке был арестован и сослан, после этого мать с 10-летним сыном вернулась в деревню. В 1908 году отец умер, и мальчику с 12 лет пришлось работать: на своей лошади он возил вино из г. Юхнова в село Кикино.

В 1913 году Сергей в возрасте 16 лет уехал на заработки в Санкт-Петербург. Служил на заводе Розенкранца, затем чернорабочим на винном заводе Главного экономического общества, где его и застала первая мировая война. На заводе С.А. Смирнов познакомился с революционерами, начал распространять антивоенные листовки. В августе 1915 года рослый, видный юноша был призван в привилегированный лейб-гвардии егерский полк. Этот призыв С.А. Смирнов считал незаконным – он был единственным сыном, кормильцем у матери, но шла война.

Его отправили в Ораниенбаумскую пулеметную стрелковую школу, где он стал одним из организаторов кружка, где занимались чтением нелегальной литературы. О существовании кружка стало известно начальству, С.А. Смирнова арестовали, 30 суток продержали в полковой тюрьме, а затем отправили на фронт, где он находился с апреля по сентябрь 1916 года. Раненный, контуженный и отравленный газами С.А. Смирнов попал в лазарет, затем в запасной батальон в Петрограде; здесь его застала Февральская революция.

2 марта его выбрали в Петроградский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а 1 апреля 1917 года он вступил в РСДРП (большевиков). В июле 1917 года он, председатель

солдатского комитета, вывел свой вооруженный полк на манифестацию. В октябре 1917 года С.А. Смирнов с отрядом был перед Зимним дворцом и приказом Е.А. Механошина и Н.И. Подвойского его назначили заместителем комиссара полка.

В 1917 – 1918 годы он командовал коммунистическим отрядом имени Урицкого, а в мае 1919 года, по решению Совета обороны, был послан на фронт. Сначала был военным комиссаром полка, затем бригады, дивизии, заместителем члена Реввоенсовета 3-й армии. В октябре 1920 года, после перемирия с Польшей, был отозван ЦК РКП(б) в Петроград и назначен комендантом Петроградского укрепрайона, в 1920 – 1921 годах был комендантом Мурманского укрепрайона, в 1921 году он опять был в Петрограде начальником и комиссаром в штабе Петроградского военного округа.

Во время гражданской войны С.А. Смирнов принимал участие во многих боях, главным образом на польском фронте и под Петроградом. В июле 1919 года РВС республики за бой под деревней Нарядово он был награжден орденом Красного Знамени.

Кончилась гражданская война, и С.А. Смирнов нашел свое место и в мирной жизни. Надо было учиться, и по путевке губкома РКП(б) в 1922 году он поступил в университет, но оттуда перешел в Институт народного хозяйства на промышленный факультет, который окончил через четыре года, получив звание “инженер-экономист промышленности”. С 1927 по 1930 год он занимал должность заведующего отделом Ленинградского треста текстильной промышленности, с 1928 года началась его преподавательская и научная работа во вузах.

С 1929 по 1937 год Сергей Антонович работал в Институте народного хозяйства, был доцентом, заведующим кафедрой организации производства, писал научные работы, в марте 1930 года его назначили директором Института народного хозяйства, который в том же году был реорганизован в Инженерно-экономический институт имени В.М. Молотова, где С.А. Смирнов с марта 1929 года стал председателем кафедры текстильного цикла промышленного отделения, с сентября 1931 года – заведующим кафедрой методической рационализации, с января 1933 года – заведующим кафедрой рационализации и организации производства. С 1 января 1933 года он был исполняющим обязанности профессора.

Кроме того, С.А. Смирнов с 1931 по 1934 год работал в Ленинградском отделении Коммунистической академии в секции рационализации. В 1937 году он был направлен в научную командировку с целью подготовки докторской диссертации, но в мае

по решению Политбюро ЦК ВКП(б) получил новое назначение — в Наркомат связи, где работал с июня 1937 по февраль 1938 года в должности начальника ГУУЗа НКСвязи. От этой должности С.А. Смирнов был освобожден по собственному желанию и с согласия ЦК ВКП(б) распоряжением ГУУЗ НКТП от 29 мая 1938 года назначен исполняющим обязанности директора Ленинградского индустриального института.

Партийная характеристика нового директора вселяла надежду, что он именно тот человек со стороны, который сможет разрешить проблемы института: “Партийно выдержан и дисциплинирован. Хорошо подготовлен политически. Идеологически устойчив... Ориентируется в хозяйственной и политической обстановке... тов. Смирнов имеет богатейший практический опыт в деле постановки инженерно-экономического образования, являясь одним из организаторов и теоретических обоснователей нового типа специалиста, вызванного к жизни индустриализацией СССР” [1].

Уже через несколько дней после своего назначения, 13 июня 1938 года, директору Смирнову пришлось участвовать в обсуждении самого большого для ЛИИ вопроса — об очередной реорганизации института, который был поставлен на заседании Совета. С докладом выступил заместитель директора П.Л. Калантаров; он вернулся со Всесоюзного совещания из Москвы и рассказал о тех мерах, которые наметил ГУУЗ, чтобы уменьшить число специальностей в ЛИИ.

Дробление студентов между специальностями не позволяло создать мощные кафедры. Предложения ГУУЗа были следующие: выделить инженерно-физический факультет в отдельный институт; передать инженерно-экономический факультет в Инженерно-экономический институт имени Молотова, слить энергомашиностроительный факультет с механическим и т. д. П.Л. Калантаров резко возражал против очередного деления института: “Я указывал на то, что у нас был уже печальный опыт при делении площадки, и получилось крайне неудобное положение, потому что все институты оказались связанными с энергетическим хозяйством, с обслуживающим хозяйством и прочим, и никаких правильных взаимоотношений не получилось... Мне удалось убедить в том, что такое деление института нецелесообразно. Впоследствии все же эти разговоры циркулировали и циркулируют до сих пор” [2].

Директор С.А. Смирнов предложил всем членам Совета высказать свое мнение. Обсуждение проходило бурно, особенно не

соглашались с предложением ГУУЗа представители тех факультетов, которым угрожала реорганизация. Вспоминали, как в 1928 году ректору А.А. Байкову удалось отстоять инженерно-экономический факультет. Говорили, что основная мотивировка необходимости коренной реорганизации ЛИИ сводилась к невозможности управлять таким большим институтом, а у нового директора есть опыт управления очень маленьким инженерно-экономическим вузом. Руководство институтом А.А. Байковым и П.А. Тюркиным приводили как положительный пример.

Итоги подвел профессор гидротехнического факультета Н.С. Баумгарт: “Всякая реорганизация хороша тогда, когда она производится редко, после очень большого продумывания в очень большом кругу людей. Когда реорганизация проводится очень часто, она вредна” [3].

В своем заключительном слове директор С.А. Смирнов выразил согласие с членами Совета: ЛИИ — межотраслевой институт, и перестройка его в интересах только одного ведомства нецелесообразна. Отдельные факультеты тесно связаны между собой, и всякое их выделение из ЛИИ больно отразится на институте в целом. Укрупнение специальностей необходимо, также необходимо увеличить число студентов с обязательным условием обеспечения их общежитиями и аудиториями.

Лето 1938 года С.А. Смирнов посвятил ознакомлению со своим институтом. Он отдал должное высококвалифицированному персоналу. Учебно-материальная база, хотя и комплектовалась непланомерно, давала возможность готовить квалифицированных специалистов. Но были и досадные огрехи: в институтских чертежных было всего 280 мест, в то время как до революции весь 3-й этаж Главного здания отводился под чертежные. Из разговора со своими предшественниками — П.Л. Калантаровым и Б.Е. Воробьевым — С.А. Смирнов выяснил, что инвентаризации в институте не было чуть ли ни за все время его существования, тем более за время разъединения и объединения (1930 и 1934). Сдачи и приемки института не было, Калантаров его тоже ни от кого не принимал, в институте нет схем колодцев, освещения и т.д. Очень плохо обстоят дела с капитальным ремонтом: “враги народа рассчитывают на разрушение наших зданий, не ремонтируют капитально, занимаются латанием” [4].

С началом 1938/39 учебного года С.А. Смирнов ознакомился с состоянием учебного процесса в институте. В это время из Всесоюзного комитета высшей школы (ВКВШ) при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР пришел приказ от 23 сентября 1938 года:

“По представлению Наркомтяжпрома СССР утвердить тов. Смирнова С.А. директором ЛИИ” [5]. 21 октября директор ЛИИ обратился с открытым письмом ко всем заведующим кафедрами ЛИИ. Он говорил о неудовлетворительном состоянии учебно-производственной дисциплины в институте, о пропусках занятий, опозданиях, академической задолженности. Для ликвидации всех этих недостатков дирекция предлагала назначить кураторов из сотрудников кафедр для оказания студентам творческой помощи и организовать персональный учет и контроль академической успеваемости.

23 октября 1938 года в ЛИИ проходила общеинститутская комсомольская конференция, на которой делегаты внимательно слушали двухчасовой отчетный доклад секретаря комитета ВЛКСМ. Тема поисков “врагов народа” продолжала сотрясать институт: «В течение нескольких лет в ЛИИ “враги народа” разваливали учебно-производственную базу, срывали культурно-бытовое обслуживание студентов, стремились выпускать из прекрасно оборудованного института неполноценных инженеров» [6]. Досталось на комсомольской конференции и новому директору: “Все свое выступление директор института т. Смирнов посвятил мелким бытовым вопросам. Тов. Смирнов не нашел сказать комсомольцам ничего интересного, кроме как о количестве простынь и наволочек, о мерах по охране порядка и дать обещание относительно ремонта уборных” [7].

Очевидно, комсомольцы ждали от директора — героя гражданской войны — другого выступления. И как бы в ответ на их пожелания в следующем номере газеты “Индустриальный” была напечатана статья “На подступах к Ямбургу” (из воспоминаний о боях за Советскую Республику директора ЛИИ С.А. Смирнова). Его статьи под заглавиями “Орденосец” и “Я видел товарища Сталина на фронте” и в дальнейшем (возможно, для поддержания авторитета директора) печатались в газете.

В 1939 году на заседании Совета поднимался очень большой для ЛИИ вопрос — о генеральном плане его реконструкции. Институт страдал от долгостроя. На заседании 13 января 1939 года директор сказал: “Что толку из того, что в 1933 году размахнулись и много наставили фундаментов... 900 тыс. в кирпичиках в фундамент вложено, Машиностроительный корпус живым укором советской власти стоит развалиной, как Помпеи какие-то. Надо это оживить” [8].

Была образована комиссия под председательством М.А. Шателена, которая на очередном заседании Совета доложила свои

выводы: необходимо ускорить строительство механического лабораторного корпуса с тем, чтобы в 1940 году возможно было часть его ввести в эксплуатацию, всю его постройку завершить в 1941 году. На 1941–1942 годы планировалась большая стройка: реконструкция II профессорского дома, Механического павильона, студгородка, введение в строй новых аудиторий, лабораторий. Предусматривалось и озеленение территории, сосны предлагали заменить березами.

На Совете в мае 1939 года директор доложил об утверждении 39 специальностей и 89 кафедр, об утверждении устава ЛИИ, о том, что вместо должности “помощник директора” введена должность “заместитель директора”. Относительно спокойное течение 1939/40 учебного года было нарушено войной с Финляндией — Ленинград находился в непосредственной близости от советско-финской границы. В марте 1940 года война закончилась, в марте же страна, а вместе с ней и ЛИИ торжественно отметили 50-летие В.М. Молотова, бывшего (правда, недолго) студента-политехника. Для отличников была учреждена стипендия имени Молотова.

В конце учебного года институт опять ждали изменения (уже такие привычные за много лет): с 1 июля 1940 года С.А. Смирнов освобождался от должности директора ЛИИ в связи с переходом на научно-педагогическую работу.

2 июля 1940 года на заседании Ученого совета ЛИИ было сказано: “... бывший директор Смирнов не мог возглавить руководство таким крупнейшим институтом и повести коллектив института вперед” [9]. В своем последнем выступлении С.А. Смирнов соглашался с тем, что многое в институте он не смог сделать. Причину этого он видел в отсутствии кредитов и... угля. Строительство в институте идет недопустимо медленными темпами. За два года, кроме АТС, ничего не введено в строй. Необходимо отказаться от “заплаточного” метода и сосредоточить все средства на главном: строительстве студгородка, ремонте Главного здания. Крупнейший недостаток института — ужасное состояние отопительной, осветительной и канализационной систем. Электросистема не менялась 40 лет.

В заключение бывший директор поблагодарил сотрудников института за помощь и сказал: “Уверяю вас, что будет то время, когда ректора будут выбирать, когда будет правление института” [10]. Расстались дружески.

В 1941 году Сергею Антоновичу снова пришлось надеть военную форму. Во время блокады Ленинграда С.А. Смирнов был одним из руководителей местной противовоздушной обороны.

В 1950 – 1960-х годах он преподавал в Ленинградском инженерно-экономическом институте, неоднократно избирался депутатом Ленсовета. До конца дней он писал воспоминания о службе в Красной Армии – самом важном этапе своей жизни.

Умер С.А. Смирнов в 1970 году. Его книга “Записки военного комиссара” вышла после его смерти.

Основные научные труды

Смирнов С.А. Основы пятилетнего плана технической реконструкции Ленинградской текстильной промышленности на базе специализации и кооперирования / Изд. Ленингр. текстиля. Л., 1929.

Смирнов С.А. Структура управления Ленинградского текстильного треста / Изд. Ленингр. текстиля. Л., 1929.

Смирнов С.А. “Вредная” установка органов рационализации на предприятии. КУБУЧ, 1932.

Смирнов С.А. Основы социалистической рационализации промышленного производства / НКТП. 1934.

Смирнов С.А. Методика перевода цехов машиностроительных заводов на стахановскую работу / НИС ЛИЭИ им. Молотова, 1936.

Смирнов С.А. Открытое письмо директора ЛИИ С. Смирнова ко всем заведующим кафедрами ЛИИ // Индустриальный. 1938. 21 окт.

На подступах к Ямбургу. Из воспоминаний о боях за Советскую Республику директора ЛИИ С.А. Смирнова // Индустриальный. 1938. 7 нояб.

Смирнов С.А. Орденоносец. За высокие академические показатели // Индустриальный. 1939. 17 дек.

Смирнов С.А. Я видел товарища Сталина на фронте // Индустриальный. 1939. 24 дек.

Смирнов С.А. Выросли мы в пламени. Записки военного комиссара. Л.: Лениздат, 1976. 152 с.

ВАЙНЕР
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
директор
Политехнического института
(11.09.1941 – 18.02.1942)

Владимир Александрович Вайнер
(17.03.1897—11.12.1964)

Летом 1941 года, в июле и августе, руководство Ленинградским политехническим институтом все время менялось. Приказом от 28 июля 1941 года заместитель директора по административно-хозяйственной части М.Ф. Жаровский сообщал, что на время командировки П.А. Тюркина он приступил к обязанностям директора института и начальника объекта МПВО.

С 29 августа 1941 года, в связи с уходом М.Ф. Жаровского в батальон народного ополчения, исполнение этих обязанностей было возложено на нового заместителя директора по административно-хозяйственной части, бывшего главного механика института В.А. Вайнера. 31 июля П.А. Тюркин возвратился из командировки, но на следующий день уехал снова, а 10 сентября, в связи с назначением в действующую армию, сдал дела В.А. Вайнеру, выпускнику Политехнического института, хорошо известному партийному и административно-хозяйственному работнику.

Родился **Владимир Александрович Вайнер** в Петербурге 17 марта 1897 года, отец был портным, мать — домашней хозяйкой. С 1908 по 1914 год он учился в реальном училище Черняева, после окончания которого хотел поступить в высшее учебное заведение, но помешали причины не только материального, но и национального характера. Поступил на службу в общество “Мазут” конторщиком, где и проработал до революции. В 1915 году вступил в РСДРП, принимал участие в печатании листовок и распространении нелегальной литературы, в результате последовали арест и предварительное заключение.

После революции принимал участие в организации работы Наркомтруда и занимал пост комиссара тарифного отдела. В 1918 году был назначен комиссаром и заместителем начальника правления бывшего Гвардейского экономического общества. В 1919—1920 годы работал в Киеве, Тамбове и Ставрополе в Отделе труда. В 1920 году был командирован в Петроградский технологический институт, откуда в 1921 году перевелся в Политехнический.

В годы учебы, как впоследствии писали в его характеристике, В.А. Вайнер “активно боролся против остатков буржуазных влияний в студенческих организациях” [1], занимая посты председателя правлений кооператива “Политехник”, студенческой Кассы взаимопомощи и председателя Ленинградской городской студенческой артели труда.

В 1929 году В.А. Вайнер окончил Политехнический институт по специальности “инженер-механик теплотехник”. Во время учебы, в

1925–1926 годах, он работал на Волховстрое помощником начальника снабжения. В 1930 году поступил в аспирантуру Котлотурбинного института, одновременно работая там заместителем директора, а затем начальником котельного сектора в Теплотехническом институте. По окончании аспирантуры был оставлен ассистентом по кафедре “Паровые котлы”.

С конца 1934 года В.А. Вайнер занимал в ЛИИ посты заместителя, затем начальника научного отдела, а с января 1936 года — заместителя директора по административно-хозяйственной части. С сентября 1938 года он был начальником бюро ТЭЦ (по проектированию центральной теплоэлектрической станции), с сентября 1940 года — начальником отдела главного механика. С 1929 по 1942 год работал заместителем декана энергомашиностроительного факультета.

В институте ценили организаторские способности В.А. Вайнера: он избирался в состав партийного комитета института, работал членом и секретарем партбюро факультета, был членом Ленсовета и райкома партии, на протяжении ряда лет являлся членом обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений.

20 октября 1941 года В.А. Вайнер получил надежного помощника — заместителем директора по административно-хозяйственной части был назначен Виктор Павлович Гурьев. В начале войны он ушел добровольцем на фронт, командовал ротой истребительного батальона, в октябре 1941 года состоял в одном из батальонов народного ополчения, но был отозван в Политехнический институт, оставшийся без руководства.

Многие студенты и преподаватели ушли на фронт, некоторые эвакуировались с заводами и другими предприятиями, занятия часто переносились из аудиторий в общежития и квартиры преподавателей и больше напоминали консультации, чем лекции, так как в группах оставалось по два-три студента. В ноябре — декабре некоторых заслуженных профессоров по распоряжению обкома партии эвакуировали из Ленинграда.

В городе начинался голод. В декабре 1941 года пять дней не выдавали хлеба. 11 декабря прекратил работу трамвай — институт был полностью отрезан от города. 3 января 1942 года перестала работать подстанция северного района “Ленэнерго”, институт мог остаться без электричества, но выручила местная аккумуляторная станция, которую заряжали в течение дня, а вечером и ночью она, в очень ограниченном количестве, давала свет. В середине января были отключены водопровод и центральное отопление всех зданий вуза.

В январе 1942 года в институте полностью остановился производственный и учебный процесс. Были законсервированы I и II корпуса, аппарат дирекции разместился в Механическом павильоне. Постоянно вспыхивали пожары, так как ослабевшие люди,

обогревавшиеся печками “буржуйками”, не имели сил погасить вспыхнувшие очаги пламени, да и воды не было. Так, дотла сгорело IV общежитие. Все чаще Вайнеру приходилось подписываться под приказами: “Исключить из списков работающих в ЛПИ за смертью...” [2]. В каждом списке стояло по 10–20 фамилий. Умирали студенты, а оставшиеся в живых болели дистрофией.

В середине января 1942 года дирекция института поставила вопрос о вывозе студентов из города. 2 февраля через Ладожское озеро по Дороге жизни был отправлен первый эшелон политехников: 340 студентов, 10 преподавателей, 100 членов семей. В этот же день Вайнером был подписан приказ: “В связи с временным прекращением производственных работ в институте из-за отсутствия снабжения электроэнергией, отоплением и водоснабжением, с сего числа предоставить отпуск за свой счет производственным и обслуживающим кадрам лабораторий, мастерских, производственных групп и учебно-вспомогательному персоналу института сроком до 1 марта” [3].

Казалось, всякая жизнь в институте остановилась, по крайней мере, до 1 марта, но приказ по ВКВШ при СНК СССР доводил до сведения каждого сотрудника, что с 19 февраля 1942 года директором Ленинградского политехнического института назначается С.А. Сердюков, и В.А. Вайнер вернулся к исполнению обязанностей главного механика (начальника отдела главного механика), на которой оставался до октября 1944 года. Работа главному механику предстояла огромная, так как в январе 1942 года вода из отопительной системы была спущена не до конца, а зима в 1941/42 году стояла исключительно суровая, весной водопроводные линии и батареи лопнули и подвалы оказались затопленными водой. В отсыревших помещениях испортилась электропроводка, ржавели приборы, станки, оборудование.

В октябре 1944 года В.А. Вайнер перешел на преподавательскую должность. Он работал ассистентом на энергомашиностроительном факультете, сначала на кафедре “Паровые котлы и котельные установки”, с сентября 1953 года — на кафедре “Гидравлические машины”, а с сентября 1954 года — на кафедре “Общая теплотехника”. Он успешно вел лабораторные занятия по теплотехническим дисциплинам, руководил производственной практикой студентов.

1 декабря 1959 года В.А. Вайнеру была назначена персональная пенсия, но до самой смерти он продолжал работать младшим научным сотрудником кафедры “Общая теплотехника”.

Умер Владимир Александрович Вайнер 11 декабря 1964 года.

Основные научные труды

Вайнер В.А. Руководство к лабораторным занятиям по курсу “Теплотехника”: Определение теплотворной способности топлива / ЛПИ. Л., 1956.

Вайнер В.А. Руководство к лабораторным занятиям по курсу “Теплотехника”: Определение состава и количества продуктов сгорания / ЛПИ. Л., 1957.

СЕРДЮКОВ
СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ,
директор
Политехнического института
(19.02.1942 – 26.08.1944)

Сергей Андреевич Сердюков
(02.04.1904–25.05.1988)

Сергей Андреевич Сердюков был назначен директором Ленинградского политехнического института в тяжелый период блокады Ленинграда — 19 февраля 1942 года, когда всякая деятельность в институте замерла и перед дирекцией стояла единственная и самая главная задача - вывезти людей на Большую землю.

С.А. Сердюков с мая 1940 года находился на партийной работе в Ленинградском горкоме ВКП(б), а начало войны встретил на посту парторга ЦК ВКП(б) 8-й ЛГЭС имени С.М. Кирова, был опытным руководящим работником, к тому же прекрасно знал институт, который за 10 лет до этого окончил. По своему происхождению и возрасту он принадлежал к той категории людей, “путевку в жизнь” которым дала советская власть. Родился он 2 апреля 1904 года в г. Таганроге в семье железнодорожного рабочего, рано лишился матери, закончил приходскую школу, поступил в техническое училище, но из-за материальных затруднений через год оставил учебу. В 1919 году, в возрасте 15 лет, Сердюков пошел работать в паровозные мастерские подручным слесаря.

В это время Таганрог был занят белой армией; большевики организовали дружину из рабочих для охраны депо и железнодорожного узла, в дружину вступил и Сергей. Этот момент он впоследствии считал началом своей политической жизни. С 1921 по 1922 год С.А. Сердюков работал молотобойцем в кузнице кирпичного завода при Большом кожевенном заводе. В 1922—1924 годы в Таганроге была безработица, и С.А. Сердюкова поставили на учет на бирже труда, где он получал временную работу чернорабочего на заводах города. Наконец в 1924 году ему удалось устроиться на постоянную работу шорника на фабрике ремней при Большом кожевенном заводе. Здесь в 1925 году он вступил в ВЛКСМ, а в 1927 году стал членом ВКП(б).

С 1923 по 1927 год он учился на вечернем рабфаке, куда его направили по путевке, а по окончании рабфака стал студентом механического факультета Ленинградского политехнического института. Это было время реорганизации института, и через пять лет, в 1932 году, он окончил уже Всесоюзный котлотурбинный институт по специальности “инженер-механик теплотехник”. Его оставили в аспирантуре на кафедре “Паровые турбины”. Кроме

того, с 1932 по май 1940 года С.А. Сердюков работал в Центральном котлотурбинном институте (ЦКТИ) инженером-исследователем, заместителем начальника СКБ-1, главным инженером. В характеристике на аспиранта Сердюкова отмечаются его основные качества: инициативен, обладает хорошими организаторскими способностями, хороший товарищ; перечисляются его многочисленные партийные нагрузки за время пребывания в институте и аспирантуре: член бюро партячейки механического факультета ЛПИ, парторг, член бюро парткома, заместитель секретаря парткома Котлотурбинного института, делегат XIII и XIV партийных конференций Выборгского района, парторганизатор ячейки преподавателей и аспирантов ЛЭМИ.

С темой аспирантской работы у Сердюкова с самого начала возникли затруднения, и после реорганизации Научно-исследовательского котлотурбинного института (НИКТИ), где он готовил материал для диссертации, тему пришлось изменить, но отзыв его научного руководителя сначала был вполне благоприятный: “Хорошая подготовка дает надежду, что инженер Сердюков с этой задачей справится вполне удовлетворительно” [1].

Через полгода, в мае 1933 года, характеристика уже иная, настораживающая: “Нуждается в обеспечении систематического квалифицированного руководства по специальности” [2].

Заканчивался 1935 год, и руководители С.А. Сердюкова, профессора А.Ю. Винблад и И.Н. Вознесенский, писали о большой настойчивости диссертанта в исследовательской работе, о возможности назначить срок окончания диссертации.

Подошел к концу 1937 год, Сердюкову продлевали срок пребывания в аспирантуре уже два раза. С просьбой о третьем продлении в январе 1938 года директору института пришлось обращаться уже к начальнику ГУУЗа НКТП. Он объяснял, что диссертант не мог уделять много времени своей аспирантской работе в силу громадной перегруженности партийной работой.

С октября 1936 по май 1937 года Сердюков был секретарем парткома факультета энергетического машиностроения, с мая 1937 года — членом парткома ЛПИ и членом Выборгского райкома ВКП(б). В марте 1938 года о крайней перегруженности Сердюкова общественной работой ставил в известность кафедру и деканат профессор А.А. Радциг. Вопрос об аспирантуре для Сердюкова разрешился следующим образом: в августе 1938 года он был командирован на полгода в Англию для приемки оборудования импортных машин. После возвращения в июле 1939 года он был отчислен из аспирантуры “за невыполнение аспирантского учебного плана” [3].

В мае 1940 года С.А. Сердюкова перевели в распоряжение Ленинградского горкома ВКП(б), и до января 1941 года он занимал пост заместителя заведующего отделом электростанций и электропромышленности. С января 1941 года С.А. Сердюков был парторгом ЦК ВКП(б): в январе – сентябре 1941 года – на 8-й ЛГЭС имени С.М. Кирова (Дубровка), Ленэнерго; в сентябре 1941 – феврале 1942 года – на 5-й ЛГЭС имени Красного Октября, Ленэнерго.

19 февраля 1942 года С.А. Сердюков был назначен директором ЛПИ. Уже 20 февраля он подписал свой первый приказ: “Для составления акта сдачи института бывшим и. о. директора В.А. Вайнером, приказываю всем деканам и начальникам отделов до 1 марта представить отчеты о хозяйственно-техническом состоянии факультетов и отделов, о составе кадров, о труддисциплине и т. д.” [4].

Не становится меньше фамилий в приказах: “Исключить из списков работающих в ЛПИ за смертью”, тем удивительнее звучит для нас сегодня приказ от 1 марта 1942 года: “В результате тяжелых условий переживаемого военного времени и исключительно суровой зимы... здания и помещения института весьма пострадали” [5]. Для составления плана мероприятий по восстановлению зданий и оборудования была создана комиссия из числа ведущих профессоров института. Краткий план предлагалось представить уже к 3 марта.

В начале марта правительством был решен вопрос об эвакуации вузов из Ленинграда. В ЛПИ составлялись списки отъезжающих, пунктом назначения был г. Тбилиси. Исполнение обязанностей директора эвакуируемой части было возложено на исполняющего обязанности заместителя директора Б.Е. Воробьева. Выезжать должны были тремя эшелонами в течение марта – апреля и остановиться для отдыха в Пятигорске. Первый, основной, эшелон выехал 12 марта, директор Сердюков сам отправлял его со станции Жихарево.

Выполняя решение горисполкома по очистке Ленинграда к весне, С.А. Сердюков организовал 28 марта комиссию по очистке территории института, домов, мастерских, которую сам и возглавил. 23 апреля 1942 года он отправил письмо на имя председателя исполкома Выборгского райсовета: “Для премирования к 1 мая лучших работников института за образцовую работу по очистке от нечистот территории института и восстановлению водопровода и канализации прошу выделить в мое распоряжение 80 кг отрубей” [6].

С апреля 1942 года по приказам фронта начали работать не только механические мастерские, но и лаборатории: литейная, аналитической, физической и общей химии, радиофизики, аэродинамики и др.

В июне — июле 1942 года начался новый этап эвакуации, после чего резко ухудшилось положение с квалифицированными специалистами — стало не хватать рабочих рук. Появились приказы о приеме на работу новых сотрудников.

Приказы блокадного периода (1942—1943) восстанавливают картину деятельности директора С.А. Сердюкова: в основном это забота о текущем ремонте, о том, чтобы могли работать мастерские и лаборатории. В сентябре 1942 года он отправил письмо секретарю горкома ВКП(б) П.Г. Лазутину с просьбой выдать дополнительное питание сотрудникам лабораторий, занятых на вредном производстве (продукция оборонной промышленности). Были составлены списки научных работников для бескарточного питания, заблаговременно был отдан приказ о подготовке к зиме 1942/43 года, организовано культурно-бытовое обслуживание и питание сотрудников института и, конечно, был представлен обстоятельный отчет о работе мастерских и лабораторий. В архиве сохранился материал о научно-исследовательской и производственной деятельности института за 1942 год.

В обязанности директора входило строго следить за соблюдением трудовой дисциплины. За опоздание, прогул, появление на работе в нетрезвом виде, проявление халатности в работе полагался выговор, увольнение, а иногда дело передавалось в суд. По законам военного времени, а тем более в блокадном городе, поступать иначе руководство просто не имело права.

В самом конце мая 1942 года из Пятигорска пришло тревожное известие: отстранен от работы и арестован исполняющий обязанности директора профессор Б.Е. Воробьев. Приказом от 30 мая временно исполняющим обязанности директора ЛПИ в Пятигорске был назначен доцент В.Г. Подпоркин.

9 августа 1942 года Пятигорск был захвачен фашистами. Все, кто не успел уехать на машинах или уйти пешком, остались на оккупированной территории, среди них и В.Г. Подпоркин. Пятигорск был освобожден советскими войсками только в январе 1943 года, но лишь в мае 1943 года эшелон с политехниками, которые почти пять месяцев пробыли в оккупации, прибыл в Ташкент. Из разных городов страны съехались сюда студенты и преподаватели Политехнического института: те, кто был эвакуирован еще в начале войны, и те, кому удалось уйти из Пятигорска и добраться до Ташкента через Красноводск.

Только в феврале 1943 года ЛПИ официально возобновил свою деятельность в эвакуации. Приказы теперь издавались по двум отделениям ЛПИ: Ленинградскому и Ташкентскому. 25 февраля

исполняющим обязанности директора ЛПИ в Ташкенте был назначен профессор П.Л. Калантаров.

1 июня 1943 года директор Сердюков по предписанию ВКВШ едет в Ташкент “для руководства в проведении работы по новому набору и подготовке к новому учебному году” [7]. Командировка продлилась полгода, до декабря. В Ташкенте С.А. Сердюкову вручили поздравительную телеграмму: он получил самую дорогую награду — медаль “За оборону Ленинграда”. В Ташкенте С.А. Сердюков принял участие в научно-технической конференции профессоров и преподавателей Политехнического института, которая проходила с 4 по 10 сентября, и сделал доклад “О 40-летней деятельности института и наших задачах”.

После отъезда С.А. Сердюкова в Ташкент исполняющим обязанности директора остался его заместитель В.П. Гурьев, которому были даны подробные инструкции. Согласно приказу ВКВШ 29 мая в ЛПИ была создана государственная экзаменационная комиссия, утверждались темы дипломных проектов. Шла подготовка к изданию сборника “Трудов ЛПИ” (ответственный профессор М.Д. Каменский). Приказом ВКВШ от 12 июня 1943 года, после двухлетнего перерыва, был утвержден Временный совет ЛПИ для рассмотрения докторских и кандидатских диссертаций по ряду специальностей. Этот Совет долгое время был единственным в Ленинграде, в него входили профессора и доценты различных институтов города. Председателем Совета был назначен директор Политехнического института С.А. Сердюков.

15 сентября 1943 года, также по указанию ВКВШ, при ЛПИ была создана приемная комиссия, которая объявила набор студентов не только на 1-й, но и на старшие курсы. К началу занятий спешили подготовить открытие столовой, а в I корпусе на 1-м этаже начала свой учебный год школа рабочей молодежи, в организации которой большую роль сыграл Сергей Андреевич. Много времени и сил уделяли политехники (в том числе и начальство) подсобному хозяйству, убирали урожай: проблема питания, даже после прорыва блокады, оставалась важнейшей.

Наконец настал самый счастливый для Ленинграда день — 27 января 1944 года — снятие блокады. Первостепенной задачей всех политехников, находящихся в Ленинграде, стали восстановительные работы. На основании приказа по ВКВШ 2 февраля 1944 года в ЛПИ был организован отдел капитального строительства, подчиненный заместителю директора В.П. Гурьеву. 11 февраля 1944 года, согласно постановлению исполкома Ленсовета, Политехническому институту было возвращено его Главное здание, в котором с

начала войны размещался госпиталь. Для ремонта зданий были созданы бригады кровельщиков, маляров-штукатуров, столяров. С 25 мая 1944 года для отдела капитального строительства устанавливается 10-часовой рабочий день.

9 августа 1944 года, после почти трехлетнего перерыва, вышел первый номер газеты “Политехник”. В статье “Наши задачи” директор С.А. Сердюков писал о результатах 1943/44 учебного года и планах на предстоящий: о необходимости принять 1500 студентов и собрать под крышу института тех преподавателей и студентов, которых разбросала война. Директор также наметил ближайшую задачу для всего коллектива: восстановить I, II и Механический корпуса, студенческие общежития во Флюговом переулке, подготовить весь жилой фонд.

10 августа 1944 года был издан долгожданный приказ об организации встречи прибывающего из Ташкента эшелона. Произошло воссоединение двух частей Политехнического института, каждая из которых за время разлуки шла путем потерь, страданий и великого труда. Но в момент встречи была огромная радость и вера в то, что впереди всех ждет только хорошее. Очевидно, те же чувства испытывал и директор Сердюков. В январе 1943 года секретарь партбюро ВКП(б) М. Евсиков так охарактеризовал его работу в годы блокады: “За время работы директором института после эвакуации учебной части института из Ленинграда, тов. Сердюков сумел дать правильное направление работе института, а именно: направить работу оставшихся в институте научных работников по линии научно-практической помощи фронту, а оставшиеся квалифицированные кадры — на выполнение производственных оборонных работ механической мастерской и лабораторий. Тов. Сердюков зарекомендовал себя опытным руководящим работником, повседневно руководит и направляет работу института с характерной для него настойчивостью и энергичностью... Зарекомендовал себя стойким, выдержанным и дисциплинированным большевиком. Партвызысканий не имеет” [8].

Можно только предполагать, что приказ № 1391-к ВКВШ от 26 августа 1944 года за подписью председателя С.В. Кафтанова оказался для большинства рядовых политехников полной неожиданностью. Приказ гласил: “Освободить тов. Сердюкова от должности директора Ленинградского политехнического института как не обеспечившего руководства институтом” [9]. Дальнейшей судьбой “освобожденного” директора также продолжало заниматься ВКВШ. 9 ноября 1944 года заместитель председателя А.Я. Синецкий направил в ЛПИ распоряжение: “До оформления назначения

Сердюкова на другую должность зачислить его временно ассистентом Ленинградского политехнического института” [10]. Распоряжение было выполнено: инженер Сердюков зачислен на кафедру “Паровые турбины” ассистентом с 15 октября 1944 года.

Сергей Андреевич сделал попытку завершить когда-то начатую диссертацию. Он взял справку в том, что с августа 1932 по март 1938 года им выполнен учебный план аспиранта по специальности “Паровые турбины”. Однако в феврале 1945 года С.А. Сердюков попросил дать ему отпуск по болезни (туберкулез) — сказалась тяжелая нагрузка военных лет — и был отправлен для лечения в санаторий.

В апреле директор ЛПИ П.Л. Калантаров обратился с письмом к председателю ВКВШ С.В. Кафтанову и просил его указаний по вопросу, который сам он решить не мог, поскольку Сердюков являлся номенклатурным работником и на должность ассистента был назначен по распоряжению заместителя С.В. Кафтанова. Вопрос, поставивший в тупик Калантарова, заключался в следующем: Сердюков просил о назначении ему Сталинской стипендии или возможности работать по совместительству в научном отделе. Это давало бы ему ощутимую материальную поддержку в период работы над диссертацией. В получении Сталинской стипендии ему было отказано, но должность в научном отделе он получил, и 24 мая 1945 года заведующий кафедрой “Паровые турбины” И.И. Кириллов написал, очевидно по чьей-то просьбе, отзыв о научной деятельности С.А. Сердюкова: “...на кафедре выполняет научно-исследовательскую работу по вопросам экспериментального и теоретического обоснования причин поломок коротких лопаток паровых турбин. На эту же тему им выполняется диссертация” [11].

29 июня 1945 года на заседании совета энергомашиностроительного факультета Сердюков был утвержден в ученом звании ассистента по кафедре “Паровые турбины”. Против не было ни одного голоса. Так же единогласно его утвердили в звании младшего научного сотрудника и на заседании объединенного ученого совета энергомашиностроительного и механико-машиностроительного факультетов 17 июня 1946 года.

Однако вопрос о внезапном и необоснованном снятии с должности после двух с половиной лет работы в блокадном Ленинграде не мог оставить Сердюкова спокойным. 16 августа 1945 года он написал заявление, которое необходимо привести здесь полностью.

“Секретарю ЦК ВКП(б) т. Маленкову Г.М.

Обращаюсь к Вам с тем, чтобы получить ответ по вопросу о моем несправедливом освобождении от работы директора

Ленинградского политехнического института. До освобождения меня от этой должности ни от кого никаких указаний или замечаний по существу моей работы не было. В настоящее время состоялось решение бюро Ленинградского горкома ВКП(б) и изменена формулировка моего освобождения, но, несмотря на это, и после моего личного разговора и заявления тов. Кафтанову, до сих пор я не реабилитирован и не изменена формулировка моего освобождения приказом по комитету высшей школы.

Прошу Вас дать соответствующие указания ускорить решение данного вопроса и тем самым создать мне нормальные условия в жизни и работе” [12].

Дальнейшие события разворачивались достаточно быстро. С.В. Кафтанов получил запрос из отдела управления кадров ЦК ВКП(б) с предложением разобраться по существу вопроса, и уже 24 сентября 1945 года последовал приказ ВКВШ при СНК СССР:

“Во изменение приказа от 26 августа 1944 года за № 1391-к освободить тов. Сердюкова С.А. от должности директора Ленинградского политехнического института в связи с переходом на другую работу. С.В. Кафтанов” [13].

Через два года после этого приказа С.В. Кафтanova навсегда прекратилась связь С.А. Сердюкова с родным институтом. Выписки из последних приказов, находящихся в его личном деле: “Ассистента Сердюкова освободить от педагогической работы с 05.10.47 года” [14] и “Сердюкова С.А. не числить в штате научного отдела с 10.11.47 года” [15]. О том, что С.А. Сердюков не добровольно расстался с Политехническим институтом, говорит его заявление на имя директора К.Н. Шмаргунова от 2 октября 1947 года: “Прошу Вас предоставить мне командировку в Москву к Министру высшего образования Кафтанову С.В. по вопросу о дальнейшей моей работе в институте” [16].

Впереди у Сергея Андреевича Сердюкова была длинная и трудная жизнь.

Из сведений о дальнейшей работе С.А. Сердюкова, предоставленных его сыном, С.С. Сердюковым:

«В декабре 1947 года С.А. Сердюков поступил работать в ЦКТИ им. Ползунова на должность ведущего инженера и проработал там до 1950 года.

За период своей работы по специальности турбиниста в ЛПИ и ЦКТИ он написал 21 научный труд, был одним из авторов книги “Поломка лопаток паровых турбин” (1936).

С июля 1950 по сентябрь 1954 года С.А. Сердюков работал на нескольких предприятиях, после чего перешел на работу в

издательство “Судпромгиз”, где до 1964 года занимал должность научного редактора, а с 1964 по 1970 год — заведующего редакцией литературы по судовому машиностроению.

С мая 1970 по апрель 1983 года он на общественных началах работал в группе народного контроля при Куйбышевском РК КПСС. Главным достоинством Сергея Андреевича было умение работать с людьми, приобретенное им в Политехническом институте».

Умер С.А. Сердюков 25 мая 1988 года. Похоронен в Павловске. Ныне здравствующие блокадники вспоминают своего директора добрым словом: то, что он смог сделать для них в самое тяжелое время существования института, нельзя измерить обычными мерками.

Основные научные труды

Изучение аварий и эксплуатации паровых турбин / В.П. Панцырный, В.Т. Головкин, С.А. Сердюков и др.; Под ред. проф. А.Ю. Винבלада / ВИТГЭО. Л., 1934.

Сердюков С.А., Савицкий М.Л. Исследование причин поломки лопаток первого ряда колеса Картиса турбины ВВС 24000 кВт, 3000 об/мин на СталГРЭС / ЦКТИ; ОБТИ Главэнергопрома. Л., 1936. 26 с.

Головкин В.Т., Сердюков С.А. Поломки лопаток в паровых турбинах вследствие их вибрации / ЦКТИ. Л.; М.: ОНТИ НКТП СССР, 1936. 29 с.

Сердюков С.А. Исследование на вибрацию аварийной конденсаторной трубки диаметром, равным 23/25 мм турбины, ЛМЗ 50000 кВт 1500 об/мин (установленной в Сталиногорске). Л., 1936. 21 с.

Головкин В.Т., Сердюков С.А., Чернышевский И.К. Исследование причин поломок рабочих лопаток ЦНД паровых турбин фирмы ВВС, приводов воздуходувок, установленных на ТЭЦ имени Эйхе Кузнецкого металлургического комбината / ОНТИ “Техпериодика”. Л., 1937. 16 с.

Сердюков С.А. Выяснение причин поломок 7 ступеней ЦНД турбины ЛМЗ типа ДКО — 100 на Брянской ГРЭС / ЦКТИ; ОБТИ. Л., 1937.

Сердюков С.А. Некоторые стационарные турбины малых мощностей фирмы “Беллис—Марком”. Л., 1939. 17 с.

Сердюков С.А. Наши задачи // Политехник. 1944. 9 авг.

ПОДПОРКИН
ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ,
директор
Политехнического института
(30.05.1942 – 10.05.1943)

Виктор Григорьевич Подпоркин
(09.04.1910–10.03.1988)

30 мая 1942 года заместитель председателя ВКВШ при СНК СССР А.Я. Синецкий подписал приказ № 11/СК, на основании которого Б.Е. Воробьев отстранялся от работы в Ленинградском политехническом институте, а временно исполняющим обязанности директора эвакуированной части института в Пятигорске был назначен В.Г. Подпоркин. Причины столь неожиданного смещения Б.Е. Воробьева и его дальнейшая судьба стали известны много лет спустя, а тогда 32-летнему Виктору Григорьевичу Подпоркину надо было брать в свои руки заботу о больных, обессиленных, изголодавшихся в блокадную ленинградскую зиму людей.

Очевидно, выбор представителем ВКВШ Подпоркина был не случаен: организаторские способности молодого преподавателя уже не раз проверялись на ответственной работе, а умение добиваться поставленной цели было воспитано в семье, где выросло пятеро детей.

Виктор Григорьевич Подпоркин родился 9 (22) апреля 1910 года в селе Ивановское Рыльского района Курской области в крестьянской семье, которая в 1913 году переехала во Льгов. Отец служил писарем в волости, табельщиком на сахарном заводе, а после 1917 года перешел на административно-хозяйственную работу.

В 1916 году Виктор поступил в заводскую школу, которую окончил в 1923 году и начал работать на сахарном заводе, сначала учеником слесаря, затем слесарем. На заводе в 1925 году юноша вступил в комсомол. С 1926 по 1929 год он был студентом рабфака г. Бежецка Брянской области, здесь в мае 1929 года стал членом ВКП(б), а осенью 1929 года поступил на механический факультет Ленинградского политехнического института. В 1934 году В.Г. Подпоркин окончил Машиностроительный институт со “званием инженер-механик”, и в этом же году Государственной квалификационной комиссией был оставлен аспирантом на кафедре “Технология машиностроения” Индустриального института — так в анкетах В.Г. Подпоркина нашла отражение реорганизация Ленинградского политехнического института.

Осенью 1937 года В.Г. Подпоркина назначили заместителем заведующего лабораторией технологии машиностроения, и эту должность он занимал до начала войны. Кроме того, с сентября 1937 года по сентябрь 1938 года он был заместителем декана механического факультета ЛИИ. За плодотворную работу в 1937/38 учебном году аспиранту В.Г. Подпоркину приказом директора С.А. Смирнова

присвоено звание ударника. 2 июля 1939 года после успешной защиты диссертации на тему “Исследование упругих деформаций валов при точении” В.Г. Подпоркин был удостоен ученой степени кандидата технических наук, и с октября 1940 года стал занимать должность доцента кафедры “Технология машиностроения”.

К этому времени В.Г. Подпоркин уже имел шестилетний преподавательский стаж и положительный отзыв о своей работе: “Большие способности позволили ему прекрасно закончить Ленинградский машиностроительный институт. По окончании был оставлен в аспирантуре и одновременно начал педагогическую деятельность. Ведет самостоятельные курсы: теория резания, допуски, станки, технология машиностроения и дипломное проектирование на различных факультетах ЛИИ, а на курсах повышения квалификации инженерно-технических работников читал технологию металлов” [1]. Отзыв был написан 17 января 1940 года доцентом А.М. Вульфом.

Одновременно В.Г. Подпоркин вел общественную работу: в разное время был председателем профкома, парторгом группы, пропагандистом, членом партбюро. Его организаторские способности оказались востребованы уже в самом начале Великой Отечественной войны. 7 июля 1941 года директор института П.А. Тюркин подписал приказ: “В целях более организованного оказания наибольшей помощи для обороны страны... временно объединить мастерские и производственные лаборатории ЛПИ в один объект под названием Объединенные мастерские ЛПИ (ОМПИ). В состав ОМПИ включить:

1. Лабораторию технологии машиностроения.
2. Экспериментальные мастерские.
3. Учебные мастерские.
4. Литейную лабораторию.
5. Сварочную лабораторию” [2].

Начальником ОМПИ был назначен Виктор Григорьевич Подпоркин, главным инженером — заведующий кафедрой “Технология машиностроения” профессор А.П. Соколовский. На начальника ОМПИ возлагались следующие обязанности: организация всего производства; подбор и подготовка кадров; прием и контроль за выполнением принятых заказов в установленные сроки. И хотя в Объединенные мастерские были переданы станки, оборудование, материалы из многих лабораторий, а также квалифицированные рабочие, положение Подпоркина было сложным. Часть необходимого оборудования, в том числе 75 металлорежущих станков, было отправлено в тыл, а имеющиеся в институте станки были крайне изношены, маломощны. Новые станки получить не удалось, несмотря на решения вышестоящих организаций.

Первое время заказы поступали от различных организаций без жесткого плана: обрабатывали корпуса электромоторов, постаментные плиты для передвижных электростанций, делали передвижные кровати для госпиталей и красноармейские котелки. Но в конце июля 1941 года по решению Ленинградского горкома ВКП(б) ЛПИ должен был принять участие в выполнении оборонных заказов кооперированно с Кировским заводом, и тут уже институту установили программу: 50 комплектов деталей в сутки. Требовалось наладить массовое производство, которого в институте ранее никогда не было: до войны механические мастерские выполняли заявки кафедр, связанные с учебной и научной работой. Катастрофически не хватало квалифицированных рабочих: токарей, слесарей, литейщиков. Многие из них уходили на фронт, переходили на военные заводы. Пополнение производили за счет студентов, не подлежащих призыву, и служащих, в основном женщин. Но их надо было обучать, а времени для этого не было. И все же за первые шесть месяцев войны мастерские института выпустили 25 видов военной продукции.

Но с ноября положение ленинградцев ухудшилось, к почти ежедневным бомбежкам и артобстрелам добавились голод и холод. Уже в конце октября наступили морозы, а с 20 ноября в пятый раз уменьшилась норма хлеба: по рабочей карточке выдавали по 250 грамм хлеба в сутки, по остальным — по 125 грамм. 11 декабря перестал работать трамвай, связь с Кировским заводом, который находился близ линии фронта, прервалась. Начались перебои в снабжении института электроэнергией, что сказалось на работе ОМПИ — производство резко сократилось. И все же в тяжелейших условиях ленинградской блокады маленький коллектив ОМПИ, который в конце 1941 года насчитывал менее 50 человек, изготовил 800 тысяч деталей для 200 тысяч автоматов. В конце декабря, благодаря открытию ледяной трассы через Ладожское озеро, снабжение города немного улучшилось, но обессиленные голодом и холодом люди уже не могли работать. В декабре работа Объединенных мастерских Политехнического института была прекращена.

3 января 1942 года институт был отключен от фидеров подстанций северного района “Ленэнерго”. В середине января полностью прекратилась подача воды из города, что привело к остановке центрального отопления всех зданий института, и тогда ОМПИ немедленно начал изготовление печей-временок (так называемых “буржук”) из кровельного железа и литых для установки их в госпитале, расположенном в Главном здании. Несмотря на то что с конца декабря норма выдачи хлеба продолжала увеличиваться, люди, заболевшие дистрофией, не могли оправиться от голода. Увеличилась смертность, особенно среди студентов.

В начале марта 1942 года вышло постановление правительства об эвакуации Политехнического института в Тбилиси. Выезжали несколькими эшелонами в течение марта и апреля. Промежуточным пунктом был определен Пятигорск; здесь ослабевшие, измученные люди должны были отдохнуть и окрепнуть для дальнейшей дороги. В.Г. Подпоркин выехал из Ленинграда основным эшелонам 12 марта, и только 5 апреля добрались до Пятигорска. Здесь прибывающих разными эшелонами политехников расселяли по квартирам, “прикрепляли” к столовым, бесплатно кормили.

Переезд в Тбилиси затягивался, так как ВКВШ, несмотря на настоятельные просьбы руководства института, не давал разрешения из-за транспортных затруднений. Вскоре после приезда в Пятигорск более 450 трудоспособных политехников, в основном студентов и молодых преподавателей, мобилизовали по распоряжению местных властей на сельскохозяйственную работу в колхозы, совхозы и МТС Орджоникидзевского края. В Пятигорске остались лишь военнообязанные и пожилые, больные преподаватели и их семьи, которые как могли обустроивали свой нехитрый быт, меняли на продукты привезенные вещи — после ленинградского голода все время хотелось есть.

Тем временем в Пятигорск продолжали прибывать политехники: добирались коллективно — эшелонами и отдельными группами. Издавались приказы об их зачислении в штат института или в число студентов, приказы подписывал исполняющий обязанности директора Б.Е. Воробьев, но 13 мая он уехал, как следовало из приказа, в Тбилиси, и с 1 июня 1942 года аналогичные приказы подписывал уже В.Г. Подпоркин, назначенный исполняющим обязанности директора института.

29 июня В.П. Подпоркин в качестве исполняющего обязанности директора возглавил заседание Ученого совета, на котором состоялась защита кандидатской диссертации М.Е. Зубцовым. К августу обострилась обстановка на фронте, немцы приближались к Северному Кавказу. Встал вопрос об эвакуации института, но краевые организации не давали своего согласия на возвращение политехников, разбросанных по отдельным районам, они выбирались кто как мог в сторону Пятигорска, когда немцы были уже вблизи города.

4–5 августа власти покинули город. 6 августа из Пятигорска пешком вышла группа из 50–60 политехников, включая детей. Во главе группы были секретарь партбюро Г.Г. Лулов и заместитель директора А.И. Дмитренко. Большая часть преподавателей идти не могла — сказались блокадная зима и возраст. Но их обнадежили: обещали 9 августа прислать машины, которые должны были довести людей до станции Минеральные Воды к поданным туда вагонам.

Руководить эвакуацией должен был В.Г. Подпоркин. В ночь на 9 августа стало известно, что железная дорога уже не работает, и В.Г. Подпоркин предложил оставшимся политехникам идти пешком на Нальчик. Все вместе с ними должны были уходить сотрудники других ленинградских институтов, которых также эвакуировали в Пятигорск: Инженерно-экономического, Горного, 2-го Медицинского.

Уйти никому не удалось: в 13 ч 30 мин на улицах Пятигорска появились немецкие танки. В оккупированном городе остались исполняющий обязанности директора, 19 профессоров, в том числе деканы нескольких факультетов, 18 доцентов и служащие — всего около 80 человек. Коммунисты-политехники в момент захвата города, посоветовавшись, решили уничтожить партийные билеты, чтобы они не попали в руки врагу. В подвале Педагогического института партбилеты были сожжены. Этот вынужденный крайними обстоятельствами поступок долгое время ставили в вину В.Г. Подпоркину. На совещании в подвале коммунисты приняли решение не работать на немцев. Те, кто имел силы, не оставляли надежды уйти из оккупированного города.

18 августа, когда началась регистрация коммунистов, предпринял попытку перейти линию фронта и Виктор Григорьевич, но в одной из деревень он заболел туляремией в тяжелой форме; болезнь сопровождалась очень высокой температурой, и вместе с профессором Е.Н. Горовой он был вынужден вернуться в Пятигорск. Остальной период оккупации В.Г. Подпоркин провел в “подполье”.

Комнату, в которой он находился, посещали лишь коллеги-политехники, которые, уходя, вешали на дверях амбарный замок. Среди них был и профессор Д.Н. Дьяков, беспартийный старый политехник, выпускник 1907 года, в совершенстве владевший немецким языком и сумевший многое сделать для попавших в беду людей. Он всячески оттягивал отправку ученых в Германию, что первоначально входило в планы немцев. Д.Н. Дьякову даже удалось добиться для политехников небольшого продовольственного пайка. Самым важным в то время для политехников и сотрудников других ленинградских вузов, которые стремились объединиться с ЛПИ как наиболее крупным вузом, было найти место для легального общения. Таким местом стала “Контора политехнического института” [3], помещение для которой профессору Д.Н. Дьякову удалось арендовать в сентябре 1942 года у городского жилищного управления. Это помещение не посещалось ни представителями местной власти, ни германским командованием, благодаря чему люди, собираясь вместе, могли обмениваться

информацией, поддерживать друг друга, и это помогло им пережить тяжелые месяцы оккупации.

К наиболее трагическим событиям этого периода относится расстрел преподавателей-евреев. Их регистрацию фашисты начали уже через два дня после взятия Пятигорска. Но люди не верили в близкую гибель даже после того, как им было приказано явиться в городскую казарму с вещами. В.Г. Подпоркин и К.Н. Ширяев пытались спасти профессоров А.А. Добрускина и С.М. Вейнгартена, рискнув прийти за ними в казарму, но те отказались бежать и были расстреляны.

Впоследствии Виктор Григорьевич рассказывал своим близким, что за несколько дней до освобождения Пятигорска он был спасен неизвестным ему человеком. Незнакомец предупредил его об аресте и даже на руках перенес в свой дом — Виктор Григорьевич в тот момент из-за болезни сам не мог передвигаться. 4–5 января 1943 года оккупанты после жестокой бомбежки оставили Пятигорск, только зондеркоманда продолжала взрывать каменные дома.

После освобождения Пятигорска встал вопрос о дальнейшей эвакуации ЛПИ теперь уже в Ташкент, где находилась большая часть преподавателей и студентов института. В Пятигорск приехал уполномоченный ВКВШ при СНК СССР профессор Н.А. Клюквин, который 18 января созвал совещание всех директоров вузов, находящихся в городе. Всем вузам было предложено к 19 января представить сведения о своих сотрудниках, ушедших при наступлении немцев, оставшихся в Пятигорске или погибших во время оккупации, и, что подчеркивалось особо, поименные списки всех, бежавших с немцами. Все списки тщательно проверялись и уточнялись. Люди проходили длительную “филтрацию” органами НКВД. Главной задачей исполняющего обязанности директора в этот период было установить связь с теми политехниками, кто перед началом оккупации находился на сельхозработах и не успел уйти.

До самого отъезда в Ташкент ученые института и студенты принимали участие в работе по восстановлению Пятигорска и его хозяйства. По указанию горсовета люди, в соответствии с их задачами, были распределены по секциям. В.Г. Подпоркин возглавлял бытовую секцию, обязанностью которой являлось решение бытовых проблем научных работников и служащих. К апрелю 1943 года руководство ЛПИ установило связь со всеми политехниками, отправленными ранее в совхозы и колхозы. В апреле все собрались в Пятигорске, и в конце месяца эшелон с политехниками отправился наконец через Баку и Красноводск в Ташкент. Главной заботой исполняющего обязанности директора В.Г. Подпоркина было накормить людей, которым снова пришлось голодать, так как почти все вывезенные из Ленинграда вещи были обменены на продукты во время оккупации.

Ирина Владимировна, жена Виктора Григорьевича Подпоркина, вспоминает один эпизод. Когда эшелон подъезжал к Ашхабаду, поступило распоряжение местных партийных властей освободить вагоны под какие-то их нужды. Подпоркин на ходу спрыгнул с поезда, добежал до Дома Правительства и сумел убедить руководство, что невозможно высаживать и без того измученных и столько переживших людей. Его услышали, и эшелон благополучно проследовал на Ташкент, куда прибыл в начале мая 1943 года и где кончились полномочия исполняющего обязанности директора, о чем гласит приказ ВКВШ при СНК СССР от 10 мая 1943 года.

Из автобиографии, написанной В.Г. Подпоркиным 15 августа 1943 года в Ташкенте: “За время пятимесячной оккупации Пятигорска немцами нигде не работал, уклонялся от всякого рода регистраций коммунистов, мужского населения, специалистов и проч.После освобождения Пятигорска Красной Армией от немецкой оккупации 11 января 1943 года по приказу ВКВШ вновь приступил к исполнению обязанностей директора института, каковые исполнял до 22 мая 1943 года, то есть до момента слияния пятигорской части института с ташкентской... В настоящее время работаю доцентом по кафедре технологии машиностроения” [4].

На протяжении последующих 10 лет годы, проведенные В.Г. Подпоркиным в оккупации, еще не раз напомним о себе. Об этом свидетельствуют его характеристики, подписанные в разное время директорами ЛПИ:

9 августа 1945 года. П.Л. Калантаров: “По имеющимся сведениям в оккупации не работал” [5].

5 апреля 1950 года. К.Н. Шмаргунов: «Имеет партийное взыскание “строгий выговор с предупреждением” за непартийное поведение при занятии Пятигорска немецкими войсками» [6].

10 апреля 1951 года. А.Ф. Алабышев: “находился в Пятигорске в оккупации, где проявил себя преданным Советской Родине. Однако за непартийное поведение (сожжение партбилета) в момент вступления немецких войск в Пятигорск... было вынесено партийное взыскание” [7].

Выяснением поведения коммунистов в оккупации партийные органы занимались дважды: сначала — ЦК ВКП(б) Узбекской ССР в 1944 году, а затем в Ленинграде в 1948 году. Людей обвиняли в том, что они в условиях внезапного захвата города немцами не смогли сохранить свои партийные билеты. Виктор Григорьевич, когда разбирали его персональное дело, так объяснил свой поступок: “...в здании, где мы находились, были поставлены часовые. Нас было 13 человек. По общему решению мы сожгли партийные билеты” [8]. На неоднократно задаваемый в анкетах вопрос, что делал в

оккупации, Виктор Григорьевич отвечал: “Нигде не работал, проводил советскую работу с группой преподавателей ЛПИ” [9].

Невозможно не рассказать еще об одном, на наш взгляд, важнейшем поступке В.Г. Подпоркина. Он относится к области его личной жизни, но этот поступок, как никакой другой, характеризует Подпоркина-человека. В мае 1942 года, почти одновременно с исполняющим обязанности директора Б.Е. Воробьевым, в Пятигорске был арестован декан энергомашиностроительного факультета профессор В.М. Татарчук. Без помощи, в чужом городе остались его жена и дочь Ирина, студентка Электротехнического института. Виктор Григорьевич не только поддержал осиротевшую семью, но и помог Ирине перевестись в ЛПИ, а впоследствии вернуться с институтом в Ленинград, и не только ей, но и ее матери. По возвращении домой Виктор Григорьевич и Ирина Владимировна стали мужем и женой. Находящийся под постоянным подозрением доцент и дочь “врага народа” Впоследствии профессор В.М. Татарчук был реабилитирован.

Ни время, ни свалившиеся на него неприятности не сломили сильного характера Виктора Григорьевича Подпоркина. Вернувшись в 1944 году в Ленинград, он продолжал вести научно-исследовательскую работу в области технологии машиностроения, и в 1946 году ВАК утвердил его в ученом звании доцента по кафедре “Технология машиностроения”. В декабре 1958 года после успешной защиты диссертации на тему “Обработка нежестких деталей” ему была присвоена ученая степень доктора технических наук, а в июле 1960 года он был утвержден в ученом звании профессора по кафедре “Технология металлов”. В.Г. Подпоркин читал лекции по курсам “Технология машиностроения”, “Резание металлов, инструмент и станки”, “Обработка металлов резанием” и так же, как и в молодости, руководил курсовым и дипломным проектированием.

В 1958 году он стал заведующим кафедрой “Технология конструкционных материалов” (в то время кафедра “Технология металлов”) и находился на этом посту до самой смерти в течение почти 30 лет. С июня 1958 по июнь 1961 года В.Г. Подпоркин занимал пост проректора ЛПИ по научной работе. С 1961 года до конца жизни В.Г. Подпоркин был научным руководителем отраслевой лаборатории технологии машиностроения ЛПИ, членом Совета ЛПИ, возглавлял специализированные советы по присуждению научных степеней, был членом Научно-методического совета Минвуза СССР, членом Ленинградского координационного совета по плазменной технологии.

13 сентября 1974 года Виктору Григорьевичу Подпоркину присвоили почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники

РСФСР". Он был крупным специалистом в области технологии машиностроения. Его работы по жесткости и точности, по обрабатываемости труднообрабатываемых материалов широко известны.

Умер Виктор Григорьевич 10 марта 1988 года, сохранив до конца дней работоспособность. Похоронен на Большеохтинском кладбище.

Основные научные труды

Подпоркин В.Г. Обработка нежестких деталей: Дис докт. техн. наук. М.; Л.: Машгиз. Ленингр. отд., 1959. 208 с.

Подпоркин В.Г., Большаков С.А. Точение металлов и резцы. 2-е изд., доп. и перераб. М.; Л.: Машгиз. Ленингр. отд., 1958. 146 с.

Подпоркин В.Г., Ададунов Б.Б. Исследование параметров резания при фрезеровании уступов в закаленной стали // Тр. ЛПИ. 1972. № 321.

Подпоркин В.Г., Вайнер Д.Б. Пайка концевго твердосплавного инструмента: Сб. ЛДНТП. Л., 1976.

Подпоркин В.Г., Никифоров В.И. Программа курса "Технология машиностроительных материалов" // Учебные планы и программы / ЛПИ. Л., 1976.

Подпоркин В.Г. Программа курса "Технология машиностроения" для спец. 0501 / ЛПИ, Л., 1976.

Подпоркин В.Г., Ададунов Б.Б. Производительное концевое фрезерование высокомарганцовистых сталей: Сб. ЛДНТП. Л., 1976.

Подпоркин В.Г., Шефер Н.И. Растачивание отверстий в высокопрочной стали "69" // Тр. ВНИТИ. 1977.

Подпоркин В.Г., Ищенко В.И. Влияние радиального биения и эксцентриситета поперечной кромки на стабильности работы сверл в автоматизированном производстве // Тр. ЛПИ. 1978. № 360.

Подпоркин В.Г., Бердников Л.Н. Фрезерование труднообрабатываемых материалов. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Машиностроение. Ленингр. отд., 1983. 136 с.

ШМАРГУНОВ
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ,
директор
Политехнического института
(25.06.1946 – 07.05.1951)

Константин Николаевич Шмаргунов
(05.1902—17.04.1953)

Закончился 1945/46 учебный год, первый послевоенный. 1 июля, на последнем в этом учебном году заседании Совета, П.Л. Калантаров сообщил о своем освобождении от должности директора института. Исполнять обязанности директора Павлу Лазаревичу приходилось неоднократно в очень сложные для института периоды. По окончании 1945/46 учебного года он переходил на научную работу. Новый директор – Константин Николаевич Шмаргунов был утвержден приказом Министерства высшего образования СССР от 10 июня 1946 года. С 25 июня он приступил к исполнению своих обязанностей. “Он пришел к нам в 1946 году, трудная и ответственная задача легла на плечи Константина Николаевича. Предстояло восстановить пострадавшие в дни блокады учебные и жилые корпуса, снова вдохнуть жизнь в десятки лабораторий. Под руководством Шмаргунова институт начал быстро заживать раны войны” [1], – писала газета “Политехник” уже в 1947 году.

Константин Николаевич Шмаргунов родился в мае 1902 года в селе Малевка Богородицкого уезда Тульской губернии в большой семье: у него было пять сестер и один брат. Отец заведовал шахтой. С 1910 по 1913 год Константин учился в малевской сельской школе. Старшая сестра, сельская учительница, подготовила его к вступительным экзаменам, успешно сдав которые он был принят осенью 1913 года в богородицкую мужскую гимназию, преобразованную в 1918 году в единую трудовую школу.

С мая 1919 года К.Н. Шмаргунов начал работать сельскохозяйственным рабочим в совхозе Главсахара Тульской губернии, а с 1920 года – на брикетной шахте Товарковского каменноугольного района Тульской губернии весовщиком угля, откатчиком, начальником пожарной охраны рудника. В 1922 году рудниковым комитетом он был командирован на рабфак в Тулу, где одновременно с занятиями работал на городской электростанции электромонтером. В 1925 году Шмаргунов окончил рабфак и по его желанию был командирован в Томский технологический институт, который в 1930 году разделился на несколько вузов. Заканчивал Константин Николаевич уже Сибирский механико-машиностроительный институт, получив в сентябре 1930 года звание “инженера-механика по электротехнической специальности” и предложение занять должность ассистента в своем институте и одновременно вести курсы электротехники в Горном институте.

С 1924 по 1929 год К.Н. Шмаргунов состоял в рядах ВЛКСМ, а в ВКП(б) вступил только в 1940 году. Возможно, причина была семейного характера: его старший брат — офицер, участник белого движения — был в эмиграции во Франции. В 1934 году отраслевые институты Томска (так было и в Ленинграде) были объединены в Индустриальный институт, где К.Н. Шмаргунов начал специализироваться по горной электротехнике.

Им впервые была разработана и осуществлена конструкция электрического отбойного молотка, применение которого имело очень важное значение в горном деле. За эту работу в 1937 году Московским горным институтом К.Н. Шмаргунову была присуждена степень кандидата технических наук без защиты диссертации. В 1938 году ВАК присвоил ему звание доцента, а в 1940 году — профессора по кафедре “Горная электротехника”. За внедрение в производство электроотбойных молотков Наркомуголь в 1938—1939 годы наградил Шмаргунова премией в 100 000 рублей.

На протяжении всей жизни К.Н. Шмаргунов кроме учебной и научной, занимался общественной деятельностью. В Томске он был депутатом городского и областного советов депутатов трудящихся, членом бюро горкома ВКП(б). В Томском индустриальном институте он совмещал преподавательскую работу с административной, был помощником декана, деканом, начальником НИСа, а с октября 1939 года — директором института. В апреле 1944 года решением ЦК ВКП(б) он был переведен на работу по организации Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР в Новосибирске, где занял должность первого заместителя председателя президиума филиала. Из Новосибирска он был переведен в Ленинград и 10 июня 1946 года назначен директором Ленинградского политехнического института.

Его пятилетний труд на этом посту был по заслугам оценен: “Работа Шмаргунова в институте началась с восстановления зданий и постепенного сбора преподавательского состава и студентов, эвакуированных в период войны в различные города Советского Союза. Большой организаторский опыт, инициатива и умение поднять людей на решение трудных задач позволили ему обеспечить уже в 1947 году нормальную работу крупнейшего в нашей стране технического вуза” [2].

В начале войны несколько зданий института были переданы военным советом фронта воинским частям и госпиталю. Теперь во всех помещениях института должен был восстановиться учебный процесс. Уже в 1946 году были проведены работы по ремонту Главного здания, Химического, I, II и Механического корпусов, Гидробашни, первой очереди гидротехнической лаборатории, южного

крыла Высоковольтного корпуса, VII корпуса студгородка и части жилых домов. В годы блокады особенно пострадали студенческие общежития, которые неоднократно горели. Решено было до 1950 года нового строительства не начинать, а полностью восстановить общежития и Высоковольтный корпус.

Летом 1946 года был составлен план участия факультетов в восстановительных работах, причем “за счет самостоятельно изыскиваемых материалов” [3]. И осенью для 2700 студентов Политехнического института начался учебный год.

Начало работы директора К.Н. Шмаргунова отмечено рядом значительных событий. В 1946 году указом Президиума Верховного Совета РСФСР почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники РСФСР” было присвоено профессорам-политехникам М.Д. Каменскому, А.А. Морозову, В.А. Толвинскому, а в 1947 году — П.Л. Калантарову.

В марте 1947 года в институте было создано научно-техническое общество студентов. Цель общества — помочь будущим инженерам глубже изучить свою специальность, расширить научный, технический и культурный кругозор. В апреле, в связи с открытием институтской научно-технической конференции, К.Н. Шмаргунов в беседе с корреспондентом “Политехника” сказал: “Конференция должна быть толчком к дальнейшему расцвету научной мысли в нашем институте, она должна еще более укрепить наши связи с практикой” [4].

В июле К.Н. Шмаргунов докладывал на партийном собрании об итогах окончившегося учебного года, в течение которого повысилась успеваемость (достигла почти 90 %), были полностью ликвидированы неявки на экзамены по неуважительной причине. Особо директор отметил успехи в учебе вчерашних фронтовиков. “Нам необходимо, — говорил он, — уже сейчас продумать все детали учебного процесса, устранить шероховатости в учебных планах и программах, лучше организовать быт студентов, серьезнее заниматься новым набором в институт” [5].

С осени 1947 года на всех факультетах института был введен курс “История техники”, так как тем, кто будет развивать социалистическую технику, необходимо знать ее историю. Читали этот курс преподаватели кафедры “История техники”, которую еще в 1936 году впервые в СССР создал и возглавил профессор В.В. Данилевский. Летом 1949 года под его руководством была организована совместная экспедиция ЛПИ и АН СССР в Ломоносовский район, где находилась усадьба М.В. Ломоносова и фабрика, изготавливавшая смальту для мозаики. Все материалы экспедиции были доставлены в институт, на кафедру “История техники”. Данные, полученные в

результате обработки материалов экспедиции, позволили вписать новые страницы в историю жизни и научной деятельности М.В. Ломоносова.

В феврале 1948 года были закончены восстановление и ремонт студенческого клуба, а осенью политехники решили к 30-летию комсомола построить на месте мусорной свалки стадион. Первыми 4 октября 1948 года на изрытый котлованами и ямами пустырь вышли студенты физико-механического факультета. Каждый комсомолец дал слово проработать на строительстве стадиона по 20 часов. Через год на месте свалки было футбольное поле, беговые дорожки, спортивные площадки.

В мае 1948 года студенты электромеханического факультета решили своими силами смонтировать электростанцию в Раутовском районе и электрифицировать 10 колхозов, разрушенных во время войны. Этот почин был подхвачен студентами других факультетов – строителями, физиками, металлургами, и с тех пор каждое лето политехники месяц своих каникул проводили на колхозных стройках Ленинградской области. Позднее по примеру Ленинградского политехнического института стали создаваться студенческие строительные отряды и в других вузах Советского Союза. К 1951 году политехниками были построены три сельских гидроэлектростанции: Климовская, Непповская и Ложголовская, которые дали электрический свет десяткам укрупненных колхозов. В сельхозартелях Сосновского, Кингисеппского, Осьминского районов студенты провели большие работы по жилищному и культурному строительству. За работу на строительстве колхозных электростанций Политехнический институт в 1949 году был награжден Красным Знаменем ЦК ВЛКСМ, а более 300 студентов – Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ.

В институте произошло еще одно радостное событие. За выдающиеся научные работы и изобретения профессора и научные сотрудники Политехнического института – М.А. Павлов, Я.И. Френкель, А.А. Горев, В.В. Данилевский, Г.А. Гринберг, И.И. Кириллов, С.А. Кантор, М.П. Костенко, В.Ю. Гессен, Н.И. Карпов и В.В. Каплан – были удостоены звания лауреатов Сталинской премии за 1946–1948 годы.

В этот период Константин Николаевич Шмаргунов не только возглавлял институт, он, как профессор кафедры “Общая электротехника”, вел преподавательскую работу, а также занимался научными исследованиями по созданию электрических ударных машин для горной промышленности. В ноябре 1949 года в Томском политехническом институте он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук.

2 апреля 1949 года в газетах было опубликовано письмо работников промышленности, деятелей науки и техники Ленинграда и Ленинградской области к И.В. Сталину: “Мы обещаем... что тесная связь и творческое содружество работников науки и производства отныне станет законом нашего движения вперед по пути технического прогресса” [6]. В 1951 году данную инициативу поддержало 280 профессоров и преподавателей института, ученые 71 кафедры заключили 139 договоров с 80 заводами, фабриками, НИИ. Студенты-политехники, находясь на производственной практике на Урале, в Сибири, Средней Азии, на Украине, в Крыму и Запоярье, принимали активное участие в реализации программ развития сотрудничества работников науки и производства.

В 1950 году было принято постановление партии и правительства о создании на Волге, Днепре, Дону и Аму-Дарье, в Крыму и на Украине новых мощных гидроэлектростанций и каналов, равных которым не было еще нигде в мире. Эти стройки были названы “великими стройками коммунизма”. Предстояло освоить засушливые пустынные пространства, превратить их в плодороднейшие земли, бороться с наводнениями и подтоплениями, изменять по желанию человека русла рек. Участие Политехнического института в “великих стройках” выражалось, прежде всего, в подготовке высококвалифицированных инженеров самых разных специальностей, а также в большой научно-исследовательской работе, которую проводил весь коллектив института по заказам гидростроителей.

В эти годы Политехнический институт принимал участие в соревновании, которое проводилось между вузами Ленинграда, и дважды, в 1948 и 1949 годы, занял первое место и был награжден Красным Знаменем обкома Союза вузов, а в 1950 году — грамотой обкома Союза.

В институте ежегодно проводились конференции, на которых выступали с докладами студенты. Весной 1949 года был подготовлен первый сборник работ студентов — членов НТО. В 1951 году в кружках и секциях Научно-технического общества научно-исследовательской работой занималось уже свыше 1000 студентов. Многие работы выполнялись по прямым заявкам промышленных предприятий “великих строек коммунизма”.

В апреле 1951 года по стране было объявлено: досрочно, за четыре года и три месяца, выполнена послевоенная сталинская пятилетка (1946—1950). Политехники гордились своими достижениями в борьбе за технический прогресс. Но была еще одна сторона жизни института, о которой К.Н. Шмаргунов в своем заключительном акте при сдаче дел писал так: “В политико-воспитательной работе

ЛПИ руководствовался историческими постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам” [7]. Этих постановлений в период работы К.Н. Шмаргунова на посту директора ЛПИ (1946–1951) было особенно много. Главный идеолог того времени А.А. Жданов внес свой вклад в марксистское учение: развил теорию “критики и самокритики”, которая была одобрена И.В. Сталиным. “Мы должны организовать критику от авангарда до народа” [8], — писал А.А. Жданов. И организовал.

Критике в 1946 году подверглись литература, музыка, театр, кино, журналы “Звезда” и “Ленинград”. Не забыли и про науку: с 1947 по 1951 год в стране было организовано пять главных дискуссий: по философии, биологии, лингвистике, физиологии и политической экономии. Иногда эти мероприятия назывались всесоюзными конференциями и в них принимали участие политические деятели различного ранга, но чаще их организовывали сами ученые. В течение 1947–1952 годов в стране были проведены десятки мероприятий (собраний, обсуждений, институтских конференций) по различным научным дисциплинам. Часто на таких собраниях обсуждалась книга или учебник.

Так было и в ЛПИ. В январе 1949 года нападкам подверглась новая работа лауреата Сталинской премии профессора Я.И. Френкеля “Статистическая физика”. Еще полтора года назад о нем писали как о крупнейшем ученом, который внес немалый вклад в развитие советской и мировой теоретической физики, теперь его обвиняли в том, что он идет вразрез с решениями партии по вопросам идеологической работы. “Наличие примиренческого отношения к враждебной нам идеологии у некоторых профессоров и преподавателей физико-механического факультета можно объяснить только недостаточным усвоением основ марксизма-ленинизма, наличием остатков влияния буржуазной идеологии и отсутствием большевистской критики и самокритики” [9].

Подвергались нападкам и “неправильные” взгляды профессора В.В. Новожилова, которые, однако, его кафедра не спешила замечать, а заведующего кафедрой инженерно-экономического факультета профессора О.И. Непорента учили методике преподавания его собственные студенты: «Гениальные положения, выдвинутые т. Сталиным в его исторических трудах, посвященных марксизму и вопросам языкознания, относятся не только к науке о языке. Они требуют решительно и смело изживать талмудизм, начетничество, формализм из всех звеньев воспитания советского человека. Работе по старинке, без “огонька” давно пора положить конец. Высокая идейность, творческий дух, большевистская принципиальность должны пронизывать всю работу нашего коллектива, в особенности

профессорско-преподавательского состава, которому вверено благородное дело воспитания молодого поколения» [10].

Одна из тем, которая очень часто в этот период обсуждалась в стране и, следовательно, в любой организации – борьба с низкопоклонством. Об этом говорилось и на партийном собрании в ЛПИ: советский патриотизм – это любовь к Родине и презрение к “насквозь прогнившей буржуазной культуре”, ко всем пережиткам старого; “одним из таких пережитков является низкопоклонство перед буржуазной культурой, проявляемое отдельными сотрудниками нашего института” [11]. Под обстрел местной критики попал профессор И.И. Кириллов, в новой работе которого коллеги обнаружили больше, чем положено, примеров, говорящих о достижениях иностранной техники. И хотя в своем выступлении на этом же собрании К.Н. Шмаргунов заметил, что мы “в своем прогрессе всегда используем лучшее в мировой науке, в мировой технике” [12], обнаружить ту черту, за которой использование “лучшего” переходило в “низкопоклонство”, было невозможно.

В очень непростой обстановке Политехнический институт готовился 19 февраля 1949 года отметить 50-летие со дня основания. Были проведены научно-технические конференции – профессорско-преподавательская и студенческая. На первой с докладами о новейших достижениях и о работах ученых-политехников выступили профессора, вся жизнь которых была связана с Политехническим институтом: А.А. Горев, М.А. Шателен, А.А. Морозов, А.Ф. Иоффе, М.М. Карнаухов, М.Д. Чертоусов и др. В печати находились шесть юбилейных выпусков “Трудов ЛПИ”, причем два первых целиком были посвящены истории института, а также жизни и деятельности крупнейших профессоров-политехников. На юбилейные торжества ожидалось прибытие многочисленных гостей и, особенно, выпускников института.

Торжественное заседание прошло в Большом зале Филармонии. От имени горкома ВКП(б) и исполкома Ленсовета депутатов трудящихся политехников приветствовал секретарь горкома ВКП(б) Н.Д. Синцов, который сообщил, что по решению исполкома институт награжден Почетной грамотой. Первых лиц города на юбилейных торжествах не было. Праздник Политехнического института совпал с величайшей трагедией для нашего города, которую позднее назовут “Ленинградским делом”.

21 февраля 1949 года из Москвы специальным поездом прибыл член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета Министров Г.М. Маленков с сопровождающими его лицами, а на следующий день в Смольном проходил внеочередной объединенный пленум Ленинградских обкома и горкома

ВКП(б). За антипартийные действия, направленные на отделение Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б), был снят с работы первый секретарь ленинградских обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попков и второй секретарь горкома партии, выпускник Политехнического института Я.Ф. Капустин, также были сняты с работы и исключены из партии еще несколько крупных партийных работников.

В конце марта — начале апреля началась массовая “чистка” партийного аппарата всех уровней. Из состава горкома партии исключили 31 человека. Что характерно для этого периода — открыто про “антипартийную” группу нигде не говорилось. Если в 1937 году даже по заголовкам статей в газете “Индустриальный” можно было понять, что происходит в стране, то в 1949—1950 годы о “Ленинградском деле” знали только в аппарате горкома и обкома, а для рядовых ленинградцев это был процесс “обновления кадров”, масштабов которого никто представить не мог. И сегодня очень трудно сказать, какое именно количество людей было репрессировано в связи с “Ленинградским делом”. Их были тысячи — партийных, комсомольских, профсоюзных работников, ученых, военных, представителей творческой интеллигенции и членов их семей. Увольнение с работы, исключение из партии, аресты, а иногда и следовавшая за этим смерть — такова судьба многих ленинградцев и тех, кто жил и работал в Ленинграде в блокаду.

К блокаде Ленинграда у Г.М. Маленкова и его окружения было особое отношение, неожиданное и непонятное в то время для многих. “Антипартийная группа” обвинялась в том, что она приписывала себе “несуществующие заслуги” во время обороны Ленинграда, принижая роль партии, правительства и лично товарища Сталина. С этого момента на любое упоминание о героизме и (особенно!) страданиях ленинградцев был наложен запрет. Музей обороны Ленинграда, который начал создаваться еще в годы войны, в августе 1949 года был закрыт. В январских (месяц, когда в 1943 году была прорвана, а в 1944 году снята блокада) номерах газеты “Политехник” за 1950 и 1951 годы нет ни одной строчки об этих героических днях.

Репрессии коснулись Лениздата, Ленинградского отделения ТАСС, Института истории партии, ленинградских вузов. С июня 1950 по июнь 1952 года было уволено 18 ректоров и 29 заведующих кафедрами социально-экономических наук. В Ленинградском университете лишились места около 300 преподавателей, профессоров, ассистентов.

Директор Политехнического института К.Н. Шмаргунов был в Ленинграде фигурой заметной — депутат городского совета, член

президиума областного совета профессиональных союзов, член Выборгского райкома ВКП(б), член пленума городского комитета ВКП(б). Это давало повод обвинить его в контакте с участниками “антипартийной группы”, но опасность миновала, а 7 мая 1951 года последовал приказ из Министерства высшего образования СССР: “Освободить доктора технических наук, профессора Шмаргунова К.Н. от обязанностей директора Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина в связи с переводом его на работу в Академию наук СССР” [13].

За время пребывания К.Н. Шмаргунова в должности директора Ленинградского политехнического института число студентов увеличилось в два раза: на восьми факультетах теперь обучалось 5612 человек.

Тяжелая болезнь рано прервала жизнь Константина Николаевича Шмаргунова, он умер 17 апреля 1953 года на посту председателя президиума Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР, не дожив до 51 года. Похоронен в Ленинграде на Богословском кладбище.

Основные научные труды

Шмаргунов К.Н. Электрические отбойные молотки — конструкции, расчеты и испытания: Дис. д-ра техн. наук / Томск. политехнич. ин-т. Томск, 1949.

Шмаргунов К.Н. Новая конструкция электромолотка // Уголь Востока. 1933. № 6.

Шмаргунов К.Н. Электрический отбойный молоток в действии // Уголь Кузбасса. 1936. № 1.

Шмаргунов К.Н. Электрическая энергия для отбойки угля // Уголь Кузбасса. 1936. № 7-8.

Шмаргунов К.Н. Электрический отбойный молоток К.Н.Ш.-2 // Уголь. 1936. № 132.

Шмаргунов К.Н. Электрические отбойные молотки — конструкции, расчеты и испытания: Моногр. / ОНТИ НКТП СССР. Свердловск; М., 1937.

Шмаргунов К.Н. Достижения ЛПИ за тридцать лет советской власти / / Тр. ЛПИ. 1947. № 6. С. 1–2.

Шмаргунов К.Н. Электрические молотки. Бурильные и отбойные. Л.; М.: Машгиз, 1950. 118 с.

АЛАБЫШЕВ
АЛЕКСАНДР ФИЛОСОФОВИЧ,
директор
Политехнического института
(05.06.1951–04.03.1956)

Александр Филосфович Алабышев
(10.01.1905–02.05.1983)

Ученый, педагог высшей школы и общественный деятель, доктор технических наук профессор Александр Философович Алабышев был назначен директором одного из крупнейших вузов страны — Ленинградского политехнического института имени М.И. Калинина в июне 1951 года.

К этому времени А.Ф. Алабышев был известен в научной среде как видный в стране специалист по производству щелочных металлов. Наряду с научной деятельностью он вел большую педагогическую работу. С 1949 года занимал пост заместителя директора по учебной части в Ленинградском электротехническом институте имени В.И. Ульянова (Ленина). Активно участвовал и в общественной жизни. Член ВКП(б) с 1939 года, он неоднократно избирался членом пленумов райкомов, горкома, обкома, депутатом Ленгорсовета.

Александр Философович Алабышев родился 10 (23) января 1905 года в селе Вознесение Олонецкой губернии. Его отец, выходец из крестьян Архангельской губернии, в 15 лет ушел на заработки в г. Архангельск, где работал рассыльным, возчиком, монтером, а в 1905 году приехал в село Вознесение, где стал телеграфным надсмотрщиком. Мать — из мещан.

В 1922 году Александр Философович окончил школу второй ступени в г. Вытегре. Два летних сезона (1921—1922) он работал монтером по ремонту телеграфных линий. Осенью 1922 года Петроградским губернским отделением Союза связи был командирован на учебу в Петроградский электротехнический институт, где, еще будучи студентом, основным направлением своей научной деятельности избрал электрохимию, в частности электрохимию расплавленных солей, которой и занимался на протяжении всей жизни. На старших курсах Александр Философович работал в Институте металлов старшим техником, здесь же он провел свое первое научное исследование “Восстановление магния из окиси силико-алюминием”.

Окончив в 1929 году институт, Александр Философович до 1947 года работал в Государственном институте прикладной химии (ГИПХ), где прошел путь от инженера до начальника электротехнической лаборатории. Ранние его работы, выполненные под

руководством члена-корреспондента АН СССР, профессора П.Ф. Антипина, относятся к освоению электрохимии магния в промышленных масштабах. В этот период он разработал проект опытного магниевых завода, который был пущен в строй в 1931 году. На основе результатов, полученных в процессе эксплуатации опытного завода, а также исследований, проводимых ГИПХом в этой области, были созданы два первых советских завода по производству магния на Днестре и в Соликамске. За разработку методов получения металлического магния А.Ф. Алабышеву в 1935 году была присвоена ученая степень кандидата химических наук без защиты диссертации. В дальнейшем он возглавил электрохимическую лабораторию ГИПХа, где руководил работами по теории и технологии процессов получения щелочных и щелочно-земельных металлов и их сплавов с другими металлами. Совместно с учеными украинского Института прикладной химии Александр Философович участвовал в создании первого в стране крупного цеха по производству металлического натрия на Донецком содовом заводе.

В начале Великой Отечественной войны Наркомхимпром СССР поручил А.Ф. Алабышеву возглавить проектирование, строительство и пуск цехов по производству калия, натрия и их производных в Московской области, на Воскресенском химическом комбинате для снабжения фронта специальной продукцией. За успешное выполнение этого задания он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”. После возвращения в 1944 году в Ленинград А.Ф. Алабышев продолжал работать в ГИПХе, возглавляя научно-исследовательские и опытные работы в области изучения термодинамических свойств расплавленных солей и металлических растворов.

Его педагогическая деятельность началась через два года после окончания института. В Ленинградском технологическом институте имени Ленсовета он читал курсы лекций по теоретической и прикладной электрохимии, электролизу расплавленных солей, руководил лабораторными занятиями по этим курсам; в Ленинградской промакадемии для студентов-партгосслужащих читал курс лекций по технической электрохимии и т. д.

Результаты научно-исследовательской и педагогической деятельности А.Ф. Алабышева отражены в его печатных трудах. Так, в 1937 году вышла в свет книга “Электрохимия расплавленных солей” — первая книга по этой теме в мировой практике; в 1943 году — учебник “Производство натрия”. Огромной

популярностью среди студентов пользовался учебник А.Ф. Алабышева “Прикладная электрохимия”.

8 января 1946 года А.Ф. Алабышев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук по теме “Теоретические основы и технология электролиза расплавленной поваренной соли” и вскоре перешел в Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова (Ленина), где в течение 1947–1953 годов возглавлял кафедру “Химия и электрохимия”, а с 1949 по 1951 год был заместителем директора ЛЭТИ по учебной части. В этот период им “проведена большая организационная и научно-методическая работа по созданию новых лабораторных работ, улучшению качества преподавания, созданию новых специальностей” [1]. За успешную научно-педагогическую и организационную работу в области высшего образования профессор А.Ф. Алабышев в 1951 году был представлен к награждению орденом “Знак Почета”.

С лета 1951 года жизнь Александра Философовича оказалась навсегда связанной с Политехническим институтом.

Приказ министра высшего образования СССР от 2 июня 1951 года гласил: “Назначить доктора технических наук, профессора Алабышева А.Ф. исполняющим обязанности директора Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина, освободив его от обязанностей заместителя директора по учебной работе Ленинградского электротехнического института им. Ульянова-Ленина” [2]. 5 июня 1951 года профессор Алабышев приступил к работе.

В непростое время пришлось ему руководить институтом. В связи с “Ленинградским делом” пострадали многие партийные и советские деятели. В Москве готовилось “Дело врачей”, продолжалась травля ученых и писателей. После смерти И.В. Сталина началась борьба за власть, в результате которой во главе государства встал Н.С. Хрущев. «“С его именем связано развенчание культа личности Сталина. Началась реабилитация безвинно осужденных людей. Это время отмечено историей как “Хрущевская оттепель”» [3].

Еще в октябре 1952 года были утверждены директивы по пятому пятилетнему (1951–1956) плану развития страны. Задача пятой пятилетки состояла в том, чтобы обеспечить дальнейший подъем всех отраслей народного хозяйства на основе преимущественного развития тяжелой промышленности, рост материального благосостояния и культурного уровня народа. В эти годы развернулось строительство гигантских электростанций – Куйбышевской и Сталинградской ГЭС на Волге, Каховской ГЭС на Днепре, Волго-Донского канала и Цимлянской ГЭС.

“Колоссальный размах работ на великих стройках коммунизма, величественные планы преобразования природы нашей страны поставили перед учеными института важнейшую задачу — значительное увеличение числа высококвалифицированных специалистов — гидротехников, электриков, энергетиков, турбиностроителей, мелиораторов — людей, непосредственно воплощающих в жизнь грандиозные планы новостроек” [4]. В этой связи руководством был составлен перспективный план развития института на ближайшее время. Пересматривались и приближались к потребностям новостроек планы учебной и научной работы на факультетах, улучшалась организационная работа всех звеньев института. Особое внимание директора было уделено мерам по увеличению контингента студентов, повышению качества их подготовки и созданию новых специальностей.

На всех курсах инженерно-строительного факультета расширилась подготовка специалистов гидротехнических специальностей. В 1951 году было открыто 2,5-годичное отделение (для лиц, окончивших техникумы), где велась подготовка по специальности “Гидротехническое строительство”. В связи с переводом студентов на старшие курсы из других вузов на гидротехническом факультете было сформировано 14 академических групп. Приказом Министерства высшего образования СССР от 29 сентября 1951 года в институте был проведен дополнительный набор на 1-й курс по специальности “Гидротехническое строительство” в количестве 25 человек.

17 октября этого же года инженерно-строительный факультет приказом Министерства высшего образования СССР был переименован в гидротехнический. Одновременно была закрыта специальность “Промышленное и гражданское строительство”, а студенты переведены на гидротехнические специальности.

При Ленинградском металлическом заводе имени Сталина было организовано вечернее отделение института для подготовки инженеров по специальностям “Турбиностроение” и “Гидравлические машины”; впоследствии оно стало одним из отделений вечернего факультета ЛПИ.

Учитывая потребность в кадрах для важнейших отраслей промышленности, 9 января 1952 года на базе нескольких кафедр физико-механического факультета был организован радиотехнический факультет для подготовки инженеров-физиков, специалистов в области радиотехники. Расширена подготовка по специальности “Автоматические и телемеханические устройства”, “Измерительная техника” и “Электрические станции, сети и

системы”. Организованы отделения с ускоренным 2,5-годовым сроком обучения по этим специальностям.

По правилам приема этого времени “все лица, принятые на гидротехнический, гидромелиоративный и металлургический факультеты, обеспечивались стипендией, независимо от оценок, полученных на приемных экзаменах, в размере 290 рублей; на физико-механическом, радиотехническом и металлургическом (кроме специальностей “Сварочное производство” и “Металловедение”) уже на 1-м курсе получали стипендию 395 рублей в месяц. За обучение в институте платили 400 рублей в год” [5].

Таким образом, все меры, предпринимаемые Министерством высшего образования и администрацией института, позволили расширить необходимые для нужд промышленности и народного хозяйства специализации и значительно увеличить контингент студентов. Так, если в 1950 году прием на 1-й курс составил 1564 человека, то в 1952 году – 1926 человек, в 1954 году – 2633 человека, а общее количество обучающихся в институте с 6158 человек в 1950 году возросло до 10 278 человек в 1954 году и к 1956 году составило 11 460 человек.

Дирекция и деканаты факультетов под руководством партийной организации активизировали работу по изучению марксистско-ленинской теории коллективом института. Над повышением своего идейно-теоретического уровня в институте работали 3680 человек; из них 3035 человек изучали марксистско-ленинскую теорию самостоятельно, в том числе 610 профессоров, преподавателей и аспирантов и 2425 студентов старших курсов, а 552 человека (рабочие и служащие) изучали ее в кружках политической учебы. В институте был создан партийный кабинет. “В помощь товарищам, работающим над повышением своего идейного уровня, было выделено 218 консультантов и 46 пропагандистов” [6]. Девяносто три политехника учились в Университете марксизма-ленинизма.

Одновременно политехники работали над повышением идейно-теоретического уровня лекций и других видов учебных занятий; в преподавание технических дисциплин широко внедрялся принцип партийности. В связи с этим пересматривалось содержание учебников, издавались новые учебные пособия. Значительным изменениям подверглась научная и техническая терминология. В институте расширялась и углублялась научно-исследовательская работа, укреплялись творческие связи с промышленностью. Вопросы творческого содружества деятелей

науки и работников производства получали широкое освещение в учебном процессе.

Принципы подготовки специалистов широкого профиля, неразрывной связи обучения с научными исследованиями и производством приобретали особую значимость в процессе обучения. В целях наглядности преподавания решено было приступить к широкой кинофикации учебного процесса и организовать систематическую магнитофонную запись лекций по общим и специальным дисциплинам. Продолжало развиваться и творческое содружество, благодаря которому значительно активизировалась деятельность студенческих научно-технических кружков и научно-технических обществ. В 1951 году свыше 1000 студентов принимали участие в научно-исследовательских работах, из них свыше 700 участвовали в производственной деятельности предприятий. В 1952 году 622 дипломанта выполняли заказы предприятий. Профессор М.А. Шателен отмечал плодотворное влияние творческого содружества на качество дипломного проектирования.

Основным направлением развития учебного процесса являлось снижение его трудоемкости. В этой связи Ученым советом и руководством института было разработано новое “Положение о курсовых экзаменах и зачетах”, утвержденное Министерством высшего образования СССР, в котором строго ограничивалось количество зачетов и экзаменов; никакие другие проверки знаний студентов не разрешались, устранялась досрочная сдача экзаменов и т. д. В соответствии с новыми учебными планами факультетов недельная нагрузка студентов обязательными занятиями в институте не превышала 36 часов на всех курсах, кроме 5-го. Число экзаменов сокращалось до четырех-пяти в семестре. Сократилось и число зачетов. Деканам совместно с общественными организациями факультетов директором дано указание провести работу по разъяснению и дальнейшему внедрению в свою практику этого документа.

Администрация института во главе с директором А.Ф. Алабышевым проявляла большую заботу о студентах, особенно в экзаменационное время, о чем свидетельствует приказ от 28 ноября 1951 года: “Организовать консультации по всем дисциплинам; принять меры по бесперебойной работе учебных комнат в общежитии; максимально улучшить питание студентов; принять меры к бесперебойному снабжению общежития и учебных корпусов электроэнергией и т. д.” [7].

По итогам зимней сессии 1951/52 учебного года, которая проходила в соответствии с новым “Положением”, выяснилось, что

было допущено к сессии 6338 студентов; успешно сдали сессию 5794 студента, что составляет 93,7 % от числа допущенных.

Характеризуя начальный период работы А.Ф. Алабышева на посту директора института, секретарь парткома Н.М. Французов в мае 1952 года писал, что, “несмотря на короткий срок работы, он сумел организовать учебный процесс в условиях повышенного приема студентов в институт. Пользуется в коллективе авторитетом” [8].

Большое внимание уделялось А.Ф. Алабышевым повышению качества преподавания и квалификации преподавателей и научных сотрудников. С предприятий и из научно-исследовательских учреждений в институт привлекались высококвалифицированные педагогические и научные кадры. По данным 1954 года среди преподавателей института было 11 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, 85 профессоров, 243 доцента и 85 старших преподавателей. В целях улучшения качества подготовки молодых специалистов и наиболее целесообразного использования профессорско-преподавательского состава 10 мая 1955 года гидромелиоративный факультет был присоединен к гидротехническому факультету, а также произошло слияние некоторых кафедр инженерно-экономического факультета.

Предпринимались значительные усилия в плане подготовки научных кадров. На Ученом совете неоднократно обсуждались вопросы о подготовке аспирантов. Необходимо отметить, что в 1955 году в ЛПИ было 182 аспиранта и 23 докторанта.

Значительно активизировалась работа по линии творческого сотрудничества с предприятиями, научными учреждениями. Планы работ (общейинститутский, факультетов и кафедр) были составлены на основании конкретных запросов промышленности. Еще в 1950 году в институте был создан Комитет содействия “великим стройкам коммунизма”, возглавляемый членом-корреспондентом АН СССР профессором М.А. Шателеном. Комитет координировал всю работу кафедр и лабораторий, связанную с заданиями новостроек, привлекая к сотрудничеству ученых, в комитет обращались изобретатели, представители различных организаций.

Ученые 74 кафедр заключили договоры с 89 крупными предприятиями Ленинграда (с Кировским заводом, с заводами ЛМЗ имени Сталина, “Красный выборжец”, “Электросила”, “Электроаппарат” и многими другими) и других промышленных районов страны. Сотрудники кафедры металлургии, например, помимо большой работы по интенсификации процессов сталеварения, проводимой со сталеварами-скоростниками ленинградских предприятий,

установили тесную связь с коллективом Магнитогорского металлургического комбината. Член-корреспондент АН СССР профессор М.М. Карнаухов и доцент (впоследствии профессор) А.Н. Морозов передали лаборатории комбината новейшую методику лабораторных исследований, а также взяли на себя обязанность по оснащению этой лаборатории оборудованием.

Появлялись новые формы творческого сотрудничества. Одной из них стало создание комплексных бригад ученых и работников производства с привлечением нескольких кафедр института. Сорок семь комплексных бригад, созданных на заводах “Красный выборжец”, “Светлана”, ЛМЗ имени Сталина и др., успешно осуществляли свою деятельность. Ученые института широко применяли и другие формы связи с производством. Более ста семи ученых института участвовали в работе технических советов заводов и фабрик. Было проведено более трех тысяч консультаций и экспертиз, прочитано около семисот докладов и лекций.

Будучи человеком высококультурным, А.Ф. Алабышев стремился и коллектив института, особенно молодежь, приобщить к культуре, искусству. В институте была очень интересная и своеобразная культмассовая работа: систематические экскурсии в музеи и по историческим местам Ленинграда; проведение вечеров отдыха, организация художественной самодеятельности на факультетах; культпоходы в кино, театры; лекции о музыке, искусстве, живописи.

Активнейшее участие студенты принимали в оказании помощи сельскому хозяйству страны. Студенческие отряды выезжали на колхозные стройки. За их ударный труд институту было вручено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ. В 1953 году впервые студенческие отряды политехников участвовали в уборке урожая в Целинном крае. В 1956 году Президиум Верховного Совета СССР наградил институт медалью “За освоение целины”.

Одной из первоочередных задач дирекции, партийных органов и всего коллектива являлось укрепление материально-технической базы института. Был составлен первоначальный вариант пятилетнего плана развития материально-технической базы института. В нем предусматривались затраты на новое строительство в размере 71 млн. рублей и на приобретение оборудования — 23,5 млн. рублей. Проблемы материально-технического обеспечения решались с трудом, но тем не менее все-таки решались.

Около сорока кабинетов были переоборудованы под аудитории, проведен частичный ремонт в I и II учебных корпусах, закончены работы в Химическом корпусе (полностью отремонтированы шесть учебно-производственных лабораторий). В I учебном

корпусе была подготовлена лаборатория аэродинамики. В механическом корпусе закончен ремонт автотракторной лаборатории и лаборатории паровых турбин. Были подготовлены к занятиям физическая аудитория № 324 на 350 мест и аудитория № 329 на 275 мест, лаборатория общей физики. Проводились работы по улучшению электроснабжения института и общежитий студенческого городка на Лесном проспекте, 65, был решен вопрос о водоснабжении всех корпусов, восстановлен Большой зал Высоковольтного корпуса. В 1955 году были введены в строй 2 и 3 этажи Гидрокорпуса.

Гидрокорпус

Создавались новые лаборатории: станков, спектрального анализа, механики грунтов, гидрологии и др. Осуществлялись планы по увеличению числа лабораторных установок, модернизации старых и разработке новых.

На посту директора ЛПИ в течение почти пяти лет профессор Алабышев проделал большую работу по повышению качества подготовки и увеличению выпуска молодых специалистов, по созданию новых специальностей, мобилизации коллектива института на выполнение поставленных задач.

В связи с болезнью, по его личной просьбе, приказом Министерства высшего образования СССР от 9 февраля 1956 года А.Ф. Алабышев с 5 марта 1956 года был освобожден от исполнения обязанностей директора ЛПИ с объявлением благодарности

за проделанную работу и оставлен в институте в должности заведующего кафедрой “Общая химия”.

В 1959 году Александр Философович совместно с учениками опубликовал книгу “Натрий и калий”, которая стала первым и единственным в мире научным обобщением химии и технологии данных металлов. Эта работа послужила базой для создания крупных цехов по производству натрия и калия на Березниковском содовом заводе.

По его инициативе были изготовлены и установлены автоматизированные таблицы Д.И. Менделеева — единственные в нашей стране, а также несколько обучающих классов. Все это способствовало успешному освоению студентами фундаментальной науки — химии.

С 1953 по 1977 год профессор Алабышев руководил кафедрой “Общая химия”, с 1977 по 1983 год был профессором-консультантом этой кафедры. Сотрудники уважительно отзывались о нем. “Он всегда стремился создать спокойную, деловую обстановку во всех рабочих коллективах. С уважением и пониманием относился к людям. Это был высокоинтеллигентный, доброжелательный, обаятельный человек. Человек, отличающийся чрезвычайной скромностью и искренностью”, — вспоминал профессор, заслуженный деятель науки и техники В.Г. Хорошайлов [9].

Творческая, научно-педагогическая деятельность А.Ф. Алабышева была отмечена государством. Правительством Российской Федерации 8 августа 1966 года ему было присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники РСФСР”.

2 мая 1983 года А.Ф. Алабышев скончался. Его похоронили на Богословском кладбище. В истории Ленинградского политехнического института Александр Философович Алабышев оставил заметный след и светлую память о себе.

Основные научные труды

Алабышев А.Ф. Теоретические основы и технология электролиза расплавленной поваренной соли: Дис. д-ра техн. наук / ЛТИ им. Ленсовета. Л., 1946.

Алабышев А.Ф. Электролитическое получение сплавов бария с оловом // Тр. ГИПХа. 1940. Вып. 33. С. 116.

Алабышев А.Ф., Григор В.А., Федотьев Н.П. Руководство к лабораторным работам по прикладной электрохимии: Учеб. пособие для вузов хим. спец. Л.; М.: Госхимиздат, 1948. 214 с.

Алабышев А.Ф. Важное условие технического прогресса // Творческое содружество науки и производства: Сб. ст. М.: Профиздат, 1952. С. 19–46.

Алабышев А.Ф., Лантратов М.Ф. Термодинамические свойства хлоридов свинца, кадмия и цинка (PbCl_2 , CdCl_2 и ZnCl_2) в растворах их с хлоридами калия, натрия, лития и бария // Тр. ЛПИ. 1957. № 188. С. 93–105.

Натрий и калий / А.Ф. Алабышев, К.Я. Грачев, С.А. Зарецкий, М.Ф. Лантратов. Л.: Госхимиздат. Ленингр. отд., 1959. 391 с.

Алабышев А.Ф., Лантратов М.Ф. Исследование термодинамических свойств жидких металлических растворов в системе Sb-Zn-Cd // Тр. ЛПИ. 1963. № 223. С. 55–66.

Алабышев А.Ф., Шойхет Д.Н. Курс общей химии / Под ред. проф. А.Ф. Алабышева. 2-е изд., перераб. / ЛПИ. Л., 1964. Ч. 1. 112 с.

Алабышев А.Ф., Лантратов М.Ф., Морачевский А.Г. Электроды сравнения для расплавленных солей / Под ред. проф. А.Ф. Алабышева. М.: Металлургия, 1965. 130 с.

Курс химии: В 2 ч. / А.Ф. Алабышев, М.В. Каменецкий, А.Г. Сыровегин, В.П. Шишочкин; Под ред. проф. А.Ф. Алабышева. М.: Высш. шк., 1969. 198 с.

Прикладная электрохимия: Учеб. пособие / А.Ф. Алабышев, П.М. Вячеславов, Л.А. Гальнбек и др.; Под ред. проф. А.Л. Ротиняна. Л.: Химия. Ленингр. отд., 1974. 536 с.

СМИРНОВ
ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ,
ректор
Политехнического института
(05.03.1956—05.03.1973)

Василий Сергеевич Смирнов
(02.01.1915—05.03.1973)

Василий Сергеевич Смирнов родился 2 января 1915 года в Петрограде. Его отец Сергей Максимилианович до революции работал на Сормовском заводе (Нижний Новгород), затем на петроградском заводе Вестингауза; в годы первой мировой войны был призван в армию, а когда началась гражданская война — служил в Красной Армии. В 1921 году был демобилизован, переехал с семьей в Саратов. После его смерти заботу о воспитании детей (старшему брату Владимиру тогда исполнилось 13 лет, сестре Зинаиде — 9 лет) взяла на себя мать Александра Александровна. Ей помогали старший брат и сестра Вера, ставшая для Зинаиды, Владимира и Василия второй матерью. Гражданская война, разруха первых послереволюционных лет, голод — все это явилось тяжелым испытанием для ребенка. Дети тех лет рано выросли, ощущая на себе нелегкий груз проблем и ответственности. Старший брат помогал семье до тех пор, пока жизнь его трагически не оборвалась: в 1936 году его, заведующего отделом школ и науки Саратовского обкома ВКП(б), арестовали по ложному обвинению и вскоре расстреляли. Реабилитировали его только после войны “за отсутствием состава преступления” [1].

Тяжелые условия жизни закалили характер и волю Василия Сергеевича. В 15-летнем возрасте он начал свою трудовую жизнь, устроившись на работу чернорабочим на Саратовский лесозавод. Трудолюбие юноши отметили, вскоре он был переведен в слесари.

В свободное время он много читал. Память его была удивительной: спустя 40 лет он помнил события, описанные в романах Жюль Верна, Р. Стивенсона, Д. Лондона, Ф. Купера, помнил многие рассказы А.П. Чехова, знал наизусть “Евгения Онегина”.

Развивающейся индустрии страны требовались грамотные инженеры-металлисты. В мае 1932 года Смирнов был зачислен на рабфак Уральского политехнического института (г. Свердловск, ныне Екатеринбург), так как у него не было аттестата о среднем образовании. После успешного окончания рабфака Василий Сергеевич поступил на металлургический факультет. Уральский политехнический институт тогда еще только строился. Поэтому студентам приходилось и учиться, и работать на строительстве учебных корпусов, общежитий. Учился Смирнов упорно, старательно. Сокурсники называли его в шутку Архимедом.

Немаловажный штрих биографии: на 3-м курсе Василия Сергеевича избрали депутатом Свердловского районного совета (что свидетельствует о большом уважении, которым он пользовался среди студентов и преподавателей). И эту нелегкую обязанность он исполнял в течение последующих пяти лет, совмещая ее с учебой, работой и общественной деятельностью — Василий Сергеевич являлся секретарем комсомольской организации института.

Он рано женился. Когда родилась дочь, молодым родителям-студентам исполнилось по 21 году. Забот прибавилось, но это никак не отразилось на учебе.

Необходимо отметить, что еще до окончания института, во время преддипломной практики, В.С. Смирнов сделал свои первые шаги в науке. В 1937 году он собирал материал для будущей дипломной работы, изучая производство жести на Лысьвенском металлургическом заводе (Пермская область). Творчески и вдумчиво подойдя к этой задаче, Василий Сергеевич проанализировал причины возникновения пороков жести и предложил меры по их снижению, что позволило повысить производительность и качество прокатного производства. Полученные научные результаты нашли отражение в статье “Увеличение стойкости металлопрокатных валков путем их охлаждения во время работы”, опубликованной в 1937 году в восьмом номере журнала “Уральская металлургия”.

В июне 1937 года В.С. Смирнов защитил дипломную работу и получил диплом с отличием по специальности “обработка металлов давлением”. С июля месяца того же года Василий Сергеевич начал работать начальником смены листопрокатного цеха Верх-Исетского металлургического завода, однако недолго: в январе 1938 года его зачислили в аспирантуру Уральского политехнического института. По-видимому, большую роль в этом сыграла блестящая защита дипломной работы, показавшая глубокие знания Василия Сергеевича, его способность творчески решать научные и инженерные проблемы.

В.С. Смирнов избрал темой исследования деформацию металла в процессе проката. Его учителем, наставником был замечательный металлург, ученый и преподаватель Аким Филиппович Головин. “Старик от души занимался наукой, имея достаточно для этого времени” [2], — вспоминал позже Василий Сергеевич. Вкратце суть задачи, решаемой Василием Сергеевичем, можно обрисовать следующим образом: требовалось рационально увязать степень деформации металла с конструктивными и технологическими

характеристиками прокатного стана. За чисто научной проблемой стояла и сугубо практическая, имевшая большое значение для экономики страны: повышение производительности и качества прокатного производства.

2 мая 1941 года Смирнов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему “Уширение в овальных и квадратных калибрах”. Так как тема его диссертации была связана с прокатным производством, то после защиты Василий Сергеевич получил направление на работу на Metallургический завод в г. Чусовой Пермской области.

Мирная жизнь закончилась 22 июня 1941 года. С началом войны В.С. Смирнов был назначен заместителем начальника прокатного цеха по производству рессорной полосы на Чусовском металлургическом заводе. Главной задачей Василия Сергеевича являлось не просто обеспечение заданного объема выпуска продукции надлежащего качества, а его постоянное наращивание на тех же производственных площадях. Это была нелегкая задача и весьма ответственная в условиях военного времени. “Дни и ночи у мартеновских печей не смыкала наша Родина очей. Дни и ночи вахту трудную несли, этот день мы приближали, как могли, этот день Победы!...”, - поется в известной песне композитора Тухманова. И эти слова можно в полной мере отнести к Василию Сергеевичу.

Тем не менее В.С. Смирнов упорно стремился попасть в действующую армию. После непростого разговора с директором в конце 1941 года он все же настоял на своем и отправился на фронт. Но с полпути В.С. Смирнова вернули назад: существовал указ о непризыве на военную службу ученых, научная специальность которых была жизненно важной для страны. Но на Чусовской металлургический завод он больше не вернулся.

Война выявила необходимость в совершенствовании систем вооружения, экстренного развертывания их массового производства. Последнее невозможно было сделать без серьезных исследований в области технологии производства, в первую очередь технологии металлов. В начале 1942 года Василий Сергеевич получил должность старшего научного сотрудника на кафедре “Обработка металлов давлением” Уральского политехнического института. К концу войны В.С. Смирнов был уже в должности доцента той же кафедры. Параллельно он работал на Верх-Исетском металлургическом заводе. Когда на Новотрубном заводе в г. Первоуральске началось производство снарядов для

“катюш”, для повышения производительности изготовления корпусов снарядов В.С. Смирнов предложил применить прокатку с минимальными допусками, сам активно участвовал в налаживании производства. За это молодой ученый получил в награду именные часы – первые в его жизни.

Все военные годы он проводил исследования, имеющие важное оборонное значение и связанные с деформацией металла при поперечной прокатке, готовил специалистов для металлургических предприятий. И жестоко голодал, заболел дистрофией, часто падал в голодные обмороки. Вклад Василия Сергеевича Смирнова в Победу был отмечен медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

Технология и теория поперечной и поперечно-винтовой прокатки в то время окончательно еще не сформировалась. Поэтому В.С. Смирнов разработал экспериментальный стан, обобщил отечественный и зарубежный опыт и создал признанную во всем мире теорию, позволяющую рассчитать основные параметры технологии поперечной и поперечно-винтовой прокатки. Результаты исследований в этой области нашли отражение в книге “Поперечная прокатка”, вышедшей в свет в 1948 году, и послужили основой для докторской диссертации, успешная защита которой состоялась в октябре 1948 года в Московском институте стали и сплавов.

Талантливого ученого пригласили работать в Ленинградский политехнический институт. Так с 1949 года и до последних дней жизнь Василия Сергеевича оказалась неразрывно связанной с судьбой этого прославленного вуза.

В 1950 году В.С. Смирнову было присвоено ученое звание профессора. Его утвердили в должности заведующего кафедрой “Пластическая обработка металлов”, основателем которой был выдающийся ученый-металлург В.Е. Грум-Гржимайло. Кафедра была очень слабо оснащена и практически не имела связей с промышленными предприятиями. Василий Сергеевич создал новые научные направления, пригласил специалистов, способных решать сложные теоретические и практические задачи.

Вокруг заведующего кафедрой, человека редкого обаяния, всегда царил дух взаимоуважения, взаимопомощи между сотрудниками. Такие взаимоотношения стали доброй традицией кафедры.

Оборудование кафедры и ее лаборатории было неудовлетворительным. За короткий срок Смирнов смог создать одну из

самых передовых в стране лабораторий, на которой развернул научно-исследовательскую и учебную работу. Василий Сергеевич подготовил плеяду ученых, таких как К.Н. Богоявленский, А.К. Григорьев, Н.Н. Павлов, В.Д. Дурнев, В.И. Владимиров, Н.Д. Данильбеков, В.Г. Капорович, Е.Ф. Сильнокова, Г.С. Казакевич, С.И. Радауцан и др., всего более 60 кандидатов и 10 докторов наук. Стараниями Смирнова был организован научный семинар кафедры, на котором выступали с сообщениями и докладами ученые и специалисты Ленинграда и других городов в области обработки металлов. Круг обсуждаемых вопросов был самым разнообразным. Смирнов не боялся глубокого и критического обсуждения научных проблем, невзирая на звания, регалии и заслуги, твердо веря, что в спорах рождается истина. И никогда не боялся сам публично признать правоту своего оппонента. “Всякая активно высказанная позиция, независимо от степени правильности, уже сама по себе должна иметь хотя бы немного противников” [3], — говорил Василий Сергеевич. Семинары стали школой для молодых ученых, специалистов, студентов. Они действуют и в настоящее время.

Василий Сергеевич никогда не останавливался на достигнутом. Новый научный результат служил лишь базой, основой для проведения новых научных изысканий. В.С. Смирнов никогда не отрывал свою научную деятельность от педагогической, считая ее для себя столь же важной. Поэтому он крайне редко поручал другому преподавателю читать лекции по курсу “Теория обработки металлов давлением”. “Нет более чуткой и умной аудитории, чем студенческая!..

Воспитание — процесс обоюдный: не только вы, но и вас воспитывает студент” [4], — говорил Василий Сергеевич. К лекциям В.С. Смирнов всегда тщательно готовился и читал их блестяще.

Василий Сергеевич любил “возиться” с аспирантами и студентами кафедры, считая эту работу одной из наиболее важных в системе подготовки специалистов. Имея собственные взгляды на приоритетные научные направления, он тем не менее уважал выбор научных направлений другими исследователями. Вспоминают, что однажды его аспирант, получив для кандидатской диссертации тему, важную и интересную с точки зрения Василия Сергеевича, избрал для себя иное направление исследований. Василий Сергеевич с пониманием отнесся к его желанию и позже ставил другим в пример этого аспиранта.

Свои непосредственные обязанности Смирнов успешно совмещал с работой консультанта НИИ Министерства вооружений по вопросам металлургии и металловедения.

В.С. Смирнов обладал несомненным организаторским талантом; в апреле 1954 года он был назначен заместителем директора Ленинградского политехнического института по научной работе (так в то время называлась эта должность), 9 февраля 1956 года был утвержден ректором ЛПИ, и 5 марта приступил к новым обязанностям.

В 1957 году за большой вклад в подготовку специалистов, развитие новых научных направлений В.С. Смирнов был награжден орденом Ленина. В 1957 году В.С. Смирнова избрали депутатом Ленсовета, что позволило ему обсуждать и оперативно решать ряд проблем, стоящих перед вузами города.

Нелегкую работу ректора Василий Сергеевич успешно совмещал с научно-педагогической деятельностью, оставаясь заведующим кафедрой “Обработка металлов давлением”. На кафедре он всегда был прежде всего ее заведующим, а не ректором.

В 1958 году В.С. Смирнов был избран членом технического совета Ленинградского совнархоза, членом ученых советов Всесоюзного института металлов и Ленинградского военно-механического института. Колоссальная работоспособность позволяла ему всюду успевать, и каждый день был расписан у него по минутам.

В.С. Смирнов не замыкался в рамках устоявшихся научных методик, теорий, направлений. Он одним из первых начал применять в научной работе ЭВМ в исследованиях математических моделей пластической и упругой деформации металла. Быстро оценив перспективы развития нового направления — порошковой металлургии, способствовал становлению собственной научной школы в этой области. Откликнувшись на острую потребность авиапромышленности, разработал прогрессивную технологию производства охлаждаемых воздухом лопаток газовых турбин авиационных двигателей, что позволило повысить тягу и ресурс серийных двигателей. Повсеместное применение новых металлов и сплавов серьезно заинтересовало Смирнова. Он изучил вопросы производства биметаллов “титан-сталь”, термоэлементов, исследовал проблемы обработки и прокатки в вакууме некоторых особо чистых металлов и сплавов, прежде всего полупроводников. Трудно переоценить широту и разнообразие научных интересов Василия Сергеевича.

Результаты работ ученого нашли отражение в книгах: “Поперечная прокатка” (1948), “Холодное волочение стальных труб” (1950), “Плющение проволоки” (1950), “Калибровка прокатных валков по методу соответственной полосы” (1952), “Калибровка прокатных валков” (1953), “Теория пластической деформации металлов” (1956), “Обработка металлов давлением” (1956), “Поперечная прокатка в машиностроении” (1957), “Теория прокатки” (1960), “Прокатка шестерен” (1960), “Продольная периодическая прокатка” (1961), “Теория упругости и пластичности” (1963), “Теория упругости и прочности” (1964), “Теория обработки металлов давлением” (конспект лекций – 1965), “Теория прокатки” (1967), “Деформация металлов в ромбических и овальных калибрах” (1967), “Применение ЭЦВМ для расчетов параметров прокатки” (1970), “Метод подобия в теории прокатки” (1971), “Теория обработки металлов давлением” (1973), “Сборник задач по обработке металлов давлением” (1973) и др., а также в сериях статей.

О последних двух книгах необходимо сказать особо. “Теория обработки металлов давлением”, с точки зрения специалистов, считается основополагающей в этой области. А задачник, подготовленный профессором Смирновым, является уникальным: никто до него не брал на себя такой огромный труд – по созданию сборника задач с решениями, которые автор выполнил сам. К сожалению, обе книги вышли уже после смерти автора.

Интересно проследить динамику роста числа научных работ В.С. Смирнова: 1949 год – 22, 1955 год – 52, 1960 год – 97, 1966 год – 170, 1970 год – 203. Причем он не принадлежал к тем руководителям научных коллективов, которые лишь подписывались под статьями подчиненных; Василий Сергеевич всегда сам, экономя каждую минуту свободного времени, участвовал в разработке материалов публикаций.

В июне 1960 года В.С. Смирнова избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Его кандидатуру выдвинули научные и производственные коллективы Ленинграда, Урала, Украины, в том числе конструкторское бюро, которым руководил главный конструктор авиационных двигателей Герой Социалистического Труда академик В.Я. Климов. В 1965 году Василий Сергеевич был избран почетным членом Академии наук Чехословакии.

В.С. Смирнов являлся членом экспертного совета ВАК по металлургии. В апреле 1965 года ему было присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники”.

В.С. Смирнова постоянно интересовали проблемы высшего образования: взаимосвязь планов развития вузов с развитием экономики страны, проблемы организации сбалансированного учебного процесса, объединяющего все формы обучения, качество подготовки специалистов. Его очень беспокоил тот факт, что многие выпускники технических вузов плохо знают производство. Он считал хорошее знание этих вопросов исключительно важным для будущих инженеров-технологов и инженеров-металлургов. Свои мысли о задачах вузов, о повышении уровня подготовки специалистов, о творческом содружестве учебных, научных и производственных коллективов В.С. Смирнов излагал на страницах журналов “Вестник высшей школы”, “Нева”, газет “Правда”, “Комсомольская правда”, “Смена”, “Промышленно-экономическая газета”, “Политехник” и др., в выступлениях по телевидению и радио.

В.С. Смирнов вел большую общественную работу. В конце 1950 – начале 1960-х годов он был избран председателем областного совета Всесоюзного совета научно-технических обществ (ВСНТО), заместителем председателя Всемирного Совета Мира, делегатом XXII съезда КПСС, делегатом XVI съезда профсоюзов, членом горкома и обкома партии. В 1970 году его избрали депутатом Верховного Совета РСФСР.

В рамках научного и культурного обмена В.С. Смирнов много ездил по зарубежным странам, был в США, Китае, Англии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, ГДР, Швейцарии. Ряд зарубежных визитов был связан с вопросами подготовки кадров для соответствующих стран, сотрудничества в развитии высшего образования.

Следует отметить, что В.С. Смирнов свободно владел английским языком, знал немецкий, что существенно помогало в работе и облегчало знакомство с зарубежной научной литературой.

Дома в свободное время Василий Сергеевич любил читать. Проявлял большой интерес к научно-популярным изданиям, хорошо знал художественную литературу. Во время зарубежных поездок вел дневники, в которых подробно описывал свои впечатления. Так появилась книга “Сорок дней в Китае”, вышедшая в Лениздат в 1958 году, его впечатления о поездках нашли отражение в газетных и журнальных статьях.

В семье Василий Сергеевич был мягким, спокойным человеком, нежно любил своих близких. Жена, дочь и сын старались

не обременять его своими проблемами, но, если ему приходилось оторваться на время от работы, никогда не сердился, легко, с улыбкой переключался на другие дела.

Василий Сергеевич умел не только много и азартно работать, но и весело отдыхать. Вокруг него образовался замечательный круг близких по духу людей, в который входили директор завода по производству фольги Ф.Т. Маленок, его жена, в прошлом певица, артист Мариинского театра Б.И. Соколов, пианистка И.А. Антонова, врач-хирург А.С. Максимович, ректор ЛИАПа А.А. Капустин, заместитель директора одного из заводов И.А. Воронов, сотрудники ЛПИ И.И. Нарышкин и Б.П. Бельтихин с женами. Приходили и другие люди. Встречи “могучей кучки”, как они себя называли, проходили очень весело, с музыкой, пением, экспромтами и танцами. Василий Сергеевич играл на гитаре, любил исполнять русские песни и романсы, читал стихи Безыменского, Есенина, Суркова. 1 мая и 7 ноября в дом Василия Сергеевича и Зои Алексеевны Смирновых всегда приходило много людей на пельмени и шаньги по-уральски.

Очень любил плавать. Василий Сергеевич мечтал о том, чтобы в институте был плавательный бассейн, добыл для этого средства и первым на его открытии прыгнул с пятиметровой вышки.

Зимой Василий Сергеевич подолгу ходил на лыжах, а летом совершал длительные велосипедные прогулки в окрестностях Репино и Зеленогорска.

И все же, как ни важны все проявления яркой личности В.С. Смирнова, нужно признать, что главным делом его жизни была работа в должности ректора, которой он отдал 17 лет. В.С. Смирнов был прекрасным ректором. Организаторский талант, умение находить точки соприкосновения даже в конфликтных ситуациях позволяли ему успешно решать многие проблемы, стоящие перед вузом, его научно-педагогическим коллективом. Василий Сергеевич придерживался концепции, сформированной еще первым директором института А.Г. Гагариным — давать широкое и фундаментальное образование по базовым техническим дисциплинам. Он полностью поддерживал идею, высказанную в докладной записке Государственному совету об учреждении института: высшая техническая школа в лице лучших своих представителей должна, подобно университетам, двигать знания вперед на пользу человечества,

чтобы приобретаемые знания могли служить разрешению крупнейших экономических вопросов. Василий Сергеевич приложил все усилия для того, чтобы набор специальностей и уровень квалификации выпускаемых ЛПИ инженеров соответствовали экономическим потребностям страны.

Все новое и интересное, что видел ректор в других странах и вузах, он обязательно обсуждал с коллегами на всех уровнях — от студентов и преподавателей до министра.

Он осуществил реорганизацию ряда кафедр и факультетов, в том числе и металлургического факультета, преобразованного в физико-металлургический. И дело тут не только и не столько в названии, а в изменении структуры и качества подготовки специалистов. Стремительное развитие науки и техники, наблюдавшееся в 1950 — начале 1960-х годов, привело к созданию новых направлений в производстве. Появилась атомная промышленность, ядерная энергетика, ракетно-космическая индустрия, полупроводниковая электроника, вычислительная техника. Стара́ниями Смирнова, глубоко понимавшего интересы государства, проводилась оперативная корректировка учебных планов, вводились новые специальности, создавались новые кафедры.

В 1955 году гидротехнический и гидромелиоративный факультеты объединились в гидротехнический факультет.

В 1957 году радиофизический факультет был преобразован в факультет радиоэлектроники. В условиях необходимости разработки новых научных направлений в институте появился ряд проблемных лабораторий. На базе одной из них в апреле 1961 года было организовано опытно-конструкторское бюро (ОКБ ЛПИ).

В 1959 году в ЛПИ появился факультет усовершенствования дипломированных инженеров (ФУДИ), а в марте 1962 года — заочный факультет.

В декабре 1961 года Президиум Академии наук СССР наградил Ленинградский политехнический институт медалью в честь запуска первого в мире искусственного спутника Земли.

Под непосредственным руководством В.С. Смирнова институт активизировал работу по подготовке иностранных специалистов. В 1965 году был организован подготовительный факультет, а несколько позже — факультет по обучению иностранных граждан.

7 января 1967 года Президиумом Верховного Совета СССР за большие заслуги в подготовке инженерных кадров и развитии научных исследований Ленинградский политехнический институт был

награжден орденом Ленина. 16 октября того же года Президиум Верховного Совета РСФСР, Совет Министров РСФСР и ВЦСПС наградили институт Памятным знаменем.

28 января 1968 года при ЛПИ было создано Особое конструкторское бюро технической кибернетики, преобразованное впоследствии в Центральный НИИ робототехники и технической кибернетики (ЦНИИ РТК).

В 1959 году институт организовал подготовительное отделение для рабочей молодежи, а на Металлическом заводе — консультационный пункт, который вскоре преобразовали в самостоятельное высшее учебное заведение — Завод-втуз.

В 1972 году был открыт Псковский филиал института, благодаря чему в значительной степени была удовлетворена потребность в обеспечении специалистами Северо-Запада России.

Псковский политехнический институт

Под руководством В.С. Смирнова в институте развернулось строительство: новые учебные корпуса, студенческие общежития, жилые дома для сотрудников, КБ, спортивные лагеря, спорткомплекс и другие объекты. Большая часть зданий и сооружений после революционной постройки, принадлежащих сегодня институту, была заложена или введена в эксплуатацию при Смирнове.

Спорткомплекс

Только по прошествии ряда лет можно оценить масштаб и значимость деятельности В.С. Смирнова. Вокруг Василия Сергеевича сформировался творческий коллектив единомышленников. Особо следует отметить слаженную работу ректора и проректора. Василий Сергеевич Смирнов, используя все возможности, добивался выделения необходимых средств. Проректор по хозяйственной части Борис Пантелеймонович Бельтихин, выпускник Уральского политехнического института, хозяйственник божьей милостью, фактически один руководил капитальным строительством, исполнял повседневные хозяйственные обязанности.

О трудностях, с которыми часто приходилось сталкиваться, можно судить по тому, как продвигалось строительство спорткомплекса. Смирнову и Бельтихину несколько раз приходилось ездить на прием к заместителю министра, затем к министру высшего образования СССР, потом в аналогичное министерство РСФСР, убеждая руководство в том, что комплекс необходим институту. Ректор и проректор в течение двух недель проводили в кабинетах по восемь-девять часов в день и в конце концов получили подписи министерских чиновников, требующиеся для оформления кредитов на строительство. Затем уже в Ленинграде шли такие же мучительные переговоры с подрядными и снабженческими организациями.

За 17 лет, в течение которых В.С. Смирнов являлся ректором, было построено и заложено более двадцати крупных объектов: пристройка к Гидрокорпусу, экспериментальные мастерские, IX, X, XIII корпуса, аудиторный корпус, оснащенный видеотехникой (первые в стране), здание для КБ, общежития для аспирантов и студентов, целая улица жилых домов для сотрудников института, столовая, кафе, здания амбулатории и профилактория, другие постройки. Это позволило обеспечить всех иногородних студентов местами в общежитии — такое положение среди ленинградских вузов было только в ЛПИ.

III учебный корпус

Один из корпусов студенческого общежития

9-й корпус (ул. Хлопина,1)

Все, кто работал с Василием Сергеевичем, видели в Смирнове не сухого администратора, безразличного к заботам и нуждам сотрудников, а человека отзывчивого, понимающего проблемы и задачи высшей школы. “Разве из плохого инженера может вырасти доктор наук, где вы видели у нас плохих академиков?” [5], — говорил он.

В.С. Смирнову неоднократно предлагали занять должность министра высшего и среднего специального образования РСФСР, но он отказывался. “Как же я брошу кафедру? Это мое детище, моя любовь”, — объяснял, вспоминает дочь, Василий Сергеевич домашним.

Вклад В.С. Смирнова в развитие науки, высшего образования был отмечен наградами. Кроме уже упомянутого выше ордена Ленина он был удостоен ордена Трудового Красного Знамени (1961), ордена ГДР “За заслуги перед отечеством” (1965), болгарского ордена Кирилла и Мефодия (которым Василий Сергеевич очень гордился), награжден медалями, ему неоднократно приказами по Министерству высшего и среднего специального образования объявлялась благодарность, вручались премии.

Исключительно напряженная работа подорвала его здоровье. 5 марта 1973 года В.С. Смирнов скончался после тяжелой и продолжительной болезни. Он прожил только 58 лет, но прожил ярко,

творчески, оставив свой след в развитии и преобразовании отечественной высшей школы, в науке и технике.

Основные научные труды

Смирнов В.С. Уширение в овальных и квадратных калибрах: Дис. канд. техн. наук / Урал. политехн. ин-т. Свердловск, 1941.

Смирнов В.С. Поперечная прокатка (Основы технологич. процесса): Дис. д-ра техн. наук / Ин-т стали и сплавов. М., 1948.

Смирнов В.С. Поперечная прокатка (Основы технологич. процесса). М.; Свердловск: Машгиз. Урал.-сиб. отд., 1948. 196 с.

Смирнов В.С. и др. Продольная периодическая прокатка / Под ред. В.С. Смирнова. М.; Л.: Машгиз. Ленингр. отд., 1961. 255 с.

Смирнов В.С. Теория упругости и пластичности: Конспект лекций (для студентов спец. "Пластич. обработка металлов" физ.-металлург. ф-та) / ЛПИ. Л. 1963. 140 с.

Смирнов В.С. Теория обработки металлов давлением: Конспект лекций (для студентов спец. "Пластич. обработка металлов" физ.-металлург. ф-та) / ЛПИ. Л. 1965. 228 с.

Смирнов В.С. Теория прокатки. М.: Металлургия, 1967. 460 с.

Смирнов В.С., Дурнев В.Д. Текстуροобразование металлов при прокатке. М.: Металлургия, 1971. 254 с.

Смирнов В.С. и др. Метод подобия в теории прокатки. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1971. 178 с.

Смирнов В.С. Сборник задач по обработке металлов давлением (для вузов по спец. "Обработка металлов давлением"). М.: Металлургия, 1973. 191 с.

Смирнов В.С. Теория обработки металлов давлением: Учеб. для вузов. М.: Металлургия, 1973. 496 с.

Смирнов В.С. и др. Сопротивление деформации и пластичность металлов (при обработке давлением). М.: Металлургия, 1975. 271 с.

СЕЛЕЗНЕВ
КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ,
ректор
Политехнического института
(17.05.1973–22.05.1983)

Константин Павлович Селезнев
(23.11.1920–14.07.1998)

17 мая 1973 года приказом Министерства высшего и среднего образования СССР ректором Ленинградского политехнического института был утвержден профессор Константин Павлович Селезнев. Этот пост он занимал в течение 10 лет. За многолетнее плодотворное руководство институтом К.П. Селезнев был награжден двумя орденами “Трудовое Красное Знамя”, Почетной грамотой и Почетной медалью Коллегии Минвуза РСФСР.

Константин Павлович Селезнев родился 23 ноября 1920 года в Петрограде в семье служащих. Отец и мать работали бухгалтерами. В семье, кроме него, было четверо детей: два старших брата — Виктор и Леонид, сестра Наталья и младший брат Андрей.

Учился Константин в 197-й школе (в настоящее время 11-я средняя школа Приморского района). Был старостой класса, членом учкома школы. В 1938 году окончил школу на отлично и поступил без экзаменов в Ленинградский политехнический институт на энергомашиностроительный факультет. Успешную учебу в институте Константин совмещал с большой общественной работой. На 1-3 курсах он был профоргом и старостой группы. В апреле 1940 года К. Селезнева принимают в комсомол, в сентябре избирают членом бюро ВЛКСМ факультета, а в октябре — секретарем. Константин начал приобщаться к научной работе, еще будучи студентом младших курсов. Занимался в научно-техническом кружке по теоретической механике у профессора А.И. Лурье, а вечерами и по выходным дням осваивал военные профессии в Осоавиахиме, в комсомольском батальоне. В 1939 году окончил школу станковых пулеметчиков и два года работал инструктором этой школы. В 1940 году окончил автомотошколу.

За отличные успехи в учебе и большую общественную работу в 1940 году К. Селезневу назначили Сталинскую стипендию.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В самом начале войны студентов старших курсов в действующую армию не направляли, однако уже утром 23 июня К. Селезнев, студент 3-го курса, подал заявление в райвоенкомат с просьбой немедленно отправить его на фронт. И получил отказ. В это время формировался студенческий отряд для сооружения оборонительных рубежей в районе Белоострова. К. Селезнева, как признанного комсомольского вожака, включили в состав комитета ВЛКСМ института и назначили комсоргом этого отряда и командиром “сотни”, состоящей

в основном из студентов-энергомашевцев. В его обязанности входило, в частности, передавать информацию о положении на фронтах, для чего он ежедневно рано утром отправлялся на станцию Белоостров слушать радио.

В начале июля строительство оборонительных сооружений успешно завершилось. Труд студентов не пропал даром — впоследствии на этом рубеже враг был остановлен.

Еще находясь на оборонительных работах, К. Селезнев подал заявление с просьбой зачислить его добровольцем в 56-й истребительный батальон, формировавшийся на базе Политехнического института. На батальон возлагалась ответственная задача по охране военных объектов, порядка в прифронтовой полосе и борьбе с диверсиями. Селезнева назначили командиром станкопулеметного взвода. Так в начале июля 1941 года для К. Селезнева началась военная служба. До конца 1944 года К. Селезнев служил на Северном, а затем на Ленинградском фронтах. Был пулеметчиком, снайпером (его снайперская книжка находится в экспозиции Музея боевой славы СПбГПУ), разведчиком. Участвовал в боях в районе Урицка, Лигово. В ноябре 1942 года командовал снайперской группой в районе Пушкин — Александровка, в июне 1943 года — в районе Пулково. В январе 1944 года он принимал активное участие в снятии блокады Ленинграда.

В годы войны К.П. Селезнев избирался заместителем (от членов комсомольской организации) комиссара 1-й отдельной комендатуры, а после вступления в декабре 1942 года в партию — членом партбюро батальона.

В конце 1944 года К.П. Селезнева назначили старшим помощником начальника разведотделения 2-го батальона 106-го погранотряда войск НКВД Прибалтийского пограничного округа.

Где бы ни служил К.П. Селезнев, какие бы командные должности ни занимал, он всегда пользовался всеобщим уважением. Мужественно перенося невероятные трудности, он был примером для своих бойцов. Ефрейтор Л. Гаухман в войсковой газете “На чеку” так писал о К.П. Селезнев: “Настоящий командир, исключительно уважаемый и любимый всеми бойцами. Сержант Селезнев ни на минуту не перестает работать над повышением своих знаний, изучает уставы, оружие... Сержант Селезнев никогда не сидит без дела — он находит время и для чтения истории партии, и для чтения художественной литературы, и для занятий спортом. А когда бойцы отдыхают — поют и танцуют — всегда среди них Костя Селезнев” [1].

Для большинства война окончилась 9 мая 1945 года, а К.П. Селезнев продолжал службу в составе 106-го погранотряда войск НКВД Прибалтийского пограничного округа — охранял границу, боролся с фашистской агентурой, бандитами.

За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны К.П. Селезнев награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Ленинграда”, “За отвагу”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

Демобилизовался К.П. Селезнев 28 мая 1946 года, а с июня он снова студент Политехнического института. Как и раньше, отличную учебу всегда сочетал с большой общественной работой — был членом парткома института, членом оргбюро по организации студенческого научно-технического общества. С 1948 года К.П. Селезнев по совместительству начал работать в ЦКТИ имени И.И. Ползунова, где и подготовил свой дипломный проект. В марте 1949 года К.П. Селезнев блестяще его защитил и получил диплом с отличием по специальности “турбиностроение”. Экзамены по всем предметам за весь период обучения в институте им сдавались только на “отлично”.

В 1949 году К.П. Селезнев был зачислен аспирантом кафедры “Паровые и газовые турбины”. Его руководителем назначили крупного ученого профессора И.И. Кириллова. Занимаясь в аспирантуре, К.П. Селезнев продолжал сотрудничать с ЦКТИ, где в общей сложности проработал более десяти лет и, как всегда, много времени уделял общественной работе в институте.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук на тему “Распределение температур в роторе и цилиндре газовой турбины” Константин Павлович защитил в марте 1952 года, на несколько месяцев раньше официального срока.

В 1952 году в характеристике кафедры “Паровые турбины” о К.П. Селезнев сказано: “К.П. Селезнев является высококвалифицированным научным работником с широкой эрудицией, способным ставить и решать серьезные технические задачи. Он обнаружил способности к преподавательской деятельности”. А годом позже: “Лекции читает на высоком техническом уровне, отражает в них последние достижения науки и техники. Материал излагает просто и доходчиво” [2].

В апреле 1952 года К.П. Селезнева назначили ассистентом кафедры “Паровые турбины” (ныне кафедра “Турбиностроение”), а через два месяца его избрали доцентом кафедры “Компрессорные машины”. Основная деятельность кафедры в те годы была связана

с организацией научной и учебной лаборатории компрессоростроения. Из-за отсутствия экспериментальной базы научные исследования практически не велись. Однако уже в 1954–1955 годы на кафедре под руководством К.П. Селезнева начали проводить экспериментально-теоретические работы в области турбокомпрессоров. Параллельно К.П. Селезнев продолжал исследование теплового состояния турбин, а затем и атомных реакторов в ЦКТИ, создав там соответствующую научную школу.

В эти годы К.П. Селезнев кроме научной и учебной много времени отдавал общественной работе – был заместителем секретаря, секретарем партбюро факультета, заместителем секретаря парткома института, а в 1954–1955 годы – секретарем партийного комитета ЛПИ.

С 1956 по 1958 год К.П. Селезнев работал в Китае, куда его как специалиста по компрессоростроению направили для чтения лекций в Институте Изяютун, г. Шанхай. В Китае он принял участие в организации кафедр “Компрессорные машины” в Шанхайском и Сианьском политехническом институтах, подготовил и выпустил девяти томный курс лекций по турбокомпрессорам (издан на китайском и русском языках), по которому учились несколько поколений китайских студентов и аспирантов. Там же им были выполнены проекты стендов для экспериментального исследования турбокомпрессоров, которые работают и сегодня. Именно в Китае К.П. Селезнев разработал программу исследований центробежных компрессоров, которую позже реализовал в ЛПИ.

По возвращении из Китая он возглавил работу по созданию проблемной лаборатории, для которой заказывалось оборудование и приборы, проектировались стенды, проводились монтажные работы.

Эта лаборатория стала базой для исследований в области турбокомпрессоростроения, затем водородной энергетики, а в дальнейшем и создания научной школы, возглавляемой К.П. Селезневым.

В 1960 году К.П. Селезнева избрали заведующим кафедрой “Компрессорные машины” (в дальнейшем кафедра называлась “Компрессоростроение”; ныне название кафедры – “Компрессорная, вакуумная и холодильная техника”). Еще пять раз, до 1989 года, его будут избирать заведующим кафедрой, большинство сотрудников которой – его ученики.

В 1963 году К.П. Селезнев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук на тему “Тепловое состояние роторов и цилиндров паровых и газовых турбин”, и в 1964 году ему было присвоено ученое звание профессора.

В своей научной деятельности К.П. Селезнев проводил теоретические и экспериментальные исследования в областях турбокомпрессоростроения и теплового состояния элементов паровых и газовых турбин и атомных реакторов. Наиболее крупные работы выполнены им по термогазодинамике турбокомпрессоров (прежде всего, центробежных), нестационарным процессам в проточной части центробежных компрессоров, математическому моделированию и САПР рабочих процессов в центробежных компрессорах, а также по тепловому состоянию роторов и цилиндров паровых и газовых турбин и корпусов атомных реакторов, по водородной энергетике - исследованию и созданию генераторов водорода на основе гидроокисления ряда металлов для питания двигателей внутреннего сгорания и дизелей транспортных средств и аппаратов для освоения мирового океана.

В результате исследований им были получены фундаментальные решения принципиальных теоретических и практических проблем энергомашиностроения по двум направлениям: разработка теории, создание методов расчета и оптимизации и отработка конструкций высокоэффективных центробежных компрессоров, в том числе высокого и сверхвысокого давления, для нефтегазового комплекса и холодильной техники; создание теоретических и аналоговых методов анализа и расчета теплового состояния паровых и газовых турбин, атомных реакторов, повышение прочности, надежности, маневренности теплоэнергетических установок. Вместе со своими учениками Константин Павлович предложил и развил новые оригинальные подходы к решению ряда сложных задач в области турбокомпрессоростроения.

С 1968 года К.П. Селезнев возглавлял и реализовывал программы Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) СССР и Минхиммаша СССР по созданию центробежных компрессоров сверхвысокого давления (до 250 МПа). Потребность в таких компрессорах возникла в первую очередь в связи с развитием отраслей нефтегазового комплекса и химической промышленности.

Головной организацией по решению этой проблемы был определен ВНИИ Компрессормаш (г. Сумы), а научным руководителем назначили К.П. Селезнева.

В 1973–1983 годы К.П. Селезнев был ректором Ленинградского политехнического института. Это особый период в его деятельности. Продолжая заниматься научно-исследовательской работой в области компрессоростроения, руководить кафедрой и проблемной лабораторией, К.П. Селезнев много сил прилагал для мобилизации коллектива на выполнение ряда постановлений ЦК КПСС

и Совета Министров СССР по дальнейшему развитию высшей школы, повышению качества подготовки специалистов, росту эффективности научно-исследовательской работы вузов страны и конкретно Ленинградского политехнического института.

Усилия ученых института направлялись на решение важнейших научных и технических проблем в области развития энергетики, в том числе ядерной, охраны природы, рационального использования природных ресурсов, электро- и энергомашиностроения, создания промышленных роботов и многое другое.

В это время Ленинградский политехнический институт был утвержден головной организацией по программам Министерства высшего и среднего образования РСФСР “Роботы”, “Человек и окружающая среда” и “Энергия”. Отдельные кафедры института успешно сотрудничали с Академией наук СССР по комплексной программе “Термоядерная энергетика”. Благодаря личному вкладу К.П. Селезнева как ректора ЛПИ в тот период был решен ряд комплексных научно-технических проблем по заданиям крупнейших ленинградских производственных объединений: “Электросила”, “Кировский завод”, “Ленинградская атомная станция”, “Светлана”, “Невский машиностроительный завод” и др. Институт был одним из участников почина 28 ленинградских организаций по досрочному пуску Саяно-Шушенской ГЭС, участвовал в разработке газоперекачивающих агрегатов ГТН-25, в строительстве защитных сооружений Ленинграда от наводнений.

Одновременно укреплялось научно-техническое сотрудничество со странами – членами СЭВ. В 1975 году Ленинградский политехнический институт одним из первых вузов СССР был принят в Международную ассоциацию университетов.

В эти годы К.П. Селезнев занимался не только организацией учебной и научно-исследовательской деятельности в Политехническом институте. Одновременно он был заместителем председателя президиума Совета ректоров вузов Ленинграда и председателем Совета по техническим наукам вузов Ленинграда. Возглавляемый им совет провел большую работу по повышению эффективности научной деятельности и концентрации усилий ученых ленинградских вузов в разработке фундаментальных проблем науки и техники.

В Политехническом институте основой учебного процесса всегда была подготовка специалистов широкого профиля. Лично К.П. Селезевым в связи с этим была проведена большая научно-методическая и организационная работа. За основу системы подготовки,

и это практиковалось с момента основания ЛПИ, было принято фундаментальное научное и инженерное образование с широким привлечением студентов, начиная с первых курсов, к научно-исследовательской работе на кафедрах и в лабораториях института, студенческих конструкторских бюро, подразделениях Академии наук СССР, ведущих научно-производственных объединениях как в рамках учебного процесса, так и вне его.

Большое внимание уделялось использованию технических средств обучения.

В целях укрепления связи учебного процесса с производством при ВНИИГе, Кировском, Ижорском заводах и ряде других ведущих предприятий были созданы филиалы базовых кафедр — учебно-научные лаборатории. При ФТИ имени А.Ф. Иоффе АН СССР организована первая базовая кафедра института “Космические исследования”.

Подготовка инженерных и научных кадров для К.П. Селезнева всегда была предметом повышенного внимания. Им самим подготовлено более 100 кандидатов и 18 докторов технических наук. Его ученики работают по всей Российской Федерации, в ближнем и дальнем зарубежье. Многие из них внесли существенный вклад в развитие отечественной компрессорной техники и родственных отраслей — турбиностроения, атомного энергомашиностроения и др., многие занимают ключевые посты в промышленных объединениях, научных организациях и вузах.

Коллеги по работе не раз отмечали важное значение в подготовке специалистов особого, и очень редкого, стиля К.П. Селезнева — глубокого уважения и любви к своим ученикам в сочетании с высокой, а порой и жесткой требовательностью и настойчивостью не только в достижении научных результатов, но и в воспитании высокой ответственности и умения использовать в своей работе достижения смежных отраслей науки и техники.

Студентам Константин Павлович всегда уделял много времени. Большой заботы требовали и студенческие строительные отряды — летние школы трудового и нравственного воспитания молодежи. В них молодежь осваивала азы организации и управления производством. Объектами трудовых семестров были Ленинградская и Мурманская области, Коми АССР, Нечерноземная зона, Ставропольский и Красноярский края и другие районы. Тысячи политехников трудились на всесоюзных ударных стройках: Саяно-Шушенская ГЭС, Камско-Ачинский топливно-энергетический комплекс.

За 10 лет, с 1973 по 1983 год, под руководством К.П. Селезнева немало было сделано и в области развития материально-технической базы института. Значительно увеличились площади учебно-лабораторного и производственного фонда. Были введены в эксплуатацию следующие объекты: отраслевая лаборатория кафедры “Электрические аппараты”, лаборатория подъемно-транспортных машин, студенческие общежития на 900 и 1080 человек, столовые на 500 и 150 посадочных мест, центральный склад. Завершено расширение корпуса гидротехнического факультета. Вошел в строй производственный корпус и энергоблок Центрального научно-исследовательского института робототехники и технической кибернетики. В 1983 году было практически завершено проектирование комплекса для факультета иностранных граждан с учебными помещениями на 500 учащихся, спортзалом, актовым залом, общежитием и столовой.

Центральный научно-исследовательский институт
робототехники и технической кибернетики (ЦНИИ РТК)

В эти годы в институте были организованы: факультет повышения квалификации преподавателей вузов, факультет переподготовки инженеров по новым перспективным направлениям науки и техники, факультет технической кибернетики, Историко-технический музей, вычислительный центр.

В 1978 году ЛПИ указом президента Социалистической Республики Вьетнам был награжден орденом “Дружба”, в 1979 году представлял свои достижения на ВДНХ СССР, где институтом была развернута большая комплексная экспозиция. В 1982 году был заключен первый комплексный прямой договор о сотрудничестве между ЛПИ и Минэнерго. В 1982 году институтом впервые организована и проведена Международная выставка в Эфиопии “Высшее образование в СССР”.

За прошедшее десятилетие Политехнический институт укрепил свои позиции крупнейшего учебного и научного центра России.

После ухода К.П. Селезнева с поста ректора продолжалась его деятельность в качестве заведующего кафедрой, его учебная и научная работа, его служба на общественном поприще.

К.П. Селезнев широко известен в нашей стране и за рубежом как один из выдающихся ученых-энергомашиностроителей, плодотворно работавший в этой области более сорока пяти лет. Он был основателем научной школы в области компрессоростроения, крупным теоретиком и талантливым экспериментатором, автором более 400 печатных научных трудов, в числе которых 23 учебных пособия, монография, 47 изобретений и зарубежных патентов (США, ФРГ, Англия, Франция). Его работы, посвященные теории, методам расчета, оптимизации и конструированию основного энергетического оборудования и проблемам водородной энергетики, опубликованы в США, Японии, Германии, Польше, Венгрии, Китае, Кубе и других странах, с которыми он сотрудничал. Часть его методических работ связана с созданием новой исследовательской аппаратуры, аналоговой вычислительной техники и систем автоматизированного проектирования, а также с проблемами высшей школы. Основной труд К.П. Селезнева “Теория и расчет турбокомпрессоров” переиздавался шесть раз, в том числе в США и Китае.

К.П. Селезнев неоднократно и весьма успешно выступал на всесоюзных и международных конференциях, сотрудничал с вузами и фирмами Германии, США, Польши, Китая.

Именно по его инициативе с 1965 года в СССР началось регулярное проведение сначала всесоюзных, а затем и международных

научно-технических конференций по компрессорной технике. XI Международная конференция, последняя под руководством К.П. Селезнева, была проведена им в г. Казани в 1998 году.

В конце 1980-х годов положение в отрасли компрессоростроения, как и во всей стране, осложнилось: отрасль лишилась головного института, начали распадаться структуры Госплана и министерств, нарушились связи между заводами, КБ, НИИ и вузами, выпускающими компрессорщиков. Чтобы как-то сохранить связи, использовать научный потенциал, на VIII Всесоюзной научно-технической конференции было принято решение организовать Всесоюзную организацию компрессорщиков. В связи с постепенным развалом головного института – ВНИИ Компрессормаша – основная тяжесть по созданию ассоциации легла на кафедру “Компрессоростроение” ЛПИ, а точнее на К.П. Селезнева. Всесоюзная ассоциация компрессорщиков и пневматиков была зарегистрирована в Ленинграде при ЛПИ. Председателем избрали К.П. Селезнева.

С 1992 года ассоциация начала регулярно выпускать журнал “Компрессорная техника и пневматика”, главным (и в итоге бесменным) редактором которой был избран К.П. Селезнев. С распадом СССР Всесоюзная ассоциация компрессорщиков была заново зарегистрирована в Министерстве юстиции Российской Федерации в 1993 году как Межрегиональная ассоциация компрессорщиков и пневматиков. Председателем, естественно, остался К.П. Селезнев.

В 1995 году коллектив университета, представители машиностроительных предприятий и научных организаций, зарубежные ученые, его ученики и друзья поздравили К.П. Селезнева с 75-летием. Было много разных поздравлений, но всех их объединяло глубочайшее уважение к К.П. Селезневу – крупному ученому, великому труженику, доброжелательному и отзывчивому человеку, истинному патриоту своей Родины. Приведем только одно из них, в котором всесторонне раскрывается облик юбиляра – ученого, человека и гражданина своей страны: “Мы глубоко чтим Вас за мужество, энтузиазм, интеллигентность, мудрость, обаяние, верность. За огромный труд на благо любимого Отечества нашего, за абсолютную цельность Вашей личности. Зав. кафедрой МГТУ, д. т. н. профессор Архаров А.М., д. т. н. профессор Нуждин А.С.” [3].

Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, заслуженный деятель науки и техники Республики Татарстан, заслуженный профессор СПбГПУ, почетный член отделения энергетики и энергомашиностроения Санкт-Петербургской инженерной академии,

действительный член Международной академии холода, член Международной энергетической академии Константин Павлович Селезнев за свои труды во имя и благо Родины награжден 19 правительственными наградами, в том числе двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Ленинграда”, “За отвагу”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, “За трудовую доблесть”, “Ветеран труда”, почетным знаком “За активную работу в органах партийного контроля”, двумя золотыми и одной серебряной медалями ВДНХ, двумя почетными грамотами ВАК СССР, медалью ГДР за заслуги в образовании и науке, орденом КНР “Китайско-советская дружба”, юбилейными медалями.

Он избирался членом Ленинградского городского и Калининского районного советов народных депутатов, членом Калининского районного и Ленинградского областного комитета КПСС.

Последние годы К.П. Селезнева были, как всегда, перенасыщены разнообразными обязанностями: он был профессором кафедры “Компрессоростроение”, старшим советником президента СПбГТУ, председателем Межрегиональной ассоциации компрессорщиков и пневматиков РФ и ее Научного совета, председателем Научного совета по компрессорной технике при Министерстве науки и технологий РФ, главным редактором журнала “Компрессорная техника и пневматика” (он же и организатор журнала), организатором и заместителем редактора журнала “Научно-технические ведомости СПбГТУ”, председателем диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций при СПбГТУ, членом Ученого совета СПбГТУ, членом ученого совета энергомашиностроительного факультета, заместителем председателя Совета Дома ученых в Лесном, организатором и заместителем председателя Комиссии по истории СПбГТУ (бессменно с 1983 года), членом Научно-технического совета СПбГТУ, заместителем секретаря по идеологии Калининского райкома КПРФ (Санкт-Петербург).

Константин Павлович успевал всюду, удивляя всех своей фантастической, невероятной работоспособностью и неутомимостью. Поражало его необыкновенное свойство поднимать людей до своего уровня. Никто не помнит случая, чтобы пришедший к нему человек, как бы Константин Павлович не был занят и сколько бы народа не ждало его помощи, ушел бы от него, не получив ответа на свой вопрос. Своего собеседника он понимал с полуслова, даже если расходился с ним во взглядах.

Благодаря огромной эрудиции, целеустремленности, удивительной скромности и искреннему уважению к людям Константин Павлович, как никто другой, умел создавать вокруг себя такую непринужденную творческую атмосферу, в которой даже в наше непростое время работалось очень продуктивно и решались самые сложные проблемы.

Впереди у К.П. Селезнева были большие творческие планы. Это и расчеты трехмерного течения вязкого газа в проточной части турбокомпрессоров, исследования центробежных компрессоров, в том числе выполняемые совместно с Ганноверским техническим университетом, и продолжение научных исследований по проблеме компрессоров высокого и сверхвысокого давления, работы в области водородной энергетики и многое другое.

14 июля 1998 года случилось непоправимое.

Константин Павлович Селезнев — талантливый ученый, выдающийся педагог, блестящий организатор, человек высокой нравственности и культуры, просто достойный человек — ушел из жизни.

Для Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, российской науки и компрессоростроения, для всех нас уход Константина Павловича Селезнева — невосполнимая потеря.

И все мы, знавшие и любившие его, благодарим судьбу за то, что она свела наши жизненные пути.

Основные научные труды

Селезнев К.П. Распределение температур в роторе и цилиндре газовой турбины: Дис . канд. техн. наук / ЛПИ им. М.И. Калинина. Л., 1952.

Селезнев К.П. Тепловое состояние роторов и цилиндров паровых и газовых турбин: Дис . д-ра техн. наук / ЛПИ им. М.И. Калинина. Л., 1963.

Подобуев Ю.С., Селезнев К.П. Теория и расчет осевых и центробежных компрессоров. М.: Машгиз, 1957. 390 с.

Подобуев Ю.С., Анисимов С.А., Селезнев К.П. Теория и расчет турбокомпрессоров. Л.: Машиностроение, 1968. 406 с.

Селезнев К.П., Галеркин Ю.Б. Центробежные компрессоры. Л.: Машиностроение, 1982. 272 с.

Сафонов Л.П., Селезнев К.П., Коваленко А.Н. Тепловое состояние высокоманевренных паровых турбин. Л.: Машиностроение, 1983. 295 с.

Селезнев К.П. и др. Теория и расчет турбокомпрессоров. Л.: Машиностроение, 1986. 392 с.

Дитман А.О., Селезнев К.П., Шерстюков В.А. Аналоговые методы исследования течений в проточной части турбомашин. Л.: Энергоатоммаш, 1989. 168 с.

Селезнев К.П., Евтушенко А.И., Савин Б.Н. Метод расчета течения вязкого сжимаемого газа в безлопаточных диффузорах центробежных компрессоров // Компрессорная техника и пневматика. 1994. Вып. 3. С. 35-40.

Измайлов Р.А., Селезнев К.П. Нестационарные процессы в центробежных компрессорах // Хим. и нефт. машиностроение. 1995. № 11. С. 21-24.

Селезнев К.П., Жаров В.Ф. Разработка и исследование автономных систем для подъема грузов и обогрева подводных объектов // "Освоение шельфа арктических морей России": Тез. докл. II Междунар. конф. СПб., 1995. С. 290-291.

Селезнев К.П., Стрижак Л.Я. Термодинамические основы проектирования центробежных компрессоров высокого и сверхвысокого давления // Хим. и нефт. машиностроение. 1995. № 11. С. 8-15.

ВАСИЛЬЕВ

ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ,

ректор

**Ленинградского политехнического
института — Санкт-Петербургского**

государственного

технического университета

(23.05.1983 — 16.11.1995),

президент

Санкт-Петербургского

государственного

политехнического университета

(с 17.11.1995 года

по настоящее время)

Юрий Сергеевич Васильев
(род. 10.04.1929)

23 мая 1983 года приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР ректором Ленинградского ордена Ленина политехнического института имени М.И. Калинина (ныне Санкт-Петербургского государственного политехнического университета) был назначен профессор Юрий Сергеевич Васильев. В ноябре 1995 года приказом председателя Госкомвуза России В.Г. Кинилева профессор Ю.С. Васильев утвержден президентом вуза. Более 20 лет он руководил одним из крупнейших вузов страны.

Юрий Сергеевич Васильев родился 10 апреля 1929 года в г. Иркутске в семье служащих. Его отец Сергей Васильевич Васильев — инженер-геолог, окончил Путейский институт в Санкт-Петербурге, участвовал в строительстве КВЖД; мать Екатерина Гербертовна — уроженка Якутии, окончила Иркутский университет, была педагогом по призванию, работала в дошкольных учреждениях. По роду деятельности Сергея Васильевича семье часто приходилось менять место жительства.

В 1946 году, по окончании средней школы в селе Ермоковское Красноярского края, куда семья Васильевых из Москвы была эвакуирована в 1942 году, Юрий Сергеевич поступает на инженерно-строительный факультет Ленинградского политехнического института. С тех пор вот уже более полувека неразрывно связаны судьбы этого вуза и его студента — будущего руководителя.

Уже во время учебы в институте проявились неординарные организаторские способности Юрия Сергеевича. Много времени и сил отдавал он общественной деятельности, работая в бюро ВЛКСМ факультета.

Недавно окончилась Великая Отечественная война. Весь народ восстанавливал основы мирной жизни. Одной из острых проблем было обустройство и электрификация сельской местности. В этой обстановке в 1948 году возникло патриотическое начинание студентов Политехнического института добровольно взяться за электрификацию колхозов и совхозов Ленинградской области. В 1949 году комсомольский актив инженерно-строительного факультета обратился

в деканат за разрешением пройти производственную практику на студенческих стройках. Разрешение было получено. На строительстве Непповской ГЭС мастером арматурных работ и комсоргом стройки был Юрий Васильев. “Студенты работали на стройках практически без зарплаты, движимые желанием внести максимальный личный вклад в общее дело восстановления и развития народного хозяйства” [1]. Это была “не просто производственная школа, а школа формирования коллектива во всем разнообразии его интересов, школа товарищества и взаимопомощи” [2]. За три года студенты Политехнического института построили на реках Ленинградской области четыре гидроэлектростанции. Эта инициатива политехников получила свое развитие в виде строительных отрядов, которые стали организовываться каждое лето во всех вузах Советского Союза и фактически стали школой практической подготовки инженерных кадров для промышленности.

В 1949 году за участие в электрификации Ленинградской области Юрий Сергеевич был награжден Почетной Грамотой ЦК ВЛКСМ.

Еще студентом Ю.С. Васильев начал заниматься научной работой. Заведующий кафедрой “Использование водной энергии” видный советский гидроэнергетик профессор А.А. Морозов заметил одаренного, эрудированного и трудолюбивого молодого человека и стал руководителем его дипломного проекта. В 1951 году, по окончании гидротехнического факультета ЛПИ по специальности “Гидротехническое строительство”, Юрию Сергеевичу предложили работу ассистента на этой кафедре.

В 1950-е годы он вел курсовые работы “Регулирование стока реки”, “Выбор установленной мощности ГЭС”, осуществлял руководство курсовым проектом “Здания ГЭС”. У молодого ассистента, единственного ассистента на кафедре, несомненно, был преподавательский дар. “Занятия проходили живо, шумно, даже весело. Юрий Сергеевич громким голосом обсуждал и комментировал с каждым из студентов положительные и отрицательные стороны возможных вариантов проектных решений, громко смеялся, что заставляло других студентов учебной группы не оставаться безучастными в обсуждениях практически всех вопросов очередного студенческого проекта” [3].

Одновременно с преподавательской работой — и так будет всегда — он занимался и научной работой.

В 1956–1958 годы Юрий Сергеевич участвует в проектировании и строительстве лабораторной базы кафедр “Использование водной энергии” и “Гидротехнические сооружения”. Силами студентов, преподавателей и сотрудников факультета лаборатория была построена.

Одной из первых его работ было участие в научном обосновании концепции о целесообразности перехода к гидроагрегатам с единичной мощностью, в 5–10 раз превышающей довоенный уровень. В отечественной и зарубежной практике гидроэнергетических установок такой мощности еще не было. В довоенное время Днепрогэс с агрегатами мощностью 75000 кВт была самой мощной электростанцией в Европе. До 1960 года ни на одной из гидроэлектростанций не были установлены агрегаты мощностью более 115–130 МВт. В 1956–1958 годы Ю.С. Васильев участвовал в обосновании гидроагрегата в 3–3,5 раза большей мощности. Это привело к созданию гидроагрегатов с единичной мощностью 250–500 МВт. Результаты исследований были применены на Братской, Красноярской и других ГЭС. Уникальные по мощности гидроагрегаты этих гидроэнергетических установок на долгие годы обеспечили “приоритет отечественной техники в мировой гидроэнергетике” [4].

Первый этап научной деятельности Ю.С. Васильева был связан “с оптимизацией параметров водопроводящих сооружений гидроэнергетических объектов, отличающихся научной новизной их проектирования и сооружения” [5]. Он принял участие в ряде исследований, которые обеспечили создание опытных агрегатов капсульного исполнения ПЛ15-ГК-750 с номинальным диаметром рабочего колеса 7,5 м для Саратовской ГЭС. Позже отечественные энергетики получают запрос об изготовлении и поставке такого оборудования на электростанции в Канаду, Румынию, Югославию и другие страны.

Работа над проблемой оптимизации основных параметров гидроагрегатов ГЭС, целесообразности их создания большей единичной мощности привела к построению в лаборатории кафедры экспериментальной установки для исследований на физической модели турбинного блока Красноярской ГЭС. При испытании этой модели Юрий Сергеевич провел научные исследования с применением ЭВМ.

Созданная затем под руководством Ю.С. Васильева вычислительная лаборатория позволила отрабатывать методы машинной обработки исследований и обеспечила возможность проведения на кафедре большого комплекса научных исследований, и в первую очередь для строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Были созданы оригинальные экспериментальные установки, обеспечивающие моделирование отдельных элементов установки в масштабе 1:26, что, в свою очередь, позволило принять более экономичный вариант водопроводящего тракта турбинного блока мощностью 640 000 кВт.

Под руководством Ю.С. Васильева был проведен целый комплекс научных исследований и для ряда энергетических объектов Украины, Дагестана, Кольского полуострова и Дальнего Востока. Все его научные разработки всегда завершались инженерно-техническими решениями.

В 1962 году он защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук на тему “Методика технико-экономических расчетов параметров каналов гидроэлектростанций”, становится инициатором создания нового научного направления и возглавляет группу молодых ученых и студентов, участвующих в разработке методов физико-математического моделирования и использования ЭВМ в гидроэнергетике. Под его руководством была создана лаборатория математического моделирования в гидроэнергетике, в которой был выполнен большой объем научных исследований гидродинамических нагрузок и полей скоростей в проточных трактах Череповецкой, Киевской и Саяно-Шушенской ГЭС.

Результаты исследований, проведенных в лаборатории, использовались в проектировании этих энергетических объектов, а методика их проведения была представлена на конгрессе МАГИ в Токио.

От ученых, проектировщиков, конструкторов и строителей Саяно-Шушенской ГЭС — одной из крупнейших в мире по суммарной и единичной мощности гидроагрегатов и по параметрам гидротехнических сооружений — требовался всеобъемлющий и творческий подход. В итоге возникла новая форма сотрудничества, получившая название “Договор — 28” по числу организаций Ленинграда и Красноярского края, участвовавших в создании этого гиганта на Енисее. Таким образом, было создано отраслевое, проектно-строительное, научно-производственное объединение.

Работы Юрия Сергеевича по физическому и математическому моделированию водопроводящих трактов гидроэнергетических установок, фундаментальные исследования в области автоматизированных систем проектирования в гидроэнергетике, а также прикладные работы в лабораториях гидроэнергетических установок и математических методов моделирования заложили основы для создания нового научного направления “Автоматизация процессов обоснования параметров, проектирования и управления технологическими процессами гидроэлектростанций и водохозяйственных систем”.

В 1973 году Ю.С. Васильев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук. Тема диссертации “Основы и методы расчетов оптимальных параметров водопроводящих

сооружений ГЭС”. В 1975 году Юрию Сергеевичу Васильеву присвоено ученое звание профессора.

В 1976 году он избран заведующим кафедрой “Использование водной энергии” (ныне “Возобновляющиеся источники энергии и гидроэнергетика”), которую возглавлял до лета 1999 года, то есть более 20 лет.

В 1978 году Юрий Сергеевич Васильев был избран секретарем партийного комитета ЛПИ. За очень короткое время он стал широко известен всему коллективу политехников как авторитетный, уважаемый руководитель, к которому всегда можно было придти со своими проблемами и надеждой на их решение. Как секретарь парткома Ю.С. Васильев занимался и вопросами развития материальной базы института. В это время на углу Гражданского пр. и ул. Гидротехников строился новый корпус подготовительного отделения для иностранных студентов, а рядом с Главным зданием и Химическим корпусом — 4-й учебный корпус. В сфере его внимания были и вопросы совершенствования процесса обучения и практической подготовки студентов. Будучи одним из первых стройотрядовцев, он всегда поддерживал комсомольские инициативы по развитию этого молодежного движения, выезжал на встречи с бойцами стройотрядов. На строительстве Саяно-Шушенской ГЭС студенты совмещали работу в ССО с прохождением производственной практики, и это было хорошей школой для старшекурсников гидротехнического факультета.

В 1980—1990 годы Ю.С. Васильев избирался депутатом Ленинградского городского совета депутатов трудящихся, членом Ленинградского обкома КПСС. Работал председателем городской избирательной комиссии по выборам народных депутатов.

В 1982 году Юрий Сергеевич назначен научным руководителем комплексной научно-технической программы “Энергосистема” Минвуза РСФСР и Минэнерго СССР, а ЛПИ утвержден головным вузом по этой программе.

Большая занятость не сузила сферу интересов секретаря парткома крупнейшего вуза. Он продолжал жить заботами кафедры и не забывал о собственных научных исследованиях. Более того, многосторонность интересов Юрия Сергеевича привела к тому, что в центре его внимания оказались практически не изученные, но чрезвычайно актуальные экологические проблемы использования возобновляющихся источников энергии. Сейчас Ю.С. Васильев широко известен как крупный ученый в области экологии и природопользования. В своих научных трудах он акцентирует “внимание на основных факторах взаимодействия нетрадиционных

энергоустановок на окружающую среду с целью предотвращения серьезных ошибок при их проектировании” [6].

Его труды способствовали формированию нового научного направления в энергетике — охране окружающей среды при использовании гидроэнергетических ресурсов и возобновляемых источников энергии, а исследования Ю.С. Васильева легли в основу разработки мероприятий по снижению негативного влияния ГЭС на природную среду.

И в этой области Ю.С. Васильев проявил себя как талантливый организатор науки, став одним из основоположников организации комплексных экологических исследований, связанных с энергетическим и водохозяйственным строительством. На протяжении ряда лет он руководил комплексной научно-технической программой “Человек и окружающая среда” Минвуза РСФСР для решения важнейших научно-технических проблем в области природопользования и совершенствования экологической подготовки специалистов. Большое количество работ, выполняемых по этой программе, а в ней принимали участие более 200 вузов страны, было включено в международную программу ЮНЕСКО “Человек и биосфера” (МАН) и в программу ООН по окружающей среде (ЮНЕП). В рамках этой программы был проведен анализ и прогноз экологического состояния в различных регионах, предложен для внедрения ряд новых технологий и технических средств, способствующих стабилизации и улучшению экологии. Программа впервые в России показала преимущество программно-целевого планирования вузовских научных исследований.

Юрий Сергеевич по-прежнему уделяет большое внимание развитию научных исследований и материальной базы своей кафедры и своего факультета в целом. Он проводил научные исследования по широкому спектру проблем в области гидроэнергетики. Участвовал в составлении нормативных документов по гидротехническому строительству, в проектировании Красноярской, Саяно-Шушенской, Шекснинской, Понойских, Зейской, Желундинской, Ирганайской, Бурейской и др. ГЭС, Приволжской и Кулундинской оросительных систем, Южно-Украинского энергокомплекса. Вел экспертные работы по различным вопросам энергетики, экологии и математическому моделированию. Принимал участие в разработке прогнозов развития гидроэнергетики СССР и России.

В те годы, подводя итоги работы кафедры, он писал: “Сотрудники кафедры участвовали в научном обосновании Саяно-Шушенской, Чиркейской, Миатнинской, Ирганайской ГЭС, крупных насосных станций для систем переброски части стока

сибирских рек в Среднюю Азию и северных рек европейской части СССР в бассейн Волги, ГАЭС в составе Южно-Украинского энергокомплекса, а также ряда насосных станций систем водоснабжения мощных атомных электростанций и ирригационных систем... Создана и полностью оснащена учебно-вычислительная лаборатория ГТФ при нашей кафедре. Наличие в лаборатории ЭВМ ЕС-1022 позволило повысить уровень научных исследований и улучшить подготовку специалистов за счет более широкого применения ЭВМ в учебном процессе” [7].

Среди гидротехнических вузов и факультетов кафедра была признана пионером по внедрению в научную практику ЭВМ. Она превратилась в своеобразный научно-исследовательский и координационный центр подготовки высококлассных специалистов - гидроэнергетиков как в российском, так и в международном масштабе.

В 1986 году по инициативе Юрия Сергеевича кафедра получила новое, современное название “Возобновляющиеся источники энергии и гидроэнергетика” (ВИЭГ). В 1993 году кафедрой получена лицензия на подготовку специалистов по специальности 100900 “Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии”. Сейчас специалисты по этой специальности готовятся на кафедре ВИЭГ СПбГПУ, а также на кафедре “Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии” Московского энергетического института, которой руководит ученик Ю.С. Васильева — профессор, доктор технических наук В.И. Виссарионов.

В 1983 году Ю.С. Васильев становится ректором Ленинградского политехнического института. Начался новый важный этап в жизни и деятельности Юрия Сергеевича, который потребовал от него мобилизации всех своих способностей и талантов. Руководитель крупнейшего технического вуза страны становится государственным деятелем, который формирует образовательную политику как внутри своего вуза, так и в нашей стране, и на международной арене.

Как и во всех высших учебных заведениях, в ЛПИ бурлит жизнь — студенческая, преподавательская, научная. Институт активно участвует “во всех формах научной работы по проблемам образования, проводившейся под руководством Российского и Союзного Минвузов. Коллективы преподавателей всех факультетов выполняли научно-исследовательские работы по совершенствованию высшего технического образования, направления и темы которых предлагались институтом и включались Минвузом СССР в Координационные планы” [8]. При непосредственном участии и

руководстве профессора Ю.С. Васильева Ученый совет разрабатывал направления развития вуза с учетом требований времени.

В Ленинградском политехническом институте создаются новые факультеты. В 1985 году организован факультет общественных наук. В 1986 году специальным правительственным постановлением создан Межотраслевой институт повышения квалификации кадров по новым направлениям развития техники и технологии (МИПК), на котором осуществляется повышение квалификации руководящих работников и специалистов более чем по 60 специальностям. В 1988 году организованы физико-технический факультет на базе Физико-технического института АН СССР имени А.Ф. Иоффе и отраслевой факультет автоматики, вычислительной техники и радиоэлектроники на базе НПО “Ленинец”.

В 1989 году совместно с фирмами США и Германии ЛПИ организует Центр лазерных технологий, становится учредителем Ассоциации “Наука-сервис” — делового сотрудничества с зарубежными странами.

Формируются научно-производственные комплексы. На базе Инженерного центра ЛПИ “Гибкие производственные системы” (ГПС) устанавливаются связи с головными предприятиями Минтяжэнергомаша СССР по решению межотраслевых проблем разработки, унификации и создания ГПС и их кадрового сопровождения в виде модулей специалистов для НПО “Электронмаш” и “Ижорский завод” [9]. В УНПК на базе ЦНИИ робототехники и технической кибернетики учебный процесс для студентов 5-го курса совмещается с производственной деятельностью.

С 1988 года институт в основном перешел на распределение выпускников на основе комплексных договоров, предусматривающих взаимные обязательства в деле подготовки специалистов, с ПО “Кировский завод”, “Невский завод имени В.И. Ленина”, ПО “Пензкомпрессормаш”, “ЛенНИИхиммаш”, НТО и ФТИ АН СССР.

Большого повседневного внимания ректора требовала и работа по улучшению жилищно-бытовых условий, общественного питания, охраны труда, организации отдыха и досуга сотрудников и студентов института.

Дом Ученых в Лесном становится настоящим центром культурно-просветительной жизни института, его студентов, сотрудников, детей. В Историко-техническом музее, имеющем в своей 45 тысячной коллекции, одной из наиболее крупных среди вузовских музеев, немало уникальных, представляющих исторический, культурный и научный интерес и имеющих мировую значимость,

экспонатов, проводятся экскурсии для школьников и лекции для студентов всех факультетов по введению в специальность. В студенческом клубе работают многочисленные коллективы художественной самодеятельности. Стадион института позволяет проводить занятия самых разных спортивных секций. Институт имеет пионерский лагерь в пос. Ушково и два спортивно-оздоровительных лагеря — Южный на берегу Черного моря и Северный на р. Вуокса, в которых отдыхают студенты и преподаватели института.

Южный спортивный лагерь

В 1988 году расширенный Ученый совет института переизбрал ректора Ю.С. Васильева на очередной пятилетний срок. Почти шесть часов длилось обсуждение отчетного доклада ректора о проделанной им работе за 1983—1988 годы. “В сущности, вопрос стоял предельно четко: наше отношение к процессам перестройки, которая совсем не гладко проходит в институте, и через призму этого отношения — оценка деятельности руководителя вуза, ректората в целом” [10]. “Выборы показали, что к тому времени Юрий Сергеевич сформировался как профессиональный ректор вуза России, владеющий необходимым ректорским мастерством для проведения в жизнь задуманного в условиях гласности, альтернативности политических мнений, настроений коллектива вуза, личностных отношений в руководстве” [11].

Еще в 1975 году Ленинградский политехнический институт вступил в Международную ассоциацию университетов. Предвидя перспективы развития высшего профессионального образования, Ю.С. Васильев совместно с ректорами Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана, Ленинградского кораблестроительного института, Томского и Челябинского политехнических институтов разработал концепцию технического университетского образования.

Экспертиза вузов, претендовавших на присвоение статуса технического университета, потребовала от Юрия Сергеевича решения еще одной сложной проблемы. Объективных критериев для оценки вузов просто не существовало, и надо было не только их разработать, но и проявить все свои качества стратега и политика в прогнозировании развития вузов. Предложенные Ю.С. Васильевым критерии отбора вузов: определенный процент докторов и кандидатов наук, наличие докторских ученых советов, определенные показатели уровня образовательной и научной деятельности вуза и др., помогли в объективной оценке вузов и упрочили глубокое уважение к нему со стороны других ректоров.

В результате с 1990 года ЛПИ, одним из первых среди вузов России, повысил свой статус и стал называться Государственным техническим университетом (СПбГТУ). Это явление стало основой для широкого развития технического университетского образования в России и привело к созданию Ассоциации технических университетов, вице-президентом которой является Ю.С. Васильев. Сегодня в Ассоциацию входит около 100 вузов России.

С началом реформирования высшей школы Ю.С. Васильев поддерживает создание новой многоуровневой системы высшего профессионального образования. Им была организована инициативная научная работа по программам “Высшая школа России” и “Университеты России”. Изучались становление, развитие и тенденции совершенствования российского и западного образования. Рассматривались философские проблемы образования, высшее техническое образование и специфические особенности технических университетов. Было осмыслено различие между классическими университетами, техническими институтами и техническими университетами. Развитие университетского образования рассматривалось в тесной связи с общим и профессиональным средним образованием, вторым высшим и послевузовским образованием.

В итоге сегодня уже можно сказать, что в 1991–1993 годы в нашем университете была создана многоуровневая система высшего

профессионального образования, “которая позволила обобщить опыт фундаментализации и политехнизации в соединении с гуманитаризацией образования в целях формирования нового поколения инженеров” [12].

Были разработаны основы и само понятие высоких интеллектуальных технологий образования и науки, которое можно определить как совокупность организационных мероприятий, методов, системных средств и технических установок, направленных на формирование новых знаний и организацию образовательного процесса и предназначенных для формирования интеллектуального потенциала общества. Разработаны концептуальные основы и учебные планы многоуровневой системы высшего профессионального образования России и созданы первые проекты государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. Ведется работа над новым перечнем направлений и специальностей. По инициативе университета в перечень включены перспективные направления — техническая физика, прикладная механика, системный анализ и управление [13].

Результатом введения новой многоуровневой системы высшего образования стала подготовка ранее существовавших в нашей стране типов специалистов — бакалавров и магистров.

В 1993 году на базе университета было создано учебно-методическое объединение вузов по образованию в области машиностроения и приборостроения.

Кроме руководства работой по проблемам образования в университете, Ю.С. Васильев ведет активную работу в этом направлении в рамках Международной академии наук высшей школы, Ассоциации технических университетов, Совета ректоров Санкт-Петербурга и президиума Союза ректоров России.

Большое внимание уделяет Юрий Сергеевич подготовке будущих студентов университета, как настоящих, так и будущих. Введен в строй новый учебный корпус.

В 1985 году создан Малый политехнический институт. Прямое назначение его преподавателей — целенаправленная профессиональная ориентационная работа среди школьников и учащихся ПТУ, выявление детей, способных к техническому творчеству, и оказание им помощи в подготовке к поступлению в ЛПИ. В 1988 году создана специализированная базовая физико-техническая школа при ФТИ РАН имени А.Ф. Иоффе. В 1999 году начались занятия в новом здании научно-образовательного центра ФТИ — СПбГТУ (ныне СПбГПУ).

Подготовка иностранных граждан к учебе в образовательных учреждениях Санкт-Петербурга и России ведется в Институте

Научно-образовательный центр ФТИ–СПбГПУ

Институт международных образовательных программ (ИМОП)

международных образовательных программ (ИМОП) университета.

В 1990-е годы в университете организованы Российско-Американская (с 1999 года — Международная) высшая школа управления, гуманитарный факультет, Институт военно-технического образования и безопасности на базе факультета военного обучения, факультет медицинской физики и биоинженерии. Происходит дальнейшее развитие инфраструктуры университета за пределами нашего города путем создания сети филиалов. Открыты новые специальности, в числе которых — авиационные двигатели и энергетические установки, биотехнические и медицинские аппараты и системы, городское хозяйство и многие другие. В 1995 году

состоялось подключение университета к глобальной сети Интернет через оптоволоконный кабель. Для обеспечения учебного процесса образовательной литературой и выпуска научных трудов, соответствующих современному полиграфическому уровню, в 1996 году в университете создано Издательство, которое обладает собственной мощной производственной базой.

17 ноября 1995 года в связи с совершенствованием управления вузом в Санкт-Петербургском государственном техническом университете была введена должность президента (на правах ректора). Приказом председателя Госкомвуза РФ первым президентом нашего университета утвержден доктор технических наук, профессор Ю.С. Васильев. В октябре 2000 года Ученый Совет вуза продлил Ю.С. Васильеву срок работы президентом еще на три года.

Несмотря на постоянную занятость управлением университета и его реорганизацией, Юрий Сергеевич ведет большую научную и педагогическую работу. Он широко известен в нашей стране и за рубежом как крупный инженер и ученый в нескольких областях.

“Главными направлениями его научной деятельности являются: гидроэнергетика, физико-математическое моделирование в энергетике, охрана окружающей среды при использовании гидроэнергетических ресурсов и возобновляемых источников энергии, проблемы высшего образования” [14].

Профессор Ю.С. Васильев является создателем научной школы по возобновляющимся источникам энергии и гидроэнергетики и “общей теории обоснования параметров крупных энергокомплексов большой мощности в составе гидравлических, тепловых и атомных электростанций. Им разработаны методологии создания автоматизированных систем проектирования гидроэнергетических объектов, автоматизированных систем управления технологическими процессами ГЭС и ГАЭС” [15]. К его наиболее крупным научным достижениям относятся разработки математических моделей для расчетов водопроводящих трактов гидроэнергетических установок и методологических основ создания автоматизированных систем проектирования гидроэнергетических объектов управления технологическими процессами ГЭС, ГАЭС в составе энергокомплексов крупных гидроэнергетических объектов.

При создании Красноярской, Саяно-Шушенской, Чиркейской и ряда других энергетических объектов использованы технические решения по конструкциям сооружений и агрегатов, предложенные инженером Ю.С. Васильевым.

“Васильев Ю.С. внес существенный вклад в автоматизацию проектирования сооружений и оборудования гидроэнергетических установок (ГЭС, АЭС, ТЭС), а также разработку экологических аспектов электрических станций на возобновляющихся источниках энергии.

Разработанный комплекс уникальных физико-математических моделей позволил получить решения по крупным гидроэлектрическим станциям и выявить оптимальные параметры. Реализованы результаты исследований на многих объектах (Красноярской, Саяно-Шушенской, Киевской и др. ГЭС; насосных станциях АЭС и ТЭС). Выявлен существенный энергоэкологический эффект водообмена в водохранилищах, развита теория и метод численного моделирования гидравлических процессов и тепломассопереноса в бьефах энергетических установок. Собранная база данных позволяет вести мониторинг работы ГЭС и обеспечивает безопасность сооружений” [16].

Юрий Сергеевич — автор более 360 научных работ, в том числе 47 учебников и монографий, более 20 изобретений в области общей энергетики (в том числе по гидроэнергетике, гидромашиностроению, теории взаимодействия энергетических объектов и природных систем), водного хозяйства, охраны и рационального использования водных ресурсов суши.

Свой богатый опыт Юрий Сергеевич передает молодому поколению ученых и студентов университета. Он подготовил более 70 кандидатов наук, был научным консультантом по 20 докторским диссертациям. Юрий Сергеевич руководит аспирантами и соискателями, работает в составе ГАК и читает лекции по гидроэнергетике не только в своем университете, но и за пределами нашего Отечества. Концепция преподавания гидроэнергетики в вузе отражена им в последнем издании учебника “Использование водной энергии”.

“Вторым направлением его деятельности является интеграция фундаментальных исследований в области энергетики и высшего политехнического образования. В условиях изменения доктрины образования в России им развернута большая научно-методическая работа по совершенствованию государственных стандартов...” [17].

Эти годы ознаменованы ростом авторитета Ю.С. Васильева как ректора ведущего технического вуза России. Дальнейшее развитие находит его талант государственного деятеля.

В 1987 году Ю.С. Васильев избран членом-корреспондентом АН СССР, в 2000 году — действительным членом РАН. Академик Международной, Российской и Санкт-Петербургской инженерных

академий, Международной энергетической академии, Международной академии холода, Международной академии акмеологических наук, Международной академии экологии, безопасности человека и природы, Международной академии информатики, Российской академии естественных наук, Российской академии ракетных и артиллерийских наук и других отраслевых академий Юрий Сергеевич ведет активную работу по пропаганде достижений своего университета в нашей стране и за рубежом. Участвует в деятельности трех международных организаций: Ассоциации по гидравлическим исследованиям, Комиссии по большим плотинам, Московского энергетического клуба. Он — член президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, бюро Отделения энергетики, машиностроения, механики и процессов управления РАН, Комитета по присуждению государственных премий в области науки и техники при Президенте РФ, Научно-технического совета при губернаторе Санкт-Петербурга, председатель специализированных советов по защите диссертаций, президент Российского НТО энергетиков и электротехников, которое объединяет десятки тысяч инженеров.

Руководимый Ю.С. Васильевым университет участвует в работе международных организаций, в том числе в ряде национальных комитетов: Международного института сварки, Международной организации по теоретической и прикладной механике, Международной организации по автоматическому управлению; в Международном союзе по теоретической и прикладной механике.

Почетный доктор ряда зарубежных университетов, дважды награжденный медалями Болгарии, Юрий Сергеевич Васильев в последние годы особое внимание уделяет расширению и укреплению сотрудничества нашего университета с университетами стран мира, исследовательскими центрами и ведущими зарубежными фирмами. В университете создан целый ряд центров и лабораторий, работающих в области информационных технологий. Среди них достаточно назвать “Политехник-ДЭК”, “Политехник-Моторола”, Центр с фирмой “Интел”, учебно-научный центр совместно с Европейской лабораторией фирмы “Хьюлет-Паккард”, Центр открытых библиотечных систем и др. Ежегодно проводится 15–20 международных конференций по приоритетным направлениям науки и образования, в которых принимают участие ведущие ученые мира. Традицией стало приглашение ведущих специалистов для выступлений и чтения лекций по основным направлениям науки и техники. 54 ученым мира и выдающимся деятелям науки, образования и культуры присужден Диплом Почетного доктора нашего университета.

Более полувека жизнь и деятельность Юрия Сергеевича Васильева связана с Политехническим, где он прошел трудовой путь от ассистента кафедры до президента университета. “Ученый, инженер, педагог, организатор науки и образования в России — вот основные сферы деятельности, в которых за это время проявился его многогранный талант” [18].

Он стал 28 по счету ректором Политехнического университета, десятым из ректоров — его выпускников и первым ректором, который руководил Политехническим 20 лет.

Среди ректоров нашего Политехнического было немало истинных интеллигентов. Первым, кого следует назвать в этом ряду, был Андрей Григорьевич Гагарин. О личных качествах Юрия Сергеевича Васильева можно также сказать немало хороших слов: это человек, к которому всегда можно обратиться с любым вопросом, и это руководитель, который помнит своих подчиненных и не делает разницы в общении с ними, будь то профессор или уборщица.

В истории Политехнического, как и в истории всей нашей страны, практически не было безмятежных периодов. На долю Юрия Сергеевича выпали два не менее сложных десятилетия. Управление вузом всегда было чрезвычайно ответственным и непростым делом. В годы же перестройки это занятие потребовало от руководителя вуза незаурядных дипломатических способностей и неординарных решений. В этих условиях Юрий Сергеевич проявил истинную мудрость в решении неотложных задач, и это позволило коллективу института решить основные задачи образования и научных исследований, сохранить основные принципы политехнического образования и традиции научных школ. Университету удалось сохранить научные кадры и продолжить фундаментальные исследования за счет бюджетного финансирования, различных грантов и международных проектов.

“За период, когда Юрий Сергеевич руководил вузом, в нашем государстве произошло много событий. Реализовывались крупнейшие государственные программы Советского Союза, были тяжелейшие годы конверсии и отсутствия интереса к развитию науки, образования и промышленности со стороны государства. Был ликвидирован Советский Союз, мы стали жить в другом государстве, резко поменялись экономические условия, не была сформулирована государственная политика в сфере образования и кадрового обеспечения отраслей.

Все эти годы перемен у штурвала Политехнического института — университета бесценно стоял Юрий Сергеевич Васильев. И не просто стоял, а управлял так, что университет развивался,

открывались новые специальности, создавались институты и филиалы, инновационные центры. Политехнический даже строился” [19].

За период работы Ю.С. Васильева руководителем вуза в центральной части Политехнического университета были созданы 5 институтов:

- Международных образовательных программ;
- Военно-технического образования и безопасности;
- Интеллектуальных систем и технологий;
- Инноватики;
- Государственного управления и информатизации;

а также 8 новых факультетов:

- физико-технический,
- гуманитарный,
- Международная высшая школа управления,
- медицинской физики и биоинженерии,
- открытого и дистанционного обучения,
- управления и информационных технологий,
- юридического,
- подготовки экстернов.

Значительную роль в развитии научных исследований и в учебном процессе играют пять организованных в Политехническом университете центров:

- наукоемкого инжиниринга,
- открытых библиотечных систем,
- дистанционного образования,
- инженерных систем зданий и сооружений,
- технической диагностики и надежности АЭС и ТЭС.

В Политехническом университете действует центр Учебно-методического объединения вузов по университетскому политехническому образованию Министерства образования и науки Российской Федерации.

Огромной заслугой Ю.С. Васильева стало не только сохранение старейшего вуза нашей страны и его профессорско-преподавательского состава в условиях “перестройки” и “реформирования”, которые вели к развалу системы высшего образования, но и совершенствование структуры университета, расширение его международных связей и укрепление позиций на международной арене.

Выдающуюся роль Ю.С. Васильева в развитии международных отношений и организации новых форм сотрудничества с зарубежными партнерами переоценить невозможно. Ю.С. Васильев представлял интересы своего вуза и России в Испании, Чехии, Словакии, Финляндии, ФРГ, Нидерландах, Вьетнаме, Индии,

КНДР, КНР, Сирии, Польше, Греции, Швеции, Швейцарии, США, Австрии, Англии, Дании и других странах, что способствовало укреплению международного авторитета СПбГТУ. Он читал лекции и проводил научные семинары в более чем 50 университетах 14 стран мира, возглавлял организационные и программные комитеты многих международных конференций в области образования и науки, представлял высшую школу России на многих международных форумах. Юрий Сергеевич “организовал тесное сотрудничество российских научных школ с вузами и научными центрами ближнего зарубежья и стран Восточной Европы: Украины, Казахстана, Узбекистана, Прибалтийских государств, Польши, Чехии, Болгарии, Словакии, а также с передовыми зарубежными центрами в ФРГ, США, Англии, Франции, КНР, Австрии и др.” [20].

Плодотворная трудовая, научная, инженерная и педагогическая деятельность Ю.С. Васильева неоднократно отмечалась государством. Он награжден орденами “Знак Почета” (1978), “Трудового Красного Знамени” (1986), “За заслуги перед Отечеством” IV степени (1999); одиннадцатью юбилейными и памятными медалями, четырьмя медалями ВДНХ СССР. Ю.С. Васильеву присвоены почетные звания “Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации”, Заслуженный работник “ЕЭС России”, “Почетный инженер С.-Петербурга”.

Немалая заслуга Юрия Сергеевича — возвращение верующим храма Покрова Божией Матери, построенного на территории Политехнического института еще в 1913 году. В 1992 году между образовавшимся приходом Покрова Божией Матери Санкт-Петербургской епархии и Техническим университетом был заключен договор о совместном использовании здания Покровской церкви. За большой вклад в развитие конструктивных отношений нового типа между церковью и государственными учреждениями патриарх Алексей II наградил Ю.С. Васильева орденами Святого Благоверного князя Даниила Московского третьей и второй степени. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский владыка Иоанн подчеркнул, что ему доставило особое удовлетворение впервые вручить орден светскому человеку.

13 мая 1999 года за выдающиеся достижения в науке и развитии инженерного образования Ю.С. Васильеву присвоено звание “Почетный доктор Всемирного технологического университета” и вручен диплом за № 1. В 2000 году он получил Премию Президента России в области образования. Юрий Сергеевич — лауреат премии имени академика Г.М. Кржижановского Российской академии наук.

Президент Политехнического университета “последовательно проводит курс на углубление научных исследований, совмещение учебного и исследовательского процессов, внедрение в учебный процесс новейших достижений, упрочения связей с промышленностью” [21]. Он всемерно поддерживает и развивает научно-технические и педагогические традиции, которые были заложены во времена становления Политехникума его первым директором Андреем Григорьевичем Гагариным, усадьба которого в Холомках в начале XXI века становится Учебно-историческим заповедником СПбГПУ.

28 февраля 2001 года Ученый совет университета, руководимый Ю.С. Васильевым, утвердил концепцию развития Политехнического университета до 2020 года. Концепция получила одобрение и легла в основу Постановления правительства Санкт-Петербурга от 29 марта 2001 года, где определены основные задачи и этапы развития университета.

Учебно-исторический заповедник СПбГПУ “Холомки”

27 апреля 2002 года Комитет по наименованию малых планет Международного астрономического союза присвоил малой планете под номером 13474 и имеющей предварительное обозначение 1973 Q₀₁ имя V'YUS в честь Юрия Сергеевича Васильева.

Имя планеты занесено в международное научное издание “Эфемериды малых планет”, выпускаемое по поручению

Международного астрономического союза Институтом прикладной астрономии РАН. Эта планета, имеющая диаметр 7 км, открыта 29 августа 1973 года Т.М. Смирновой в Крымской астрономической обсерватории.

Весной 2002 года университет вернул свое прежнее название — Политехнический. И в этом тоже немалая заслуга его президента.

1 ноября 2003 года истек срок полномочий Ю.С. Васильева как руководителя вуза. Председательствующий на конференции профессор В.В. Попов от имени участников конференции и всего коллектива университета поблагодарил Юрия Сергеевича “за то, что он на протяжении более 20 лет стоял у руля, вел наш корабль сквозь трудные годы перестройки, реформ и прочее, что он воспитал хорошую команду” [22]. Вице-губернатор Санкт-Петербурга В.И. Шитарев в заключительном слове особо отметил, что более “двух десятилетий Политехническим институтом — университетом руководил замечательный человек, известнейший специалист гидротехник, выдающийся ученый и крупный организатор Юрий Сергеевич Васильев” [23] и ему очень приятно поблагодарить Юрия Сергеевича за его многолетний труд на благо университета, города, России.

Сегодня Санкт-Петербургский государственный политехнический университет — это огромный научно-образовательный комплекс, расположенный в нескольких субъектах Российской Федерации. В его составе:

18 факультетов — инженерно-строительный, электромеханический, энергомашиностроительный, механико-машиностроительный, физико-механический, технологии и исследования материалов, экономики и менеджмента, технической кибернетики, радиофизический, физико-технический, медицинской физики и биоинженерии, гуманитарный, юридический, вечерний электрорадиотехнический, вечерний технологий, экономики и менеджмента, переподготовки специалистов, аттестации экстернов, повышения квалификации преподавателей;

8 институтов — Институт интеллектуальных систем и технологий, Международная высшая школа управления, Институт военнотехнического образования и безопасности, Институт международных образовательных программ, Институт инноватики, Институт государственного управления и информатизации, Высшая школа управления и финансов, Высшая бухгалтерская школа Минфина РФ;

6 филиалов — Псковский политехнический институт, Чебоксарский институт экономики и менеджмента, Институт ядерной энергетики (г. Сосновый Бор), филиалы в городах Череповец, Анадьрь, Смоленск;

Чебоксарский институт экономики и менеджмента

Институт ядерной энергетики (г. Сосновый Бор)

Учебные и научные центры и институты — Центральный научно-исследовательский институт робототехники и технической кибернетики (Государственный научный центр), Учебный центр Федерального агентства по образованию по повышению квалификации управленческих кадров (г. Пушкин), Межотраслевой институт повышения квалификации, Филиал Академии недвижимости, Малый политехнический университет (комплексная структура по работе со школьниками и абитуриентами — подготовительные курсы,

подготовительное отделение, центр дополнительного обучения школьников), Центр наукоемкого инжиниринга;

Учебные региональные программы высшего профессионального образования (очно-заочное обучение в Колпино, Орске, Сургуте);

Подразделения дополнительного образования (аспирантура и докторантура, курсы повышения квалификации бухгалтеров, курсы повышения квалификации в области охраны труда, центр иностранных языков);

Физико-технический и естественнонаучный лицей;

Университет имеет свои представительства в Сургуте, Гатчине, Ижевске, Пскове, Москве.

Деятельность университета обеспечивают Фундаментальная библиотека — одно из наиболее крупных собраний литературы на русском и иностранных языках в Санкт-Петербурге (более трех миллионов единиц хранения, в том числе около 1 миллиона учебников; около 700 тысяч названий книг и 13 тысяч названий периодических и продолжающихся изданий), Издательство СПбГПУ, редакции журнала “Научно-технические ведомости” и газеты “Политехник”, Историко-технический музей, студенческий клуб, Дом ученых в Лесном, спортивный комплекс, спортивные базы в пос. Горы, в пос. Кавголово и на берегу Черного моря; студенческие и аспирантские общежития, гостиница, поликлиника, профилакторий.

В Санкт-Петербургском государственном политехническом университете обучается 16,5 тысяч студентов (из них около 3 тысяч в филиалах и региональных центрах), около 700 аспирантов, 80 докторантов, 1 тысяча 200 иностранных граждан, более 5 тысяч человек в подразделениях дополнительного образования, 800 школьников на курсах дополнительного обучения.

На 130 кафедрах университета сосредоточены крупные научные силы; в подготовке специалистов принимают участие около 2 тысяч преподавателей, в том числе 1 тысяча 200 кандидатов наук, доцентов и около 670 профессоров, многие из которых имеют звание “Заслуженный профессор СПбГПУ”. Большое число ученых-политехников — члены зарубежных академий и почетные доктора зарубежных вузов. При СПбГПУ действуют 25 диссертационных советов по присуждению ученой степени доктора наук и 17 — по присуждению ученой степени кандидата наук.

С 4 января 2003 года приказом Минобразования РФ “нашему вузу предоставлено право проведения окончательной экспертизы аттестационных документов, представляемых для присвоения ученых званий профессора и доцента по кафедре” [24].

Опыт организации образования и научных исследований СПбГПУ принят на вооружение вновь созданными техническими

университетами России. Университет имеет многочисленные связи с ведущими научно-исследовательскими институтами структуры РАН, многие его ученые активно работают в отделениях Российской академии наук, на его базе работает более 20 отраслевых академий.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет — один из признанных мировых лидеров в научных исследованиях по перспективным направлениям фундаментальной и прикладной науки, включая такие области, как физика, механика, математика, энергетика, информатика, экономика, машиностроение. Его статус технического университета признан ведущими вузами Соединенных Штатов Америки (университетом штата Массачусетс, университетом штата Техас и рядом других университетов США), Германии (университетом Гамбурга — Гарбурга, Дрезденским техническим университетом) и другими университетами мира.

Международное признание СПбГПУ позволяет ему осуществлять равноправное партнерство более чем с 60 университетами, расположенными на всех континентах мира. Десятью зарубежными высшими учебными заведениями из 33 стран мира заключили договоры о сотрудничестве с СПбГПУ. Ученые СПбГПУ приглашаются в зарубежные университеты и фирмы для чтения лекций, студенты имеют возможность расширять свое образование в престижных зарубежных вузах, в частности в университетах Массачусетса, Алабамы, Далласа и других, получая там степени бакалавров и магистров.

Диплом выпускника Санкт-Петербургского государственного политехнического университета признается в Германии и некоторых других странах Европы. Свидетельством высочайшей профессиональной подготовки наших выпускников стала активизация сотрудничества представителей большого бизнеса стран дальнего зарубежья с СПбГПУ, чему во многом способствуют совместные научно-исследовательские проекты. Об уровне контактов свидетельствует создание более чем 20 международных научно-исследовательских центров, созданных для оперативного решения проблем, возникающих в процессе научного взаимодействия. О высоком уровне научной и учебной подготовки в СПбГПУ свидетельствуют и совместные специализированные научно-практические семинары.

СПбГПУ является членом нескольких международных организаций. Среди них Международная ассоциация университетов, Санкт-Петербургский консорциум университетов (в составе участников восемь университетов и два колледжа США, Университет Великобритании, два университета Финляндии, университет Швеции, восемь университетов и одна академия России), Нидерландская организация по международному сотрудничеству в сфере высшего образования, Международная академия наук высшей школы [25].

Весной 2002 года малой планете под номером 14318, открытой 26 октября 1976 года учеными Крымской обсерватории, было присвоено имя “Политехник”. Соответствующий именной циркуляр хранится теперь в Американском астрономическом центре. Таким образом “Международный астрономический союз признал заслуги Политеха в развитии образования в России” [26].

Политехнический университет уже отметил свое столетие. Все политехники с оптимизмом смотрят в будущее своего родного вуза. Слова из обращения Ю.С. Васильева к первокурсникам подтверждают это: “Мы уверены в своих силах. И уверенность эта основана не только на прочных традициях, но и на достижениях последнего времени, сегодняшнего дня. Мы продолжаем вести научную работу, в которой активно участвуют и наши студенты, и аспиранты. Наши разработки широко применяются в городском хозяйстве, во многих отраслях отечественной промышленности. Мы совершенствуем процесс обучения, сохраняя в нем все лучшее, накопленное годами и десятилетиями отечественной системой высшего политехнического образования. И в то же время понимаем, что активно включены сегодня в общемировой экономический процесс.

Не можем его игнорировать. Существует единое европейское пространство. Поэтому мы должны обеспечить для студентов такие условия, чтобы при необходимости они переходили из одного вуза в другой без оглядки на государственные границы и не испытывали трудностей из-за кардинальных различий в программах. В этом плане важнейшее направление нашей деятельности — унификация учебных планов, программ, методических подходов. Мы проводим большую работу по организации дистанционного образования. Думаю, эта система будет широко применяться в XXI веке. В связи с изменениями на рынке труда мы усилили развитие научных школ экономистов, специалистов в области управления, компьютерной техники, телекоммуникаций. Прочные базовые знания, которые дает наш вуз, позволяют выпускникам уверенно чувствовать себя в профессиональной жизни. Уверен, что и в грядущем столетии наши выпускники найдут себе “место под солнцем”. Мы четко представляем себе дальнейший путь вуза, перспективы и приоритеты его развития. Несмотря на более чем преклонный возраст, Технический университет устремлен в будущее и готов к новшествам, необходимость которых диктует время. Наш вуз также молод, как и те тысячи юношей и девушек, которые ежедневно открывают его двери — двери Науки и Знания” [27].

Основные научные труды

1. *Васильев Ю.С.* Методика технико-экономических расчетов параметров каналов гидроэлектростанций. Дисс канд. техн. наук / ЛПИ им. М.И. Калинина. Л., 1962.
2. *Васильев Ю.С.* Основы и методы расчетов оптимальных параметров водопроводящих сооружений ГЭС. Дисс докт. техн. наук / ЛПИ им. М.И. Калинина. Л., 1973.
3. Выбор основного оборудования зданий гидроэлектростанции : Учеб. пособие / Х.Ш. Мустафин, Ю.С. Васильев. Куйбышев: Изд-во ун-та, 1979. 77 с.
4. Охрана водных ресурсов / И.И. Бородавченко, Н.В. Зарубаев, Ю.С. Васильев и др. М.: Колос, 1979. 247 с., ил.
5. Гидроэнергетические установки (Гидроэлектростанции, насосные станции и гидроаккумулирующие электростанции) : Учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Д.С. Щавелев, Ю.С. Васильев, В.И. Виссарионов и др. Л.: Энергоиздат, 1981. 517 с.
6. Экологические аспекты гидроэнергетики / Ю.С. Васильев, Н.И. Хрисанов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 247 с.
7. Решение гидроэнергетических задач на ЭВМ. (Элементы САПР и АСНИ) / Ю.С. Васильев, В.И. Виссарионов, Л.И. Кубышкин. М.: Энергоатомиздат, 1987. 158 с.
8. Решение проблем Саяно-Шушенского гидроэнергокомплекса. Л.: Энергоатомиздат, Лен. отдел., 1987. 584 с., ил.
9. Использование водоемов и рек в целях рекреации / Ю.С. Васильев, В.А. Кукушкин. Л.: Гидрометеиздат, 1988. 229 с.
10. Гидроэнергетическое и вспомогательное оборудование гидроэлектростанций : Справ. пособие. В 2 т. / Л.Ф. Абдурахманов, Б.Н. Ананьин, Ф.В. Аносов и др.; Под ред. Ю.С. Васильева, Д.С. Щавелева. М.: Энергоатомиздат, 1988. Т. 1-2.
11. Экология использования возобновляющихся энергоисточников / Ю.С. Васильев, Н.И. Хрисанов / ЛГТУ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 342 с.
12. *Анн Х., Ризнер В.* Энергоснабжение, потребление энергии, окружающая среда. Энергохозяйственный баланс / Под науч. ред. академика Ю.С. Васильева. Перевод с немецкого. СПб.: Энергоатомиздат, 1993. 264 с., ил.
13. Использование водной энергии : Учеб. для вузов / Д.С. Щавелев, С.Г. Беляев, Ю.С. Васильев и др.; Под ред. Ю.С. Васильева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Энергоатомиздат, 1995. 608 с.
14. Возобновляемые источники энергии и гидроаккумулирование: Учеб. пособ. / Ю.С. Васильев, В.В. Елистратов, М.М. Мухаммадиев, Г.А. Претро / СПбГТУ. СПб., 1996. 102 с.
15. Стратегия инноваций / Ю.С. Васильев, В.Г. Кинелев, В.Г. Колосов / СПбГТУ. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 128 с.
16. *Васильев Ю.С., Претро Г.А.* Крупнейшие гидроэлектростанции мира: Учеб. пособ. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 69 с.
17. Управление развитием вуза: от политехнического института к техническому университету / Ю.С. Васильев, М.П. Федоров, А.В. Федотов. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998. 327 с.

ФЕДОРОВ
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ,
ректор
Санкт-Петербургского
государственного
политехнического университета
(с 01.11.2003 по настоящее время)

Михаил Петрович Федоров
(род. 11.05.1945)

На протяжении более чем столетней истории Санкт-Петербургского политехнического института — университета должности его руководителей имели разные названия: директор (1900–1917), ректор (1917–1930), директор (1930–1956), ректор (1956–1995), президент (1995–2003). С 1 ноября 2003 года в университет вновь вернулась привычная для всех вузов должность ректора.

Михаил Петрович Федоров родился 11 мая 1945 года в Таллине, Эстония. Его отец Петр Антонинович — военнослужащий, генерал-майор авиации, проходил службу на Балтийском Военно-Морском флоте, мать Наталья Владимировна жила и работала в блокадном Ленинграде. Кроме Михаила в семье был его старший брат Павел — летчик-испытатель, погибший впоследствии при выполнении испытательного полета, и младший брат Сергей.

В 1947 году семья вернулась на постоянное место жительства в Ленинград. В 1952 году Михаил поступил в среднюю школу № 84 в Ленинграде, окончив которую в 1961 году поступил на гидротехнический факультет ЛПИ имени М.И. Калинина. В 1969 году он с отличием окончил институт по специальности “инженер-гидроэлектроэнергетик”, получив квалификацию “инженер-строитель-гидротехник с правом производства строительных работ”.

Молодой специалист был распределен на кафедру “Использование водной энергии” (ныне кафедра “Возобновляющиеся источники энергии и гидроэнергетика») на должность младшего научного сотрудника. В 1970 году был зачислен в заочную аспирантуру. Уже в эти годы М.П. Федоров проявил склонность и к научной, и к преподавательской работе, руководил семинарскими и практическими занятиями, читал лекции, участвовал в подготовке учебного пособия, был куратором учебной группы. Занимался общественной работой: был комсоргом кафедры, секретарем НТО факультета.

С ноября 1971 года в течение пяти лет он был ассистентом кафедры. В 1974 году защитил кандидатскую диссертацию, тема которой “Методика оптимизации мощности гидроэлектростанций комплексных водохозяйственных систем”. В 1985 году М.П. Федоров защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук. Тема диссертационной работы “Научное обоснование использования ГЭС и ГАЭС в народном хозяйстве”.

В 1977–1982 годы Михаил Петрович работал на общественных началах директором НИИ гидротехники и гидроэнергетики при ЛПИ.

С ноября 1976 года по декабрь 1986 года он был доцентом кафедры, в сентябре 1986 года был назначен и.о. декана гидротехнического факультета, спустя месяц был избран деканом и проработал в этой должности десять лет. В январе 1987 года М.П. Федорову присвоено звание профессора кафедры “Возобновляющиеся источники энергии и гидроэнергетика”.

В 1988 году М.П. Федоров одним из первых в России создал в техническом вузе кафедру “Экологические основы природопользования”. Кафедра была организована на гидротехническом факультете как общеинститутская и обеспечивала базовую экологическую подготовку инженеров-политехников на общеобразовательном уровне.

М.П. Федоров стал первым профессором — заведующим этой кафедрой. Перед кафедрой были поставлены две задачи: развернуть экологическое образование в вузе как новую форму соединения инженерного и экологического образования и проводить учебную и организационную работу по специальной экологической подготовке инженеров-строителей-гидротехников.

“Научно-педагогическая деятельность М.П. Федорова направлена на решение теоретических и прикладных проблем в широких областях энергетики, экономики и экологии. Им развита теория комплексного подхода к развитию энергетики на основе многоцелевого использования водных ресурсов и создания энергетических комплексов в составе различных установок (ГЭС, КЭС, АЭС и др.). Под его руководством выполнены работы, связанные с проблемами автоматизации ГЭС, повышением эффективности водно-энергетических комплексов, охраны природы.

В последние годы М.П. Федоров занимается теоретическими и прикладными вопросами охраны природной среды в связи с решением задач экологической безопасности в энергетике. Применительно к комплексным энергетическим технологиям им разработаны новые методы технико-экономического и экологического обоснования, такие, как многокритериальная оценка эффективности, многофакторный анализ сложных систем в энергетике и водном хозяйстве, теоретические основы формирования природно-технических систем” [1].

Крупным научным достижением М.П. Федорова является разработка теории формирования и развития сложных природно-технических систем, обеспечивающих устойчивые связи инженерных

объектов с окружающей средой. Основные положения этой теории комплексного использования энергетических и водных ресурсов послужили фундаментальной базой при обосновании параметров, выбора оборудования, учета экологических факторов и режимов работы различных типов гидроэнергетических установок и водохозяйственных систем. Результаты его научных исследований были использованы при проектировании и строительстве таких крупных объектов народного хозяйства, как Саяно-Шушенская ГЭС, комплексная водохозяйственная система на р. Сулак в Дагестане, Колымская ГЭС, Южно-Украинский энергетический комплекс в составе АЭС, ГАЭС, комплекс защитных сооружений (дамба) в Санкт-Петербурге и других энергетических объектов.

Михаил Петрович участвовал в экспертизе крупных водохозяйственных проектов во Вьетнаме, Сирии и Алжире.

Под его руководством сформировалась научная школа по инженерной защите окружающей среды в энергетике и водном хозяйстве, которая успешно работает в таких направлениях, как основы прикладной экологии, экологическая безопасность комплексных энергетических технологий, инженерное обеспечение устойчивости природно-технических систем и др.

М.П. Федоров — автор более 200 научных трудов, в том числе 15 учебников и монографий, в числе которых “Математические основы экологии”, “Экономика и организация управления вузом”, “Надежность и экологическая безопасность гидроэнергетических установок” и др., 7 авторских свидетельств на изобретения. Читает курсы лекций “Основы защиты окружающей среды”, “Основы экологии”, “Экологический мониторинг”, “Основы природопользования” и др. Лекции по вопросам экологической безопасности энергетики он читал в ряде университетов Европы, США, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Им подготовлено 15 кандидатов наук, в том числе и для зарубежных стран. Он был научным консультантом по 5 докторским диссертациям.

С 1996 года он проводит работу по аттестации научных кадров в ВАК России в экспертном совете по строительству и архитектуре.

Михаил Петрович Федоров — член-корреспондент РАН по отделению энергетики, машиностроения, механики и процессов управления (2003), действительный член Международной академии наук высшей школы, Энергетической и Инженерной академий, президент Ассоциации инженеров-гидроэнергетиков России. Как один из ведущих ученых в области охраны окружающей среды он избран сопредседателем учебно-методического совета

Госкомвуза РФ и вице-президентом национального комитета Международной ассоциации гидравлических исследований (МАГИ) [2].

Михаил Петрович Федоров — выдающийся ученый, организатор и общественный деятель, внесший значительный вклад в развитие науки и высшего технического образования России. Он президент ассоциации инженеров-гидроэнергетиков России, руководитель секции инновационной деятельности Научно-технического совета при Правительстве Санкт-Петербурга, член бюро научного совета по комплексной проблеме “Электрофизика, электроэнергетика и электромеханика” РАН, экспертного совета Государственного высшего аттестационного комитета России, Правительственной комиссии по приемке в промышленную эксплуатацию гидроэнергетических объектов.

Авторитет М.П. Федорова как ученого, педагога, организатора науки и крупного инженера признан и в нашей стране, и за ее пределами. Его труды внесли значительный вклад в развитие гидроэнергетики, гидротехнического строительства и охраны окружающей среды. Признанием тому награды — орден “Знак Почета” (1986), орден Почета (1999), почетные звания “Заслуженный деятель науки Российской Федерации” (1996), “Почетный инженер г. Санкт-Петербурга”, нагрудные знаки “Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации” (2001) и “80 лет Плана ГОЭЛРО” (2001). М.П. Федоров награжден орденом Русской православной церкви Святого Благоверного князя Даниила Московского 3-й степени (1999).

Его имя внесено в справочник “Кто есть кто в энергетике России”, где представлены специалисты, работающие сегодня и определяющие производственную, техническую и научную политику в такой важной сфере, как энергетика [3].

Наряду с научной деятельностью, М.П. Федоров ведет большую педагогическую и организационную работу. Он заложил инновационные принципы в развитие вуза — интеграцию фундаментальной и прикладной науки с конструкторской и производственной деятельностью. На этой основе ведется подготовка специалистов для промышленности Санкт-Петербурга, а также таких предприятий, как Северсталь (г. Череповец), АвтоВАЗ (г. Тольятти), Ленинградская, Кольская и Калининская АЭС, оборонных предприятий страны.

С 2000 года им разработана и реализована система интеграции технического университета и научных учреждений РАН, обеспечивающая непрерывное развитие науки и образования по направлениям прикладной физики, электронного приборостроения и

вычислительной механики. Инфраструктура такого взаимодействия (центры коллективного пользования уникальным оборудованием, базовые кафедры и факультеты) реализована в Санкт-Петербурге совместно с ФТИ имени А.Ф. Иоффе РАН, институтами электрофизики, ядерной физики и др.

В ноябре 1995 года Михаил Петрович Федоров стал первым вице-президентом Санкт-Петербургского государственного технического университета.

Занимая эту должность, М.П. Федоров стал инициатором организации новых кафедр и специальностей по инженерному обеспечению городского хозяйства, экологии, коммунальной энергетике, хозяйственному праву, информационному обеспечению и др.

Им разработана концепция экологической подготовки специалистов, базирующаяся на единении инженерного и экологического образования, которая широко используется в технических вузах России.

Экологическому образованию в техническом вузе и интеграции технических дисциплин с гуманитарными, когда инженерная подготовка совмещается с решением гуманитарных и социальных задач, Михаил Петрович уделяет большое внимание. Эта новая тенденция в высшем инженерном образовании становится приоритетной в образовании инженеров. «В понятие “знания” вкладываются не только научные сведения, но и современная информация гуманитарного характера, включая безопасность человека и окружающей среды. Возможность подключения к глобальным знаниям, мировым научным и культурным ценностям повышает роль и интенсивность информационных потоков» [4].

“Развитие новейших информационных технологий в СПбГТУ, использование технологий дистанционного образования позволило приступить к выполнению международного проекта по подготовке специалистов в области экологического менеджмента, с одновременным вручением российского и зарубежного дипломов о высшем образовании” [5].

В условиях острого дефицита бюджетных средств он внедрил новую систему управления вузом на основе оптимального соотношения экономической самостоятельности факультетов и централизованного контроля со стороны вуза за использованием бюджетных средств. Это помогло вузу сохранить профессорско-преподавательский состав, развернуть новые направления подготовки специалистов, поднять престиж инженерных специальностей и увеличить конкурс на приемных экзаменах.

Выполняя обязанности первого вице-президента, М.П. Федоров продолжал заниматься проблемами кафедры “Экологические

основы природопользования”. Он читает лекции, работает с дипломниками, аспирантами, соискателями, разрабатывает учебно-методические пособия.

По его инициативе за последние пять лет получило большое развитие новое направление, связанное с применением энергетических технологий для утилизации отходов, включающих полный цикл обращения вторичных энергетических ресурсов. Проведены исследования новых методов утилизации отходов в крупных городах как новое направление биоэнергетики — использование искусственно возобновляемого человеком энергетического ресурса. Под его научным руководством выполнено 4 крупных международных проекта по охране окружающей среды в системах обращения с отходами.

В 2003 году в связи с тем, что 31 октября истек срок полномочий действующего руководителя вуза, 21 апреля решением Ученого совета была создана комиссия по подготовке и проведению выборов ректора. В структурных подразделениях были проведены конференции и собрания трудовых коллективов по избранию делегатов на общеуниверситетскую конференцию. Было избрано 226 делегатов от всех категорий работников.

В соответствии с Положением право выдвижения (поддержки) кандидатур на должность ректора было предоставлено Ученым советам факультетов и институтов, Ученому совету университета. Учеными советами 13 факультетов и институтов кандидатом на должность ректора был выдвинут первый вице-президент, член-корреспондент РАН М.П. Федоров. Его выдвижение было поддержано 9 подразделениями.

15 сентября Ученый совет университета на своем заседании по представлению комиссии утвердил кандидата на должность ректора СПбГПУ, о чем коллектив университета своевременно был извещен через объявления и газету “Политехник”.

30 сентября 2003 года была проведена конференция научно-педагогических работников и представителей других категорий работников и обучающихся Санкт-Петербургского государственного политехнического университета по избранию ректора. Кандидату на должность ректора университета члену-корреспонденту РАН Михаилу Петровичу Федорову было предоставлено слово для изложения своей программы.

В своем обращении к делегатам и гостям конференции М.П. Федоров отметил значительность той роли, которую сыграли в истории становления и развития Политехнического института — университета его руководители. Особое внимание он уделил развитию

вуза в последние 20 лет, когда его возглавлял академик Юрий Сергеевич Васильев:

“За эти годы были реализованы принципиально новые направления деятельности вуза: возникла сеть филиалов, которые стали базой региональной политики института — университета; международная образовательная деятельность стала одним из важнейших направлений развития вуза; существенно укрепились связи и взаимодействие с АН СССР — РАН; за нашим вузом закрепилось лидерство в стране в инженерном и фундаментальном образовании; определились новые направления подготовки специалистов во вновь образованных факультетах и институтах. Юрий Сергеевич вывел вуз из тяжелейшей ситуации, которая сложилась в стране в перестроечный период, были сохранены научные школы и материально-техническая база. Это позволяет нам с оптимизмом смотреть в будущее” [6].

Программа действий ректора, предложенная М.П. Федоровым, исходит из анализа состояния, в котором находится университет, подготовлена с учетом Концепции развития СПбГПУ до 2020 года и определяет меры по его развитию в предстоящий 5-летний период. Программа определяет основные задачи и проблемы, требующие решения. В кратком изложении это:

— участие Политехнического университета в реформировании высшего образования. Позиция ректората в этом вопросе заключается в отстаивании роли СПбГПУ как ведущего вуза страны в научно-техническом образовании, определяющей в конечном счете место нашего вуза в национальной и международной системах образования и соответствующую поддержку государства;

— совершенствование учебной работы. Приведение специальностей в соответствие с потребностями молодежи и рынка труда (в настоящее время мы готовим специалистов по 103 специальностям); расширение связей с промышленностью, предприятиями государственного и коммерческого секторов в части планирования подготовки и трудоустройства выпускников; оптимальное планирование фундаментальной, профессиональной и гуманитарной подготовки специалистов; развитие материальной и социально-экономической базы учебного процесса; повышение квалификации кадров, что позволит увеличить число обучающихся; организация приема студентов на 1-й курс в соответствии с новыми механизмами конкурсных испытаний; принятие мер по расширению государственного заказа на подготовку кадров и увеличению финансирования вуза; расширение влияния СПбГПУ в регионах и привлечение абитуриентов из этих регионов; развитие

филиалов, и в первую очередь рост квалификации их кадров, публикация методических материалов, наращивание лабораторной базы. Повышенного внимания требует и экономика региональной деятельности университета, а именно установление финансовых взаимоотношений в плане общих экономических интересов как головного вуза, так и его филиалов;

— экологизация инженерного образования — проблема, которая, по сути дела, определит возможности жизни будущих поколений. В нашем университете концепция экологического образования реализуется на традиционных факультетах, которые занимались и ранее экологическими проблемами. Это важное направление должно получить новую инициативу и на ряде новых факультетов и институтов, которые недавно появились в СПбГПУ;

— организация воспитательной (внеучебной) работы со студентами, являющейся неотъемлемой частью образовательной деятельности. Эта сфера профессиональной и общественной деятельности в современных условиях требует совместных с молодежью усилий по ее проведению и должна носить неформальный, организованный и систематический характер;

— реорганизация научно-исследовательской деятельности.

Дальнейшее развитие фундаментальных исследований за счет широкой интеграции наших ученых с РАН в реализации конкретных проектов, коллективного использования уникального оборудования, программных комплексов и баз данных, широкой внутривузовской поддержки молодых ученых и их руководителей, в том числе внедрения внутриуниверситетских грантов.

Поисковые и прикладные исследования должны вестись, используя межкафедральную и межфакультетскую кооперацию с целью конструирования и изготовления образцов изделий, наиболее востребованных промышленностью. Для этого необходимо расширение экспериментально-производственной базы СПбГПУ, позволяющей производить как уникальную (штучную), так и мелкосерийную продукцию или комплектующие элементы.

Новая для нас деятельность по замещению части функций отраслевой науки — выполнение целевых НИР по заказам предприятий ВПК, объединенных единым циклом конструкторско-технологического процесса с вузом, с четким разделением обязательств между предприятиями и университетом.

Активизация работы по привлечению финансов для реализации наукоемких проектов, представляющих интерес для промышленности, используя как традиционные формы (Российский технический фонд для малого бизнеса, Фонд содействия развитию

малых форм предприятий в научно-технической сфере), так и банковский капитал, работающий под гарантии потенциального покупателя разработки в виде конечного продукта или опытного изделия.

Определение востребованных промышленностью тематик докторских и кандидатских диссертаций и подготовка нового поколения кандидатов и докторов наук для педагогической и научной работы в университете. Стимулом для исполнителей должны стать целевые стипендии, для вуза — реальная практическая направленность диссертационных работ, переходящих в НИР.

Ожидаемый эффект от реорганизации научно-исследовательской работы — увеличение доли доходов от научной деятельности в бюджете университета в ближайшие 3–4 года до 35–40%;

— международная деятельность университета должна быть направлена на совершенствование учебного процесса с целью сохранения высокого статуса политехнического образования, соответствия международным стандартам и интеграции в международное образовательное пространство, а также на поддержку и развитие научных школ и новых перспективных направлений. Средствами достижения этих целей должны стать участие в новых международных образовательных проектах и развитие международной академической мобильности, что особо актуально в связи с началом процесса присоединения России к Болонской конвенции и интеграции в единое европейское образовательное пространство; расширение системы подготовки кадров для зарубежных стран на экономически выгодных для вуза условиях; участие в международных программах и проектах Европейского союза, США, Скандинавии, стран Юго-Восточного региона; развитие научно-технической кооперации с зарубежными вузами и фирмами, продвижение на мировой рынок разработанных в университете технологий и передовых идей;

— материально-техническая база университета. Она выгодно отличает Политехнический университет от других вузов, так как он обладает необходимыми ресурсами для своего развития: территория, инженерная инфраструктура, транспортные связи и возможности их расширения, представительства во многих регионах страны. Однако большинство зданий и инженерных объектов превысили сроки физического и морального износа и требуют больших средств для их ремонта и реконструкции. Ректоратом выработана стратегия развития материальной базы. В ближайшие 3–4 года предстоит провести ремонт и реставрацию старых основных фондов, осуществить проектирование новых объектов с перспективой их строительства

в течение 10–12 лет, провести экспертизу этих проектов на федеральном уровне и приступить к строительству первоочередных объектов в 5-ти летний период;

— совершенствование структуры управления университетом является необходимым условием для осуществления этой программы и требует реорганизации. Основные пути к этому: повышение роли Ученого совета университета в управлении вузом; реорганизация структуры ректората; передача части функций управления учебным процессом и научной работой факультетам и институтам при сохранении централизованной системы управления; централизация общеинститутских финансовых ресурсов, планирование не только доходной, но и расходной части бюджета, квотирование внебюджетных расходов по направлениям деятельности, повышение финансовой самостоятельности подразделений на основе консолидированных счетов, объединяющих разные статьи доходов для осуществления собственных экономических проектов; создание эффективного внутривузовского аудита и контроля финансово-хозяйственной деятельности.

Основным результатом модернизации финансово-хозяйственного механизма должен стать рост заработной платы всех категорий сотрудников не только за счет средств федерального бюджета, но и от доходов внебюджетной деятельности: контрактное обучение студентов, переподготовка кадров, международные проекты и др.

Заканчивая изложение предлагаемой программы деятельности ректора, М.П. Федоров сказал, что она определяет только основные направления развития университета и механизмы их реализации. В современном быстро меняющемся мире трудно прогнозировать будущее, но, независимо от внешних факторов, на всем протяжении своей истории наш вуз был лидером технического высшего образования и наша задача оправдать надежды молодых людей, переступающих порог Политеха, стать высококвалифицированными специалистами.

На конференции было решено принять программу, предложенную М.П. Федоровым, за основу, как дающую представление об общем развитии университета, и включить в нее дополнительно ряд пунктов, в частности:

— Провести анализ существующей структуры специальностей, структурных преобразований в вузе и подготовки кадров, направленных на приоритетное развитие направлений, отвечающих принципам политехнического образования.

— Перестроить политику вуза с учетом потребностей рынка.

— Организовать систему деловых семинаров и совещаний с представителями промышленных кругов и Академии наук.

— Создать информационно-издательский центр под управлением университета, куда вошли бы издательство с полиграфической базой, электронные средства информации, телецентр, фотолаборатория и т.д. За счет целевого инвестирования довести как полиграфическую, производственную базу, так и материальную часть других отделов центра до современного уровня. Такой центр мог бы разработать и внедрить электронную систему внутреннего документооборота, обмена информацией между всеми структурами вуза.

Ниже приведены несколько высказываний, в которых наиболее ярко представлено мнение всех политехников по поводу кандидата.

Профессор Ю.К. Михайлов: “Уважаемые коллеги!

Выбирая ректора университета, мы рассчитываем найти человека, обладающего качествами ученого; человека, знающего производство и умеющего использовать его возможности для развития учебного процесса и научных исследований; человека, способного сохранить лучшие традиции Политеха и приумножить его величие, и, наконец, человека, понимающего, что никакие задачи, стоящие перед университетом, не могут быть качественно решены без опоры на коллектив, без внимательного отношения к людям, заботы об условиях их труда и материального обеспечения. Университету нужен лидер, который объединит коллектив на решение новых задач, причем задач, понятных людям и неразрывно связанных с их интересами.

Мы уверены, что таким лидером окажется Михаил Петрович, который уже получил кредит доверия всего коллектива вуза на стадии выдвижения его на пост ректора и который, естественно, понимает, что этот кредит доверия может быстро растаять, если в ближайшем будущем с его стороны и со стороны его команды не будут сделаны реальные позитивные шаги” [8].

Профессор А.И. Рудской: “Считаю, что только он сможет консолидировать весь потенциал вуза для реализации поставленных в программе задач во благо родного Политеха” [9].

Профессор Л.Л. Малыгин: “Не вызывает сомнений ни у кого то, что сегодня Политехнику есть чем гордиться, и в этом значительная заслуга нынешнего руководства.

И очень важно, на мой взгляд, чтобы сегодня, выбирая нового ректора, мы в первую очередь задумались о тех традициях, которые существуют. Кандидат должен, на мой взгляд, в первую очередь,

сохранить преемственность, сохранить то, что сегодня сделал Политех — один из ведущих вузов страны.

Я думаю, что тем человеком, который эту преемственность сохранит, и тем человеком, который сможет и дальше ее продвигнуть, о чем говорит представленная программа, является сегодня Михаил Петрович Федоров” [10].

Академик РАН Ф.Г. Рутберг в своем выступлении отметил, что “Политехнический университет является, безусловно, одним из лучших технических вузов России, и международный рейтинг его, причем в развитых странах, весьма высок. Поэтому Российская академия наук, а в свое время Советская академия наук, чрезвычайно заинтересована в сотрудничестве с этим вузом. Это сотрудничество всегда успешно осуществлялось. Ректор университета Ю.С. Васильев, будучи членом Российской академии наук, сделал очень много для этого.

В Политехническом университете работают выдающиеся ученые Российской академии наук, прежде всего, физического и технического цикла академии. Это единственный сейчас в России Нобелевский лауреат академик Ж.И. Алферов; целый ряд других членов отделения физических наук, а также, в частности, отделения энергетики, механики и машиностроения, с которым Политехнический университет всегда был связан очень тесно.

Это такие люди, помимо Юрия Сергеевича, как академик В.А. Глухих, академик Я.Б. Данилевич, академик Н.Н. Тиходеев. Это крупные ученые в своей области.

Михаил Петрович недавно был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по нашему отделению — отделению энергетики, механики и машиностроения, что свидетельствует о признании его научных заслуг и о том, что Академия наук чрезвычайно заинтересована в тесном сотрудничестве с Политехническим университетом.

Михаил Петрович, безусловно, человек очень способный, что показали выборы в Академию наук. Он одержал убедительную победу при 38 кандидатах. Было всего одно место в этом направлении. То направление, которым он занимается, а именно: гидроэнергетика, биотехнологии и, в частности, биоэнергетика, является сейчас одним из наиболее перспективных

В этой связи, несмотря на колоссальную занятость и на предстоящую еще большую занятость, хотелось бы, чтобы Михаил Петрович больше внимания уделял своей личной научной работе (мы на него очень рассчитываем в этом направлении) и поощрял развитие этого направления в Политехническом университете.

Я хотел бы заключить свое выступление следующим. Помимо того, что я выработал свое собственное мнение, я хотел бы передать точки зрения председателя Санкт-Петербургского научного центра, вице-президента Российской академии, Нобелевского лауреата Ж.И. Алферова; и.о. президента Академии наук, первого вице-президента Г.А. Месяца и председателя Бюро отделения проблем энергетики, механики и машиностроения академика В.Е. Фортова, которые отражают точку зрения всего Бюро отделения: мы поддерживаем кандидатуру М.П. Федорова и просим Вас должным образом поддержать ее. А в результате мы не сомневаемся” [11].

Итогом проведения конференции были результаты голосования: за избрание ректором университета Михаила Петровича Федорова были все 214 присутствовавших на конференции делегатов.

Заключительное слово было предоставлено вице-губернатору Санкт-Петербурга В.И. Шитареву, который от имени правительства Санкт-Петербурга поздравил преподавателей, сотрудников, студентов, аспирантов и докторантов Политехнического университета с избранием Михаила Петровича Федорова на пост ректора одного из лучших вузов России: “Более чем столетняя история университета — не столько история вашего учебного заведения, это история политехнического образования в России. Министр С.Ю. Витте и князь А.Г. Гагарин принимали участие в важнейшем решении и создании Политехнического института. А затем многие поколения педагогов и ученых, студентов и руководителей развивали институт, формировали его дух и неписанные правила. Благодаря этому сейчас, спустя более ста лет после создания, мы гордимся всем, что связано с нашим Санкт-Петербургским политехническим университетом.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет — не просто второй по величине вуз Санкт-Петербурга, для нашего города — это кузница кадров по широчайшему спектру технических и экономических специальностей. Практически нет ни одной отрасли в Санкт-Петербурге, где бы ни работали выпускники политехники. Думаю, что мы не ошибемся, если скажем, что выпускники Политехнического работают во всех регионах России и в большом количестве зарубежных стран.

С именем Политехнического института — университета связаны успехи в реализации крупнейших государственных программ царской России, Советского Союза и Российской Федерации.

Политехническое инженерное образование пережило нелегкое десятилетие. Мы с большим удовлетворением отмечаем, что

тяжелые времена не востребоваемости и непопулярности инженерных профессий заканчиваются. С подъемом промышленности повышается авторитет и спрос на инженеров.

В заключение я хочу пожелать Михаилу Петровичу Федорову, избранному на пост ректора Политехнического университета, успешной работы, уважения к своим учителям, хорошей слаженной команды, участвующей в управлении университетом, от преподавателей до ректора университета и его ближайших соратников” [13].

Итак, ректором Санкт-Петербургского политехнического университета стал член-корреспондент Российской академии наук Михаил Петрович Федоров.

Политехники уверены, что кредит доверия со стороны коллектива университета будет новым ректором оправдан.

Михаил Петрович Федоров может рассчитывать на поддержку коллектива во всех его делах и делах его команды, направленных на то, чтобы и учиться, и работать в нашем университете было престижно.

Основные научные труды

1. Гидроэнергетические установки: Учеб. для вузов / Д.С. Шавелев, Ю.С. Васильев, М.П. Федоров и др.; Под ред. Д.С. Шавелева. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Энергоиздат, 1981. 392 с.

2. Экономика гидротехнического и водохозяйственного строительства / Д.С. Шавелев, М.Ф. Губин, В.Л. Куперман, М.П. Федоров; Под общ. ред. Д.С. Шавелева. М.: Стройиздат, 1986. 422 с.

3. Федоров М.П., Шилин М.Б., Ивашинов Д.А. Экологический инжиниринг в гидротехнике: Учеб. пособие / АО “ВНИИГ им. Б.Е. Веденеева”. СПб.: СПбГТУ, 1995.

4. Федоров М.П., Львов А.В., Шульман С.Г. Надежность и экологическая безопасность гидроэнергетических установок. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 440 с.

5. Федоров М.П., Романов М.Ф. Математические основы в экологии. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 155 с.

6. Федоров М.П., Романов М.Ф. Математические модели в экологии. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. 232 с.

7. Федоров М.П., Шавелев Д.С., Васильев Ю.С. Использование водной энергии. Л.: Энергия, 1976.

8. Использование водной энергии : Учеб. для вузов / Д.С. Шавелев, С.Г. Беляев, Ю.С. Васильев и др.; Под ред. Ю.С. Васильева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Энергоатомиздат, 1995. 608 с.

9. Федоров М.П., Романов М.Ф. Математические модели в экологии. 2-е изд. СПб.: “Иван Федоров”, 2003. 240 с.

10. *Федоров М.П.* Экологическая безопасность при обращении с отходами // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2001. № 4. С. 40–45.
11. *Федоров М.П.* Вторичные энергоресурсы в системах обращения с отходами / Изв. АН. Энергетика. 2002. № 6. С. 3–12.
12. *Федоров М.П., Масликов В.И.* Развитие электроэнергетики и охрана окружающей среды // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2002. № 4. С. 87–91.
13. *Федоров М.П., Васильев Ю.С., Блинов Л.Н.* Подготовка кадров по экологической безопасности в СПбГПУ // Безопасность жизнедеятельности. 2003. № 6. С. 38–43.

ПРИМЕЧАНИЯ

А.Г. ГАГАРИН

1. *Шателен М.А.* А.Г. Гагарин // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1949. С. 60.
2. [*Гагарина М.Д.*] Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина / Составлен его вдовой М.Д. Гагариной, посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам I-го Политехнического института. [М.], 1927 (машинописная рукопись). Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина, с. 13.
3. *Кадомицев Б.П.* Основание С.-Петербургского политехнического института и первое двадцатипятилетие его существования // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 41.
4. Речь профессора В.Б. Ельяшевича // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 19.
5. ЦГИА СПб., ф. 25 (Уч. отд. Мин. торг.), оп. 1, д. 942.
6. ЦГИА СПб., ф. 25, оп. 1, д. 5827, 1899–1900 гг., л. 252–260.
7. Журнал Совещания Особой строительной комиссии по сооружению зданий Санкт-Петербургского политехнического института. 22.05.1901. ЦГИА СПб., ф. 25, оп. 1, д. 5828, л. 92.
8. Журнал № 1 Совещания директора и деканов Санкт-Петербургского политехнического института. 29.11.1901. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. Н.Н. Сторонкина, д. 3.
9. Там же.
10. Там же.
11. *Вечорин Е.А.* Первые годы (1902–1907 гг.) // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 74.
12. Речь профессора В.Б. Ельяшевича // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 23.
13. [*Гагарина М.Д.*] Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина / Составлен его вдовой М.Д. Гагариной, посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам I-го Политехнического института. [М.], 1927 (машинописная рукопись). Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина, с. 16.
14. *Вечорин Е.А.* Наш князь Андрей Григорьевич Гагарин // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 32.

15. Журнал № 2 заседания Соединенного собрания технических отделений Санкт-Петербургского политехнического института. 15.02.1906. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. И.Л. Повха.

16. Речь профессора Михаила Владимировича Бернацкого // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 7–9.

17. *Филоненко М.М.* Граф С.Ю. Витте и С.-Петербургский политехнический институт // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 67.

18. *Вечорин Е.А.* Наш князь Андрей Григорьевич Гагарин // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 30–31.

19. *Гагарин А.Г.* История Санкт-Петербургского политехнического института, составленная князем А.Г. Гагариным в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, деканов, профессора – заведующего студентами и его помощника по делам общежития. ЦГИА СПб., ф. 25, оп. 1, д. 5864; Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина (копия), с. 10.

20. Там же, с. 11.

21. Речь профессора Михаила Владимировича Бернацкого // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 9.

22. *Ципкевич Н.И.* С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого как высшая техническая школа // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 101–102.

23. *Гагарин А.Г.* История Санкт-Петербургского политехнического института, составленная князем А.Г. Гагариным в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, деканов, профессора – заведующего студентами и его помощника по делам общежития. ЦГИА СПб., ф. 25, оп. 1, д. 5864; Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина (копия), с. 13–14.

24. *Стахович А.А.* Светлой памяти князя А.Г. Гагарина // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 27–28.

25. *Вечорин Е.А.* Наш князь Андрей Григорьевич Гагарин // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 31.

26. *Гагарин А.Г.* История Санкт-Петербургского политехнического института, составленная князем А.Г. Гагариным в апреле 1907 года, ввиду

привлечения к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, деканов, профессора — заведующего студентами и его помощника по делам общежития. ЦГИА СПб., ф. 25, оп. 1, д. 5864; Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина (копия), с. 22.

27. Там же, с. 21.

28. Там же, с. 34.

29. Там же, с. 36.

30. Журнал № 10 заседания Соединенного собрания технических отделений Санкт-Петербургского политехнического института. 24.04.1906. Архив Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. И.Л. Повха.

31. [Гагарина М.Д.] Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина / Составлен его вдовой М.Д. Гагариной, посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам I-го Политехнического института. [М.], 1927 (машинописная рукопись). Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина, с. 20.

32. Гагарин А.Г. История Санкт-Петербургского политехнического института, составленная князем А.Г. Гагариным в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, деканов, профессора — заведующего студентами и его помощника по делам общежития. ЦГИА СПб., ф. 25, оп. 1, д. 5864; Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина (копия), с. 56—57.

33. Журнал № 3 заседания Соединенного собрания технических отделений Санкт-Петербургского политехнического института. 28.02.1907. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. И.Л. Повха.

34. Гагарин А.Г. История Санкт-Петербургского политехнического института, составленная князем А.Г. Гагариным в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, деканов, профессора — заведующего студентами и его помощника по делам общежития. ЦГИА СПб., ф. 25, оп. 1, д. 5864; Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина (копия), с. 74.

35. Там же, с. 76.

36. Там же, с. 78.

37. Там же, с. 78—79.

38. Вечорин Е.А. Наш князь Андрей Григорьевич Гагарин // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 33.

39. [Гагарина М.Д.] Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина / Составлен его вдовой М.Д. Гагариной, посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам I-го Политехнического института. [М.], 1927 (машинописная рукопись). Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина, с. 46.

40. Там же, с. 49.

41. Речь профессора В.Б. Ельяшевича // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред.

А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 22.

42. ЦГИА СПб, ф. Уч. отд. Мин. торг. и пром., оп. 1, д. 942, л. 141–142.

43. *Вечорин Е.А.* Первые годы (1902–1907 гг.) // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 73–74.

44. Там же. С. 81.

45. [*Гагарина М.Д.*] Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина / Составлен его вдовой М.Д. Гагариной, посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам I-го Политехнического института. [М.], 1927 (машинописная рукопись). Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина, с. 28.

46. *Шателен М.А.* А.Г. Гагарин // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1949. С. 69.

47. [*Гагарина М.Д.*] Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина / Составлен его вдовой М.Д. Гагариной, посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам I-го Политехнического института. [М.], 1927 (машинописная рукопись). Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина, с. 28.

48. Там же, с. 29–30.

49. *Кожухарь Г.Г.* А.Г. Гагарин // Политехник. 1974. 23 сент.

50. *Стахович А.А.* Светлой памяти князя А.Г. Гагарина // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 26–28.

51. [*Гагарина М.Д.*] Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина / Составлен его вдовой М.Д. Гагариной, посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам I-го Политехнического института. [М.], 1927 (машинописная рукопись). Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина, с. 50.

52. *Филоненко М.М.* Граф С.Ю. Витте и С.-Петербургский политехнический институт // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 66–67.

А.С. ПОСНИКОВ

1. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 12, д. 560, л. 139.

2. Там же, л. 137.

3. *Меншуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 23.

4. Там же, с. 31.

5. *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 266.

6. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Таллинн; М.: Скиф Алекс, 1994. С. 473–474.
7. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 12, д. 560, л. 250.
8. *Федяевский Г.К.* Воспоминания // Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 85.
9. Там же. С. 84.
10. *Кадоццев Б.П.* Основание С.-Петербургского политехнического института и первое двадцатипятилетие его существования // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 46.
11. *Струмилин С.Г.* Воспоминания и публицистика. М.: Наука, 1958. С. 156–157.
12. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. Н.Н. Сторонкина, д. 42.
13. *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 272.
14. Там же.
15. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 12, д. 560, л. 112.
16. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 188.
17. *Кадоццев Б.П.* Основание С.-Петербургского политехнического института и первое двадцатипятилетие его существования // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 46.
18. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 12, д. 560, л. 202.
19. Там же, л. 250.
20. *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 291.
21. *Бурцев Г.В.* Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 116–117.
22. *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 272.
23. Речь профессора В.Б. Ельяшевича // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. С. 22.
24. Там же. С. 23.
25. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 12, д. 560, л. 250.

И.В. МЕЩЕРСКИЙ

1. *Космодемьянский А.А.* Очерки по истории теоретической механики в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1948. С. 146.
2. Мещерский И.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1935 г., оп. 44, д. 2719, л. 26.

3. Там же.
4. *Николаи Е.Л.* Иван Всеволодович Мещерский [Некролог] // Прикладная математика и механика. М.; Л., 1936. Т. 3, вып. 1. С. 79.
5. Мои боги, мои педагоги (Воспоминания Г.М. Бериева) // Политехник. 1994. 8 сент.
6. *Моторина Л.А.* К 100-летию со дня рождения Александра Игнатьевича Шаргея (Ю.В. Кондратьюка) // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1997. № 4. С. 114.
7. *Мещерский И.В.* Работы по механике тел переменной массы / Под ред. А.А. Космодемьянского. М.; Л.: Гостехиздат, 1949. С. 20–21.
8. Мещерский И.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1935 г., оп. 44, д. 2719, л. 221.
9. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 73.
10. Мещерский И.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1935 г., оп. 44, д. 2719, л. 73.
11. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 146.
12. Там же, с. 168.
13. *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 272–273.
14. Мещерский И.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1935 г., оп. 44, д. 2719, л. 75.
15. Там же, л. 225.
16. *Саввин Н.Н.* Летопись дней моих // Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2. С. 19–20.
17. Там же.
18. Мои боги, мои педагоги (Воспоминания Г.М. Бериева) // Политехник. 1994. 8 сент.
19. Там же.
20. Мещерский И.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1935 г., оп. 44, д. 2719, л. 26 (221).
21. Там же, л. 60.
22. *Шрейбер Г.Я.* Из приказа по ЛИИ // Индустриальный. 1935. 13 янв.
23. *Космодемьянский А.А.* Очерки по истории механики. М.: Наука, 1982. С. 148.
24. Космонавтика: Энцикл. / Под ред. В.П. Глушко. М.: БСЭ, 1985. С. 250.

В.В. СКОБЕЛЬЦЫН

1. *Шателен М.А.* Владимир Владимирович Скобелъцын (1863–1947) // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1948. С. 157.

2. Скобелыцын В.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1901–1947 гг., оп. 47, д. 356.
3. Записки архивариуса / Физ. ин-т им. П.Н. Лебедева РАН. М., 1992. Т. 1, вып. 1. С. 11.
4. Скобелыцын В.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1901–1947 гг., оп. 47, д. 356.
5. Журнал № 26 Соединенных заседаний электромеханического и кораблестроительного отделений Санкт-Петербургского политехнического института. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. И.Л. Повха.
6. Журнал № 27 Соединенных заседаний электромеханического и кораблестроительного отделений Санкт-Петербургского политехнического института. Там же.
7. *Шателен М.А.* Владимир Владимирович Скобелыцын (1863–1947) // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1948. С. 159.
8. *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 271.
9. Там же. С. 273.
10. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 187.
11. *Лебедев А.А.* О прошлом (Воспоминания о работе лабораторий и мастерских СПбПИ во время 1-й мировой войны) // Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2. С. 101.
12. Скобелыцын В.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1901–1947 гг., оп. 47, д. 356.
13. Там же.
14. *Шателен М.А.* Владимир Владимирович Скобелыцын (1863–1947) // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1948. С. 159.
15. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 25, д. 7, л. 85.
16. Скобелыцын В.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1901–1947 гг., оп. 47, д. 356.

А.А. РАДЦИГ

1. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 2.
2. *Бурцев Г.В.* Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 92.
3. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 3, д. 48, л. 5.
4. *Бурцев Г.В.* Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 112.
5. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 8–9.
6. *Буланин В.И.* А.А. Радциг как историк техники: Выступление на объединенном заседании Ученых советов ЛПИ и ЦКТИ 16 января 1952 года, посвященном памяти А.А. Радцига. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 10.
7. *Кириллов И.И.* Александр Александрович Радциг // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1949. С. 126.

М.А. ШАТЕЛЕН

1. Михаил Андреевич Шателен / Под ред. В.С. Равдоника. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 14.
2. Журнал № 2 Соединенных заседаний электромеханического и кораблестроительного отделений. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.
3. Там же. 1902. № 4, 11 сент.
4. Там же. 1903. № 15, 24 апр.
5. Там же. 1903. № 24, 17 сент.
6. Там же. 1906. № 2, 15 февр.
7. Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 268.
8. Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 132.
9. Вечорин Е.Л. Михаил Андреевич Шателен // Санкт-Петербургский политехнический институт: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2. С. 89.
10. Там же. С. 87.
11. Манойлов В.Е. Пионер применения электрифицированных препятствий // Политехник. 1946. 9 июня.
12. Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Личное дело. Арх. СПбГПУ, ЛМИ, 1930 г., оп. 38, д. 230.
13. Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 12.
14. Александров Ю.А. Первые шаги отечественной электроэнергетики / Краевед. о-во КМВ. Пятигорск, 1997. С. 61.
15. Шателен М.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, д. 707, оп. 57.
16. Там же.
17. Соболев Г.А. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.; Л., 1966. С. 24.
18. Наш профессор // Политехник. 1946. 9 июня.
19. Михаил Андреевич Шателен / Под ред. В.С. Равдоника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 35.

Ф.Ю. ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ

1. Кузнецов С.С. Франц Юльевич Левинсон-Лессинг. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. С. 3–4.
2. Там же. С. 6.
3. ЦГИА СПб., ф. 478, оп. 15, д. 11, л. 256–257.
4. Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 269.
5. Дмитрий Иванович Щербаков. Жизнь и деятельность. 1893–1966. М.: Наука, 1969. С. 270.

6. *Левинсон-Лессинг Ф.Ю.* I. Единая высшая школа. II. Дальнейшее развитие Политехнического института // Изв. Петрогр. политехн. ин-та императора Петра Великого. Пг., 1915. Т. XXIII, вып. 2. С. 722.
7. Там же. С. 731.
8. *Левинсон-Лессинг Ф.Ю.* Личное дело. Арх. СПбГПУ, ЛМИ, 1930 г., оп. 38, д. 230.
9. Там же.
10. Вестн. Рос. Академии наук. 1996. Т. 66, № 6. С. 545.
11. *Левинсон-Лессинг Ф.Ю.* Личное дело. Арх. СПбГПУ, ЛМИ, 1930 г., оп. 38, д. 230.
12. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 25, д. 7, л. 82.
13. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 99.
14. *Соколов В.А., Кударенко В.Г.* Академик Ф.Ю. Левинсон-Лессинг в Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1981. С. 68.
15. *Кузнецов С.С.* Франц Юльевич Левинсон-Лессинг. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. С. 8–9.
16. Там же. С. 29.

Д.П. РУЗСКИЙ

1. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 12, д. 587, л. 40.
2. *Чеканов А.А.* Виктор Львович Кирпичев. 1845–1913. М.: Наука, 1982. С. 155–156.
3. *Михайлов Г.К.* Профессор Д.П. Рузский: Биогр. очерк // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1997. № 3. С. 102.
4. Там же.
5. Там же. С. 103.
6. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 12, д. 587, л. 16–17.
7. Там же, л. 31.
8. Там же, л. 38.
9. Былое. Голодные годы: 1920–1921 // Вестн. РАН. 1996. Т. 66, № 6. С. 536.
10. Там же.
11. Там же. С. 543.
12. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 3, д. 252, л. 33.
13. *Тимашев Н.С.* 1915–1921 // С.-Петербургский политехнический институт: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2. С. 124.
14. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 2, д. 5475, л. 36.
15. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 21.
16. Там же.
17. Там же.
18. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 3, д. 518, л. 30.
19. *Рузский Д.П.* Кинематика машин. Л., 1924. 199 с.

20. Былое. Голодные годы: 1920—1921 // Вестн. РАН. 1996. Т. 66, № 6. С. 536.

Л.В. ЗАЛУЦКИЙ

1. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917—1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 28.

2. Там же, с. 27.

3. Залуцкий Л.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1938 г., оп. 44, д. 1502, л. 134.

4. Там же, л. 132.

5. Там же, л. 149.

Б.Е. ВОРОБЬЕВ

1. Воробьев Б.Е. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1913—1942 гг., д. 942.

2. Там же, л. 90.

3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 244.

4. Воробьев Б.Е. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1913—1942 гг., д. 942, л. 90—92.

5. Там же.

6. Там же, л. 43.

7. Там же, л. 90—92.

8. Там же.

9. Там же, л. 113, 148.

10. Там же.

11. Воробьев Б.Е. Личное дело. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

А.А. БАЙКОВ

1. *Байков А.А.* Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 2. С. 496.

2. Там же. С. 497.

3. Байков А.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1941 г., оп. 45, д. 291, л. 19.

4. Документы Особой строительной комиссии. Журнал № 13. 28.03.1902. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. Н.Н. Сторонкина, д. 1.

5. *Макареня А.А., Поздышева В.А.* А.А. Байков // Выдающиеся ученые Ленинградского университета. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. С. 27.

6. *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 267.

7. Дмитрий Иванович Щербаков. Жизнь и деятельность. 1893—1966. М.: Наука, 1969. С. 270—271.

8. Байков А.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1941 г., оп. 45, д. 291, л. 83.

9. *Евдокимов В.* Мысли вслух // Товарищ. 1926. 23 мая.

10. Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 144.

11. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917—1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 84.

12. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 84.
13. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 398, л. 319.

П.А. КОБОЗЕВ

1. *Билик В.П., Минеев В.И.* Петр Алексеевич Кобозев // Революционеры, вожаки масс. Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 93.
2. Реввоенсовет нас в бой зовет. М.: Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1967. С. 57.
3. За классовую чистоту и четкость // Товарищ. 1929. 14 марта.
4. Об управлении ЛПИ // Товарищ. 1929. 28 февр.
5. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 99.
6. Товарищ. 1929. 7 авг.
7. Там же. 15 сент.
8. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 20, д. 194.

А.Я. ШУМСКИЙ

1. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 25, д. 7, л. 150.
2. На общеинститутской студенческой конференции: Речь тов. Шумского // Товарищ. 1929. 24 окт.
3. Жертвы репрессий. Киев: Юринформ, 1993. С. 276.

Я.Х. ДАВТЯН

1. *Менишуткин Б.Н.* История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, с. 144.
2. Там же, с. 149.
3. Очерки истории Российской внешней разведки. 1917–1933 гг. М.: Междунар. отношения, 1996. Т. 2. С. 49.

Г.Я. ШРЕЙБЕР

1. Арх. СПбГПУ, ф. Metallург. ин-та, 1930–1935 гг., оп. 44, д. 4851, л. 28.
2. Очистим город Ленина от остатков царской челяди, от охвостья помещиков и капиталистов // Индустриальный. 1935. 26 марта.
3. Арх. СПбГПУ, ф. Metallург. ин-та, 1930–1935 гг., оп. 44, д. 4851.

П.А. ТЮРКИН

1. Тюркин П.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1933–1941 гг., оп. 45, д. 4868, л. 4–7.
2. Там же, л. 31–32.
3. Биржевые ведомости. 1902. 4 сент.
4. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 74, л. 17.
5. Там же, л. 20.
6. Индустриальный. 1936. 26 июня.
7. Приказы по институту. Арх. СПбГПУ, 1941 г., № 555-а, 10 сент.

В.Г. ЕВДОКИМОВ

1. Распоряжение по Главному управлению учебными заведениями НКТП // Индустриальный. 1936. 26 июня.
2. *Евдокимов В.* Мысли вслух // Товарищ. 1926. 23 мая.
3. Евдокимов В.Г. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1937 г., д. 1343, л. 118.
4. Там же, л. 81.
5. *Евдокимов В.* Истории первых дней. Приветствие юбиляру // Индустриальный. 1936. 9 мая.
6. *Глауберман О.* Наш Лесной // Индустриальный. 1936. 26 нояб.
7. Несколько вопросов к дирекции института // Индустриальный. 1936. 1 дек.
8. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 203, л. 19.
9. В депутатской группе ЛИИ // Индустриальный. 1937. 28 марта.
10. Смелее ликвидировать последствия вредительства в институте // Индустриальный. 1937. 13 окт.
11. Несколько вопросов к дирекции института // Индустриальный. 1937. 1 дек.
12. Евдокимов В.Г. Личное дело. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. В.Г. Евдокимова.
13. Из личного фонда семьи В.Г. Евдокимова.
14. Там же.
15. Евдокимов В.Г. Личное дело. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. В.Г. Евдокимова.

П.Л. КАЛАНТАРОВ

1. Калантаров П.Л. Личное дело. Арх. СПбГПУ, оп. 51, д. 232.
2. Там же.
3. *Миткевич В.Ф., Шателен М.А.* Профессор П.Л. Калантаров – заместитель директора по научно-учебной части // Индустриальный. 1936. 26 февр.

4. *Тарасов В.С.* Может быть еще что-нибудь спросите? // Политехник. 1989. 17 янв.
5. Там же.

К.В. НОВИКОВ

1. Новиков К.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1937 г., оп. 44, д. 3061, л. 11–12.
2. Там же, л. 10.
3. Покончить с гнилым либерализмом // Индустриальный. 1937. 4 окт.
4. Ликвидировать последствия вредительства на автотракторной специальности // Индустриальный. 1937. 10 окт.
5. *Алексеев А., Марголин Д., Ясеновец П.* На Электромеханическом факультете без перемен // Индустриальный. 1937. 21 дек.
6. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 226, л. 430.

С.А. СМЕРНОВ

1. Смирнов С.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1940 г., оп. 45, д. 4427, л. 4.
2. ЦГА СПб., протоколы заседаний Совета ЛИИ, 1938 г., ф. 3121, оп. 22, д. 398, л. 301.
3. Там же, л. 349.
4. Там же, л. 431.
5. Смирнов С.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1940 г., оп. 45, д. 4427, л. 15.
6. К дальнейшему подъему комсомольской работы в институте // Индустриальный. 1938. 2 нояб.
7. Там же.
8. ЦГА СПб., протоколы заседаний Совета ЛИИ, 1938 г., ф. 3121, оп. 22, д. 728, л. 25.
9. Протоколы заседаний Ученого совета ЛИИ. 1940. 2 июля. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, л. 1.
10. Там же, л. 42.

В.А. ВАЙНЕР

1. Вайнер В.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1964 г., оп. 120, д. 112, л. 69.
2. Приказы по институту. Арх. СПбГПУ, 1941–1942 гг.
3. Там же, 1942 г., № 13, 2 февр.

С.А. СЕРДЮКОВ

1. Сердюков С.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1942–1947 гг., д. 353, л. 9.
2. Там же, л. 14.
3. Там же, л. 38.
4. Приказы по институту. Арх. СПбГПУ, 1942 г., № 3, 20 февр.
5. Там же, № 6, 1 марта.
6. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 1350, л. 1.
7. Приказы по институту. Арх. СПбГПУ, 1943 г., 1 июня.
8. Сердюков С.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1947 г., д. 353, л. 111.
9. Там же, л. 122.
10. Там же, л. 52.
11. Там же, л. 66.
12. Там же, л. 121.
13. Там же, л. 119.
14. Там же, л. 95.
15. Там же, л. 97.
16. Там же, л. 96.

В.Г. ПОДПОРКИН

1. Подпоркин В.Г. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1934–1988 гг., оп. 280, д. 54, л. 20.
2. Приказы по институту. Арх. СПбГПУ, 1941 г., № 418, 7 июля.
3. Политехнический институт в годы блокады и эвакуации. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. С. 161–162.
4. Подпоркин В.Г. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1934–1988 гг., оп. 280, д. 54, л. 27–28.
5. Там же, л. 33.
6. Там же, л. 46.
7. Там же, л. 47.
8. Политехнический институт в годы блокады и эвакуации. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. С. 183.
9. Подпоркин В.Г. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1934–1988 гг., оп. 280, д. 54, л. 49.

К.Н. ШМАРГУНОВ

1. *Звягинцев И.* Путь в науку // Политехник. 1947. 8 дек.
2. Шмаргунов К.Н. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1946–1951 гг., оп. 51, д. 642, л. 48–52.
3. За полное восстановление института // Политехник. 1946. 23 мая.

4. За серьезную, глубокую работу // Политехник. 1947. 19 апр.
5. С трибуны партсобрания // Политехник. 1947. 5 июля.
6. Закон движения вперед // Политехник. 1951. 3 апр.
7. Акт приемки и сдачи дел ЛПИ. 1951, 12 июня. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.
8. *Кожевников А.Б.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке. 1947–1951 // Вопр. истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 40.
9. *Пучков М.* Воспитание молодого советского специалиста // Политехник. 1949. 20 янв.
10. Без огонька / Студенты В. Баранов, Л. Крок, Т. Буймова и др. // Политехник. 1951. 10 февр.
11. *Владимиров А.* С трибуны партийного собрания. Быть патриотом советской техники // Политехник. 1947. 13 сент.
12. Там же.
13. *Шмаргунов К.Н.* Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1946–1951 гг., оп. 51, д. 642, л. 37.

А.Ф. АЛАБЫШЕВ

1. Алабышев А.Ф. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1983 г., оп. 255, д. 9, л. 23.
2. Там же, л. 2.
3. Воспоминания профессора, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР В.Г. Хорошайлова. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.
4. *Алабышев А.Ф.* Важное условие технического прогресса // Творческое сотрудничество науки и производства: Сб. ст. М.: Изд-во ВЦСПС, 1952. С. 36.
5. Краткий справочник для поступающих в институт в 1953 году / ЛПИ. Л., 1953. С. 7.
6. *Вишняков-Вишневецкий К.А.* Об итогах учебного года в сети партийного просвещения // Политехник. 1952. 30 июня.
7. Приказы по институту. Арх. СПбГПУ, 1951 г., 28 нояб.
8. Алабышев А.Ф. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1983 г., оп. 255, д. 9, л. 24.
9. Воспоминания профессора, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР В.Г. Хорошайлова. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

В.С. СМЕРНОВ

1. Смирнов В.С. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1973 г., оп. 181, д. 468.
2. Политехники: выдающиеся ученые, основатели научных школ и направлений. Физико-металлургический факультет / Под ред. А.В. Кузина; СПбГТУ. СПб., 1994. С. 37.

3. Политехники: выдающиеся ученые, основатели научных школ и направлений. Физико-металлургический факультет / Под ред. А.В. Кузина; СПбГТУ. СПб., 1994. С. 41.

4. Там же. С. 40.

5. Там же. С. 41.

К.П. СЕЛЕЗНЕВ

1. Гаухман Я. Любимый командир // На чеку. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

2. Селезнев К.П. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1998 г.

3. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ; Арх. каф. “Компрессоростроение”, ф. К.П. Селезнева.

Ю.С. ВАСИЛЬЕВ

1. СПбГПУ (ЛПИ) — организатор студенческих строительных отрядов: Очерки. Воспоминания. Размышления. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998.

2. Там же.

3. Юрий Сергеевич Васильев (к 70-летию со дня рождения). СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. С. 16 (Выдающиеся ученые СПбГТУ. Вып. 3).

4. Юрий Сергеевич Васильев (к 70-летию со дня рождения). СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. С. 5 (Выдающиеся ученые СПбГТУ. Вып. 3).

5. Там же. С. 8.

6. Там же. С. 12.

7. Васильев Ю., Виссарионов В. Энергия воды, энергия труда // Политехник. 1982. 22 нояб.

8. Юрий Сергеевич Васильев (к 70-летию со дня рождения). СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 53 с. С. 13 (Выдающиеся ученые СПбГТУ. Вып. 3)

9. Из истории Ленинградского ордена Ленина политехнического института. 1899–1989 / Сост. Н.П. Гербылева, Н.И. Диденко, К.П. Селезнев и др.; Отв. ред. Ю.С. Васильев. Л.: ЛПИ, 1989. 87 с.

10. Невский В. Об эмоциях и компетентности // Политехник. 1988. 22 июня.

11. Юрий Сергеевич Васильев (к 70-летию со дня рождения). СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. С. 19–20 (Выдающиеся ученые СПбГТУ. Вып. 3).

12. Там же.

13. Там же. С. 14–15.

14. Васильев Юрий Сергеевич // Мелуа А.И. Инженеры С.-Петербурга: Энциклопедия. М.; СПб.: Изд. “Гуманистика”, 2003. С.168.

15. Васильев Юрий Сергеевич // Ректоры России. М.: Энциклопедическая серия (Интеллектуальный фонд России).

16. Кандидат в действительные члены РАН по Отделению физико-технических проблем энергетики РАН по специальности “Энергетика” Васильев

Юрий Сергеевич / Справки-аннотации на кандидатов в действительные члены РАН и члены-корреспонденты РАН (Выборы 2000 года).

17. Там же.

18. Юрий Сергеевич Васильев (к 70-летию со дня рождения). СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. С. 2 (Выдающиеся ученые СПбГТУ. Вып. 3).

19. *Шитарев В.И.* Из выступления вице-губернатора Санкт-Петербурга В.И. Шитарева на конференции научно-педагогических работников и представителей других категорий работников и обучающихся СПбГПУ 30 сентября 2003 года : Стеногр. отчет.

20. Васильев Юрий Сергеевич // Мелуа А.И. Инженеры С.-Петербурга: Энциклопедия. М.; СПб.: Изд. "Гуманистика", 2003. С.168.

21. Там же.

22. Конференция научно-педагогических работников и представителей других категорий работников и обучающихся Санкт-Петербургского государственного политехнического университета по избранию ректора 30.10.2003: Стеногр. отчет / Арх. СПбГПУ.

23. Там же.

24. *Дегтярева Р.В.* Ученый совет. 1998 — 2003 гг. // Политехник. 2003. 26 ноября.

25. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет — историко-культурный архитектурный памятник: Справочная книга / Сост. Н.П. Гербылева. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2002. С. 140—149.

26. *Тропольская О.* Малую планету назвали "Политехником" // Политехник. 2002. 7 июня.

27. ...И дольше века длится день : Интервью с президентом СПбГТУ, членом-корреспондентом РАН Ю.С. Васильевым // Изв. 1999. 16 февр.

М.П. ФЕДОРОВ

1. Профессора Санкт-Петербургского государственного технического университета. Биографический справочник. 1999 год / Н.П. Гербылева, И.В. Журавлева, Т.Н. Исыанова, Л.А. Моторина и др.; Под ред. Н.П. Гербылевой. СПб.: СПбГТУ, 1999. С. 984—986.

2. Федоров М.П. Личное дело. Арх. СПбГПУ.

3. Кто есть кто в энергетике России. СПб.: Информ.-изд. агентство "Корвет", 1995. С. 5—6.

4. *Федоров М.П.* Об итогах и планах // Политехник. 2000. 19 сент.

5. *Федоров М.П.* Инженерная экология — наука будущего // Политехник. 1999. 20 окт.

6. Конференция научно-педагогических работников и представителей других категорий работников и обучающихся Санкт-Петербургского государственного политехнического университета по избранию ректора 30.10.2003: Стеногр. отчет / Арх. СПбГПУ.

7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

А.Г. ГАГАРИН

Антонова Р.Н. Добужинский и Гагарины (по материалам переписки) // Добужинские чтения. 25 мая 2000 г. В. Новгород, 2001. С. 85–100: ил.

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX–начала XX века: Справ. / Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб.: Пилигрим, 1996. 397 с.

Афанасьев Н.И. Современники: Альбом биографий на 240 персон. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1909. Т. 1. С. 52–53.

Байков А.А. 25 лет Политехническому институту им. М.И. Калинина // Товарищ. 1927. 15 окт.

Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию русского дворянства. 2-е изд. Острогжск: Типолитограф. М. Озаревой, 1898. С. 94.

Васильев Ю.С., Селезнев К.П. А.Г. Гагарин — первый директор СПбГТУ (К 140-й годовщине со дня рождения) // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1996. № 1. С. 5–11.

Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. Т. 2. С. 255–258; Т. 3. С. 444.

Воротинцев Н.И. Подробная справочная книга о Санкт-Петербургском политехническом институте императора Петра Великого. 2-е изд. СПб.: Тип. С.-Петерб. градоначальника, 1911. 90 с.

[*Воротинцев Н.И.*] Правила приема и подробные программы всех шести отделений С.-Петербургского политехнического института / Составил по последним официальным сведениям Н.И. Воротинцев. СПб.: Тип. С.-Петерб. градоначальника, 1909. 87 с.

Гагарин Андрей Григорьевич // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М.: Изд-во БСЭ, 1958. Т. 1. С. 198.

Гагарин Андрей Григорьевич // БСЭ. 3-е изд. Т. 5. С. 623.

Гагарин А.Г. История Санкт-Петербургского политехнического института, составленная князем А.Г. Гагариным в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, деканов, профессора — заведующего студентами и его помощника по делам общежития // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1999. № 1–4: ил.

Гагарин Андрей Григорьевич (личное дело). ЦГИА СПб., ф. 478, оп. 23, д. 65 (01.02.1900–1908).

Гагарин А.П. Предисловие [к статье: Гагарин Г.А. Воспоминания] // Звезда. 1994. № 2. С. 158.

Гагарин Г.Б. Биография Андрея Григорьевича Гагарина. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина (машинописная рукопись).

[*Гагарина М.Д.*] Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина / Составлен его вдовой М.Д. Гагариной, посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам I-го Политехнического института. [М.], 1927 (машинописная рукопись). Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина, 55 с.

Гагарина пресс // БСЭ. 2-е изд. Т. 9. С. 607: рис.

Галерея портретов государственных, общественных, торгово-промышленных деятелей России. СПб., 1906.

Гербылева Н.П. Гагарин Андрей Григорьевич — директор Санкт-Петербургского политехнического института (7.01.1900—28.02.1907) // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1999. № 1. С. 22—41: ил.

Гербылева Н.П. Князь А.Г. Гагарин, первый директор Санкт-Петербургского политехнического института. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2002. 86 с.: ил.

Гербылева Н.П. Развитие высшего технического образования в России в начале XX века и основание Санкт-Петербургского политехнического института // Становление и развитие вузовских музеев: Материалы конф. / СГУ. Сыктывкар, 1993.

Гербылева Н.П. Развитие высшего технического образования в Санкт-Петербурге в конце XIX века // История вузовских музеев: Материалы конф. / СГУ. Сыктывкар, 1992.

Гербылева Н.П. Санкт-Петербургский государственный технический университет — первый технический университет России // Наука и техника: вопросы истории и теории: Тез. конф. / СПбФИИЕТ РАН. СПб., 1998.

Гербылева Н.П., Маркова С.М. В.Л. Кирпичев — организатор политехнического образования // Вестн. высш. шк. 1998. № 10. С. 65—66.

Гербылева Н.П., Петрова С.М. Первые преподаватели Санкт-Петербургского политехнического института // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1998. № 1. С. 150—155.

Гречук Н. “Блаженный” с характером ученого // С.-Петерб. ведомости. 2002. 12 окт. С. 8: фот.

Данилевский В.В. История основания Ленинградского политехнического института // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1948. С. 3—58.

Журналы Совещаний директора и деканов Санкт-Петербургского политехнического института. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. Н.Н. Сторонкина.

Журналы Совещаний Особой строительной комиссии по сооружению зданий Санкт-Петербургского политехнического института. 1900—1907 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. Н.Н. Сторонкина.

Журналы заседаний Соединенных собраний технических отделений Санкт-Петербургского политехнического института. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. И.Л. Повха.

Замятин Е.И. Дубы: Наброски к роману // Новый журнал. 1993. № 2. С. 13—50.

Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов. Л.: Воениздат, 1991. 272 с.

[Защита диссертации А. Гагариным] // Новое время. 1913. 16 мая.

Кирпичев В.Л. Значение фантазии для инженеров / Изд. студ. кассы взаимопомощи СПб. Политехн. ин-та. СПб., 1911. 23 с.

Кожухарь Г.Г. А.Г. Гагарин // Политехник. 1974. 16, 23 сент.

Кожухарь Г.Г. За подписью Ильича: Из истории Ленинградского политехнического // Политехник. 1984. 29 нояб.

Кожухарь Г.Г. Князь А.Г. Гагарин // Политехник. 1993. 27 мая.

Краткий очерк общей организации Института и системы преподавания на кораблестроительном отделении / Сост. К.П. Боклевский. СПб., 1908. 48 с.

Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984. 450 с.

Кузнецов Д.И. Перед взрывом. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 231 с.

Кулешов М. “Охранная грамота” Ильича // Ком. труд. 1968. № 48.

Ларионов В. Лесное коммерческое училище // Блокнот агитатора. Л., 1980.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. I. Единая высшая школа. II. Дальнейшее развитие Политехнического института: Отд. отт. из “Известий Политехнического института императора Петра Великого”. Пг., 1915. Т. XXIII. 19 с.

Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. 285 с.

[Материалы по истории института] // Тр. ЛПИ им. М.И. Калинина. № 6. Л., 1947; № 1, 4. 1948; № 1. 1949; № 198. 1957; № 339. 1974.

Меншуткин Б.Н. Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина. СПб., 1908.

Меншуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2000. № 1–4: ил.; 2001. № 1, 3–4.

Морозов Ю.Н. Первая модель крешерного пресса системы Гагарина // Инженерный сборник. М.; Л., 1948. Т. 4, вып. 2.

Мудров Ю. Холомки // Лит. Россия. 1985. 18 окт.

Николаева И.П., Яковлева Е.Л. Усадьба А.Г. Гагарина в Холомках // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2001. № 3: ил.

Оричев А. Памяти первого ректора // Политехник. 1988. 13 дек.

[Ответ А. Гагарина] // Новое время. 1909. 26 апр. С. 4.

Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. 423 с.

Полторацк С.Н. Князь Андрей Григорьевич Гагарин – первый директор Санкт-Петербургского Политехнического института // Политехник. 1996. № 5, 6.

Потресов В. Холомки // Наше наследие. 1998. 46. С. 18–27: ил.

Рабинович И.М. О шарнирных механизмах А.Г. Гагарина // Изв. АН СССР. Отд. техн. наук. 1952. № 2.

Русский биографический словарь / Император. рус. истор. о-во. М., 1914. С. 55–95.

Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. 129 с.

Санкт-Петербургский политехнический институт: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2. 215 с.

Сизов Б.Г. Андрей Григорьевич Гагарин. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина. 19 с. (машинописная рукопись).

Стольпин А. Князь Андрей Гагарин // Новое время. 1909. 25 апр. С. 3.

Тэсс Т. Фамильный архив // Известия. 1968. 28 мая.

Тюменева Т. Море шоколадных осколков в подарок // Смена. 1995. 9 июня.

Хозиков В. Политех для России: Первые 50 лет Санкт-Петербургского государственного технического университета. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 349 с.

Чепарухин В., Виноградов Ю. Гагарин — потомок Рюриха // Веч. Петербург. 1994. 16 июля.

Ямпольская Н. Учебник истории для будущих инженеров (Имение первого ректора петербургского Политеха становится его филиалом) // Час Пик. 2001. № 40. С. 12: фот.

Шателен М.А. А.Г. Гагарин // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1949. С. 59–70.

Lombard C. La Manufacture Nationale D'Armes De Chatellerault. France, 1987. 399 p.

А.С. ПОСНИКОВ

Александр Сергеевич Посников: Межвуз. науч. семинар. Докл. и сообщ. СПб.: Нестор, 1997. 56 с.

Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. Н.Н. Сторонкина, д. 42.

Бурцев Г.В. Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 91–124.

Витте С.Ю. Воспоминания. Таллинн; М.: Скиф Алекс, 1994. С. 473–474.

Гагарин А.Г. История Санкт-Петербургского политехнического института, составленная князем А.Г. Гагариным в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, деканов, профессора — заведующего студентами и его помощника по делам общежития // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1999. № 1–4: ил.

Данилевский В.В. История основания Ленинградского политехнического института // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1948. С. 3–58.

Ден В.Э. Задачи экономического отделения СПбПИ // Изв. СПбПИ. 1904. Т. 1. С. 29–31.

Ефимкин А.П. Дважды реабилитированные. Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский. М.: Финансы и статистика, 1991. 224 с.

Законопроект об организации при Петербургском политехническом институте курсов по воздухоплаванию // Техн. и коммерч. образование. 1910. № 7.

Ковалевский М.М. Юбилей А.С. Посникова // Вестн. Европы. 1916. № 1.

Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984. 450 с.

Курсы воздухоплавания при кораблестроительном отделении Санкт-Петербургского политехнического института // Вестн. воздухоплавания. 1911. № 3.

Меншуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2000. № 1–4: ил.; 2001. № 1, 3–4.

Меншуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. 423 с.

- Политехник. 1992. № 22 (3061), 14 окт.
Посников А.С. // БСЭ. 3-е изд. Т. 20. С. 143.
Протоколы и материалы к заседаниям Совета ЛПИ. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.
Розенберг В.А. Посников А.С. // Энциклопедический словарь Товарищества братьев Гранат. 7-е изд. СПб. Т. 33. С. 114–123.
Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Под ред. А.А. Стаховича и Е.А. Вечорина; Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж, 1952. 129 с.
Смелов В.А. К истории гидротехнического факультета. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1995. Ч. 1. 1907–1917. 170 с.
Струмилин С.Г. Воспоминания и публицистика. М.: Наука, 1958. С. 156–157.
Струмилин С.Г. Из пережитого. 1897–1917. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 244, 246.
ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 12, д. 560, л. 112, 137, 202, 250; д. 5475.
Шателен М.А. А.Г. Гагарин // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1949. С. 59–70.

И.В. МЕЩЕРСКИЙ

- Биографический словарь деятелей естествознания и техники / Отв. ред. А.А. Зворыкин. М.: БСЭ, 1959. 34 с.
Бурцев Г.В. Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 99.
Геронимус Я.Л. Очерки о работе корифеев русской механики. М.: Наука, 1952. 520 с.
Григорьян А.Т. Иван Всеволодович Мещерский: К 100-летию со дня рождения // Вопр. истории естествознания и техники. 1959. Вып. 7. С. 127–130.
Данилевский В.В. История основания Ленинградского политехнического института // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1948. С. 3–58.
История механики в России. Киев: Наук. думка, 1987. С. 291–295.
Космодемьянский А.А. Очерки по истории механики. М.: Наука, 1982. 295 с.
Космодемьянский А.А. Очерки по истории теоретической механики в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1948. 297 с.
Космонавтика: Энцикл. / Под ред. В.П. Глушко. М.: БСЭ, 1985. 250 с.
К юбилею профессора И.В. Мещерского // Товарищ. 1928. 22 марта.
Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / Под ред. И.В. Кузнецова. М.: Физматгиз, 1965. 783 с.
Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2000. № 1–4: ил.; 2001. № 1, 3–4.
Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.
Мещерский И.В. Гидродинамическая аналогия прокатки // Изв. Первого Петроград. политехн. ин-та. 1919. № 28. С. 141–179.

Мещерский И.В. Кабинет теоретической механики Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого. СПб., 1911. 8 с.

Мещерский И.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1935 г., оп. 44, д. 2719.

Мещерский И.В. [Некролог] // Индустриальный. 1935. 9 янв.

Мещерский И.В. Работы по механике тел переменной массы / Под ред. А.А. Космодемьянского. М.; Л.: Гостехиздат, 1949. 276 с.

Мещерский И.В. Уравнение движения точки переменной массы в общем случае // Изв. С.-Петерб. политехн. ин-та. 1904. № 1/2. С. 77–118.

Мои боги, мои педагоги // Политехник. 1994. 8 сент. (Воспоминания Г.М. Бериева).

Моторина Л.А. К 100-летию со дня рождения Александра Игнатьевича Шаргея (Ю.В. Кондратюка) // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1997. № 4.

Николаи Е.Л. Иван Всеволодович Мещерский // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1949. С. 79–82.

Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. С. 272–273.

Политехники: выдающиеся ученые, основатели научных школ и направлений. Физико-механический факультет. Физико-технический факультет / Под ред. проф. Ю.И. Уханова. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1992. 100 с.

Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2. С. 46.

Смелов В.А. К истории гидротехнического факультета. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1995. Ч. 1. 1907–1917. 170 с.

Тропп Э.А., Френкель В.Я., Чернин А.Д. Александр Александрович Фридман. М.: Наука, 1988. 125 с.

Тюлина И.А. Научная деятельность И.В. Мещерского // Тр. Ин-та истории естествознания и техники. № 3. 1960. С. 264–272.

В.В. СКОБЕЛЫЦЫН

Бурицев Г.В. Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 91–124.

Гербылева Н.П. История создания храма // Политехник. 1998. 13 мая.

Журналы Соединенных заседаний электромеханического и кораблестроительного отделений Санкт-Петербургского политехнического института. 1902–1907. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Записки архивариуса / Физ. ин-т им. П.Н. Лебедева РАН. М., 1992. Вып. 1, т. I. 66 с.

Из истории Ленинградского ордена Ленина политехнического института. 1899–1989 / Сост. Н.П. Гербылева, Н.И. Диденко, К.П. Селезнев и др.; Отв. ред. Ю.С. Васильев; ЛПИ. Л., 1989. 87 с.

Из истории ЛПИ им. М.И. Калинина: Физико-механический факультет. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, д. 378.

Лебедев А.А. О прошлом (Воспоминания о работе лабораторий и мастерских СПбПИ во время 1-й мировой войны) // Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2.

Меншуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2000. № 1–4: ил.; 2001. № 1, 3–4.

Меншуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Неуймина Л.Д. О научно-педагогической деятельности В.В. Скобелыцына. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 6 с.

Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. 423 с.

Политехники: выдающиеся ученые, основатели научных школ и направлений. Физико-механический факультет. Физико-технический факультет / Под ред. проф. Ю.И. Уханова. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1992. 100 с.

Политехнический институт в годы блокады и эвакуации. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 207 с.

Потехин М.И., Ильющенко Т.А. Общественно-политическая жизнь института в годы нового революционного подъема и первой мировой войны // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 71–90.

Скобелыцын В.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1901–1947 гг., оп. 47, д. 356.

Скобелыцын Д.В. (К 100-летию со дня рождения) / Физ. ин-т им. П.Н. Лебедева РАН. М., 1992. 91 с.

Смелов В.А. К истории гидротехнического факультета. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1995. Ч. 1. 1907–1917 гг. 170 с.

Соминский М.С. Абрам Федорович Иоффе. М.; Л.: Наука, 1964. 643 с. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 25, д. 7.

Шателен М.А. Владимир Владимирович Скобелыцын (1863–1947) // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1948. С. 155–160.

А.А. РАДЦИГ

Буланин В.И. А.А. Радциг как историк техники: Выступление на объединенном заседании Ученых советов ЛПИ и ЦКТИ 16 января 1952 года, посвященном памяти А.А. Радцига. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 26 с.

Буланин В.И., Гурьев В.П. Человек широкого кругозора // Индустриальный. 1939. 15 марта.

Буланин В.И., Радциг М.А. Александр Александрович Радциг (К 100-летию со дня рождения) // Тр. ЛПИ. № 310. Л., 1969. С. 223–225.

Бурцев Г.В. Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 91–98, 112–113.

Гохберг С.С. Из воспоминаний профессора М.М. Гохберга // Политехник. 1993. 24 февр.

Кириллов И.И. Александр Александрович Радциг // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1949. С. 120–126.

Кириллов И.И. К 10-летию со дня смерти А.А. Радцига // Тр. ЛПИ. № 1. Л., 1951. С. 222.

Кириллов И.И. Работа института в области паротурбостроения (о А.А. Радциге) // Тр. ЛПИ. № 6. Л., 1947. С. 62–68.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Нашему профессору Александру Александровичу Радцигу в день сорокалетия его научной деятельности // Индустриальный. 1935. 5 мая.

Политехнический институт в годы блокады и эвакуации. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 207 с.

Радциг А.А. История теплотехники. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 430 с.

Радциг А.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, д. 3927.

ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 3, д. 12, 48, 51, 72.

М.А. ШАТЕЛЕН

Александров Ю.А. Первые шаги отечественной электроэнергетики / Краевед. о-во КМВ. Пятигорск, 1997. 83 с.

Вечорин Е.Л. Михаил Андреевич Шателен // Санкт-Петербургский политехнический институт: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2. 215 с.

Воробьев Б.Е., Иванов В.П., Миткевич В.Ф. Профессор Михаил Андреевич Шателен / ЛПИ. Л., 1941. 19 с.

Журналы Соединенных заседаний электромеханического и кораблестроительного отделений. 1902–1907. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Залесский А.М. Михаил Андреевич Шателен. М.; Л.: Гос. энерг. изд-во, 1956. 24 с.

Залесский А.М., Равдоник В.С., Степанов Г.И. Михаил Андреевич Шателен // Электричество. 1955. № 12. С. 2–6.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Личное дело. Арх. СПбГПУ, ЛМИ, 1930 г., оп. 38, д. 230.

Ломшаков А.С. Воспоминания // Санкт-Петербургский политехнический институт: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2. 215 с.

Манойлов В.Е. Пионер применения электрифицированных препятствий // Политехник. 1946. 9 июня.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2000. № 1–4: ил.; 2001. № 1, 3–4.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Мировой ученый (М.А. Шателен — кандидат в депутаты Ленинградского городского Совета по 144-му избирательному округу) // Индустриальный. 1939. 17 дек.

Миткевич В.Ф., Шостын Н.А. Михаил Андреевич Шателен // Электричество. 1946. № 1. С. 42–45.

Михаил Андреевич Шателен / Под ред. В.С. Равдоника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 198 с.

Наш профессор // Политехник. 1946. 9 июня.

Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. 423 с.

Равдоник В.С., Степанов Г.И. Михаил Андреевич Шателен // Тр. ЛПИ. № 184. Л., 1956. С. 5–14.

70-летие проф. М.А. Шателена. Старейший представитель русской электротехнической мысли // Электричество. 1936. № 24. С. 38–39.

Смелов В.А. К истории гидротехнического факультета. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1995. Ч. 1. 1907–1917 гг. 170 с.

Соболев Г.А. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.; Л., 1966. 171 с.

Чествование проф. М.А. Шателена в Петрограде // Электричество. 1923. № 12. С. 648–649.

Шателен М.А. Двадцать пять лет назад // Электричество. 1945. С. 21–23.

Шателен М.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, д. 3927. Арх. СПбГПУ, д. 707, оп. 57.

Шателен М.А. Работы института по энергетике за XXX лет // Тр. ЛПИ. № 6. Л., 1947. С. 15–19.

Юбилейный сборник статей Кругжа электриков / Изд. НТ Кругжа электриков ЛПИ. Л., 1929. С. 1–9.

Ф.Ю. ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ

Академику Ф.Ю. Левинсону-Лессингу. К 50-летию научной деятельности // Тр. Петрограф. ин-та АН СССР. Вып. 6. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 491 с.

Белянкин Д.С. Академик Ф.Ю. Левинсон-Лессинг // Природа. 1935. № 1. С. 70.

Бурцев Г.В. Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 91–124.

Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66, № 6. С. 545.

Дмитрий Иванович Щербаков. Жизнь и деятельность. 1893–1966. М.: Наука, 1969. С. 269–273.

Журналы Соединенных заседаний электромеханического и кораблестроительного отделений Санкт-Петербургского политехнического института. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. Н.Н. Сторонкина.

Журналы заседаний Соединенных собраний технических отделений Санкт-Петербургского политехнического института. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. И.Л. Повха.

Кузнецов С.С. Крупный русский ученый Ф.Ю. Левинсон-Лессинг // Вестн. ЛГУ. № 5. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1948. С. 128–144.

Кузнецов С.С. Франц Юльевич Левинсон-Лессинг. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 30 с.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. // БСЭ. М.: Сов. энцикл., 1973. Т. 14. С. 237–238.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. I. Единая высшая школа. II. Дальнейшее развитие Политехнического института: Отд. отт. из “Известий Политехнического института императора Петра Великого”. Пг., 1915. Т. XXIII. 19 с.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Личное дело. Арх. СПбГПУ, ЛМИ, 1930 г., оп. 38, д. 230.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2000. № 1–4: ил.; 2001. № 1, 3–4.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. 423 с.

Соколов В.А., Кударенко В.Г. Академик Ф.Ю. Левинсон-Лессинг в Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1981. 80 с.

ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 3, д. 48, 49, 52; оп. 25, д. 7, л. 82–84.

ЦГИА СПб., ф. 478, оп. 15, д. 11, л. 256–257.

Д.П. РУЗСКИЙ

Былое. Голодные годы: 1920–1921 // Вест. РАН. 1996. Т. 66, № 6. С. 536–537.

[*Гагарина М.Д.*] Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина / Составлен его вдовой М.Д. Гагариной, посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам I-го Политехнического института. [М.], 1927 (машинописная рукопись). Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарина, 55 с.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2000. № 1–4: ил.; 2001. № 1, 3–4.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Михайлов Г.К. Профессор Д.П. Рузский: Биогр. очерк // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1997. № 3.

Никольский Б.И. Русские масоны и революция. Изд-во “Терра”, 1990. 199 с.

Протоколы Соединенного общего собрания факультетов. 1919. № 11. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Рузский Д.П. Кинематика машин. Л.: Гос. изд-во, 1924.

Санкт-Петербургский политехнический институт: Юбил. сб. / Об-ние С.-Петерб. политехников. Париж; Нью-Йорк, 1958. № 2. 215 с.

Смелов В.А. К истории гидротехнического факультета. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1995. Ч. 1. 1907–1917 гг. 170 с.

ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 2, д. 5475, л. 36; д. 5665, 5668; оп. 3, д. 48, 49, 51, 65, 66, 237, 252, л. 33; д. 518, л. 30; оп. 12, д. 587, л. 16–17, 31, 38, 40.

Чеканов А.А. Виктор Львович Кирпичев. 1845–1913. М.: Наука, 1982. 176 с.

Л.В. ЗАЛУЦКИЙ

Бурцев Г.В. Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 91–124.

Залуцкий Л.В. Введение в теорию ампер-весов. Л.: Лениздат, 1945. 102 с.

Залуцкий Л.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1938 г., оп. 44, д. 1502.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. 863 с.

Ленинский сборник. М.: Изд-во полит. лит., 1980. Т. XXXIX. 496 с.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Б.Е. ВОРОБЬЕВ

Воробьев Б.Е. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1913–1942 гг., д. 942.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. 244 с.

Менишуткин Б.Н. История С.-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Приказы по ЛПИ. Арх. СПбГПУ, 1941–1942 гг.

Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957.

ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 2, д. 5628; оп. 3, д. 18, 19, 66.

А.А. БАЙКОВ

А.А. Байков. К 70-летию со дня рождения. Л.; М., 1940. 24 с.

Байков А.А. // БСЭ. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 2. С. 533.

Байков А.А. 25 лет Политехническому институту им. М.И. Калинина // Товарищ. 1927. 15 окт.

Байков А.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, оп. 45, д. 291.

Байков А.А. Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 1. 592 с.; 1952. Т. 2. 344 с.

Баймаков Ю.В. В Петроградском политехническом // Дмитрий Иванович Щербаков. М.: Наука, 1969. С. 121–126.

Бурцев Г.В. Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 91–124.

Документы Особой строительной комиссии. Журнал № 13. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, д. 1.

Евдокимов В. Мысли вслух // Товарищ. 1926. 23 мая.

Кинд В.В. О работах академика Байкова в области вяжущих веществ (цементов) // Тр. ЛПИ. № 4. Л., 1947. С. 88–94.

К 70-летию академика А.А. Байкова // Политехник. 1940. 19 окт.

Макареня А.А., Поздышева В.А. А.А. Байков // Выдающиеся ученые Ленинградского университета. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2000. № 1–4: ил.; 2001. № 1, 3–4.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. 423 с.

Сборник статей, посвященный 30-летию профессорской деятельности академика А.А. Байкова. Л.; М.; Свердловск: Металлургиздат, 1934. 69 с.

Соболев Г.Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.; Л.: Наука, 1966. 171 с.

Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957.

Тумарев А.С. А.А. Байков – выдающийся металлург и химик. М., 1954. 88 с.

ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 398.

Шагинян М. Портрет академика А.А. Байкова // Новый мир. 1943. № 7–8. С. 114–118.

П.А. КОБОЗЕВ

Аудитории пролетарского вуза широко открыты для рабочей и крестьянской молодежи // Товарищ. 1929. 7 авг.

Билик В.П., Минеев В.И. Петр Алексеевич Кобозев // Революционеры, вожаки масс. Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 92–119.

За классовую чистоту и четкость // Товарищ. 1929. 14 марта.

Кобозев П.А. // БСЭ. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1973. Т. 12. 353 с.

Кобозев П.А. Фотограмметрия. Конспективный курс проективной геометрии. М., 1940. Ч. 1.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Об управлении ЛПИ // Товарищ. 1929. 28 февр.

Реввоенсовет нас в бой зовет. М.: Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1967. С. 13–58.

Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 352 с.

Хасанов К.Х. П.А. Кобозев (1878–1941). Ташкент: Узбекистан, 1979. 111 с.

ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 19, д. 32, 33; оп. 20, д. 194; оп. 25, д. 7, 8.

Чистка партийных рядов института начинается сегодня // Товарищ. 1929. 15 сент.

Чистов Б.Н., Жохов М.А. Посланец партии: Очерк военно-политической деятельности П.А. Кобозева на Восточном фронте (1918–1919). М.: Воениздат, 1980. 158 с.

А.Я. ШУМСКИЙ

Жертвы репрессий. Киев: Юринформ, 1993. С. 276.

Меншуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея, 160 с.

На общеполитинститутской студентческой конференции: Речь тов. Шумского // Товарищ. 1929. 24 окт.

Наш новый ректор // Товарищ. 1929. 15 сент.

Речь т. Шумского на общеполитинститутской конференции // Товарищ. 1929. 24 окт.

ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 25, д. 7, л. 150.

Шумский А. Опыт интернациональной работы (Кременчугский комсомол). М.: ОГИЗ – Молодая гвардия, 1932. 48 с.

Я.Х. ДАВТЯН

Давтян Я.Х. // Дипломатический словарь: В 3 т. 4-е изд. М.: Наука, 1984.

Давтян Я.Х. Как будет реорганизован ЛПИ // Газ. Электромех. ин-та. 1930. 6 апр.

К назначению ректором ЛПИ // Товарищ. 1930. 6 февр.

Меншуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института. 1917–1930 гг. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, 160 с.

Очерки истории Российской внешней разведки. 1917–1933 гг. М.: Междунар. отношения, 1996. Т. 2. 271 с.

Приказы по Ленинградскому машиностроительному институту. Арх. СПбГПУ, 1930–1931 гг., д. 148, 203-б, 368-д.

Г.Я. ШРЕЙБЕР

Арх. СПбГПУ, ф. Металлург. ин-та, 1935 г., оп. 44, д. 4851.

Глауберман О. От Политехнического к Индустриальному // Индустриальный. 1934. 7 нояб.

Очистим город Ленина от остатков царской челяди, от охвостья помещиков и капиталистов // Индустриальный. 1935. 26 марта.

Тр. Урал. индустриал. ин-та им. Кирова / Под ред. Г.Я. Шрейбера. М., 1936. № 1.

ЦГА ИПД, Материалы парт. арх. ЛПИ им. М.И. Калинина, ф. 1728, оп. 1, д. 199806.

П.А. ТЮРКИН

- Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, д. 148.
Биржевые ведомости. 1902. 4 сент.
Ленинградское дело. Страницы истории. Л.: Лениздат, 1990.
Мордасов И.Д. Политехники в Великой Отечественной войне: Учеб. пособие / ЛПИ. Л., 1984.
Приказы по институту. Арх. СПбГПУ, 1941 г.
Тр. ЛПИ. № 1 (42) / Под ред. П.А. Тюркина. Л., 1941.
Тюркин П.А. Готовить квалифицированные и культурные кадры // Индустриальный. 1936. 31 марта.
Тюркин П.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1933–1941 гг., оп. 45, д. 4868. ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 74, л. 17, 220.

В.Г. ЕВДОКИМОВ

- В депутатской группе ЛИИ // Индустриальный. 1937. 28 марта.
Глауберман О. Наш Лесной // Индустриальный. 1936. 26 нояб.
Евдокимов В. Истории первых дней. Приветствие юбиляру // Индустриальный. 1936. 9 мая.
Евдокимов В.Г. Личное дело. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.
Евдокимов В.Г. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1937 г., д. 1343.
Евдокимов В. Мысли вслух // Товарищ. 1926. 23 мая.
Индустриальный. 1936. № 44, 61, 98; 1937. № 70–73, 86.
Несколько вопросов к дирекции института // Индустриальный. 1937. 1 дек.
Петровский Д. В высшей технической школе // Индустриальный. 1936. 17 окт.
Покончить с гнилым либерализмом // Индустриальный. 1937. 4 окт.
Распоряжение по Главному управлению учебными заведениями НКТП // Индустриальный. 1936. 26 июня.
Смелее ликвидировать последствия вредительства в институте // Индустриальный. 1937. 13 окт.
Устинович. О не порядках в студенческом городке // Индустриальный. 1937. 22 сент.
ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 203, л. 19; д. 226.

П.Л. КАЛАНТАРОВ

- Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ, оп. 62, д. 342, 344, 345, 3466, 358/352, 364, 369.
Воспоминания К.С. Стефанова. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.
В Совете Народных Комиссаров Союза ССР // Индустриальный. 1937. 16 нояб.

Калантаров П.Л. Личное дело. Арх. СПбГПУ, оп. 51, д. 232.

Калантаров П.Л. Наши перспективы на 1946 год // Политехник. 1946.

1 янв.

К сборнику “Высшая школа за 30 лет”. 1946. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Материалы к заседаниям Совета ЛПИ за 1937/38, 1938/39, 1939/40 учебные годы. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Миткевич В.Ф., Шателен М.А. Профессор П.Л. Калантаров — заместитель директора по научно-учебной части // Индустриальный. 1936. 26 февр.

Нейман Л.Р. Выдающийся ученый, организатор высшего технического образования // Политехник. 1944. 15 нояб.

П.Л. Калантаров [Некролог] // Политехник. 1951. 10 дек.

Протоколы Совета ЛПИ за 1943–1944 гг., г. Ташкент. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Протоколы Совета ЛПИ за 1946 год. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Тарасов В.С. Может быть, еще что-нибудь спросите? // Политехник. 1989. 17 января.

Шателен М.А. Памяти друга // Политехник. 1951. 15 дек.

К.В. НОВИКОВ

Алексеев А., Марголин Д., Ясеновец П. На Электромеханическом факультете без перемен // Индустриальный. 1937. 21 дек.

Ликвидировать последствия вредительства на автотракторной специальности // Индустриальный. 1937. 10 окт.

ЛПИ им. М.И. Калинина: Материалы к справ. “Высшие учебные заведения в СССР”. 1947. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Новиков К.В. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1937 г., оп. 44, д. 3061, л. 10–12.

ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 226, л. 430.

С.А. СМЕРНОВ

Индустриальный. 1938. № 67, 70, 71.

Протоколы заседаний Ученого совета ЛПИ. 1940 г. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Смирнов С.А. Выросли мы в пламени. Записки военного комиссара. Л., 1976. 152 с.

Смирнов С.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1940 г., оп. 45, д. 4427.

Смирнов С.А. Орденоносец. За высокие академические показатели // Индустриальный. 1939. 17 дек.

Смирнов С.А. Я видел товарища Сталина на фронте // Индустриальный. 1938. 24 дек.

Смирнов Сергей Антонович // Индустриальный. 1938. 9 июня.

ЦГА СПб., протоколы заседаний Совета ЛПИ, 1938 г., ф. 3121, оп. 22, д. 398, л. 301, 349, 398, 431; д. 728.

В.А. ВАЙНЕР

Вайнер В.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1964 г., оп. 120, д. 112.

Владимир Александрович Вайнер [Некролог] // Политехник. 1964. 24 дек.

Гурьев В.П. Ленинградский Политехнический институт в дни блокады. 1947. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Гурьев В.П. [Некролог] // Тр. ЛПИ. Л., 1964. С. 106–107.

Приказы по ЛПИ. Арх. СПбГПУ, 1941–1942 гг.

С.А. СЕРДЮКОВ

Дьяченко Л.Н. Школа блокадных дней // Политехник. 1997. 9 мая.

Приказы по институту. Арх. СПбГПУ, 1941–1944 гг.

Сердюков С.А. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1947 г., д. 353.

Сердюков С.А. Наши задачи // Политехник. 1944. 9 авг.

ЦГА СПб., ф. 3121, оп. 22, д. 1350, л. 2, 4–27; д. 1364.

В.Г. ПОДПОРКИН

Бурцев Г.В. Политехнический институт в первые годы советской власти (1918–1922) // Тр. ЛПИ. № 190. Л., 1957. С. 91–124.

Мильтейн Е.Л. Ленинградский политехнический институт в годы Великой Отечественной войны / ЛГТУ. Л., 1990. 83 с.

Мордасов И.Д. Политехники в Великой Отечественной войне: Учеб. пособие. Л., 1984. 72 с.

Подпоркин В.Г. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1934–1988 гг., оп. 280, д. 54.

Политехнический институт в годы блокады и эвакуации. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 207 с.

Приказы по институту. Арх. СПбГПУ, 1941–1942 гг.

К.Н. ШМАРГУНОВ

Акт приемки и сдачи дел ЛПИ. 1951, 12 июня. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Без огонька / Студенты В. Баранов, Л. Крок, Т. Буймова и др. // Политехник. 1951. 10 февр.

Владимиров А. С трибуны партийного собрания. Быть патриотом советской техники // Политехник. 1947. 13 сент.

Закон движения вперед // Политехник. 1951. 3 апр.

За полное восстановление института // Политехник. 1946. 23 мая.

За серьезную, глубокую работу // Политехник. 1947. 19 апр.

Звягинцев И. Путь в науку // Политехник. 1947. 8 дек.

Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологической дискуссии в советской науке. 1947–1952 // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1997. № 4. С. 26–58.

Ленинградское дело. Л.: Лениздат, 1990, 120 с.

ЛПИ им. М.И. Калинина: Материалы к справ. “Высшие учебные заведения в СССР”. 1947. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

План участия факультетов в восстановительных работах 1946 года // *Политехник*. 1946. 23 мая.

Пучков М. Воспитание молодого советского специалиста // *Политехник*. 1949. 20 янв.

С трибуны партсобраний // *Политехник*. 1947. 5 июня.

Шмаргунов К.Н. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1946–1951 гг., оп. 51, д. 642.

А.Ф. АЛАБЫШЕВ

Алабышев А.Ф. Важное условие технического прогресса // *Творческое содружество науки и производства: Сб. ст. М.: Изд-во ВЦСПС, 1952. 160 с.*

Алабышев А.Ф. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1983 г., оп. 255, д. 9.

Воспоминания профессора, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР В.Г. Хорошайлова. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Из истории Ленинградского ордена Ленина политехнического института. 1899–1989 / Сост. Н.П. Гербылева, Н.И. Диденко, К.П. Селезнев и др.; Отв. ред. Ю.С. Васильев; ЛПИ. Л., 1989. 87 с.

Краткие справочники для поступающих в институт в 1951, 1953, 1955 году / ЛПИ. Л., 1951, 1953, 1955.

Лебедев Н.С. Опыт творческого сотрудничества ученых ЛПИ с работниками промышленности / ЛПИ. Л., 1951.

Натрий и калий / А.Ф. Алабышев, К.Я. Грачев, С.А. Зарецкий, М.Ф. Лантратов; Под общ. ред. А.Ф. Алабышева. Л.: Госхимиздат, 1959.

Политехник. 1951. 3 авг., 10 сент., 31 дек.; 1952. 30 июня; 1954. 24 мая; 1983. 25 окт. и др.

Положение о научно-исследовательской работе студентов высших учебных заведений. Положение о конкурсе на лучшую студенческую научную работу / ЛПИ. Л., 1954.

Приказы по ЛПИ за 1951–1953 гг. № 653, 658, 954, 1120, 1190. Арх. СПбГПУ.

Протоколы заседаний Ученого совета ЛПИ (1951–1955 гг.). Арх. СПбГПУ.

В.С. СМИРНОВ

Из истории Ленинградского ордена Ленина политехнического института. 1899–1989 / Сост. Н.П. Гербылева, Н.И. Диденко, К.П. Селезнев и др.; Отв. ред. Ю.С. Васильев / ЛПИ. Л., 1989. 87 с.

Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института с его основания до Октябрьской революции. 1899–1917 гг. // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 2000. № 1–4: ил.; 2001. № 1, 3–4.

Пластическая деформация металлов. М.: Металлургиздат, 1960. Т. 1–3.

Политехники: выдающиеся ученые, основатели научных школ и направлений. Физико-металлургический факультет / Под ред. А.В. Кузина; СПбГТУ. СПб., 1994. 54 с.

Смирнов В.С. В творческом содружестве // Пром.-эконом. газ. 1957. 23 июля.

Смирнов В.С. Институт и Совнархоз // Ленингр. правда. 1959. 9 июля.

Смирнов В.С. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1973 г., оп. 181, д. 468.

Смирнов В.С. На высшую ступень // Комс. правда. 1956. 19 февр.

Смирнов В.С. На переднем крае семилетки // Нева. 1959. № 8.

Смирнов В.С. Нужно уметь не только мечтать // Смена. 1953. 26 нояб.

Смирнов В.С. Обработка металлов давлением. М.: Машгиз, 1960.

Смирнов В.С. Советская наука движется вперед // Веч. Ленинград. 1953. 13 авг.

Смирнов В.С. Сорок дней в Китае. Л.: Лениздат, 1959.

Смирнов В.С. Теория прокатки. М.: Металлургиздат, 1960.

Современные достижения прокатного производства: Тр. Межвуз. конф. / ЛПИ. Л., 1958.

Тр. ЛПИ им. М.И. Калинина (материалы по истории института). № 6. Л., 1947; № 1, 4. 1948; № 1. 1949; № 339. 1974.

К.П. СЕЛЕЗНЕВ

Боевой путь воинских формирований Политехнического института в годы Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.Г. Манчинский; СПбГТУ. СПб., 1993. 116 с.

Гаухман Я. Любимый командир // На чеку. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ.

Гурьев В.П. Участие института в борьбе против немецко-фашистских захватчиков // Ленинградский политехнический институт в дни блокады / ЛПИ. Л., 1947. С. 16–17.

Измайлов Р.А. Ученый, личность, гражданин // Политехник. 1995. 21 нояб.

Константин Павлович Селезнев: Краткий биографический очерк // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1995. № 2. С. 6–9.

Мильштейн Е.Л. Боевой путь профессора // Политехник. 1970. 1 июня.

Некоторые проблемы энергомашиностроения: Сб. науч. тр. СПбГТУ / Редкол.: Ю.С. Васильев, Ю.П. Волков, Р.А. Измайлов (отв. ред.). СПб., 1995. 73 с.

Памяти Константина Павловича Селезнева // Политехник. 1998. 17 сент.

Петров В. В содружестве с Академией // Веч. Ленинград. 1978. 19 окт.

Селезнев К.П. Итоги 1981/82 учебного года и основные задачи коллектива в 1982/83 учебном году // Политехник. 1982. 6 окт.

Селезнев К.П. Личное дело. Арх. СПбГПУ, 1998 г.

Селезнев К.П. Личное дело и фонд. Арх. Ист.-техн. музея СПбГПУ; Арх. кафедры “Компрессоростроение”.

Селезнев К.П. Об опыте подготовки кадров и развитии научных исследований в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина // Вестн. АН СССР. Отд. отд. М.: Изд-во АН СССР, 1979. 9 с.

Селезнев К.П. Ответственность ученых вузов за сохранение уровня и развитие отечественной науки и техники // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1995. № 2. С. 9–15.

Ю.С. ВАСИЛЬЕВ

Васильев Юрий Сергеевич // Мелуа А.И. Инженеры С.-Петербурга: Энцикл. М.; СПб.: Гуманистика, 2003. С. 168.

Васильев Юрий Сергеевич // Профессора Санкт-Петербургского государственного технического университета. Биографический справочник. 1999 год / Н.П. Гербылева, И.В. Журавлева, Т.Н. Исынова, Л.А. Моторина и др.; Под ред. Н.П. Гербылевой. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. Ч. I. С. 157–160.

Васильев Юрий Сергеевич // Ректоры России. М. С. 32 (Интеллектуальный фонд России).

Васильев Ю.С. // Большой энциклопедический словарь. М., 1993. С. 195.

Васильев Ю.С. // Кто есть кто в высшей школе. М., 1992. Т. 2. С. 142.

Васильев Ю.С. // Кто есть кто в Санкт-Петербургской инженерной академии: Справ. СПб., 1993. С. 30.

Васильев Ю.С. // Кто есть кто в энергетике и России. СПб., 1995. С. 98.

Васильев Ю.С. Личное дело. Арх. СПбГПУ.

Васильев Ю., Виссарионов В. Энергия воды, энергия труда // Политехник. 1982. 22 нояб.

Вуз, который работает для Петербурга, страны и мира: Интервью с губернатором Санкт-Петербурга // Известия. 1999. 16 февр.

Дегтярева Р.В. Ученый совет. 1998–2003 гг. // Политехник. 2003. 26 нояб.

...И дольше века длится день: Интервью с президентом СПбГТУ, членом-корреспондентом РАН Ю.С. Васильевым // Известия. 1999. 16 февр.

Из истории Ленинградского ордена Ленина политехнического института. 1899–1989 / Сост. Н.П. Гербылева, Н.И. Диденко, К.П. Селезнев и др.; Отв. ред. Ю.С. Васильев; ЛПИ. Л., 1989. 87 с.

Кандидат в действительные члены РАН по Отделению физико-технических проблем энергетики РАН по специальности «Энергетика» Васильев Юрий Сергеевич // Справки-аннотации на кандидатов в действительные члены РАН и члены-корреспонденты РАН (Выборы 2000 года).

Михайлов К. Бог в помощь! // Политехник. 1994. 30 мая.

Невский В. Об эмоциях и компетентности // Политехник. 1988. 22 июня.

Политехник. 1999. № 4–5, 17 февр.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет – историко-культурный архитектурный памятник: Справ. книга / Сост. Н.П. Гербылева. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2002. 162 с.

Санкт-Петербургский государственный технический университет. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998. 47 с.

СПбГТУ (ЛПИ) – организатор студенческих строительных отрядов: Очерки. Воспоминания. Размышления. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998. 162 с.

Тропольская О. Малую планету назвали «Политехником» // Политехник. 2002. 7 июня.

Шитарев В.И. Из выступления вице-губернатора Санкт-Петербурга В.И. Шитарева на конференции научно-педагогических работников и представителей других категорий работников и обучающихся СПбГПУ 30 сентября 2003 года: Стеногр. отчет / Арх. СПбГПУ.

Юрий Сергеевич Васильев (к 70-летию со дня рождения). СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 53 с. (Выдающиеся ученые СПбГТУ. Вып. 3).

М.П. ФЕДОРОВ

Конференция научно-педагогических работников и представителей других категорий работников и обучающихся Санкт-Петербургского государственного политехнического университета по избранию ректора 30.10.2003: Стеногр. отчет / Арх. СПбГПУ.

Федоров Михаил Петрович // Профессора Санкт-Петербургского государственного технического университета. Биографический справочник. 1999 год / Н.П. Гербылева, И.В. Журавлева, Т.Н. Исыанова, Л.А. Моторина и др.; Под ред. Н.П. Гербылевой. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. Ч. II. С. 984–986.

Федоров М.П. Инженерная экология – наука будущего // Политехник. 1999. 20 окт.

Федоров М.П. Личное дело. Арх. СПбГПУ.

Федоров М.П. Об итогах и планах // Политехник. 2000. 19 сент.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Исторические названия Санкт-Петербургского государственного политехнического университета	8
Директора-ректоры Санкт-Петербургского государственного политехнического университета	9
ГАГАРИН Андрей Григорьевич (<i>Гербылева Н.П.</i>)	11
ПОСНИКОВ Александр Сергеевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	53
МЕЩЕРСКИЙ Иван Всеволодович (<i>Нагибина А.Г.</i>)	69
СКОБЕЛЬЦЫН Владимир Владимирович (<i>Исьянова Т.Н.</i>)	83
РАДЦИГ Александр Александрович (<i>Журавлева И.В.</i>)	97
ШАТЕЛЕН Михаил Андреевич (<i>Исьянова Т.Н.</i>)	113
ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ Франц Юльевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	129
РУЗСКИЙ Дмитрий Павлович (<i>Моторина Л.А.</i>)	147
ЗАЛУЦКИЙ Леонид Васильевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	163
ВОРОБЬЕВ Борис Евдокимович (<i>Моторина Л.А.</i>)	175
БАЙКОВ Александр Александрович (<i>Моторина Л.А.</i>)	187
КОБОЗЕВ Петр Алексеевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	205
ШУМСКИЙ Александр Яковлевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	215
ДАВТЯН Яков Христофорович (<i>Моторина Л.А.</i>)	223
ШРЕЙБЕР Георгий Яковлевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	231
ТЮРКИН Петр Андреевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	239
ЕВДОКИМОВ Василий Григорьевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	249
КАЛАНТАРОВ Павел Лазаревич (<i>Смирнова А.А.</i>)	261
НОВИКОВ Кирилл Васильевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	271
СМИРНОВ Сергей Антонович (<i>Моторина Л.А.</i>)	277
ВАЙНЕР Владимир Александрович (<i>Моторина Л.А.</i>)	287
СЕРДЮКОВ Сергей Андреевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	293
ПОДПОРКИН Виктор Григорьевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	305
ШМАРГУНОВ Константин Николаевич (<i>Моторина Л.А.</i>)	317
АЛАБЫШЕВ Александр Филисофович (<i>Нагибина А.Г.</i>)	329
СМИРНОВ Василий Сергеевич (<i>Иванов В.П.</i>)	343
СЕЛЕЗНЕВ Константин Павлович (<i>Журавлева И.В.</i>)	361
ВАСИЛЬЕВ Юрий Сергеевич (<i>Вишняков-Вишневецкий К.К., Гербылева Н.П.</i>)	377
ФЕДОРОВ Михаил Петрович (<i>Гербылева Н.П.</i>)	405
Примечания	422
Библиографический список	440

**Санкт-Петербургский
государственный политехнический университет
в XX—начале XXI века**

Исторические очерки о его руководителях

Под редакцией *Н.П. Гербылевой*

Технический редактор *А.И. Колодяжная*
Корректоры: *О.В. Махрова, Л.Л. Никифорова*
Компьютерная верстка *С.В. Горячевой*

Директор Издательства Политехнического университета *А.В. Иванов*

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Налоговая льгота— Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3005 — учебная литература

Подписано в печать 21.04.2005. Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,75. Уч.-изд. л. 28,75. Тираж 250. Заказ 693.

Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет. Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации
университетов России.

Адрес университета и издательства:
195251, Санкт-Петербург, Политехническая, 29.